80 коп. Индекс 70544

Гор. **КОСТРОМА.** Вид на Волгу с набережной.
Пожарная каланча (1823—1826). Беседка Островского (начало XIX в.).

1990 6 * МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

АЛЕКСАНДР ТРИФОНОВИЧ ТВАРДОВСКИЙ

К 80-летию со дня рождения

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

МГ 1990 6

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ

Основан в 1922 году

Москва, ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

В НОМЕРЕ:

Первая страница обложки журнала: рис. И. Андреевой.
Четвертая страница обложки журнала: фото В. Давыдова.

«Молодая гвардия», 1990, № 6, 1—288

Наш адрес:

125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а.
Телефоны редакции: для справок — 285-88-58; 285-56-90; отдел прозы — 285-80-15; отдел поэзии — 285-88-40; отдел очерка и публицистики — 285-80-26; отдел критики — 285-80-14; отдел «Товарищ» — 285-89-66; отдел писем — 285-80-16.

ТРИБУНА ПУБЛИЦИСТА

Вадим ЦЕКОВ

«Несколько раз русская нация временно находилась под игом захватчиков-татар, приблизительно на протяжении двух столетий, и в течение более коротких периодов времени — со стороны шведов и тевтонов, Наполеона и Гитлера. Но она неизменно... в должное время громила завоевателей».

Питирим Сорокин

КООПЕРАТИВНОЕ ИГО

Не знаю, кто как, а я лично уже целиком и полностью был на стороне тех прогрессивно настроенных современников, которые денно и нощно ратуют за кооперативное движение. А как же иначе? — рассуждал я. Кооперативы — это чудесно! Это и качество, и экономия, и высший сервис! И не только в перспективе, но уже и сегодня. Ибо ничего нет приятней, скажем, в выходной день отправиться всей семьей не в какое-то там засиженное мухами государственное предприятие, а в сияющее кооперативное кафе.

Но, конечно, бывают, как и в каждом большом, новом и нужном деле, некоторые накладки.

Вот, к примеру, как-то в субботу захожу я с домашними в столичное кооперативное кафе театрально-культурного центра имени М. Н. Ермоловой, то бишь в бывший общедоступный общепитовский «Марс», а навстречу мне председатель кооператива

В. Гладышев со сладчайшей улыбочкой: мол, заходи, любезный, попотчую!

— Вот решились, — объясняю, — зайти к вам... Да еще есть надежда и сэкономить маленько...

— Извините, — говорит председатель, — но у нас ни на чем вы не сэкономите.

— Это ж почему? — спрашиваю в некоторой растерянности.

— А потому как, скажем, свининка у нас по три с полтиной порция...

— Помилуйте! — восклицаю я. — Да ведь на трешницу в магазине напротив можно купить полтора кило свинины!

Но председатель артельщиков не поддержал моих экономически обоснованных выкладок и начал вдохновенно вещать об обширной программе местных театрально-культурных мероприятий. О том, как однажды их официально посетили именитые драматурги М. Шатров, А. Гельман, а также примкнувший к ним А. Буравский и культурно расписались чем-то темным на совсем белой стене.

Выпорхнули мы из очага культуры на улицу Горького и прямехонько в кафе «Аист», известное в кооперативных кругах.

Руководитель «Аиста» В. Мороча снисходительно предложил нам фирменное мясное блюдо — пять рублей порция.

— Ничего, ничего! — задорно воскликнул я, когда мы оказались на улице. — Не одним «Аистом» сыт человек!

И мы взяли курс на кооперативную «Лазанию», дислоцированную на улице Пятницкой.

— Милые, милые вы наши люди! — сердечно произнес зам. председателя питательной точки Г. Аракелов. — Телятинкой можем вас побаловать: рублей за семь порция... Ну а если вы не такие уж гурманы, то ограничьтесь мозгами за четыре двадцать... Впрочем, можете взять почки «Леонардо» — недорого, всего два шестьдесят порция.

Что верно, то верно — в сравнении с другими строчками меню это просто ласкало взгляд. Судите сами:

Телятина по-милански — 6 р.
Телятина с лимоном — 6 р. 50 к.
Телятина с шампанским — 6 р. 80 к.
Телятина с коньяком — 7 р. 15 к.
Грибы жареные — 5 р.

И никакого намека: сколько ж телятинки или грибков подадут тебе за эти немалые, прямо скажем, трудовые рублики? Может, сто граммов, а может, тридцать? Словом, мы не стали тревожить почки неизвестного нам Леонардо. Мир праху его! И поспешили в кооперативное кафе «Дом на Тверской» — клуба по науке, искусству, литературе. Очень уж хотелось полакомиться тамошней европейской кухней! Однако мы — в дверь, а она на запоре. Что делать? Неужто, думаю, конкуренты-кооператоры ведомственную ревизию накликали? На всякий случай все же нажал кнопку звонка. Дверь распахнулась, на пороге возник зав. производством «Дома» В. Комаров. Он популярно разъяснил, что теперь здесь не общедоступная государственная забегаловка и доступ к столам имеют только действительные члены клуба «НИЛ». К примеру, известнейший Евгений Евтушенко, знаток Москвы и изящных искусств Юрий Нагибин и другие не менее достойные люди.

Для них и европейские блюда припасены. Скажем, поджарка «по-тверски» всего за 9 рублей 74 копейки...

После такого мини-экскурса в гастрономию и культуру В. Комаров откланялся, и дверь мягко затворилась.

Видно, на этот раз день выпал невезучий. Потому как и на Старом Арбате поесть вкусно и по приемлемой цене не удалось. Хотя сотрудница павильона от кооперативного кафе «Арбатское бистро» М. Мурашкина любезно предложила нам шашлык по цене 1 рубль 95 копеек за сто граммов:

— В нашем кооперативе еще совсем по-божески... — сказала Мария Игнатьевна.

В этот день червячок заморили мы совсем неплохими свеженькими государственными пирожками.

Но прояснить для себя состояние вопроса с кооперативами общественного питания на данном витке нашего, без сомнения, поступательного развития я решил до конца. Дай, думаю, зайду в трест столовых Фрунзенского района города Москвы.

— Кооперативы, по моему мнению, развращают людей! — неожиданно для меня спокойно и уверенно сказала зам. начальника отдела сводной отчетности треста О. Новикова.

— Как это? — удивился я.

— А так, что за ту же работу на государство человек получает в три раза меньше. Кроме того, нынешние кооперативы активно способствуют имущественному и идеологическому расслоению в обществе.

Не успел я и слова промолвить в защиту артельных предприятий, как в разговор вступила уже зам. главного бухгалтера треста Ф. Ларионова.

— Все верно, — сказала она. — В застойный докооперативный период кафе «Марс», которое было рядом с Театром Ермоловой, давало ежеквартальную прибыль около 40 тысяч рублей. И там можно было вполне прилично поесть в пределах рубля. Теперь на его месте кооперативное кафе так называемого театрально-культурного центра — с рублем там делать нечего. А в доход государства за иной квартал кооператоры перечисляют... всего-то полторы тысячи рублей. И вообще на улице Горького не осталось ни одной общедоступной столовой!.. А возьмите тот же кооператив «Дом на Тверской», которому Фрунзенский райисполком охотно предоставил помещение бывшего гособщепитовского кафе «Ритм». Среднеквартальный товарооборот этого кооператива ныне составляет 37,5 тысячи рублей. В доход же государству им перечисляется ежеквартально примерно 600 рублей...

«Что-то уж слишком тенденциозно, — подумал я. — И чересчур обобщающе...»

Но едва я повстречался с начальником отдела развития сети предприятий общественного питания столичного Главобщепита Л. Барановой, как она тут же продолжила начатую тему. Оказывается, развитие государственного сектора общепита в столице остается острой проблемой: обеспеченность населения общедоступной сетью питания составляет 23,6 места на 1000 жителей. Функционирующие же ныне в системе Главобщепита 127 кооперативов ничего путного в сложившуюся ситуацию не привнесли. Многие кооперативные кафе привольно расположились на месте доступных по ценам, рентабельных, приносящих доход государ-

ственных предприятий общественного питания. В Москве таких кооперативов около 60 процентов.

«Это, наверное, у них у всех зависть воспылала!.. — мелькнула у меня мысль. — Несомненно, вспыхнула зависть!.. Ведь не случайно в одной из центральных газет однажды растолковывалось, что зависть мелкого собственника к более крупному была даже одной из движущих пружин революции».

А между тем начальник отдела Л. Баранова уже перешла к перечислению кооперативов общественного питания, созданных без какого-либо согласования с Главобщепитом. Так, в 1987 году в соответствии с решением исполкома Моссовета по просьбе дирекции Московского театра драмы и комедии на Таганке Главобщепиту пришлось передать кафе по улице Верхней Радищевской, 19/3, на баланс театра. Предполагалось, что кафе будет работать как государственное предприятие питания на полном хозяйственном расчете и само собой, естественно, улучшит культурное обслуживание зрителей. Однако дирекция театра с легкостью неимоверной передала помещение под кооператив.

А ведь какие радужные, восторженные рулады-заверения на сей счет изначально излагал в своем официальном письме на имя председателя исполкома Моссовета В. Сайкина директор театра Н. Дупак:

«...Дирекция театра считает целесообразным передать здание кафе на баланс театра, где мы организуем театральный клуб «Друзья театра». Инженерные коммуникации, которые являются общими с театром, будут обслуживаться работниками театра. Технологическое оборудование здания позволит обеспечить работу предприятия общественного питания для обслуживания сотрудников театра в дневное время, зрителей — во время спектаклей, членов клуба — во время проведения клубной работы. Мы планируем организовать предварительные заказы мест для зрителей, которые приобрели билеты в театр и после окончания спектакля могли бы посетить клуб-кафе. Учитывая, что в один вечер наш театр может принять в трех помещениях около 1,5 тысячи человек, нет сомнения, что в вечерние часы предприятие будет работать интенсивно, а проведение интересных клубных мероприятий, в том числе литературно-музыкальных программ, концертов с участием артистов театра, камерных творческих вечеров, бенефисов, читок пьес, позволит создать на базе театра общественную организацию, объединяющую постоянный круг любителей театра. Постоянными членами этого клуба уже дали согласие стать коллективы Первого московского часового завода, строительного треста Мосжилстрой, 23-й клинической больницы и других предприятий Таганского района. Задачами нашего клуба будут — пропаганда театрального искусства, формирование художественно-эстетических вкусов, воспитание зрительской культуры. Клуб «Друзья театра», безусловно, сможет со временем оказать влияние на культурную жизнь нашего района, взяв на себя организацию и проведение массовых мероприятий и других форм организации досуга. Развитие форм творческой и деловой активности представляется нам крайне своевременным, и театр убедительно просит исполком Моссовета поддержать наше начинание».

Чем же завершилось это вдохновенное многообещающее заверение директора театра Н. Дупака в весьма важном «начинании» — читатели уже знают...

Аналогичная история произошла с кафе «Марс», до недавнего времени процветавшим по улице Горького, 5, о котором уже шла речь. По настоятельной просьбе руководства Театра имени М. Н. Ермоловой исполкомом Моссовета было принято решение о передаче кафе для организации театрально-культурного центра. Но, несмотря на обещание дирекции театра открыть государственное театрально-литературное кафе для обслуживания населения и гостей столицы, в помещении площадью 869 квадратных метров, ранее занимаемом «Марсом», вольготно обосновались кооператоры.

— Неоднократные же наши проверки, — продолжила Л. Баранова, — свидетельствуют, что многие кооперативы допускают различные нарушения: приобретают в государственных магазинах дефицитные товары, допускают разгул в ценообразовании, не ведут необходимую документацию. Потому-то из-за нарушения финансовой дисциплины, санитарного режима и прочих грубейших упущений закрыты кооперативы «Апшерон» в Бабушкинском, «Кузьминки» в Волгоградском, «Бериги» в Ворошиловском, «Луч» в Октябрьском, «Кавказская кухня» в Первомайском, «Фантазия», «Ассоль» в Перовском районах столицы. К тому же без согласования с Главобщепитом под покровительством руководства театров Сатиры и имени Маяковского в буфетах этих театров работал кооператив «Ока» Серпуховского райпотребсоюза. При проверке Главобщепитом зрительских буфетов были установлены грубейшие нарушения санитарных правил, низкая культура обслуживания посетителей: работник кооператива мыл посуду... в туалете, реализуемые пирожные были кислыми... Только после вмешательства Главобщепита возобновили работу государственные буфеты.

Слушал я, слушал начальника отдела Л. Баранову, а сам уже начал думать: «Неужели в самом деле такие досадные явления имеют место в столичных кооперативах?» И потому, как только вышел из здания Главобщепита, сразу же позвонил заместителю министра внутренних дел СССР генерал-лейтенанту внутренней службы Н. Демидову.

— Если бы только в столичных кооперативах подобное творилось!.. — последовал ответ Николая Ивановича.

И он порекомендовал мне повстречаться со специалистом по кооперативам, заместителем начальника отдела Главного управления БХСС подполковником милиции Б. Терещенко.

И вот я сижу перед Борисом Леонидовичем. И выявилось тут такое море колоритнейших фактов из жизни современных сверхпредприимчивых кооператоров.

— Обстановка, складывающаяся на местах, — сказал Б. Терещенко, — свидетельствует, что негативные явления характерны для деятельности весьма многих кооперативов. В них активно проникают различные дельцы и лица, ранее совершившие преступления, скомпрометировавшие себя как рвачи и нарушители правил торговли. А некоторым из них даже удалось стать председателями кооперативов.

Тут же Борис Леонидович познакомил меня со списком председателей столичных кооперативов, которые ранее привлекались к различного рода уголовной и административной ответственности. Председатель кооператива «Солнышко» Солнцевского района Р. Арутюнян, к примеру, до этого был привлечен к ответственности за нарушение правил о валютных операциях и подделку докумен-

тов. Председатель кооператива «Салют» Севастопольского района Н. Салахетдинов — за сопротивление работнику милиции. Председатель кооператива «Куры-Гриль» Первомайского района Ю. Тамбиев — за дачу взятки и подделку документов. Председатель кооператива «Бистро» Киевского района А. Мвмедов — за нарушение правил паспортной системы. Председатель кооперативв «Встреча» Дзержинского района А. Худларов — за изнасилование. Председатепь кооператива «Уют» Тимирязевского района В. Габринян — за обман покупателей...

А какой милый букетик махровых «цветочков» составился в кооперативе «Союз» Калининского района столицы! Председатель О. Байдык привлекался к ответственности за торговлю с рук в неустановленном месте. А члены этого кооператива: И. Кукцев — за изготовление и сбыт порнографических предметов, В. Кукцев — за хищение государственного имущества, кражи, подделку документов, похищение документов, Г. Шабанова — за хищение государственного имущества, должностной подлог, Л. Самусенкова — за кражу...

Не менее колоритная компания подобралась и в коопервтиве «Кулинар» Пролетарского района столицы. К уголовной ответственности ранее привлекались его члены: С. Бенецкий — за хищение государственного имущества и должностной подлог, В. Бенецкий — за обман покупатепей, С. Киселев — за изнасилование и заражение венерической болезнью. Вот такие кулинары...

«Некоторые досадные кадровые накладки тут, безусловно, были допущены...» — мысленно констатировал я для себя.

— Широкое распространение, — продолжал вводить меня в курс Б. Терещенко, — приобрели факты использования кооперативов для прикрытия скупки и перепродажи с целью наживы продовольствия, сбыта похищенного и других форм извлечения нетрудовых доходов. По данным Госкомстата СССР, стоимость только учтенных товаров, приобретенных в первом полугодии 1988 года кооперативами общественного питания в государственной и кооперативной торговле, превысила 53 миллиона рублей. Для чего покупают? Председатель кооператива питания «Встреча» Северо-Казахстанской области в разных регионах страны закупал яблоки и халву — якобы для нужд кооперативов. А в действительности перепродавал их, сдавая в потребкооперацию по ценам в 2,5 раза выше закупочных. Нетрудовой доход — свыше 50 тысяч рублей. В Кировской области председатель кооператива «Ширак», скупив на складе отделения Песковского орса свыше ста килограммов мяса, в тот же день сдал его в заготконтору города Омутнинска по двойной цене. А председатель кооператива «Южный» при Сасовской конторе общественного питания Рязанской области перепродал на рынках Баку и Архангельска и сдал в коопторг 15 тонн картофеля и 3 тонны лука, закупленных в совхозе и колхозе по цене, в два-три раза меньше продажной. Были задержаны с поличным работники Кунцевского оптово-розничного плодоовощного объединения, которые пытались сбыть в кооператив «Серпуховская застава» 13 мешков похищенного сахара и две бочки яблочной подварки.

Контакты работников БХСС со сверхпредприимчивыми возделывателями кооперативной нивы уже позволяют выявить некоторые тревожные тенденции, распространенные виды преступлений в кооперативах общественного питания. Это, в частности, хищение

полученных в банках ссуд, присвоение выручки и паевых взносов. Так, в Перми председатель кооператива «У камина» из полученных в банке тридцвти тысяч рублей растратил двадцать. В неуемном рвении к обогащению он занижал зарплату членам кооператива, а бесплатно полученное от государства оборудование продавал другим кооперативам общепита. В Армянской ССР председатель кооператива общепита «Нор-Харбери» — кстати, ранее трижды судимый — получил в банке ссуду — 15 тысвч рублей, присвоил ее и пытался скрыть хищение, списав ущерб на порчу продуктов при транспортировке. Председатель же сочинского кооператива «Мечта» путем махинаций со счетами официантов и паевыми взносами присвоила более четырех с половиной тысяч рублей.

Но, пожалуй, наиболее острый общественный резонанс вызывают сверхдоходы кооператоров, полученные за счет реализации по произвольным ценам продуктов, чаще всего дефицитных — мяса, масла, сахара и других. Где же они их берут? Да в торговле, на предприятиях агропрома. Приобретают в больших количествах, нередко оптом. А реализуют через кооперативы с наценкой в 300 процентов, а то и больше. Вряд ли надо доказывать, что перекачка продуктов из государственных складов в подсобки кооперативов продовольственную проблему решить не поможет. А вот скомпрометировать новое дело может — цены в кооперативах в 3—5 раз выше, чем на такую же продукцию в государственном общепите.

— Подобный уровень цен, — сказал Борис Леонидович, — позволяет кооператорам получать высокие доходы без существенных затрат труда. Нагрузка на одного кооператора в среднем втрое ниже, чем на работника государственного общепита, а зарплата у него почти во столько же раз выше. Это данные Минторга СССР. Кооперативное кафе «Уют» в Саратовской области, к примеру, систематически закупало в торговле икру и шоколад, а затем продавало их заводским рабочим по ценам, в 2—3 раза выше государственных. В карельском кооперативе «Росинка» почти 70 процентов оборота составила реализация пива, скупленного в торговле. Московским же хлебозаводом № 12 по розничным ценам отпущено кооперативному кафе «Сластена» 700 килограммов сливочного масла и три тонны сахарного песка. А кондитерско-булочный комбинат «Выхино» отпустил кооперативу «Восточный» свыше 1250 килограммов арахиса, шоколадной массы, мускатного ореха и других продуктов — всего на сумму около четырех тысяч рублей. Эти продукты продавались населению с наценкой в 200—300 и более процентов...

Конечно же, слышать обо всем этом было весьма и весьма прискорбно... А между тем Б. Терещенко приводил все новые и новые факты, иллюстрирующие деятельность кооперативов на данном этапе. Например, во всех проверенных точках по продаже шашлыков в районе московской кольцевой автодороги указанное блюдо, реализовавшееся в антисанитарных условиях, продавалось по цене 20—25 рублей за килограмм. В Таллинне начальник цеха полуфабрикатов по просьбе председателя кооперативного кафе «Викинг» оформил по документам отпуск мяса на сумму тысяча рублей в один из магазинов госторговли, а фактически передал его в кооператив. В Краснодарском крае члены кооперативов «Иль», «Теремок» и «Волна», скупив в опытно-производственном

хозяйстве «Рассвет» 30 тонн мяса по 2 рубля 60 копеек за килограмм, реализовали его по 14 рублей за килограмм.

Установлено немало случаев, когда государственная монополия на продажу спиртного делегируется кооперативам общественного питания. Об этом МВД СССР информировало Министерство торговли СССР. Однако обстановка остается неблагополучной. В Челябинской области, например, пресечена деятельность «шинкарей», обосновавшихся в кооперативе «Салют», которые, по предварительным данным, получили от таких сделок наживы на 14 тысяч рублей. Одновременно они занимались самогоноварением. А всего за два месяца работы кооператива «Визави» в городе Дзержинске Донецкой области от продажи алкоголя им получено незаконного дохода 2,3 тысячи рублей. При проверке же кооператива «Восход» Бабушкинского района столицы в подсобном помещении обнаружено водки — 17 бутылок, коньяка — 10 бутылок, шампанского — 10 бутылок, сухого вина — 11 бутылок. А в подсобке кооператива «Гулиста» Свердловского района столицы для наркоманов было припасено 8 литров чачи.

Размышляя над этими фактами, я с некоторым замешательством подумал: ну, как тут объяснить неискушенному в экономике рядовому едоку, где кооперация, а где спекуляция?.. А Терещенко разъяснял — в большинстве кооперативов бухгалтерский учет и контроль в лучшем случае ведется примитивно, в худшем — его нет совсем. Потому-то очень трудно защитить интересы покупателей. Трудно, а подчас просто невозможно определить, где и как приобретают продукты кооператоры. К примеру, из проверенных 74 столичных кооперативов общественного питания в 59 выявлены грубейшие нарушения финансово-хозяйственной деятельности: или полностью отсутствуют какие-либо документы, или отсутствуют закупочные акты на приобретаемые продукты, или закупочные акты имеются, но в них не указана цена на приобретенную продукцию, точные данные поставщиков... И так далее и тому подобное.

Выяснились также весьма неблаговидные факты — членами кооперативов по принципу вторичной занятости становятся должностные лица государственных торговых предприятий. «Совместители» используют служебное положение для снабжения родных кооперативов фондовым сырьем, создают им режим наибольшего благоприятствования. Так, по указанию директора ресторана Центрального Дома литераторов имени А. Фадеева Г. Алешечкина, являвшегося одновременно председателем кооперативного кафе «Дом на Тверской», в сей кооперативный дом было направлено 100 килограммов форели, поступившей целенаправленно для ресторана... Кооператив же «Снежинка» при Октябрьском тресте столовых и ресторанов Минска основную часть продовольственных товаров — колбасу, сосиски, соки, шоколад, вино — бесцеремонно закупает в магазинах, где работают его члены. И потому-то этих товаров нет в магазинах в свободной продаже населению.

Режим благоприятствования кооперативам общепита усугубляет дефицит оборудования на государственных предприятиях. Так, кооперативу «Радуга» (Таганский район столицы) предоставили помещение, в котором раньше было государственное предприятие общественного питания. Предварительно его отремонтировали на средства треста столовых, затратив 89 тысяч рублей. Отчислила же «Радуга» в госбюджет за второе полугодие 1987 года 1864 рубля,

за первое полугодие 1988 года — 5458 рублей. Стоимость основных средств, переданных кооперативу, — более ста тысяч рублей. А за пользование оборудованием кооператив выплачивает тресту столовых ежемесячно всего лишь 240 рублей 37 копеек...

Кооперативу «Фантазия» (Октябрьский район столицы) комбинат питания Центрального парка культуры и отдыха имени Горького передал помещение, где ранее были кулинария и кафе. Накануне — читатель уже догадался — помещение отремонтировали за счет комбината. Обошлось это в 72 тысячи рублей. «Презентовал» комбинат кооперативу и новое высокопроизводительное технологическое оборудование, часть которого закуплена в Швеции и Италии. В госбюджет кооператив отчисляет 200—300 рублей в месяц. Поневоле задумаешься: чем же объяснить щедрость «попечителей»? Остродефицитные и дорогостоящие импортные электроприборы передали кооперативному кафе трест столовых и объединение Торгтехника. Кафе, созданное в Бауманском районе столицы, называется «Разгуляй». Может, некоторые тресты уже тоже заслужили право на такое собственное имя.

Характерным примером одного из способов приобретения кооперативами технологического оборудования может служить путь, по которому пошел кооператив «Байкал» (Тушинский район столицы). Оборудование кооперативу было выделено Московским производственным объединением Торгтехника на основании письма столовой института Гидропроект имени С. Я. Жука. Письмо оформлено на бланке института Гидропроект с указанием номера расчетного счета, с которого гарантировалась оплата заказа, принадлежащего кооперативу «Байкал» (№ 461103 в Тушинском отделении Жилсоцбанка Москвы). Счета на оплату перечисленного оборудования были выписаны на Гидропроект, но оплату произвел кооператив «Байкал», сделав исправление в графе «Грузополучатель». Всего же кооперативом было получено дефицитного оборудования на сумму свыше 7,5 тысячи рублей, которое крайне необходимо для работы столовой. Таким образом, система государственного общественного питания лишается части основных средств, в том числе и высокопроизводительного оборудования, что приводит к снижению качества обслуживания посетителей и уменьшению прибыли.

Возможность получения необоснованно высоких доходов, сохраняющийся на местах облегченный подход к формированию кадрового состава кооператоров, отсутствие надлежащего взаимодействия в этом вопросе с компетентными государственными, в том числе правоохранительными органами способствуют проникновению в среду кооператоров случайных лиц. Потому-то сплошь и рядом работающие в кооперативах не имеют профессиональной подготовки и не владеют элементарными знаниями в области санитарии и гигиены.

Все мы надеялись, что с развитием кооперации появится множество милых, уютных местечек, где можно будет быстро и недорого перекусить, приятно провести вечер. Увы, реальность развеяла эти мечты. Не так уж много появилось новых посадочных мест. А что касается уюта...

— Устанавливая высокую входную плату, — рассказывает Борис Леонидович, — некоторые кооперативные кафе превращаются в места избранной клиентуры, в них собираются преступники и дельцы, прожигающие нетрудовые доходы, проститутки, валютчики и

фарцовщики. Здесь нередко происходят противоправные сделки, ведутся азартные игры и распространяются наркотические вещества. К тому же в последнее время получает распространение вымогательство денег с кооператоров представителями преступного мира (рэкет). Деньги вымогаются под угрозой уничтожения имущества кооператоров, причинения вреда их здоровью либо путем предоставления услуг по «охране» от других вымогателей...

Информация представителя МВД СССР была, мягко говоря, гнетущей.

— И в чем же причина происходящего? — поинтересовался я.

— В слабости и неэффективности контроля за ценообразованием и другими аспектами финансово-хозяйственной деятельности кооперативов, в недостаточности экономических санкций за сокрытие доходов. От контроля за кооперативами фактически самоустранились аппараты Госторгинспекции, а также государственные организации и предприятия, при которых созданы эти хозяйственные единицы. Из-за маломощности не могут обеспечить действенный контроль и финансовые налоговые инспекции...

— Где же выход? — спросил я и тут же осекся... В конце концов дело милиции ловить жуликов, а исправлять перекосы в кооперативном движении, заботиться о том, чтобы оно не стало питательной средой для теневой экономики, — дело экономистов. Впрочем, только ли экономистов? А где законы наши? И какие они? Но вот приятный сюрприз — оказалось, что я ошибся. Проанализировав негативные тенденции в развитии кооперативного сектора, МВД СССР подготовило ряд предложений к проекту законодательного акта о налогообложении и других экономических отношениях кооперативов с государством. Вряд ли стоит перечислять их. Отмечу лишь главную мысль — надо создать равные условия для работы кооперативного и государственного секторов экономики, надо обеспечить равноправие в получении доходов по труду независимо от того, где люди работают — в кооперативе или на государственном предприятии. В том числе и путем строгого соответствия роста зарплаты росту производительности труда. И конечно же, надо прежде всего установить одинаковые цены в кооперативах и госсекторе.

Такой подход кажется мне весьма здравым и вполне соответствующим принципам социальной справедливости и концепции социалистического правового государства. Жаль, конечно, что не нашлось у нас умных голов раньше, когда готовился закон о кооперации. Иначе бы они подсказали законодателям, если те сами о том не знали, что разрешить кооператорам взвинчивать беспредельно цены при всеобщем дефиците и бесконтрольности — есть не что иное, как очередная провокация, не уступающая, возможно, даже указу о снесении в свое время с лица земли так называемых «бесперспективных» русских деревень. И в самом деле. Многие кооператоры при таком положении вряд ли будут заниматься общественно-полезным трудом. Ведь гораздо удобнее перепродавать то, что изготовлено или хранится на государственных предприятиях. Для этого порой достаточно только поменять этикетку или ценник.

Подобных дельцов становится все больше и больше, и нет гарантии, что вскоре кооперативная орда не станет перепродавать втридорога все государственные изделия, все продукты питания, все, что выращено на наших полях и в наших садах. Как обогатят-

ся при этом за счет нас одни, и каково придется, да уже и приходится, честным людям, живущим только на государственную зарплату. Зная о том, ох как хочется, чтобы побыстрей реализовались наши помыслы и была пресечена узаконенная спекуляция! Ну а пока, как говорится, суд да дело, посмотрим, к каким печальным итогам деятельности кооперативов мы пришли не только на поприще общественного питания...

С мая 1988 года, когда кооперация получила правовую базу, ее деятельность характеризовалась стабильно ускоренным ростом числа кооперативов в сфере производства товаров народного потребления и оказания различных услуг населению. Динамику развития производственной кооперации можно проиллюстрировать следующими данными:

Дата	Всего зарегистрировано кооперативов (в тыс. ед.)	Из них приступило к работе (тыс. ед.)	Численность занятых в них граждан (млн.)	Объем выручки от реализации товаров (млрд.)
1.01.88 г.	24,3	13,9	0,152	0,35
1.01.89 г.	135,6	77,5	1,35	6,06
1.01.90 г.	250,5	210,5	4,5	40,0 (в том числе населению 7,0 млрд. руб.)

За два года численность действующих кооперативов увеличилась в 15 раз, занятых в них граждан в 29,5 раза (из них до 85 процентов лица трудоспособного возраста). Объем выручки кооперативов от реализации товаров и услуг за тот же период возрос с 350 миллионов до 40 миллиардов рублей, что превзошло самые смелые прогнозы экономистов.

Вместе с тем существующее несовершенство системы законодательного и подзаконного регулирования, отсутствие единства в организационных подходах к проблемам кооперации, зачастую узковедомственный подход не позволили в полной мере раскрыть потенциальные возможности этой формы хозяйствования. В деятельности кооперации обнажились существенные перекосы и извращения, приняли широкое распространение негативные явления и правонарушения.

В характере общественной опасности корыстных преступлений в кооперативном секторе экономики прежде всего обращает на себя внимание их динамика. За 1989 год органами внутренних дел выявлено почти 8 тысяч преступлений, или в 5,2 раза больше, чем в 1988 году. А уровень преступности (число выявленных преступлений на 10 тысяч лиц, занятых в кооперации) за 1989 год возрос на 64,3 процента.

Органами внутренних дел пресечено в кооперации 2,6 тысячи хищений государственного или общественного имущества. Из них каждое третье — в крупных и особо крупных размерах, ущерб от которых составил 18,4 миллиона рублей. Факты хищений, в том

числе кооперативного имущества, в размере от 10 тысяч до 8 миллионов рублей выявлены в городах Москва и Ленинград, Армянской и Украинской ССР, Алтайском и Краснодарском краях, Новосибирской, Куйбышевской, Пермской областях и ряде других регионов страны.

Особую тревогу вызывают многочисленные факты подкупа должностных лиц госпредприятий и учреждений, банковских, финансовых и контролирующих органов за создание благоприятных условий для деятельности кооперативов. Так, за неоднократное получение взяток за выделение ссуд кооператорам к длительным срокам лишения свободы осуждена группа финансовых работников из девяти человек во главе с управляющим Армянской республиканской конторой Сбербанка СССР.

Только в 1989 году в кооперации выявлено более 250 фактов взяточничества, что в 6,5 раза больше, чем в 1988 году. Понятно, что эти данные далеко не полностью отражают фактическое положение дел.

Потому-то деятельность торгово-закупочных, коммерческих и посреднических кооперативов, численность которых за два года увеличилась почти в 20 раз, советскими людьми однозначно и справедливо связывается с невиданным расширением спекуляции, разжиганием ажиотажного спроса, ростом дефицита товаров. Лишь за 1989 год в кооперативном секторе экономики страны выявлено 749 фактов уголовно наказуемой спекуляции, что почти в 5 раз превышает аналогичные показатели 1988 года. Только за полгода спекулятивный оборот пермского кооператива «Звук», к примеру, превысил 1 миллион 690 тысяч рублей, а нажива от перепродажи — 168 тысяч рублей. У спекулянтов, действующих под прикрытием этого кооператива, изъято товаров и денег на 1 миллион рублей.

Необходимо отметить еще, что многие кооперативы грубо нарушают порядок ценообразования, используют «договорные» цены и тарифы в тех случаях, когда законодательство прямо указывает, что они должны устанавливаться централизованно. Например, тбилисский кооператив «Курьер XXI» реализовал партию сапожек женских, импортных по цене 800 рублей за одну пару, при государственной розничной цене 110 рублей. Общая сумма незаконно полученного кооперативами дохода, подлежащая перечислению в бюджет, — свыше 8 миллионов рублей. Выгодное дельце, по сообщению заместителя министра финансов Латвийской ССР М. Скулте, провернули и современные ловкие предприниматели, действующие под вывеской Рижского экспериментального молодежного центра «Форум». Только по одному из контрактов они обязались поставить зарубежной фирме 7 кораблей весом 6971 тонна стоимостью 522 825 долларов, 6 подводных лодок весом 6200 тонн стоимостью 589 000 долларов США. Это всего-то по полмиллиарда стоят 7 кораблей или 6 подводных лодок? Выходит меньше, чем по 100 тысяч долларов за штуку. Что-то слишком дешево... Но дороже как бы и нельзя. Ведь Рижский экспериментальный молодежный центр «Форум» начал поставлять иностранцам боевые суда... под видом металлолома. Узнав об этом, задаешься вполне резонными вопросами... Кто дает разрешение на подобные сделки? В какие верхи удалось проникнуть «Форуму»? За какие такие «заслуги» он получил право торговать подводными лодками и кораблями? Надо полагать, следствие ответит на эти

вопросы. И не получится ли после него, что у скандально известного кооператива «АНТ» есть зловещий преемник!

Нельзя не обратить внимание и на безудержную перекачку денег кооператорами и с их помощью из безналичной формы в наличную зачастую с последующим присвоением, что в свою очередь в определенной степени усиливает инфляционные процессы. Так, в январе — феврале 1990 года Главным управлением БХСС МВД СССР вскрыты вопиющие факты, когда томскому кооперативу «Байт», состоящему из четырех человек, за взятки в сумме свыше 150 тысяч рублей, переданные должностным лицам сбербанка, было выдано наличными 10 миллионов рублей, из них более четырех миллионов рублей похищено и растрачено.

Только в 1989 году на счета кооперативов в банках страны было перечислено различными предприятиями и организациями, а затем получено кооператорами наличными деньгами 20,6 миллиарда рублей. Возвращено же наличными лишь 1,7 миллиарда рублей (8,2 процента). Выявлено более 1,2 тысячи фактов уклонения кооператоров от подачи деклараций о доходах.

И опять же среди основных факторов, способствующих преступности в кооперации, необходимо выделить несоответствие отдельных норм уголовного законодательства негативным явлениям, происходящим в этой сфере экономики, дефекты хозяйственного регулирования этого вида деятельности, пробелы в применении законов со стороны правоохранительных и контролирующих органов. К тому же противоправные деяния кооператоров во многом являются следствием крайне слабого контроля за их деятельностью со стороны исполкомов местных Советов народных депутатов, несоблюдения законодательных норм в министерствах и ведомствах, неудовлетворительной работой налоговых инспекций...

Вот и получается, что под вывесками кооперативов, в которых вроде бы все равны, вопросы решаются сообща, правление подотчетно коллективу и так далее, сплошь и рядом скрываются шайки преступников, извлекающие баснословные нетрудовые доходы. Эта прогрессивная форма хозяйствования, открывающая, несомненно, большие возможности для деловых, предприимчивых и честных людей, все чаще оказывается очень удобной для деляг, преступников, которые кооперативную демократию и экономическую самостоятельность ловко используют для грабежа и хищений — как нож, пистолет или отмычку. Короче, прибрав к загребущим рукам золотые жилы под лозунгами кооперативной демократии, патроны артелей заботятся лишь о том, чтобы сама демократия существовала исключительно лишь у них на языке.

С той же целью, с какой скоробогатые дельцы прошлого покупали дворянские гербы и титулы, нынешние отцы — основатели кооперативов ищут ко всему еще и знакомства с именитыми поэтами, художниками, писателями, артистами, народными депутатами, наводят мосты к министерствам и ведомствам, братаются с журналистами. Дело не только в «решпекте», в тщеславном желании выйти в свет. Завязав знакомства и связи «наверху», отцы-основатели стараются выжать из них все. Из служителей муз и печати, а также из парламентариев формируются в надежное лобби для их защиты от правосудия. Сгустилась, например, гроза над кем-либо из кооперативных воротил — тут же должны встревожиться авторитетные «друзья» и взяться хлопотать за «честнейшего и заслуженного человека». И кооперативные мультимиллионеры —

ворюги незамедлительно находят мощную, всестороннюю поддержку и опеку.

Кстати, о том, кто и почему отстаивает монополию кооператоров, рассказывалось и в статье «Кривая орбита», опубликованной недавно в газете «Советская Россия». В ней, в частности, говорилось: «...Телезрители не могли не заметить, как депутат А. Собчак вразумлял аудиторию по поводу законности предлагаемых кем-либо мер пресечения нарушений в кооперации. Страсти до того накалились, что В. Тихонов не выдержал, взял слово и произнес: «Даже в этом зале я слышу, как при выступлении депутата А. Собчака раздаются возгласы, полувопросы: а за сколько купили кооперативы Собчака?» Сказано с осуждением: какие, мол, у зав. кафедрой юрфака ЛГУ, доктора наук, профессора А. Собчака могут быть дела с кооперативами? Но ведь известно: А. Собчак в свое время возглавлял кооператив «Юридическая помощь» и читал лекции от другого кооператива по договору. По нашим данным, совсем не на общественных началах. Ему до сих пор приходится отвечать на вопросы земляков об отношениях с кооперативом...»

Или вот такой пример.

Весьма уютные гнездышки уже успели свить себе нынешние кооператоры-хваты под крышей Советского детского фонда. По утверждению министра финансов СССР В. Павлова, деятельность многих этих кооперативов не соответствует целям и задачам Детского фонда. Так, к примеру, кооператив «Ель» занимается в основном добычей, переработкой и реализацией леса, а также строительством газопроводов малого давления, торгово-закупочной, посредническо-снабженческой и другой подобной деятельностью. И вот из полученного этим кооперативом только за девять месяцев чистого дохода в сумме 203 тысячи рублей перечислено Детскому фонду лишь 13 тысяч рублей. Между тем на оплату труда кооператоров направлено 192 тысячи рублей. В том числе пяти членам кооператива 72 тысячи рублей (среднемесячный заработок составил 1600 рублей) и 22 работающим в кооперативе по договорам — 120 тысяч рублей (среднемесячный заработок составил около 600 рублей). А кооперативу «Абак» в результате махинаций с платежными документами Детским фондом произведена незаконная оплата невыполненных проектных и строительных работ на сумму 41 тысяча рублей. Анализ же 10 кооперативов, организованных при Детском фонде, показал, что из чистого дохода в общей сумме 2,4 миллиона рублей Детскому фонду перечислено лишь 256 тысяч рублей. А на оплату труда кооператоров направлено 1,5 миллиона рублей. При этом кооперативы «Семья», «Улыбка», «Медицина и репродукция», «Сириус», чистый доход которых в общей сумме составил 346 тысяч рублей, отчислений Детскому фонду вообще не производили. В то же врвмя среднемесячные заработки в кооперативах, созданных при Советском детском фонде и занимающихся организацией концертной и тому подобной деятельностью, составляют три тысячи рублей и более. Короче, воистину пиявки-кооператоры присосались и к детским телам! И действуют они уверенно под прикрытием благороднейшего порыва общественности к милосердию, благотворительности и заботе об обездоленном детстве.

И как же среагировали на выявленные ревизорами вопиющие факты грубейших финансовых нарушений и злоупотреблений в

Советском детском фонде его высокопоставленные руководители? Очень даже своеобразно... Едва ревизоры-финансисты прикоснулись к бухгалтерским документам Детского фонда и министр финансов СССР В. Павлов позволил себе информировать руководство Совмина СССР о результатах проверки, а также высказал соображение о целесообразности «довести изложенную информацию по сведениям Президиума Верховного Совета СССР или соответствующих комиссий и комитетов», как тут же последовала мощная ответная реакция... Председатель правления Советского детского фонда имени В. И. Ленина, член Верховного Совета СССР писатель А. Лиханов, его заместители по правлению, а также примкнувшие к ним некоторые народные депутаты СССР и должностные лица разных ведомств, включая даже секретаря ВЦСПС В. Мишина, направили в высшие инстанции на имя М. Горбачева и Н. Рыжкова пространную челобитную-посланьице, объемом в четырнадцать машинописных страниц. И обильно нашпиговали эту челобитную броскими фразами универсального применения. Например, такими... Облыжным, мол, является обвинение в том, что средства на содержание аппарата правления нашей скромной организации расходуются расточительно... И вообще, мол, весь акт проверки пронизан необъективностью, желанием укоротить всякую инициативу и нормальное прогрессивное развитие... Истина, мол, перевернута с ног на голову!.. Не ревизорам ли, мол, знать, не ревизорам ли ведать, не ревизорам ли понимать... Категорически опровергаем какой-то злой умысел, который усматривают проверяющие... Непонимание сути, возможно, и извинимо, но разве простительно, когда, берясь судить о малознакомом для себя деле, ревизоры демонстрируют социвльную неготовность, некомпетентность, закрывают глаза на весьма содержательную сторону нашей работы... Категорически отвергвем подавляющее большинство претензий и к расходовению валютных средств... Ведь всякий разумный человек понимает и должен понимать... Так имеют ли, мол, ревизоры-финансисты право бросать нам упрек в неэффективности нашей деятельности?.. Дайте нам спокойно работать, избавьте нас от контролеров с копеечным мировоззрением!.. И так далее, и тому подобное...

А завершая послание, подписавшие его призвали к совести и самих высочайших адресатов. Мол, если на пятом году перестройки мы удивляемся тому, что и тут плохо, и там нехорошо, то почему же все безошибочно и успешно должно быть в благотворительном фонде?..

И тут же сразу в челобитной сделан глубокий элегантный реверанс перед сильными мира сего и следует взывание к высочайшему их милосердию, великодушному всепрощению и гуманизму. Мол, что касается справедливых замечаний ревизоров — а они носят весьма частный характер и вовсе «не тянут» на столь высокий уровень обобщения, — то уж, пожалуйста, поступите благородно и доверьтесь нашему коллективному, человеческому, прогрессивному и профессиональному опыту!..

И опять же в заключение авторы челобитной нанесли мощнейший удар под дых зловредным ревизорам-финансистам, доставившим так много волнения, и окончательно решили забить их ногами. Мол, добрые идеи перестройки, увы, находят своих противников в самых разных обличьях. И, дескать, схватить за руки, напугать проверкой, ошарашить субъективной жалобой, научить

оглядываться по сторонам — это ведь тоже средства торможения, увы, слишком хорошо известные всем нам...

И вот я спрашиваю вас, достойнейшие сограждане: разве подобная словообильная демагогическая челобитная-посланьице «наверх», увенчанная известными фамилиями с высокими титулами и званиями, не очевиднейшая попытка взять под защиту проштрафившихся кооператоров и прочих предпринимателей-ловкачей? Разве это не попытка создать зону, закрытую для критики? И не явное ли это стремление создать касту неприкасаемых дельцов?

С другой стороны, отцы-основатели кооперативов демонстрируют завидную мобильность, оставляя далеко позади буксующую машину правосудия. Технология отработана: как только дело начинает «пахнуть керосином», кооператив распускается, документация уничтожается. И тут же создается новый кооператив, иногда даже с прежним названием. И механизм хищений включается снова...

Так вместе со священной кооперативной собственностью стали неприкосновенными и дельцы, воры, прохиндеи, на которых, казалось бы, и клейма негде ставить.

Ну а что же сам Союз объединенных кооперативов СССР? Какую он и его руководители занимают позицию при подобной вакханалии преступлений в нынешних так называемых кооперативах и вокруг них? О чем они пекутся? Чем озабочены?

О, забот у них, у кооперативных правителей, превеликое множество! И прежде всего стремление всегда и везде во что бы то ни стало оградить своих сотоварищей — особо предприимчивых и крайне энергичных кооператоров — от обличения, разоблачения и тем более от вполне заслуженного водворения в зарешеченный каземат.

Вот как, к примеру, искусно сформулировал на сей счет свою мысль на февральской чрезвычайной конференции Союза объединенных кооперативов его президент В. Тихонов: «Наступление на кооперацию не случайность, не недомыслие, не вина отдельных личностей. Это добротно обдуманная программа. Идет поиск конкретного врага — виновника всех катаклизмов, на которого можно направить людей. Если раньше таким врагом были евреи, космополиты, то теперь им стала кооперация...»

И, как на съезде московских кооператоров, президент СОК, народный депутат СССР В. Тихонов призвал артельщиков начать кампанию гражданского неповиновения, по возможности — недопущение проверок и невыполнение следующих за ними санкций, агитацию против противников кооперации во время предвыборной кампании.

А выступивший тут же на чрезвычайной конференции Союза объединенных кооперативов СССР председатель Московского союза кооперативов А. Федоров затронул печально известную историю с кооперативом «АНТ», руководители которого были схвачены за руку, бесцеремонно отмежевался от него и заявил, что это вовсе и не кооператив, а «государственно-монополистическое объединение». И потому, мол, никакой ответственности мы за оскандалившихся на весь мир кооператоров-рвачей не несем.

Что же касается заслуженного, известного и не менее речистого «прораба перестройки» народного депутата СССР Г. Попова, то он в своем кратком выступлении на чрезвычайной конференции был непривычно лаконичен, по-научному безапелляционен и дал

характеристику нынешнему состоянию кооперации «как одной из основ будущего общества».

На первый взгляд, можно подумать, что приведенные выше слова, в частности, предводителя кооператоров В. Тихонова — обычная защита чести мундира. Он ведь не раз, по свидетельству газеты «Советская Россия», устно и печатно подчеркивал бескорыстный характер своей общественной деятельности. А между тем, по утверждению той же газеты, лишь посредством гомельского кооператива «Спутник» народный депутат СССР, президент СОК В. Тихонов получил более восьми тысяч рублей... Известна и его подстрекательская поездка с вице-президентом СОК А. Тарасовым к забастовщикам Воркуты. А теперь вот на недавней чрезвычайной конференции Союза объединенных кооперативов страны прозвучал еще и призыв к созданию политических организаций кооперативов. Больше того, к созданию так называемой политической партии кооператоров — партии свободного труда...

Вице-президент СОК А. Тарасов (именно тот А. Тарасов, в кооперативе которого, по свидетельству печати, на зарплату четырех его членов, включая и самого председателя, было выписано более семи миллионов рублей), говоря о необходимости политизации кооперативного движения, тоже высказался за создание партии свободного труда. Правда, по его мнению, кооператоры сами пока не смогут создать свою политическую партию, и поэтому он предложил поддержать финансами межрегиональную депутатскую группу, чья платформа, по сути, близка свободным предпринимателям. Выступивший же вслед за ним на той же чрезвычайной конференции Союза объединенных кооператоров депутат Верховного Совета СССР А. Мурашов также отметил тесную связь СОК и МДГ и также предложил желающим оказать материальную поддержку создающейся партии.

Тут, правда, надо отметить, что, говоря о «кооперативном лобби», имеется в виду подобная деятельность не только в нашем парламенте. Легко обнаруживается она и в среде журналистов. Ведь без труда можно назвать издания, да и поименно журналистов, которые сразу поднимают шум и гам по поводу тех или иных правительственных решений, если они направлены на пресечение злоупотреблений в кооперации. Ларчик открывается просто. И журналисты, и ученые, и другие представители нашей славной интеллигентной элиты, получая в кооперативах деньги, часто немалые, смотрят на тот или иной регулирующий документ прежде всего через призму собственных интересов. И не потому ли упорно маскируют свои финансовые связи с кооперативами?

Итак, кто же они, эти наши современные кооператоры? Предприниматели или обыкновенные жулики — авантюристы? И такая ли кооперация нам нужна, которая с молотка пускает за рубеж национальные богатства, сверхдефицитные материалы и вообще позволяет обогащаться, не производя почти ничего? И ко всему еще готовит нам в ближайшей перспективе не только экономическую, но и политическую кабалу — своеобразное кооперативное иго, — ориентируясь на откровенный демонтаж социальных завоеваний трудящихся. Впрочем, было у нас уже и татаро-монгольское иго, и нашествие иезуитов, и Наполеон, и Гитлер на наше добро зарились... Да только ни у кого из них ничего из задуманного не получилось. Есть уверенность: сумеем обуздать и новоявленных оккупантов от кооперации.

ПОЭЗИЯ

Виктор **КОЧЕТКОВ**

МОИМ РОВЕСНИКАМ

* * *

Ровесники,
Фронтовики,
Солдаты!
Великой эпохи последний улов.
Вы ни в чем
Перед Родиной не виноваты.
Не хмурьте бровей, не вешайте,
другу, голов.

Ваша связь со временем
Глубже любых Байкалов.
За вашими судьбами
Не годы стоят, а века.
За всех нынешних
Сладкоголосых радикалов
И одного бы не дал фронтовика.

Пусть изощряются в ловких речах.
Пусть наживают
Политкапиталец.
Мир, как стоял на ваших плечах,
Так и стоит,
Поседевший страдалец.

Все меньше числом фронтовая семья.
Былое дымится,
Как рана сквозная.
Как вы постарели,
Фронтовые друзья,
Но подвиги ваши
Старенья не знают.

Рассказы о ваших делах на войне
Будут читаться как новые веды.
На четыре столетья хватит стране
Золотого запаса Победы.

Вы теперь вроде тех оренбургских орлов,
Что записаны
В книгу скудеющей жизни.
Не хмурьте бровей, не вешайте, други, голов.
Вы не старость державы,
Вы — гордость Отчизны.

СОЛДАТСКОЕ СЧАСТЬЕ

Солдатское счастье?
А что это такое?
Друзья обо мне говорят:
«Человек со счастливой судьбой».
А почему бы и нет!

Тысячи пуль мимо меня просвистели,
И только одна обожгла мне предплечье.
В сто городов я въезжал туристом и гостем
И только в десять городов с боями входил солдатом.

Шестьдесят зим я прозимовал в благоустроенной
квартире
И только три зимы промерз в окопной землянке.
Девяносто раз я был под весенним ливнем
И только девять раз под немецкими бомбами.

В сорока реках я омыл свое грешное тело
И только четыре реки форсировал с боем.
Девятьсот дней я провел в санаториях и Домах
творчества
И только девяносто дней в лагере военнопленных.

Четыреста раз я бывал на пирах и банкетах
И только четырнадцать раз на допросах в СМЕРШе.
Пятьсот раз меня водили на экскурсии и демонстрации
И только один раз водили меня на расстрел.

Пятнадцать лет я просидел в номенклатурных кабинетах
И только пятнадцать дней в лагерной одиночке.
Шесть раз меня принимали в партию
И только один раз исключали, да и то по ошибке.

Сколько раз друзья величали меня известным,
И только один раз я был назван пропавшим без вести.
Миллион шансов было у меня погибнуть на фронте
И только шанс выжить и победить.

И я выжил...
И я победил...
Человек со счастливой судьбой.

* * *

Чьи первыми это сказали уста
В самобичеванье жестоком,
Что нам уготована роль моста
Меж Западом и Востоком.

Мол, дело русского быть возницею,
Перевозить под сплошную овацию
С Востока на Запад госпожу Традицию,
С Запада на Восток госпожу Новацию.

Что надо, мол, благодарить судьбу
За то, что роль нам дана по силе,
За то, что на нашем славянском горбу
Чужие ценности переносили.

Не поглотила времен река
Ни русские страсти, ни русские споры.
Нет, господа, наши века
Не мостовые опоры.

Свое мы копили по пятаку,
В сибирскую даль за своим ходили.

Это к нашему материку
Восток и Запад мосты наводили.

Мы не искали на стороне
Духовности нашей основы.
Оно и сегодня в великой цене,
Округлое русское слово.

* * *

Трагическим время назвали не зря,
Все беды прописку у нас запросили.
Отмашистый, сабельный след Октября
Еще багровеет на теле России.

Как медленно сходит с лица чернота,
Как долго и трудно срастаются кости,
С какою оглядкою вновь доброта
Заходит в былые владения злости.

Казалось бы, что нам вчерашний бедлам?
Ведь нас привечает эпоха иная.
Но страхи гнездятся еще по углам
И корка еще не сошла кровяная.

ЦВЕТ ВРЕМЕНИ

Цвета пепла и цвета крови
Годы нашей советской нови.

Цвета леса взметенных флагов,
Цвета теса глухих спецлагов.

Цвета дыма дворцов сгоревших,
Цвета пепла руин старевших.

Цвета крови солдат убитых.
Цвета глины траншей размытых,
Цвета в крике распятых глоток,
Цвета пыли седых обмоток.

Цвета крови и цвета праха,
Цвета воли и цвета страха.

Клен осенний листву роняет,
Дуб столетний снимает митру.
Век двадцатый цвета меняет,
Обновляет свою палитру.

Чем закрасит он мир молчанья,
До сих пор не смеживший вежды?
Или черным цветом отчаянья,
Иль зеленым цветом надежды?

Иль, встревоженный на мгновенье,
Погрузится в беспечность снова
И сплошной пеленой забвенья
Позакрасит всю боль былого?

РОССИЯ. ВЕК XX

Год сорок пятый. Смоленщина.
Поле седое. Стужа.
— Что вы ищете, женщина?
— Могилу своего мужа.

Год девяностый. Смоленщина.
Поле в сумрак одето.
— Что вы ищете, женщина?
— Могилу своего деда.

Сергей ШУМСКИЙ

КРАСАВЕЦ И БАЙКАЛ

Повесть

Рис. Ю. Макарова

Прокопий Емельянович, прежде чем уезжать, зашел в стойло к Байкалу. Тот лежал в дальнем углу, но при появлении хозяина выкинул передние ноги и так сидел в собачьей позе, пукал — как из пулемета строчил.

— Ну, вставай, вставай, хватит вылеживаться, — Прокопий Емельянович пошарил рукой в кормушке, порадовался, что овес съеден дочиста, поднял лежавшее у стены ведро, выставил его за дверь.

На звон ведра Байкал отозвался нетерпеливым стоном, тяжело встал, нервно тряхнул хвостом.

— Да не буду я тебя поить, Андрюха вон напоит, овсеца даст, иди поглажу, ну...

Со двора слышно было, как Андрюха управлялся в загоне, простуженно кашлял, матерился.

— Иди, Байкалушка, иди, милый, я взгляну, только взгляну, — ласково звал Прокопий Емельянович.

И Байкал подчинился уговорам, короткими шажками приблизился, навел большущий свой глаз, замер. Прокопия Емельяновича пронзило в полутьме мутное свечение лошадиного зрака. Глаз этот словно обволакивал всего, затягивал куда-то — вспомнилась звезда в окне, как она его сегодня разбудила. Казалось, они одним светом светились — глаз и та звезда...

Байкал отвернулся, отступил немного, подставив то, что, он знал, у него просили, — правую заднюю ногу. Прокопий Емельянович достал из кармана фонарик-жучок, наклонился, осмотрел ляжку ниже паха, тронул пальцами опухоль — жеребец вздрогнул всем телом, но с места не стронулся.

— Ну-ну, не дергайся, ничего я тебе не делаю. Ах ты беда-то!..

Байкал несколько раз поворачивал голову и все вглядывался: что там у него в руках журчит и колышется светлым пятном?

— Завтра вот приведу тебе дружка-суперника, будете с кобылками. Ты выправишься, я в тебя верю, Байкалушка, верю, ага... — шептал Прокопий Емельянович жеребцу в ухо, поглаживая горячую шею под гривой.

Успокаивал Прокопий Емельянович не столько Байкала, сколько себя, так как боялся за него, плохое предчувствовал. Опухоль все еще держалась, не спадала, и жар, видимо, есть в теле.

Приступал на ногу Байкал осторожно и часто ложился даже днем — значит, что-то там ненормально у него, жилы или нервы нарушены, поди, какие. Нехорошая опухоль. И Кузьма Савельевич хмыкает при каждом осмотре, ничего толком не определяет. «Пусть сама себя покажет, тогда посмотрим». Ветврач тоже: «покажет», когда поздно будет.

Несчастье с Байкалом случилось четыре дня назад. С привязи возле Андрюхиного дома, пока тот ужинал, его угнал пьяный парень, вернее, уже женатый мужик, угнал за девять километров в деревню Ключи из соседнего района. Прокатиться захотелось подлецу с ветерком, видишь ли! Обнаружился Байкал на следующее утро, позвонили оттуда, из Ключей. Ночью он, привязанный к столбу, сломал оглоблю, покалечил ею себя.

Мужика Андрюха с постели стянул и отхлестал. Тесть, говорит, помогал, тоже влепил зятю пощечину — он, тесть, и позвонил об угнанном жеребце рано утром. Но потом все трое пили мировую и откупную, раньше бы за такие дела — тюрьма, а теперь вот Байкал один терпит, не с кого спросить, приковылял на трех ногах. Ни во что лошадь теперь ценят, как не вшитую нитку. Жалко Байкала, если у него не наладится нога, жалко потому, что он свой, родчий, из материнской утробы принял на свет, берег. И норовистый вышел, кобыл добро кроет, дерзкий жеребец, только-только набрал силу, пять лет весной исполнится.

— Ты поводи Байкала-то в поводу разок-два, — сказал Прокопий Емельянович Андрюхе в конюховке. — Поглядывай, как он, вчерась я поводил... Минут по пятнадцать, должно рассосаться, я так думаю, не застаивался чтоб...

— Ладно, — буркнул Андрюха из-за печки, где лежал на топчане, уткнувшись с головой в ватник.

— Тебе все «ладно», ага, — Прокопий Емельянович хотел чем-нибудь пристрожить Андрюху, да чем его пристрожишь? Он с похмелья, видать, опять, лежит, отень. Набросав в печку дров, вспомнил: — Ты трактористу-то скажи, чтобы зарод с Острова завез прямо в пригон, приметом лучше едят, сено тама не едкое, шумиха больше, пущай подкормятся лошадки, а то на соломе совсем отощали. Холодрыга такая стоит.

— Да все будет в норме, дядя Прокопий, — Андрюха сел, закурил, зашелся кашлем. — И что за отраву продают. А наш председатель, говорят, дядя Прокопий, на повышение, я вчера слышал. Полгода не проработал...

— Тебя тоже надо куда-нить «на повышение», — посмеялся Прокопий Емельянович. — Вчерась опять пьянствовал, что ли?

— Естественно, врезали.

— И куда только лезет.

— Катится.

— Смотри тут! — прикрикнул Прокопий Емельянович, хлопнув дверью.

Разговор насчет председателя Прокопий Емельянович слышал и сам. Сейчас, после Андрюхиных слов, чувствовал, как в нем накипал гнев. Он решил заехать в контору, хоть делать там бы-

ло и нечего: доверенность на получение жеребца взял вчера. Он думал, что надо сказать ему — да, надо все сказать ему! Пусть оглянется вокруг, может, не такой, как те.

«Сколько вас сменилось за эти годы? — так надо начать. — Пять или шесть — в год по председателю не выходит. Во потекла жись колхозная! А может, и ты, как Трушков два года назад, на кривых оглоблях колхоз объедешь: сдай последних кляч, тем боле кормить их нечем. Тот шестьдесят голов сдал, весь молодняк подчистую, и его, старшего конюха, даже не предупредил, выждал, как нарочно, пока в больницу уехал. Зато полтора плана по мясу перекрыл, медаль за это повесили, повышение дали и в другой район отправили. А-ха-ха... Лошадей изводим, живое по живому режем, самую изначальную свою силу, свой корень...»

Председатель был на месте. Сидел, обложившись бумагами под настольной лампой. Прокопий Емельянович подсел сбоку стола, поздоровался, тот кивнул, не отрываясь от бумаг, еще ближе придвинул голову к абажуру. За длинным столом у окна сидел один завгар Малов, листал тетрадь в ожидании планерки.

— Отчет вот не можем свести, — заговорил председатель, зажав в ладонях виски. — Данилыч всю ночь не спал, копейку потерял, не сходится и только! Еле нашли.

— По ночам вы копейку ищете, а днем тысячи бросаете, — сказал Прокопий Емельянович погромче, чтобы услышал и Малов.

— Где это ты увидел? — встрепенулся председатель.

— Да чисто смех: ночь копейку искали.

— Смейся — не смейся, а отчета без нее нет.

Председатель вновь склонил лицо к бумагам. Прокопий Емельянович изучающе рассматривал его, говорить ему как-то вдруг расхотелось, он медлил, покашливал в кулак, потом со вздохом проговорил:

— Ты, значит, Роман Назарович, тоже намылился, ну-ну...

— Как это «намылился»? — не понял председатель, а скорее понял, но не хотел подавать виду.

— Дак как — народ говорит. Тогда, как Трушков до тебя, сдавай всех на мясо, повысят еще выше.

— Я никуда не собираюсь, с чего ты взял это, Прокопий Емельянович? — Роман Назарович выпрямился в кресле, призадумался. — Не понял я, зачем ты это мне говоришь?

— А затем, что лица председателей плохо стал запоминать, мелькнет — и нет его... Вот и твое сижу и стараюсь запомнить...

— Нет, я не собираюсь, Прокопий Емельянович, успокойся. Мне, верно, предлагали в городе. Не тянет, я всю жизнь в селе прожил.

— Вот видишь, я тоже хотел было отказаться, что, думаю, мы затеваем, покупаем племенного жеребца, когда голова колхозная не держится, болтается.

— Постановление ЦК специальное вышло по коневодству, знаешь же, читали.

— Если бы все делалось, что в постановлениях...

— Давай выполнять, от нас многое зависит. У тебя опыт такой!

— Меня оторви от лошадей, я помру сразу. Но куда мы идем, накормить досыта нечем скотину с ползимы, а?

— Тяжело, согласен, но, думаю, додюжим как-нибудь до весны. Как Байкал?

— Да все так же, если не хуже.

— Неладно с Байкалом получилось. — Роман Назарович в задумчивости поворошил бумаги. — Кузьма Савельеввч говорит, если сухожилия задеты, то придется...

— Не дам! — стукнул кулаком по столу Прокопий Емельянович. — Это огонь — жеребец. А Кузьма не понимает, дает ему уколы от жару, а жару у него своего хоть отбавляй. Он горячий, всегда жаром пышет. Я сказал: «Уколы прекрати — пойдет на поправку».

— Ну ладно, ладно, — шепотом сказал председатель, увидев в дверях Кузьму Савельевича. — Поезжай, планерку начинаем.

В кабинет подваливали мужики, шумно рассаживались вокруг длинного стола.

Прокопий Емельянович, прежде чем встать со стула, вновь вгляделся в насупленное, с белесыми бровями, лицо председателя, решил: нет, этот, похоже, задержится, не такой, как те, что до него садились за этот стол.

В поле, за поскотиной, стало заметно, квк бледно высветлился край неба — разутривалось наконец. А мороз, похоже, усилился, ветерком его нагоняло. Северяк-хиузок колюче хватал за лицо. Прокопий Емельянович поплотнее укутался в воротник тулупа, оставил только дырочку, чтобы следить за дорогой. И в эту узкую щель попалась на глаза звезда, она мигала-переливалась разноцветно там, где должна заняться заря.

«И здесь она, — подумал Прокопий Емельянович, и у него в груди встрепенулось радостно: — Надо же, опять встретились!»

Когда утром он проснулся, ему показалось, что его кто-то разбудил, вернее, будто кто следит, наблюдает за ним со стороны. Он приподнял голову, в тревожном ожидании вгляделся в привычную обстановку комнаты, на потолок даже поднял глаза. И тут увидел светлую звездочку в окне, в верхнем стекле. Нижние шибины были подернуты куржаком, тускло серебрились, а в

верхнем — она, ну прямо как глаз неба. Она манила своим подмигиванием, притягивала, звала. Сунув ноги в валенки, он подошел к окну, постоял, потом, пододвинув стул, присел — сидел, смотрел не отрываясь долго, напряженно. Ожидал, что она вот-вот ему что-нибудь откроет — живой она ему показалась, разговаривающей с людьми. Она что-то говорила, только люди ее не понимали. И он не понимал. В нем росло волнение, чувствовал, переполняется им, восторгом тихим переполняется. Наверно, все созданное на небе, размышлял, для того и существует, чтобы люди могли вот так проснуться и прославить взглядом эту красоту.

А вышел во двор — звезды его накрыли, частые, яркие. Но самой видной была та же, что смотрела в окно. Она и здесь притягивала взгляд. Однако стоять и красоваться не хотелось, потому что тело продирал мороз.

— Ну, ты готова? — спросил он у кошевки, которую вечером вытащил из-под навеса и которая поднятыми оглоблями нацелилась сейчас на эту самую утреннюю Венеру.

Надо было подбросить сенца Ухабу и Майке, лежали они в стайке, как всегда, спина к спине — неразлучные друзья. Бросил по охапке телушке и овечкам.

В доме старался не шуметь, умылся, достал из печи томленое молоко в чугунке, но жена все равно проснулась, спросила хриплым от сна голосом:

— Задал, Проша, корму скоту?

— Дал всем, ага.

— Ну, пущай пожуют, пойло балажу попозже. Полежу маленько.

— Лежи, раз лежится, пятый только пошел.

— Мясо под лавкой в сковороде, разогрей на плитке.

Вечером жена с Колькой, внуком, допоздна, поди, просидели у телевизора, а он, наломавшись в мастерской с полозьями, после ужина привалился к теплой печке на сундуке, да так и проспал в носках и в одежде. Спал, пока звезда эта не разбудила.

И вот она здесь, над полем, высверкивает.

«Ах ты, звезда, звезда, как же до тебя далеко...»

Ухаб бежал ровной трусцой, кошевка с мягким крахмальным скрипом переваливала через снежные переносы, будто лодка на волнах колыхалась. Она, звезда, мелькала то между дугой и головой Ухаба, то сбоку или сверху, куда поворачивала дорога.

— Гори, гори, моя звезда! — пропел Прокопий Емельянович и, глубоко вздохнув, проговорил: — Чудно все устроено на земле, ага, чудно.

И думал опять о звездах. Что онв, зачем? И если бы их не было, что бы тогда? Пустое, черное небо без края? А раз есть они, неужели они сами по себе, а мы, люди, здесь сами по себе, где-то ведь должны мы сходиться-расходиться. Пишут вон, что и до них ракеты-спутники добрались, на Луне американец побывал, облетели вокруг этой Венеры. А она такая же и светит так же. И в следующее мгновение он посмотрел на нее как на свое прошлое. Ему вдруг ясно представилось: ведь и до него люди смотрели на нее, тысячу и больше лет назад, а она та же — манит, зовет. Всех она видела и все запоминает.

Он закрыл глаза, но, казалось, все равно проникали отсветы от нее.

Потом он понял, что провалился. Провалился и летит вниз, вниз — произошло так неожиданно, что он сопротивляться этому не стал, да и лететь уж больно приятно. Кругом сделалось черным-черно, и от тревожной, густой этой темени он покрепче ухватился за вожжи, но их не оказалось. И Ухаба, и кошевки не стало, он просто вывалился.

И тогда он снова увидел ее, звезду, она сияла теперь совсем близко в золотисто-розовом свечении, большая, теплая, только он оказался как бы с той стороны ее, или, может быть, под ней. Березы все в розовой изморози висят вниз верхушками. Как они так растут, за что держатся? А рядом по ровной зеленой луговине бегает по кругу на веревке у Андрюхи Байкал. Бежит, и копыта звенят, как колокольцы. Ему хочется крикнуть, ругнуть Андрюху, чтобы он не гонял так сильно Байкала, а просто поводил, он же с покалеченной ногой. Да разве докричишься до Андрюхи, глухни, он еще и плетью, кажется, размахивает...

И тут Прокопий Емельянович встрепенулся, вскрикнул и испугался этого хриплого своего вскрика: оказывается, он кемарнул, минут пятнадцать-двадцать продремал, так как небо одним краем порозовело, развиднелось совсем. Ввнясь за то, что уснул, он остановил Ухаба и торопливо выскочил из кошевки, из насиженного тулупа. Соскреб рукавицей у коня сосульки с ноздрей, привернул вожжой к оглобле и направился к березняку на взгорке. Отмечал издали взглядом, как вокруг каждого дерева матово высверкивал снег. Натолкало его буранами выше колен, убродно идти, хотя рыхлый он, сыпучий. С каждым шагом, чувствовал, все теснее и теснее становилось в груди, и стук сердца отдавался в вискв.

Наугад пролез к раскидистому кусту боярышника, разгреб ногами угол низкой синей оградки, наклонился, обмяк весь, сипло зашелся:

— Я это, тятя, мама, я... Вот еду... И задремал маленько, чуть мимо вас не проехал. В город еду, ага...

Выпрямился, окинул взглядом криво торчащие из снега кресты и пирамидки, старательно высморкался, сорвал пальцами с ресниц слезины, превратившиеся в крохотные ледышки, и пробитой тропой, ступая след в след, вернулся к Ухабу. Внутри как будто что-то оборвалось и горячо разлилось в груди, и длинное утро переломилось пополам, отодвинулось куда-то в недальнюю память. Начинался новый день.

Закутываясь в тулуп, Прокопий Емельянович похвалил себя за то, что не проехал родительские могилы, вовремя как раз проснулся, чуяло сердце. Никогда он не проезжал и не проходил мимо.

Когда возвратился с фронта, на следующее же утро они пошли с матерью по этим вот логам собирать оденки — корова еле переставляла ноги, соломы и той не хватало. Умер отец в ноябре сорок четвертого, а он приехал в марте сорок пятого. Каких-то четыре месяца не дождался отец. У развороченного глинистого холма с черными комьями дерна долго простоял, слезинки не выронил. Хотелось заплакать, но внутри как будто все окаменело, ссохлось. С напряжением вглядывался в мутные окна изб, дырявые, позеленевшие крыши, разобранные на дрова заплоты и изгороди: он вдруг до конца осознал, какие бедствия обрушила на всех война. После боев, бывало, засыпал рядом с убитыми, видел изуродованные тела людей, лошадей — там все это чем-то диктовалось и оправдывалось, а тут... тут полный разор, вымирание, медленное угасание всего живого. Из фронтовиков он один пока, а так на тридцать дворов осталось три старика, старухи, бабы, ребятишки. Корова яловая в дырявом хлеву. А в колхозе от девяноста довоенных лошадей шесть кляч стоят в загоне — мослы да ребра, того гляди, упадут, хоть на веревке подтягивай. Как же выходить из этой разрухи? Долго ли совсем с житья спихнуться — от бессилья, с отчаяния?..

Но пережить здесь пришлось Прокопию Емельяновичу и еще горшие минуты — вернувшись однажды в родные места после четырех лет отлучки, он ничего уже не увидел, что так хотел увидеть. Рядом с отцом лежала мать, он задыхался от слез, стоя на коленях перед свежим холмом, целовал комки засыхающей глины, бился головой о свежий крест — досада брала, что и ее он опоздал похоронить, опоздал всего на два дня. Не увидел он и Коршуновки родной, вместо нее желтело овсяное поле. Снесли.

До пятьдесят второго года он работал здесь, бригадирствовал, разводил лошадей, поднимал колхоз, хотя Коршуновка, обезлюдевшая от войны, так и оставалась глухой, заброшенной, без электричества и радио, и не было никаких просветов, как жить дальше. Поэтому, когда его сманил свояк в далекое Березово Тюменской области, он бросил все с легкой душой: надоело, не получая ничего, колотиться с зари до зари. Правда, и на далеком Севере немного достиг. Судьба свела опять с лошадьми, конюшил в экспедиции геологов, зарабатывал не трудодни, а деньги. Да деньги там пустые, бестолковые какие-то, видел их, пока получал.

И решил, на могиле отца-матери дал себе слово: все, никуда он больше не тронется, Сибирь одна, и лучше своих канских берегов нечего искать. Говорят, и конь, где бы ни был, на свою сторону рвется.

Прожил вот еще двадцать с лишком лет. Жизнь, можно сказать, под закат пошла, и пусть положат рядом с отцом-матерью... От Коршуновки всего-то и осталось — вот эти могилки да береза без вершины, которая росла посередь деревни. Кто-то, спасибо, не срубил, оставил как память, как родимую метку, хотя у нас обрубать память человеческую ох как любят, научились. Одно время замахнулись было сковырнуть и этот березняк с могилками и запахать, пустить все под один волдырь, да не дали, отстояли миром.

На большаке, куда выехал часа через полтора, часто попадались машины, больше лесовозы обгоняли с натужным ревом. Ухаб приостанавливал бег, вострил уши, всхрапывал.

В поселке лесозавода Прокопий Емельянович поел в столовой, передохнул, пока Ухаб пожевал овса, и двинулся дальше. Ехать стало веселей, да и до города — рукой подать.

— Возьми своего Красавца, — сказал мужик, выводя из дверей конюшни рыжего жеребца.

Прокопий Емельянович отступил на несколько шагов, чтобы глянуть как следует. У него даже ноги ослабели, и сам он чуть обомлел от сладкой радости и восхищения, потому что давно он, старый лошадник, не видел такой стати, такого легкого и мягкого лошадиного склада. Ну чисто с картинки конь! Весь темно-рыжий, а хвост и грива посветлее, курчавились, голова небольшая. Узкая проточина начиналась маленькой звездочкой на лбу и тянулась до самого храпа — и это была единственная белая отметина.

Жеребец не стоял на месте, перебирал передними, левой слегка копытил снег. Родит же такое природа!

А в бумаге в самом деле так и записано: «Красавец». В колхозе до войны был меринок — тоже Красавчиком звали.

— Что, стоит десять тысяч? — улыбался мужик, подведя же-

ребца. — Смиреный, верхом дается, а запрягать не пробовал. Держи.

Прокопий Емельянович принял повод.

— Стоит, спрашиваю, десять тысяч?

— Стоит, стоит, паря. Подожди, я сменю, — Прокопий Емельянович суетливо засунул сопроводительную бумагу во внутренний карман, сбегал к кошевке, достал в головках, из-под мешка с овсом, свой недоуздок и надел его взамен того, что был на жеребце, а тот передал мужику со словами: — Возьми свои сопли.

— Это уж точно — сопли, — не обиделся мужик, принимаи уздечку. — В однорядочку нынче шьют, чуть намокла — раскисла, расползлась.

Красавец охотно подчинялся чужой воле. Подводя к кошевке, Прокопий Емельянович в знак благодарности за это его послушание прошептал ему:

— Ну, давай, Красавец, на новое место жительства, давай, молодец какой ты, ага... — привязал к правой отводине, чтобы не сбивался с края дороги, распрощался с мужиком и не спеша тронулся в обратный путь.

Раньше это самое племобъединение находилось далеко за городом, а за последние пять лет понастроили тут кругом столько домов, зажали со всех сторон, серые многоэтажные громадины тянулись рядами и так, как придется, без порядка, — дливные, с балконами, полнеба загораживали. И почти во всех окнах горели лампочки. «Это что там у них — электричества много лишнего? — поражался Прокопий Емельянович. — Палят днем зазря».

Он наугад, по старой памяти, правил обочиной широкой улицы. А серединой, по голому асфальту, непрерывно неслись машины, навстречу и в обгон, — гремели, урчали, чадили дурным газом. На перекрестках быстро накапливались, потом, как стада, срывались и мчались дальше. Ухаб с опаской поворачивал голову, фыркал. Красавец заводил глаза настороженно, гнул шею, но шел послушно, не рвал повод.

Метил Прокопий Емельянович как можно прямее попасть на дорогу, ведущую к лесному кордону Шевцова — это километрах в трех от города, хотя и туда, к лесопитомнику, где проживал его старый друг, город подвигается своими большими домами.

На одном из перекрестков остановилась рядом, перед светофором, синяя «Волга», перетянутая красными и голубыми лентами, а на самой крыше подвешены какие-то побрякушки вроде колокольцев. Свадьба. И два гуси сидели на капоте, склонив друг к другу головы. «Може, живые гуси-то? — присмотрелся Прокопий Емельянович. — Нет, чучела».

Вспомнил, как три года назад справляли в Красноярске свадьбу сыну. Пир горой, а не свадьба, целый ресторан был откуплен. И тесть с тещей преподнесли в подарок молодым машину «Жигули», а они, отец с матерью, всего четыреста семьдесят рублей, вырученных за летошнего быка. Утерли как бы нос им, вот, мол, мы какие!

Вспомнил и свою... На его свадьбе было с десяток, а то и больше упряжек — тройки с бубенцами, с лентами в гривах, кошевки, розвальни, санки. Три дня катались из Коршуновки в Буторово и другие деревни, пили свекольную бражку, а подарки — две горсти мелочи, выбранных из соломы.

И тут — свадьба... Шофер, пока стояли, рассматривал с интересом наборную сбрую на Ухабе, мотал головой, показывая руками, объяснял что-то жениху и невесте, которые сидели на заднем сиденье, улыбались, глазели. Но машина фыркнула вонью, умчалась, бренча побрякушками и мотая гусиными головами. Свадьбы и след простыл.

На другом широком перекрестке пришлось пережидать похороны. Людей было много, машин, венков, на отдельной грузовой везли памятник. Где-то далеко за толпами, что тянулись из-за дома, играла музыка. Долго складывали люди венки в кузов, а сами входили в красные автобусы с большими буквами ниже окон. И тоже разглядывали сбрую на Ухабе. Когда музыка смолкла, стало слышно, как брехала с пятого этажа собака — она стояла лапами на перилах крайнего от угла балкона и хрипло облаивала всех.

«Вот как в городе, — раздумывал Прокопий Емельянович, — одни со свадьбой, другие — с покойником. Приходят люди, уходят, и никто не видит».

Лошади, однако, чувствовали печальный момент. Ухаб низко склонил голову, Красавец, наоборот, высоко вздрал и ловил каждое движение там, впереди. У лошадей, наверно, так же, как у людей, они так же переживают все, только сказать вот ничего не скажут. Машины и автобусы тронулись наконец и утянулись в одну из улиц.

Прокопию Емельяновичу надоели эти перекрестки, вонь от машин, голый асфальт, по которому визжали полозья кошевки. Он уже засомневался, туда ли взял направление, но за поворотом справа затемнели знакомые посадки — туда!

По накатанной дороге среди густых сосенок он пустил Ухаба на рысь. Красавец дернулся было раз-другой, и потом приладился и побежал легко, размашисто, фыркнул вслед за Ухабом — почуяли, видно, что в гости завернули. Красавца на широкой дороге, пожалуй, лучше привязать к оглобле, чтобы ноги не побил.

Жил Шевцов, как на выселках, тихо, привольно. Дом большой,

постройки, огород, а кругом — густой сосняк да березы, рядом — карасевое озеро. Нравилось это место Прокопию Емельяновичу. Одну половину дома Шевцов занимал сам с женой, в другой жила дочь с зятем и двумя внуками. Держал мерина для своих служебных нужд, корову и мелкую скотину — крепко жил.

Когда Прокопий Емельянович подъехал, хозяин стоял у ворот, словно поджидал, в полушубке, в унтах, в рыжей, похоже, из собачины, шапке.

— Ну здорово, Игнат Акимович! — весело закричал Прокопий Емельянович, вставая во весь рост в кошевке. — Не меня ли ты поджидаешь?

— Прокопий, ты?! — удивился Шевцов и даже поздороваться позабыл, потрусил открывать ворота. — Откуда ты взялся? А я вышел: зять должен вернуться...

— Да вот, — Прокопий Емельянович указал рукой на Красавца. — Получил в племконторе для колхоза.

— Мы-у-у... — мычал Шевцов. — Красив.

— А так и назван: Красавец, — похвастался Прокопий Емельянович, отвязывая жеребца от саней.

Выпрягли Ухаба, занесли сбрую просушиться в малуху, где у хозяина стоял верстак, разложены и развешаны по полкам и стенам всякие инструменты, сбруя. Прокопий Емельянович любил порядок в своем доме, но, оказывается, еще приятнее смотреть на него у других.

Пока привязывали Красавца в углу поднавеса, тот залез Шевцову в карман полушубка.

— Ну-ну, нахалюга! — Прокопий Емельянович отпихнул голову Красавца. — Ешь вон сено.

— Учуял там хлебные крошки, — Шевцов сходил в дом, вынес краюху и, разломив на куски, скормил с ладони. — Баловали тебя прежние хозяева?

— Видно, баловали, ага.

— Добрый, должно быть, получится жеребец, — сказал Шевцов, хлопнув Красавца по шее.

— И цена ему добрая — десять тыщ.

— Ишь ты!

Войну Прокопий Емельянович и Шевцов начинали в одном полку у известного конника Героя Советского Союза капитана Неумоева, который командовал эскадроном на Сталинградском фронте. Тоже сибиряк, живет, говорят, в Тюмени. Воевали они вместе с полгода, потом разбросало в разные места.

А еще раньше, ребятишками, Прошкой и Игнахой, в канском племсовхозе работали «пробниками». Как работали? Было им лет по пятнадцати, не больше. Отец Прошки, Емельян Васильевич,

взял обоих с собой в город, на месячную отработку. Было это перед самой войной. Отец, заядлый лошадник, любил объезжать лошадей, мечтал вывести свою колхозную породу.

При встречах Прокопий Емельянович и Шевцов всякий раз со смехом вспоминали, как помогали тогда отцу при случке кобыл. На их обязанности было подводить на двух поводах жеребчика — пробника монгольской породы, чтобы определить, в охоте ли кобыла. А потом оттаскивали — жеребчик был злющий, как зверюга, кусался и лягался, падал па спину, вскидывал ноги... Такая вот работенка у них в юности была — «пробники».

Домой Прокопий Емельянович решил возвращаться завтра, утром наметили сходить на «толкучку» и по магазинам — последнее время нечасто приходилось бывать ему в городе.

Возле стойла, куда определили Красавца, ввернули яркую лампочку. Вначале там не было никакой, Прокопий Емельянович ввинтил днем тусклую, и та сразу перегорела, а теперь Андрюха сходил на ферму и принес стосвечовую.

И при добром свете все разглядели у Красавца глаза — голубые. Да, у него были светло-голубые глаза. Прокопий Емельянович отметил это сразу, еще в племконторе, но как-то пропустил мимо внимания.

Председатель сказал, что голубые глаза у лошадей — большая редкость. Он попросил Андрюху посмотреть зубы.

— А ну покажь зубы, пижон московский! — Андрюха ухватил руками за губы Красавца, обнажил смолевые зубы. — Нормально. Как дегтем намазаны. Надо объездить его, дядя Прокопий, вон в водовозку запряжем.

— Успеется.

— А правда, говорят, за хорошую лошадь платят за границей большие деньги?

— Правда, — подтвердил Юрий Сергеевич, зоотехник. — Вон я читал где-то в журнале, продали нашего жеребца в Америку за один миллион.

— Не фига себе! — присвистнул Андрюха. — Давайте и мы торговать, Красавец вот наделает голубоглазых, по миллиончику за каждого — разбогате-ем!

— Давайте, — улыбнулся председатель.

И когда наступила минута всеобщего молчаливого созерцания достоинств Красавца, из другого конца конюшни донесся тяжелый, протяжный стон — все разом обернулись, даже Красавец нервно передернул сопатку, наставил уши в ту сторону.

Роман Назарович первым рванулся туда чуть ли не бегом, распахнул дверь стойла, замер.

Прокопий Емельянович, идя последним, гадал в волнении: «Неужели все, конец?» Подошел, заглянул через плечо председателя — Байкал лежал в прежнем положении, почти на боку, распухшая нога вытянута назад. И голова не лежала, как раньше, а держал он ее прямо, уткнув в солому. И так застыл в неестественной позе, издавая иногда тяжкие стоны.

— Ну, что будем делать? — повернулся Роман Назарович к зоотехнику, но больше, Прокопий Емельянович видел, обращался к нему. — Надо что-то решать.

— Да я что, — пожал тот плечами. — Пусть Кузьма Савельевич решает. А где он, кстати?

— В район уехал, вернется к вечеру.

— Не сегодня завтра должно прорваться, — заговорил Прокопий Емельянович. — Утром я все осмотрел, рана-то, оказывается, затягивается, сохнет, а нарывает совсем в другом месте, выше. Там она и сидит, заноза, глубоко засела. Лопнет, никуда не денется. А Кузьме, как хотите, я не дам решать жеребца, пусть... — и Прокопий Емельянович, не досказав, что «пусть», закрыл стойло, так как Байкал, похоже, нервничал, ворочал головой, ему было тяжело присутствие посторонних людей.

В этот день Прокопий Емельянович долго вечеровал на конюшне. Несколько раз Байкал пытался встать, выкидывал переднюю ногу, заворачивал голову назад, замирал взглядом на больной задней, а то заводил голову к полу, издавая длинные вздохи.

Прокопий Емельянович старался помочь уговорами, предчувствовал, наступает критический момент: или — или... Больно было смотреть. Смотреть и ждать. А чего ждать? Лошадь не человек, слов от нее не дождешься, все сносит в себе.

И Прокопий Емельянович уходил в конюховку, подолгу сидел у печки, принимался поправлять сбрую. Но из рук все падало, и мысли не туда поворачивались.

В окно светила полная луна. От резких теней все вокруг неузнаваемо сместилось: заснеженные изгороди пригона, сложенные друг на дружку телеги, сосны вдоль берега, горбатые склоны на заречной стороне — все застыло в ожидании какой-то тайны, которая, думалось, вот-вот раскроется, выкажет себя. Прокопию Емельяновичу казалось, что и здесь, в избушке, он не один, а присутствует еще кто-то, и ему, тому, тоже хочется поговорить, поделиться своей тайной, но он молчит, не хочет объявляться.

Тишина стояла такая, что слышно было, как копошились на вышке сонные воробьи — всегда они спасаются там от стужи. Прокопий Емельянович поговорил с ними:

— Холодно вам? — спросил, поднимая глаза к потолку. — Холодно, ага. Печка не топится, остыла, счас затоплю. Жметесь к трубе, чумазые. Ну, ничего, дело к весне идет.

Дома, пока ужинал и смотрел телевизор, жена закипятила полведра воды, обтеребила туда новый веник, сложила туда же пучки донника, лабазника и душицы, которые дал Шевцов, запарили, как он советовал.

Так и унес в ведре на конюшню. Смоченную в несколько рядов тряпку приложил к ноге, припутал бинтом — Байкал лежал спокойно, не шевелился, только время от времени поворачивал голову, смотрел, что там с ним делают.

Прокопий Емельянович решил от нечего делать заняться в конюшне кое-какой перестановкой и переселить Красавца на новое место. Стойло напротив Байкала пустовало, складывали туда овес, а сейчас там лежал упряжной хлам — дуги, старые седелки, хомутины, колеса от брички. Он убрал все, вычистил пол, настелил новой соломы: пусть будут поближе друг к другу, думал, все веселей, да и теплей это стойло, на солнечную сторону, а то сквозь продувное, весь мох выдуло.

Часа два проспал, не больше. Вышел посмотреть, что там с Байкалом. Байкал стоял... Он стоял, далеко высунув в дырку шею, и смотрел на Красавца. А тот, слегка задрав морду, смотрел на него. Они были так увлечены этим разглядыванием друг друга, что, казалось, не замечали его присутствия.

— Ну, ты как? — спросил Прокопий Емельянович у Байкала.

Байкал повернулся, будто тоже спросил: «Ты кого предо мной поставил — врага поставил?!» — И, вскинув голову, заржал с надрывным властным взвизгом, потом долго раздувал свои широкие ноздри, выхватывал воздух.

Прокопия Емельяновича поразила эта перемена в Байкале. Он вошел в стойло и поразился еще больше, обрадовался, вернее, потому что мешковина и бинт валялись на соломе, а опухоль на ляжке заметно спала. Вылилась оттуда дрянь, вся нога до копыта была влажная. Прокопий Емельянович обтер ногу, обновил подстилку и вернулся в избушку — теперь он был уверен, что жеребец спасен, никакого заражения крови уже не будет, раз прорвала эта дурь. Поди, и травяной настой помог сколько-нибудь.

Домой он не пошел, близилось к трем утра. Лежал на топчане, пек возле горячей печи поясницу. Сквозь сладкую дрему держал, не упускал мысли о Байкале, о его выздоровлении. А погибни он — исчезла бы вся династия лошадиная, которая тянется от коршуповского колхоза «Красный пахарь», начатая отцом. Счи-

тай, целых полвека жизни! Байкал — последнее звенышко от той длинной цепочки, прохвост Трушков чуть не все обрубил.

Отец со дня организации колхоза и до дня смерти был бессменным председателем, сам вел журнал по племенной работе с лошадьми, следил за всем. Конь в те годы тянул весь колхозный груз, был основной тягловой силой и на пахоте, и в сенокос, и на уборке, а зимой — на лесозаготовках. Единственный колесник, который числился за колхозом до войны и в войну, чаще всего простаивал из-за поломок.

Журнал этот Прокопий Емельянович видел и листал не раз, вплоть до самого отъезда на Север, пошел он, видимо, на растопку, или пропал, когда спихивали Коршуновку.

А начиналось все с Буланёхи. Вот лошадь была так лошадь! В колхоз вошел отец со старым пегим мерином и двухлетней необъезженной кобылкой Буланёхой, доставшимися ему по наследству от отца — деда Василия. С полной упряжью, конечно.

Мальчишкой Прокопий Емельянович не раз испытал свирепый нрав Буланёхи. Стоило ей увидеть в руках человека узду, она срывалась и неслась к нему во весь мах. Пасть оскалена, уши прижаты, грива разметана в обе стороны, того и гляди, разорвет или затопчет, но, приблизившись, Буланёха останавливалась, опускала голову, фыркала, будто говорила: на, мол, надевай свою обротъ. Вот такая шальная, любила пугать. И пугала тех, кто не знал ее повадок.

Числилась Буланёха племенной кобылой, была она высокого роста, желто-огненного оттенка, калюная — так в Сибири определяют эту масть, — грива и хвост светлые, пышные — красавица писаная, не лошадь. Отец держал ее в основном под седлом, так как она была шагистой и хорошо, ровно несла рысью. На скачках, которые устраивались, бывало, на полевом стане перед посевной, ее не могла обойти ни одна лошадь.

От Буланёхи и Тумана, первого колхозного племенного жеребца, появились Ветерок и Байкал. Оба они были взяты на фронт и не вернулись. Рождались от нее и кобылы, добрые, резвые: Речка, Ночка, Ласточка, Милка, Быстрая — в журнале все значилось, кто за кем и от кого. От дочки Ласточки — Звездочки — остались Ухаб в теперешний Байкал. А сама Буланёха умерла своей смертью в шестьдесят первом году, и принесла она за свою долгую жизнь до двух десятков жеребят.

Лошадьми Коршуновка славилась до войны по всей округе. И, выходит, ушла целая история, жизнь деревни — ничего не осталось. И кто ее вспоминает сегодня так ясно и живо, кроме него? Никто. И чью она греет еще память? Наверно, тоже ничью. Или осталось несколько человек, которых как-то коснулась та по-

ра, то теперь безвозвратно далекое время. Хотя какое далекое — все умещается в одну жизнь, в жизнь одного поколения. Просто память человеческая коротка и ее можно обрубить, как веревку, в любом месте.

— Вот так-так!.. — вздыхал Прокопий Емельянович, и вздохи эти гулко отзывались в стенах конюховки. — Было — прошло — быльем заросло, ох-хо-хо!..

Разбудил его в шесть утра Андрюха. И они первым делом пошли к стойлу Байкала. Его было не узнать, выглядел он так, словно никакой опухоли и не было. Нетерпеливо потянулся к ведру и выпил с жадностью, грыз доски, зло бил передним копытом об пол — выправлялся жеребец прямо на глазах.

А в конце февраля, когда на дворе днями устанавливалось на тепло, Прокопий Емельянович сам заболел. Болело все: поясница, руки, ранения, особенно в левой ноге мозжило по ночам. Ольга Федоровна, врачиха, прослушала и определила ОРЗ, дала желтых таблеток. И что это за ОРЗ, откуда взялась такая напасть на людей! Раньше простудился, полежал на горячей печке, попарился в баньке — как рукой все снимало. А тут: ни температуры, ни кашля-насморка, давит, раздирает внутренности, спасу нет — ОРЗ, будь оно неладно, легче умереть и еще раз родиться, чем болезни эти новые переносить.

Утрами забегал Андрюха, совал лохматую голову под занавеску, докладывал о делах на конюшне: Байкал совсем выправился, на проминке хорошо бегает, чуть-чуть, правда, прихрамывает, объездил Красавца в упряжке.

— Километра два ка-ак прогнал я его вчера к летним выпасам — пена лохмотьями падала, дядя Прокопий, обратно шагом плелся, — похвастался Андрюха и тут же сморщил нос, будто чихнуть приготовился. — Че-то он мне... не знаю, дядя Прокопий...

Прокопий Емельянович взмахивал: ладно, мол, все понятно, говорить ему не хватало сил, пусть, думал, как знает, а если что натворит шальная башка — с него и спрос, не маленький уже, за двадцать перевалило.

По нескольку раз на дню на печь забирался Колька, устраивался под боком, балаболил без умолку — Прокопия Емельяновича и внук не радовал.

— Кольк, а Кольк, дай поболеть деду, богом прошу, — прикидывался он плачущим, хотя и на самом деле хотелось завыть. — Бабка, забери! Или я его... силов моих нет.

Бабка стягивала за ноги, Колька сопел, хныкал, а, улучив мо-

мент, лез снова. Тогда Прокопий Емельянович, выйдя из себя, хватал и спихивал его молча, как надоевшего кота — тот ревмя ревел и убегал в горницу. Жалко было, а что поделаешь: сами разбаловали, никакой власти не знает парнишка.

Валентина, дочь, прислала на прошлой неделе письмо, и нынче вроде не собирается в отпуск. То с БАМа все писала, а тут — откуда-то из Якутии. И со вторым, видать, не пожилось, снова одна. За счастьем все гоняется. А Колька и не вспоминает о матери, их, деда с бабкой, за родителей принимает, с года живет, считай.

Ночами Прокопий Емельянович лежал без сна, ловил вздохи ветра за стеной, прислушивался к болям в груди. И вся прожитая жизнь — да и впереди тоже — казалась ненужной. Каким значением измерить ее теперь. Думалось: ни для других, ни для себя промелькнули годы. Вот разве Кольке пока нужен. Получается-то что, если разобраться: дочь мотается со стройки на стройку, сын, выучившись на агронома, ударился вдруг куда-то в снабжение, о деревне и слышать не хочет. Хотя матери однажды сознался, что в семейной жизни тоже нелады. И машина с квартирой не помогают, которые подарили тесть с тещей.

Его толкнула в молодости поплутать по северам нужда да послевоенная разруха, а они-то, дети его, почему ищут это самое счастье вдалеке от насиженного родителями места? Да и где оно, их счастье, в чем?

Пришел как-то вечером председатель, растеплил немного душу. Прокопию Емельяновичу чуть легче стало к этому времени. он слез с печи, посидели на кухне, попили чаю с протертой смородиной.

Роман Назарович рассказал, что узаконили за колхозом конеферму — единственную во всем районе. Можно по-серьезному заняться теперь лошадьми, дело это нужное, выгодное. Условия есть, лесных угодий много, пойма богатая. Стоит попробоаать и на зимней тебеневке, как в Якутии делают с давних времен, да и во многих здешних хозяйствах до войны, в той же Коршуповке, лошадки добывали корм из-под снега, сами себя кормили круглый год.

— Без тебя мы тут заседание провели, — говорил председатель, рассматривая обросшее, осунувшееся лицо Прокопия Емельяновича. — Остался я вечером один и занялся такой статистикой, — Роман Назарович нахмурил брови, покивал головой. — Грустная статистика в общем, Прокопий Емельянович. В нашем колхозе насчитал я двести старух и тридцать стариков — пенсионеры. Это те, кто участвовал в войне или работал здесь, в тылу. И на них весь колхоз держится, понимаешь? Основные кадры.

— Понимаю, как не понять, — вздохнул Прокопий Емельянович.

— Молодежи, до тридцати лет я всех в молодые записал, у нас всего двадцать три человека, а сорокалетних, в войну что родились, — единицы, по-моему, семь человек набирается.

— Вот-вот. А ну как посыпятся старики — что тогда?

— Об этом я и думал целый вечер, — улыбнулся председатель. — Отсюда и все наши проблемы, Прокопий Емельянович. Твой, к примеру, сын закончил сельскохозяйственный институт, что бы ему вернуться в колхоз...

— А-а... — Прокопий Емельянович только махнул рукой на это. — Отрезанный ломоть.

— Видишь, как у нас: родился человек в деревне, для сельского труда учили, а он — фьють!.. И таких специалистов с высшим и средним образованием я насчитал больше десяти человек — это за последние пять-семь лет. А так сколько молодежи утекло!.. Здесь и беды все кроются.

— Так оно, так, — вздохнул Прокопий Емельянович.

— Перемрут старики, деревня вовсе опустеет, — поддержала разговор и Варвара Павловна, хозяйка, сидевшая у горящей печи с притихшим Колькой на коленях.

Роман Назарович засобирался уходить.

— Вы подождите маленько, я блинков сброшу, печь разгорелась как раз, — засуетилась Варвара Павловна.

— Нет, спасибо. Корми хозяина, чтобы поправлялся быстрее.

— Да он все дни ничего в рот не брал.

— Ну, поправляйся, Прокопий Емельянович.

— Ладно, постараюсь, — пообещал Прокопий Емельянович. — Спасибо, что проведали.

После разговора с председателем Прокопий Емельянович немного приободрился, повеселел. На следующий день Варвара протопила в малуке, и он посидел с часок на колодине перед окном, перебрал инструмент, помечталось даже: а почему бы в самом деле не повторить, пусть не для себя, для теперешних ребятишек, для молодежи, то, что было праздником его детства? Соорудить одну-две тройки, чтобы, как раньше, по доброму сибирскому обычаю, и свадьбы в деревне справлять, и катания разные, и выезды?! Вон от отца кое-какая сбруя осталась: три шлеи с наборными бляхами, уздечки с кистяными подвесками и тоже с полным украшением — на облобках серебряные монеты, нахрапки с мехом, чересседельники, подпруги сыромятные, два хомута, две седелки — где сейчас найдешь такую сбрую, в музее разве где? Все в сохранности висит, промазано дегтем. А не станет его — кому это понадобится? Сыну? Да он не задумываясь

выбросит все. Или растащат по дворам, как растащили подчистую конный инвентарь — плуги, бороны, косилки, грабли, — и ржавеет, догнивает все на задворках.

«Повторить праздники наших дедов — разве на лошадях они хуже справляли их, чем сегодня на «Жигулях» да «Волгах»? Нет, не хуже!»

Снег размяк на дороге, под ногами хлюпало. Появились рыжие проплешины на Острове, а береговой бугор возле школы весь очистило, над ржавым прошлогодним бурьяном вскуривались белые клочья тумана — оттаивала земля, исходила зимней стылостью.

Коля, шагая впереди, выискивал места посырее, топал новыми сапогами — вчера бабка купила литые, синие — надолго ли? — выбивал лохмотья воды и уливался смехом.

— Кольк, а Кольк, уймись, — просил Прокопий Емельянович. — В сапоги нальешь и простудишься, как я, заболеешь.

Колька без внимания, как будто не ему говорили — веселое занятие нашел.

«Ах, жизнь наша, жизнь!.. То в землю тянет, то возносит нас», — размышлял Прокопий Емельянович, расслабленный и этой необузданностью внука, и этим ярким солнцем, тепло от которого липло сквозь фуфайку к плечам. И такая благодать растекалась по телу, что впору хоть самому зашлепать по весенней хляби. И даже не верилось, что три дня назад так раздирало грудь, жить не хотелось.

— Тя-тя-я!

Прокопий Емельянович остановил шаг, замер в волнении, голос этот долго не утихал в нем. Казалось, он взвился к самому небу и там кружил жаворонком: «Тя-а-а-а!..»

Это же его голос! Разве не было вот такого же весеннего дня и они с отцом не шли на конный двор! Ах, как это далеко теперь, но ведь было, все было — как праздник вспоминается конюшенная суета: мужики в тесной, прокуренной конюховке, запахи разогретого конского навоза, крики, смех, визг дерущихся лошадей, тучи галок в небе...

Тогда, в первую зиму, в Коршуновке для согнанных в колхоз коней выгородили на берегу загон, сколотили на скорую руку поднавес из жердей, обложили сосновым лапником, закрыли соломой. И однажды этот поднавес пыхнул — к утру головешки дымились на снегу. А лошади разбежались по лесу да по хозяйским дворам. Говорили, что банда кулацкая проезжала и подпалила, а может, кто из местных мужиков пустил красного петуха — так и не дознались, тайна по сей день. Лошади зимовали

у прежних своих хозяев, хотя и числились колхозными. Пеганка сильно обсмолил бок, но потом заросло. А будущим летом отстроили новый бревенчатый поднавес, избушку, конюшню для жеребых кобыл, жеребцов.

— Тятя! — теребил Колька за фуфайку. — Плокатишь меня наクласавце велхом, а?

Прокопий Емельянович поднял внука на руки, вгляделся в его лицо, придирчиво отыскивая в нем родственную схожесть. И мало что находил — разве что в переносье да в подбородке таилось от его федосовской родовы, а так...

— Плокатишь, тятя! — водил Колька своими крупными, как ягодины, коричневыми глазами.

— Прокачу, прокачу, — Прокопий Емельянович отпустил внука, тяжелый он был, как глиной набит. — Только я тебе не тятька, а дед.

— Я знаю, что ты мой дедушка, знаю, — убежденно сказал Колька. — А у меня папы нет, я тебя тятей звать буду. Ты мой тятя, ладно?

«Есть, есть у тебя отец, — подумал Прокопий Емельянович. — Поди, икается сейчас поганцу».

А Кольке сказал:

— Ладно, зови тятькой.

— Тятя, тятя, тятя...

— Отгадай-ка, Коль, тогда новую загадку: две головы, шесть ног, один хвост — кто это такой будет?

Колька ковырял сапогом снежную кашу, задрав голову, вертел во все стороны глазами — отгадывал.

— Сдаешься?

— Ну, сдаюсь. Кто?

— А это ты сидишь на Красавце, — рассмеялся дед. — У вас на двоих шесть ног, две головы и хвост один. Правильно?

— А ты отгадай.

— Ну-тко?

— Ниже собаки и выше лошади — что, сдаешься?

— Ну, это мы уже разгадывали...

И на конюшне Прокопия Емельяновича не покидало это радостное возбуждение, словно в свое детство вернулся. Ходили вдоль стойл, проверяли Байкала и Красавца, подбросили им сенца. Три кобылы, Чубарая, Майка и Капелька, собирались вот-вот ожеребиться. Андрюха поставил их в отдельные загородки. Занавозился Андрюха порядком за эти полторы недели, хоть трактором выгребай навоз с каждого стойла — лошадей любит, а ухаживать за ними ленится, отень этакий.

Потом вывели Красавца. Колька, вцепившись руками в холку,

сидел на широкой спине крохотным комочком, унимал смехом радостную дрожь в себе. А куда денешь этот восторг? И он его помнит, не забыл, как первый раз посадили верхом — до слез, до заикания радовался, как будто крылья проросли.

— Ой, тя-а-тя, упа-аду-у я!.. — повизгивал Колька.

— Держись крепче, паря, не упадешь!

— Класавец меня везет, молодец какой...

«А человек только тогда и человек, когда во всем живом находит радость», — размышлял Прокопий Емельянович, медленно расхаживая с Красавцем в поводу по мягкому пригону, который дышал уже теплым перегнойным духом.

С теплом быстро прибавлялось дня. И хлопот Прокопию Емельяновичу добавлялось, потому что и утрами нарабатывался, и вечером оставался до самого потему. И ночью иногда прибегал. Жеребых кобыл было двадцать три, и они выпрастывались одна за другой. А на Андрюху «надежа» плохая — то проспит, то пропьянствует.

По трем бригадам колхоза — в Журавлихе, Низовье и Комаровке — тоже приплод ожидался добрый — пятнадцать жеребят.

Но с кормами нынче совсем худо вышло: молодняк, мериньё солому теребили, маткам да жеребцам сена по охапочке доставалось, овсеца по три горсти перепадало, правда, последние недели мякоть подсыпал иногда — по мешку на день отпускают, не знаешь, как и делить. Хотя все равно — поддержка.

Двухлеток и молодняк можно бы угнать в Тальники, там по сухим протокам — нетронутые мурговые пастбища. Мурга этого, зеленого и под снегом, лошадкам от пуза, любят они его копытить. Да кто возьмется их стеречь? У него сил нет, а Андрюха тоже отказывается. «Пускай. — говорит, — их волки там стерегут». Волки водятся в тех местах, погубят в самом деле без присмотра.

Сейчас, в распутье, конечно, не проберешься по болотам, надо с осени думать. А раньше, при отце, в Тальниках и постройки были: пригон с зимним поднавесом, избушка, амбар-лабаз — мальчишкой, после семи классов, он две зимы подряд стерег с мужиками по целому табуну в сорок-пятьдесят лошадей. Сегодня ничего не осталось, все спалили да растащили.

На первую случку Красавца пришли рано утром на конюшню председатель и зоотехник, пришли посмотреть на породистого жеребца «в деле». Прокопий Емельянович вывел Зорьку, кобылу покладистую, вислозадую, была она в самой охоте.

Получилось все вроде нормально, хотя Красавец заметно робел, все чего-то остерегался, только-только успел донести семя.

А на второй день вышла вовсе оплошность, подпустили к нему тоже спокойную, старую Вороную, она, взвизгнув, вдруг ни с того ни с сего взбрыкнула задом. Может, и не задела копытом, но Красавец шарахнулся в сторону, задрав голову. Стоял, передергивал нервно сопаткой — нервный он был и трусливый, видимо, от природы. Как ни старался Прокопий Емельянович водить вокруг да около, ничего не вышло, да и подводить было не с чем.

Андрюха вывел Байкала, и тот управился как что и есть.

— Ну-ну, дурашка, успокойся, — Прокопию Емельяновичу обидно было за Красавца, по-мужски обидно, и он, уведя в стойло, долго успокаивал его. Положив ладонь на загривок, держал до тех пор, пока не почувствовал, как под ладонью шея податливо не обмякла — он всегда так делал с нервными и необъезженными лошадьми.

Но и в третий раз у Красавца вышла осечка.

— Не нашенской он закваски, дядя Прокопий! — орал Андрюха, еле сдерживая на поводу Байкала, тот таском его волок к кобыле. — В пробирке его выращивали, поди. Вот у Байкала промашки не быват. Молодец, Байкал, так с имя...

Прокопий Емельянович сильно расстроился и заподозрил даже, не сглазил ли кто жеребца. Или сам же Андрюха, вражина, подпускал его к какой из кобыл и та звезданула... Могли и посторонние что-нибудь вытворить — разве узнаешь теперь?

«Неужели и правда порченый какой?» — гадал Прокопий Емельянович, прохаживаясь скребницей по крутым бокам — жеребец совсем успокоился и вздыхал от удовольствия, что его так долго чесали.

Вечером по телевизору рассказывали в передаче про атом, как и где он применяется, и Прокопий Емельянович, вспомнив про Красавца, опять подумал: «Наверно, этот атом все и портит, раскрыли, теперь не знают, куда от него деваться. Сгубит он все живое...»

Перед сном он долго шуршал газетами. В одной вычитал о том, что «питательные начала» в курином яйце только «из-под петуха», а в таких, инкубаторских, мол, ничего нет, они пустые и бесполезные. Заметка эта так взбодрила его, что он, ложась спать, тронул жену за теплое плечо:

— Не спишь, Варутка, слышь-ка, что про курей я прочитал в газете, надо снова нам завести с десяток. И петуха, а то взяли вывели, — и он рассказал ей о «питательных началах».

— Да что уж теперь нам, Проша, от петуха — не от петуха, — с притворным зевком проговорила та, расположительно укладываясь на постели. — Отпетушили мы свое...

Спозаранку Прокопий Емельянович отправился к Копосихе просить яиц «из-под петуха» для Красавца, вернее, решил обменять на сельповские — он наклал их в алюминиевый бидончик полтора десятка. Не питал он к ним интереса и раньше, а теперь, после заметки, и вовсе сказал Варваре не покупать больше — у них желток-то — что это за желток? — ничем не пахнет.

В магазине чего не хватись — нету, а уж яиц этих хоть ящик бери, прут из райцентра. Фабрику большую пустили, а девать, говорят, некуда.

Копосиха держала своих кур. Молодец старуха, знает толк в яйцах. Правду говорят, век живи — век учись.

Солнце только-только всходило над лесом. И от Копосихина подворья долетел до Прокопия Емельяновича петушиный крик — пропел, словно поприветствовал.

— Ах, какой ты молодец! — похвалил Прокопий Емельянович петуха. — Только не ты меня разбудил, Петя, а я тебя.

И так хорошо было в этот ранний час думать о новом дне под горластые выкрики. Петух пропел трижды.

Копосиха топталась в своем дворе и с кем-то разговаривала, хотя говорить ей было не с кем — похоже, с собой разговаривала.

Прокопий Емельянович поздоровался, обсказал, зачем пришел в такую рань.

— А я сказала ему, не ходи там, — продолжала старуха прежний свой разговор.

— Кому — «ему»? — спросил Прокопий Емельянович, хотя знал, что та малость заговаривалась, было ей далеко за восемьдесят. — С кем ты говоришь?

— А откуль я знаю, — и старуха безнадежно развела руками. — На дни с кем только не переговоришь. Наш ум далеко улетел, не видно. Ты, Прокоп, что спрашивал — я забыла.

Прокопий Емельянович напомнил и рассказал даже о «питательных началах».

— Да куры-то худо ноне несут, — вздохнула Копосиха. — Петух молодой. Старого заколола летось, ох и добро кур топтал, боевой петух был.

— А зачем уничтожила?

— Ну, старый, говорю, семой год исполнился. По поверью так: петуха держи семь лет и руби голову, иначе сам снесет яйцо.

— Ишь ты! — Прокопий Емельянович не знал этого поверья, подивился: откуда она, эта премудрость, живет в народе?

Копосиха дала двенадцать яиц, больше, сказала, нет.

«Выгадала три яйца, старая, — думал Прокопий Емельянович, направляясь прямо на конюшню. — Пусть электрических, из-под лампы отведает».

Как только прогнало по реке последние льдины, сразу установилась теплая погода. Можно уже думать о летнем выпасе. На Острове, в лугах, по тайге прошлогодней травы полно, да и нынешняя зелень местами пробивается — не пропадут теперь лошадки. Надоело им в пустой загородке за долгую зиму, на простор просятся: вон выстроились вдоль изгороди, задрали морды — туда, в заречную даль уставились.

Прокопий Емельянович и Андрюха наблюдали за Байкалом, которого выпускали каждое утро в пригон: так хлопот меньше, пусть сам выбирает. Обхаживал он сейчас молодую дикобарую Волну, хотя стерег и Рыжуху, та, видимо, тоже «подходила».

Рыжуха боялась щекотки. Байкал знал, что она боялась щекотки, несколько раз подбегал, обнюхивал, а потом цапал за круп — та по-бабьи визжала и носилась по пригону, а он замирал на месте, заводил к небу оскаленную морду.

После калеченья у него вся сила, казалось, ушла в одно жеребчиное начало. Тело так и не набрал, но весь сделался как слитой из кусков. А с ногой вроде как осторожничал, припадал на нее, особенно когда за кобылами гонялся — прикидывался, хитрил, скорее всего, чтобы показать, вот я, мол, какой искалеченный. И запрыгивал тоже хитро — с опаской, сбоку.

И с Волной точно так же вышло: неторопливо загнал ее в угол — и той деваться было некуда...

— Уводи, — приказал Прокопий Емельянович Андрюхе, когда Байкал удоволил кобылу. — А то меринов покусает.

Красавца Прокопий Емельянович не выпускал никуда: не помогли ему ни яйца «из-под петуха», ни моченый горох. Он стал нервным каким-то, боязливым. Что с ним происходит, не понять, лучше всего — не насильничать, не дергать. Завтра вот разобьют на два косяка, переправят плашкоутом на Остров да на Коршуновскую протоку — пусть сам налаживает свои отношения с кобылами.

Все происходило на глазах у мужиков, сидящих на берегу за сельмагом.

Расположились кто где, трое сидели — скотники Сеня Кислов, Махмут Акбаров и Толя Привалов, парень помоложе, тракторист, — на завалинке, на мягком опиле, который в одном месте, там, где оторвались доски, совсем рассыпался, обнажил гнилые окладники. У изгороди, на дровяном хламе, лежал мужик с неопрятной сивой бородой. Был он и сам весь неприбранный, в затертой телогрейке, но при шляпе. Звали его Геной-крокодилом, но никто толком не знал, откуда он, чей и зачем появляется в деревне. А появлялся он на летние месяцы, обитал где придется,

прирабатывал в колхозе, рыбачил, а в основном — «бичевал», как он сам признавался.

Пятым был Андрюха, он вольготно разместился на большом пне у самого обрыва, ноги калачиком, по пояс голый, и перед ним, как змея у йога, высовывалась из углубления зеленая бутылка. Он изящно, тремя пальцами, взял ее за горло и, просветив через солнце, сделал очередной глоток, крякнул:

— Ка-ак дам!

Так переводил Андрюха вино «Агдам». Пили все за неимением стаканов из горла.

— Что, и зажевать, братцы, нечем? — спросил Андрюха, сосредоточиваясь лицом на солнцепек. — Худо живем.

— Есть у меня две конфетины, карамель «Вишневая», — отозвался Толя. — Дать?

— Бросай, — Андрюха перегнулся, не расцепляя ног, подставил ладони и поймал ловко. — Пошошать хоть.

Все вокруг на лето переломилось: запорхали бабочки, на тополях листочки уже зеленели, на Острове пышно громоздились тальники, среди них фигуры коней казались маленькими, игрушечными — первый день гулял на воле косяк во главе с Красавцем.

Пойма ширилась на глазах, залило все протоки и низины, а вода продолжала прибывать. И казалось, будто сам Остров приподнимало над поймой.

На Север спешили по половодью буксиры с баржами — один за другим. Два протянулись из-за поворота, а уже выдвигался третий. И сразу от мыса прямили на протоку, прижимались к самому обрыву — летом тут вода держится только в ямках, ребятишкам по пуп, а сейчас вспухла, метров на семь поднялась. На баржах — пиломатериал, кирпичи, машины, бульдозеры. И белье развешано на корме.

Пролетела «Заря», оставила за собой широкие волновые разводы и скрылась за поворотом. Ходила она до райцентра, а здесь останавливалась, когда были на борту пассажиры.

— Куро-орт, братцы! — сказал Сеня.

— Еще день-два постоит так — на поля выгонят, будет тебе курорт.

— Отсеемся, Толя!

— Смотрите, смотрите! — закричал Гена-крокодил, поднимаясь на ноги. — Во-он на косе лось из воды выходит. Видите?

— Конь это, — сказал Толя. — Лось — лоси не такие...

Андрюха встал на пне, приложил ладонь ко лбу, присвистнул.

— Бай-ка-ал! Точно, он.

В это время выбредали на Остров и кобылы — все двадцать две насчитал Андрюха. Весь косяк.

— Ка-ак дам! Ну, дает!..

Рано утром они с Прокопом Емельяновичем переправили на плашкоуте Байкала с кобылами на Коршуновскую протоку, а Красавца — на Остров. И вот он здесь; километров, поди, двадцать добирались болотами, две протоки, русло переплыли.

Первым делом Байкал прогнал свой косяк к тальникам, обежал кусты, а потом широким махом пронесся вдоль того берега, взбрыкивая и выкидывая задние ноги — грелся после воды. Тело его отливало на солнце, как вороново крыло. Затем он неторопливым скоком подбежал к Красавцу, который стоял на краю осоковой мочажинки в окружении молодняка. И они сцепились. Жеребята отбежали поближе к кобылам.

Красавец увертывался, старался убежать, Байкал нагонял, хватал зубами, становясь на дыбы, бил копытами, круто поворачивался — поддавал задними; стоял сплошной резкий визг.

Когда жеребцы выскочили на песчаный взгорок, стало видно как на ладони. Байкал, описав несколько кругов, подскочил спереди к Красавцу и, дважды перевернувшись, катком упал прямо ему в ноги, ухватил того зубами за горло.

— Смотрите, смотрите, каким он его приемом, — комментировал Гена-крокодил.

— А это Байкал его учит лошадиному уму-разуму, — отозвался Андрюха, сидя все в той же турецкой позе на пне.

Байкал отцепился наконец, подьялся на ноги, отряхнулся и медленной рысью, припадая слегка на правую заднюю, направился к кобылам, которые маленькими кучками паслись в тальниковых мочажинках на молодой осоке и пырее.

А Красавец проковылял к рогатой сухостойной талине и, повернувшись к лошадям, высоко поднял голову, замер, как статуя.

От заливчика, где деревенские рыбаки хранили лодки, появился человек.

— Кто это там маячит? — первым же увидел Гена-крокодил.

— Так это... дядя Прокопий. Это, — присмотрелся Андрюха, — он.

То был действительно Прокопий Емельянович. Он много раньше мужиков увидел косяк Байкала. Когда он выезжал на своей моторке из Кривой протоки, где поставил сетку, заметил впереди лошадиные головы на водной глади — сразу догадался, что это Байкал.

Прокопий Емельянович добавил газку, заспешил вдоль берега, обогнул мыс и причалился к заводи: он предчувствовал беду.

Байкал, раз приперся сюда, забьет Красавца. Да и два жеребца в одном табуне не положено держать, не уживаются они.

Но он не ожидал, что все произойдет так круто и быстро: подойдя скорым шагом к Красавцу, он увидел большой кровавый разрыв на правой передней лопатке, еще сильнее разодрана грудь и шея — на землю длинными каплями срывалась кровь.

— Ах, ты, дуролом, ты, дуролом, совсем озверел, дьявол, всего как есть изуродовал...

Прокопий Емельянович торопливо направился к лодке, переправился через протоку напротив конторы — там никого не застал, на обед все разбежались. Выйдя на крыльцо, заметил на обрыве у магазина мужиков, сразу определил: Андрюха там, больше ему негде быть. Рванулся туда, поднялся на бугор и еще издали закричал:

— Ты что, не видишь, что перед тобой творится, совсем глаза залил?!

— Я что, баттерфляем туда? — огрызнулся Андрюха. — Пусть побесятся, чего им сделается!

Подойдя к пню, Прокопий Емельянович ловко выхватил бутылку, не глядя, швырнул ее под обрыв.

Андрюха никогда не видел своего «шефа» таким взбешенным, испугался даже, думал, в него запустит бутылкой...

— Жеребец кровью исходит. Пропадет — всю жизнь будешь платить, не выплатишь.

— Ну, ты даешь, дядя Про-пий... — ворчал Андрюха. — Там чуть не полбутылки было.

— Зальешь после, иди за катером, жди у плашкоута, я за Кузьмой...

Андрюха лениво натягивал на себя майку и рубаху, повторяя свое любимое: «Ка-ак дам!»

Пол-лета Прокопий Емельянович не выпускал Красавца из стойла, пока раны совсем не затянулись. Каждый день выводил на проминку, гонял на вожжах или верхом садился. Позже стал запрягать, возил из лесу заготовки для полозьев, оглобель, черенков для вил и лопат, а то — сушняку домой на дрова, сено.

А к зиме по настоянию председателя и зоотехника отправили Красавца в Тальники, мужик из Комаровки согласился стеречь. Прокопий Емельннович был против отправки, так как уверен был, что там его вовсе испортят, не приспособлен он к такой жизни, изнеженный от рождения.

Так оно и получилось. К весне, когда его пригнали снова на конюшню, он округлился, раздобрел — развалився, как печь. И с кобылами у него опять ничего не выходило, хотя он и ярился и обхаживал их, как положено жеребцу. После одной такой попытки Прокопий Емельянович в сердцах стегнул его даже концом повода по задним ногам, выругался:

— У-у, патент недоделанный!..

И на красоту, эту статность его противно было смотреть, как он трусливо перебирал ногами...

— На колбасу его, дядя Прокопий, — смеялся Андрюха. — Десять тысяч угрохали, а он кобыл боится — смех, хи-хы-э!..

— Не мяли, не ездили — чего ждать толку, говорил же им!

И на этом закончилась биография Красавца как племенного жеребца. На завод его не взяли обратно, написали, что сами, мол, испортили.

Однажды Кузьма Савельевич разложился со своим чемоданчиком под березой. Андрюха распутывал ремни и веревки, мужики курили на бревне.

— Выводи, — скомандовал Кузьма Савельевич.

Прокопий Емельянович ушел с глаз, но и в избушку, казалось, долетали с улицы стоны и всхрапы Красавца...

Опоздал Прокопий Емельянович. Волна сама опросталась, слава богу. В прошлом году она жеребилась первенцем трудно, пришлось дежурить полночи, вызывать Кузьму, Андрюху.

У ног лежал, водил своей длинной мордахой жеребенок, фыркал. Прокопий Емельянович вытер мешковиной сопатку, перевязав шпагатиной пуповину, отрезал. И сел на корточки у столба, переполненный всегдашним волнением и восторгом при виде еще одного живого существа на свете.

Жеребенок попытался встать, оперся на передние ноги.

— Полежи, полежи, — прошептал Прокопий Емельянович. — Рано, успеется.

И в это время из дальнего конца конюшни взвился голос Байкала, призывный и властный — взыграло отцовское сердце.

А пока уносил послед и заходил в избушку, заглянул — кобыла и жеребенок были уже на ногах. Посветив фонариком, Прокопий Емельянович разглядел, что жеребчик. И тут же различил на лбу маленькую звездочку. Это от матери у него.

И Прокопий Емельянович тут же надумал назвать его Красавцем.

— Пущай будет свой Красавец, ага, — сказал он вслух, обращаясь к жеребенку, который, уткнувшись в материно вымя, тянул молоко. — Коршуновская порода.

●

ПОЭЗИЯ

СОЛНЕЧНОЕ ПОЛОТЕНЦЕ

Николай ЛАНЦОВ

* * *

С поклоном, с добрыми словами
За стол сажала тетка нас.
Сгибался стол под пирогами,
И пили мы студеный квас.
На руки брал отец трехрядку —
Шел ходуном наш потолок.
Сам гармонист ходил вприсядку —
Толкала бабка деда в бок.
Поправив пышную прическу,
Высоким взглядом смерив нас,
Бабуся выплыла, и доски
Пустились в звонкий перепляс.
А мать, в батистовом платочке
И в белой кофте, как весна,
Такие выбивала строчки —
Взмывала лавка у окна.
И вся изба волчком кружилась.
Коленки...
руки...
образа...
И в ленту глаз зеленых слились
Чуть очумевшие глаза.
Тогда, казалось мне, и небо
Плясало с нами заодно.
И караваем теплым хлеба
Луна ломилася в окно...

* * *

Снег в щели ворвался.
Он в сенцах
Ваяет хребты синих гор.
На солнечном полотенце
Повис
Наш серебряный двор.

Во мне расстояния льются —
И степь моя
Тонет в горах.
И горы
На солнце смеются,
И тают у нас на губах...

Москва

Ахмед ДЖАЧАЕВ

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

Пришла весна, и вновь влюбленный взор
Кумыкия к лазури устремила.
В ее глазах таится синь озер,
Цветы лугов и молодая сила.
И стая лебединая раскрыла,
Как полумесяц, крыл своих узор.
Все лебедям знакомо здесь и мило,
Гостеприимен голубой простор.
Они поют про юную весну,
Про счастье, про родимую страну,
На все вокруг любуясь нежным взглядом.

Вот показались озеро и сад,
И птицы белоснежные спешат
Пролиться с неба белым водопадом.

Махачкала

Перевод с кумыкского
Александра Ануфриева

Имя писателя Ивана Вольнова хорошо известно в литературе и в комментариях не нуждается: автор «Повести о днях моей жизни», которую в 1911 году поддержал А. М. Горький, повестей «Самара» и «Встреча», написанных под впечатлением от голодающего Поволжья, где писатель в составе санитарного поезда принимал самое деятельное участие в ликвидации голода.

Однако сегодня некоторыми историками литературы его биография трактуется превратно. Так, «Аргументы и факты» (№ 43, 1988 г., см. интервью с членом-корреспондентом Академии наук СССР П. Николаевым) утверждают, что «Вольнов уехал в Сибирь и скрывался там десять лет до самой смерти», — тем самым скрывая правду. Дело в том, что И. Вольнов действительно ездил в Сибирь в 1918 году за хлебом для Москвы. В 1919 году И. Вольнов жил в своем родном селе Богородицкое Орловской губернии, где несколько раз арестовывался за защиту крестьян местными властями, но освобождался по требованию В. И. Ленина. Осенью 1919 года, как уже говорилось выше, Вольнов добровольно участвует в ликвидации голода в Поволжье, затем вновь, на этот раз навсегда возвращается на родину.

Почему Николаев перекраивает творческую биографию И. Вольнова? Не потому ли, что Вольнов был социально активным русским писателем в трудное время, когда страна находилась на изломе, и сумел сказать свое слово о ней, в иных случаях воспринимаемое нами как пророчество. Приверженец русской классической традиции, И. Вольнов заставляет о многом задуматься нас. Например, об истоках зверского, темного и бесчеловечного в прошедших временах, соотносимых сегодня столь охотно «прорабами перестройки» якобы с «тысячелетней рабской душой» русского народа, его «зоологическим антисемитизмом» и будто бы врожденным шовинизмом русского национального характера. Эти «прорабы» стараются упорно увести читателя от понимания действительных закономерностей и движущих сил истории. Особенно тщательно умалчиваются ими факты разлагающего влияния антинародных сил на мораль, нравственность и духовность народа.

Иван Вольнов задумывался именно об этом, о том, кто спаивал русский народ, кем взнуздывалось и подстегивалось **зверское и бесчеловечное** в человеке, к каким разрушительным последствиям вело одурманивание нации наркотическим зельем. Ужасные картины такого разрушения показаны в рассказе «Суд».

Полагаем, читатель задумается, не проявляются ли последствия тотальной, многолетней и все нарастающей алкоголизации населения в тех сокрушительных межнациональных конфликтах, свидетелями которых мы стали сегодня. Может быть, они задумаются и над тем, кто же виноват в этом, кто — повинен.

Рассказ «Суд» написан И. Вольновым в 1918 году в Алтайской губернии. Ранее не публиковался.

Иван ВОЛЬНОВ

Рассказ

По безлюдным улицам села яростно рыщет упругий ветер. В мутной мгле песка и назема еле различимы туманные гряды переулков. Из-под нависшей над избами удушливой пелены не видно солнца. Село потонуло в серо-желтом кипящем котле. С крутых обрывов Оби, с дюн, тугим кольцом опоясавших постройки, из-за речных низин, ветер сдирает целые пласты песка и с дикой силой перебрасывает через яры, через стонущие под его напором угрюмые шапки сосен, поперек мутно-глинистого, смятого в жесткие складки полотнища красавицы реки.

Как щепки нас прибило к этому селу. Мы еле передвигаем ноги по наметенным в переулках песчаным сугробам. Спины наши мокры от котомок. В ушах звенит кровь. Сухие, потрескавшиеся губы разъедает соленая пыль. Мой попутчик, нищий-паралитик, неведомыми судьбами докарабкавшийся из Новгородской губернии до этих унылых, бесцветных алтайских предгорий, в изнеможении садится посередь дороги и хрипит:

— Штоб тебя черт взял, паров не хватает! Иди, ищи стоянку. Живо, а то подохну.

Я — в кэпи и солдатских обмотках. Я — просто любопытный странник в моей прекрасной проснувшейся стране, одинаково жадно пьющий пронзительный свист бурь ее и победные песни ее. Но попутчик решил, что я — беглый австриец, военнопленный, и не прочь покомандовать мной. Я не спорю с ним.

Село застроено плотно. От главной улицы ползут отростки. Как не похожи эти крепкие, хозяйственные обва-

ведения, распирающие хлебом и живностью, на наши орловские и тульские лачуги, полные нужды и голодного детского крика!

Пряча лицо от секущих взмахов ветра, я выбираю избу попросторней и побогаче; в раскрытых сенях ее мелькают люди.

— Отдохнуть можно?

— Проходи. Бродяжишь или по делу?

— Бродяжу.

— Кто к чему свычен...

Люди сторонятся, разглядывая мой пестрый и пыльный костюм.

— Здешний? — спрашивает пожилая баба.

— Нет, из Москвы.

— Далеким ветром пригнало...

В накуренной, крикливой горнице, где громче всех заливается широкогорлый граммофон, нас несколько минут остро щупают взоры мужчин, сидящих за столом.

— Никак имянины? — восхищенно хрипит мой спутник, глядя на уставленный яствами и бутылками стол; почуяв запах спирта, он сразу ожил, повеселел; лучистыми щелками он по очереди глядит всем в красные, сытые, потные и пьяные лица.

— Мир честной компании!..

Нас усаживают около печки. Как метлой, мы подметаем горячие и румяные, с капающим золотистым маслом шаньги, пухлые пирожки с рыбой и легкими, куски жареного мяса, остатки пельменей, дичи, и все это сдабриваем чибарухами крепкой «самосидки» с легким запахом жженого теста... Хорошо после трудной дороги!..

А за хозяйским столом идет своя пир-беседа. На меланхолически стонущий граммофон, как собака из угла, рычит гармонья. Девки и бабы, спустив на плечи косынки, поют, что «в белом камне нет огня, в Егорушке — правды». Кто-то хлопает по полу растоптанными катанками. Чокаются за революцию и Советы. Работник-татарин, забыв заветы своего сердитого пророка, тянет водку прямо из горлышка.

— Богатеев, варначье, напугали, в век не забудут! — подходя к нам на нетвердых ногах, хохочет кудрявый парень. — Теперь — наша сила! — Он приветливо хлопает по плечу нищего, согласно кивающего ему головой. Что-то буйное и вместе ласковое в глазах его. Он тащит нам со стола огромный мосол баранины: — Ешьте, ребята,

досыта! — с мягких пальцев его на плечо нищего капает сало. — У вас, поди, богатеев тоже трясут? — спрашивает он.

— С наших краев и началось, — с гордостью говорит нищий, подвигая баранину к себе. — Ты не накидывайся дюже на жирное мясо, а то живот заболит, — говорит он мне.

— Ерунда, ешь досыта, — говорит парень.

Парень рассказал, что они пьют четвертые сутки, что за это время они менялись друг с другом лошадьми, и гусями, и коровами. В доверху набитых таратайках, под свист песчаной пурги, бешено носились вдоль села на полудиких киргизках. Старухи едва успевали варить «самосидку». Там и тут щелкали выстрелы, ревели дети, гикали всадники — было шумно, весело, у всех чуть животы не лопнули от хохота.

К полудню разгул достигает высшего напряжения. В горнице все скрипит и подпрыгивает от гама и беснования. Бабы «в темном лесе, за рекой», сеют лен. Матросы и солдаты хвастаются подвигами и разгромом барских экономий в Бессарабии. Все обнимаются, ссорятся, клянутся в вечной любви и дружбе, запускают пятерни в бороды.

А за окнами стонет и мечется незатихающая буря.

— Вот, брат, как по-нашему — потолок трещит! — с восхищением кричит пьяный нищий. — Жрут, сволочи, а в Расее мякину дожевали!

Вдруг в горницу ввалился черный, широколобый, кряжистый сибиряк.

— Совет тутотка? — вращая синими белками, спросил он. — Поглядите, чо у меня сделано!.. Главная корова пропала!

И он бросил на стол три сморщенных кровавых соска.

— Он может это простить? Он найдет на такую жабу управу у товарищев? — спрашивал он.

Недавно он променял свою жену соседу-новоселу.

— Нам теперь права дадены! — кричал он. — Вот не хочу жить с ей, мне Татьяна люба.

За сотню придачи муж Татьяны согласился поменяться женами: ему нужна была другая лошадь.

И в тот день было очень весело, шумно и людно. Со всех концов к избе сбежались любопытные, и мена женами произошла при торжественной обстановке. Бабам было приказано обрядиться во все новое. Пилась «самосидка». Пелись застольные песни. Было собрано множе-

ство граммофонов, балалаек и гармонь. Матрос сказал прочувствованную речь о вреде долгих брачных сожитий. Покричали «ура». Кем-то сняты были с божницы иконы. Но матрос решительно запротестовал.

— Я не признаю этот черносотенный комитет, — сказал он.

И все согласились, что «это» теперь ни к чему, это — по старому режиму.

Первая жена черного, дебелая, бездетная баба, плакала: ей не хотелось уходить из дома к новоселу, бедному и перестарку. Но черный ей решительно сказал, что у него в избе ей все равно не жить, пусть лучше слушает, что ей приказывают.

И свадьбу сыграли. Одной муки пошло на «самосидку» пудов пятнадцать.

Сначала молодожены жили мирно, как будто даже довольные переменой. Ходили в гости друг к другу. Мужики курили табак из одного кисета. А потом бабы стали ссориться, втравляя в ссору мужей. Как-то первая жена черного пришла к нему за мукой. Тот отвесил три пуда. Разговаривая, она хвалилась богоданным новоселом, и это не понравилось черному.

— Житьем хвастаешь, а за мукой ко мне, — сердито бросил он. — Поди, жила у меня, не ходила в побор. Татьяна-то моложе тебя да побасче.

И он в сердцах выгнал ее.

А сегодня Татьяна возвращалась из хлева и сказала, подавая соски:

— Ты вот дружишь с шкурой, мне не веришь, погляди-ко, что она сделала корове, — ладно ли?

И она подала черному три отрезанных соска.

— Я их под воротней нашла, они наколдованы.

Взбешенный черный поломал крыльцо и окна новоселу. Искал его с женой, но те спрятались.

Рассказав, черный вытер багровое лицо и вопросительно поглядел на застолицу.

— Сейчас, — сказал ему парень, угощавший нас бараниной.

Немедленно был созван сход. Возбужденные хозяин коровы и матрос требовали достойного наказания. Новосел — пришлец, жаба, варнак, лапотонник, его крестьянский начальник насильно вопхнул в село, он всех коров порежет. Матрос рассказал, как ловко они судили таких саботажников на Невском.

— И этих надо так же! — заревела толпа. — Суд!..

Был избран суд. Матрос попросил, чтобы его назначили прокурором.

В сарай, где происходило собрание, принесли стол.

— Вымя портила! — подняв палец, сказал матрос, когда судьи расселись вокруг стола... — А откуда молоко! Какая цена корове?

— Восемь сот, — твердо ответил черный.

— Вот сволочь, — пропищал позади нищий. — От силы — косая.

— Нынче соски корове, а завтра — еще кому-нибудь! — выкрикнул матрос, хлопая кулаком по столу. — Какое ваше решенье этим преступникам?

— Суд! — в один голос сказала толпа.

И подсудимых стали бить — палками, кулаками, поленьями.

Новосел был худ и умер быстро. А жену его, здоровенную бабищу, никак не могли прикончить. Она уже превратилась в кусок окровавленного мяса, а все еще дышала и охала. Люди взопрели, помутились от крови и озлобления, но бить никому не хотелось, и решили засыпать ее живою, по-старинному.

На краю села наспех вырыли яму. Воротились, поставили бабу на ноги, повели хоронить. И она шагала — мешок запекшейся крови, — поддерживаемая рыдавшей сестрой, и прощалась со всеми.

— Не виновата... бог свидетелем, — шептала она ломтями распухших губ. — Бог рассудит...

Перед могилой она беспомощно свалилась. Ее столкнули на труп новосела, и на грудь ей посыпался с лопат песок. Но она вдруг застонала и села в яме. Осмотрела мутным взглядом толпу, узнала сестру свою. Медленно, с усилием подняла руки, распухшие, черные. Высвободила из ушей серебряные серьги, протянула сестре:

— На, Стюня, годятся... на память тебе. — И легла.

— Зарывайте скорее... пошто мучаете... долго...

Ее зарыли.

Это было в 18-м году, в Сибири, в Барнаульской губернии, перед бунтом военнопленных чехов, когда черные вороны реакции еще беспрепятственно летали по белозеленым таежным просторам и разжигали звериное в смятенных умах лесных жителей.

Публикация М. В. Минокина

Юрий НИКОНЫЧЕВ

«ПОВЕСТЬ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ»

Стихотворное переложение*

* * *

К реке Воронеж Федор-князь пришел,
Принес Батыю соболей и злата,
Красы неописуемой привел
Борзых коней для войска супостата.
Молил царя, чтоб он не воевал
Земли Рязанской, но немилосердный
Батый ему притворно обещал
Орду не поднимать под клич победный.

* Публикуется сокращенный, журнальный вариант.

И, в похоти немалой распалясь,
Сказал: «Не трону русские равнины
Коль дашь ты мне изведать, Федор-князь,
На ложе красоту твоей княгини».
Лишь посмеялся князь и молвил тут:
«Негоже благоверным христианам
Любимых жен водить к тебе на блуд,
Чтоб волю оплатить их страшным срамом.
Покуда нас не захватил в полон,
Покуда меч из рук не выбил в битве,
Не знать тебе, Батый, рязанских жен, —
Не видеть слез, не слышать их молитвы».
И повелел Батый послов убить
И бросить их тела на растерзанье
Зверям и птицам, чтоб похоронить
Никто не смог посланников Рязани.
Лишь пестун князя Федора успел
От неминучей гибели укрыться.
И, отрыдав над грудой мертвых тел,
Бежал он на рязанские границы.
И Евпраксии рассказал в слезах
О лютой смерти мужа дорогого.
Княгиня с малым сыном на руках
Ни одного не вымолвила слова,
А поднялась в высокий терем свой
И, боле ничему уже не внемля,
Объята нестерпимою тоской,
Расшиблась с чадом до смерти о землю.
Как услыхал великий Юрий-князь
О смерти сына и его собратьев,
Объятый горем, начал торопясь
Сбирать рязанцев в воинские рати.
И, руки к небесам родным подъяв,
В слезах воскликнул: «О избавь нас, боже,
От сборища поганых. В тьме дубрав
Пусть будет путь их темен и тревожен».
И обратился к братии своей:
«О государи, перед сечей новой
Во благе мы прожили много дней,
Так встретим же достойно час суровый
И одолеем хиновскую тьму.
А коль испить придется смерти чашу —
Ее из рук господних я приму
За церкви, отчину́ и веру нашу».

* * *

Николе-чудотворцу помолясь,
Епископа приняв благословенье,
Простился с Агриппиной Юрий-князь
И двинулся с дружиной на сраженье.
До рубежей земель рязанских шли.
И, повстречав Батыя, в сече страшной
Его полков немало извели
И сами прикоснулись к смертной чаше.
Кто против гнева бога постоит!
Небес не видно за кровавой мглою;
Один рязанец тысячу разит,
А двое бьются с басурманов тьмою.
Уж чашу смертную всех наперед испил
Князь Муромский и пал на поле брани;
Тогда князь Юрий из последних сил
Воскликнул в горести: «Узорочье Рязани,
Мужайтесь и крепитесь пред врагом!
За церкви, отчину́ и веру нашу,
Коль выпал жребий, так до дна допьем
Вослед Давыду Муромскому чашу!»

* * *

Мечом Евпатия до жесткого седла
Пал Хостоврул, рассеченный на полы.
И дума темная к Батыю снизошла.
И страх великий обуял монголов.
И камнеметы смерть ему несли
По повеленью грозного Батыя —
Пал Коловрат на грудь родной земли,
И потемнели очи голубые.
И санчакбеи, наклонясь над ним,
Дивились так: «Мы много воевали,
Но резвеца, чтоб был неуязвим,
Мы до сих пор покуда не встречали.
Один рязанец тысячу разит,
А двое уже бьются с целой тьмою,
Никто из них от страха не дрожит
Перед великой нашею ордою».
Сказал Батый: «Евпатий Коловрат,
Моих сгубил легко единоверцев,
Коль был бы ты мне в сече друг и брат,

Тебя держал бы я напротив сердца».
И отдал тело тем, кто уцелел,
Чтоб на земле родной похоронили.
И воинам своим он повелел,
Чтоб, не вредя им, с миром отпустили.

* * *

Покинул град Чернигов Ингварь-князь,
Чтоб отомстить коварному Батыю.
И слезы потекли из синих глаз,
Когда увидел отчины пустые.
Пришел во град Рязань и онемел —
Убиты братья, снохи, мать родная.
Весь город от нашествия сгорел.
И воскричал он, в горести страдая.
. . . .
«Где ваша власть, где слава, где любовь?
Наступит ли за вас когда отмщенье?
Земля Рязанская впитала вашу кровь,
Тела же ваши не спасти от тленья.
За что мне сетовать над вами и рыдать,
О светы мои ясные, о братья,
Мне б прежде первым смерть свою принять,
Чем вам мои последние объятья.
О, плачь, Рязанская земля, со мной!
Шумите в горе тихие дубравы!
Нет ни одной теперь души родной,
И не с кем боле возродить мне славы.
Темнеет взор, немеет мой язык...
О братия, услышьте этот крик!»
Во град Рязань князей перенесли.
С великой честью их похоронили.
И над узорочьем истерзанной земли
Склонившись, отпеванье совершили.

Николай ВИРТА

ЧЕРНАЯ НОЧЬ

Роман-хроника

Рис. Г. Комарова

ПОСЛЕДНИЙ РОМАН НИКОЛАЯ ВИРТЫ

Вот уже сколько лет его нет среди нас, а я его присутствие — пусть это не покажется выспренним! — ощущаю постоянно. Особенно когда мне лихо. И вспоминая его, познавшего головокружительные взлеты и резкие падения с душевными ссадинами и кровоподтеками, ведшими, по сути дела, к забвению, отчетливо вижу тот стоицизм, которым обладал этот редкий человек.

Его творческая заря взошла в 1935 году, когда журнал «Знамя» опубликовал его первый роман «Одиночество».

Роман посвящен событиям, развернувшимся на Тамбовщине в годы гражданской войны. Почему именно им?

Родился Николай Евгеньевич Карельский в 1906 году в семье сельского священника в селе Каликино, что на юге Тамбовщины. Не раз сменялись приходы отца Евгения, и лишь в 1911 году семья надолго осела в селе Большая Лазовка. В своих романах писатель назвал его Двориками.

Многие биографы Николая Вирты в рассказе о его трудовом пути особенно любили подчеркивать, что начинал он пастухом, был и писарем в сельском Совете. Сразу как бы получался нормальный советский трудовой путь становления личности. А на самом деле? Какую еще работу, кроме как погонять скотину, могли дать отпрыску бывшего попа — классового врага утвердившегося строя? А писарство? Так это от повальной безграмотности.

...В 1923 году Николай Карельский начал работать репортером в редакции газеты «Тамбовская правда». Здесь его наставником и учителем был замечательный человек, прекрасный партийный журналист Георгий Иванович Осетров, одним из первых заметивший литературное дарование юноши. В литературном приложении к «Тамбовской правде» были напечатаны первые рассказы Вирты, посвященные главным образом дерененской жизни.

Здесь же, в «Тамбовской правде», Николай Карельский впервые прибегнул к литературному псевдониму — Вирта, — ставшему ему одновременно литературной и гражданской фамилией на всю жизнь. Причин для этого было несколько. Время революционное, тревожное. Шагу не сделать без мандата, анкеты. Попробуй назваться того самого батюшки, Евгения Карельского, сыном! В память о своих далеких предках взял будущий писатель псевдоним — по названию северной речушки.

Став профессиональным журналистом, Николай работал в различных газетах Костромы, Махачкалы, Саратова. В костромском журнале «Ледокол» был опубликован его рассказ о борьбе с антоновщиной.

В 1930 году Вирта переехал в Москву. Здесь сотрудничал в газетах «Электрозавод», «Вечерняя Москва», «Труд». Много ездил, встречался с различными людьми, настойчиво занимался самообразованием, увлеченно работал в театре рабочей молодежи. Был и режиссером, и актером, и автором многих пьес.

И вот — 1935 год, принесший успех роману «Одиночество». Вскоре на сцене МХАТа была поставлена его пьеса «Земля».

Через три года в «Знамени» будет напечатана «Закономерность» — продолжение «Одиночества». Чередой пройдут две новые пьесы — «Заговор» и «Клевета».

1939 год стал особым в его жизни: Николай Вирта был награжден орденом Ленина.

В том же году, когда началась «странная» война с Финляндией, он выехал на фронт военным корреспондентом «Правды».

Так в творчестве писателя появилась новая тема.

В 1941 году был удостоен Государственной премии СССР.

В годы Великой Отечественной Н. Вирта опять командируется военным корреспондентом центральных газет, но уже — на Северном фронте и в Сталинграде. Его фронтовые корреспонденции не сходили со страниц газет и журналов.

4 февраля 1943 года «Правда» опубликовала его очерк «Как был взят в плен Паулюс». Уже работая над ним, Николай Евгеньевич строил первые замыслы документальной исторической хроники о Гитлере, нацизме и движении общеевропейского Сопротивления.

В повести «Фельдмаршал Паулюс» (позднее он переименует ее в «Катастрофу») Вирта писал: «Мне довелось видеть фельдмаршала в день пленения и быть среди тех, кто в лютую февральскую ночь 1943 года сопровождал его на хутор Зворыгино, в штаб Донского фронта, которым командовал Рокоссовский. Уже тогда в Паулюсе замечалось — пусть неярко выявленное — раздвоение души, но он еще твердо держался чувства долга и послушания, которым напичкал себя во все предыдущие годы, занимая видные места в военном руководстве фашистской Германии».

Николай Евгеньевич был далек от мысли, что этот генерал-фельдмаршал, вышедший из подвала разрушенного универмага, через несколько лет, став у свидетельского пульта в Нюрнберге, обвинит подсудимых в вероломстве и истреблении миллионов человеческих жизней... Паулюса и по сей день кое-кто на Западе считает чуть ли не единственным виновником поражения фашистской Германии.

А писатель стал тогда одним из немногих, кто поверил в душевный разлад фельдмаршала: тот действительно не походил на многих гитлеровских вояк. И фигура пленного фельдмаршала стала для него ключевой в раскрытии механизма гитлеровской машины. Истории зарождения и краха фашизма заинтересовала всерьез.

Это сейчас во всем мире написаны тысячи книг, горы статей, посвященные тому, чтобы объяснить (или, наоборот, завуалировать) причины второй мировой войны. А в то время Николай Евгеньевич был одним из первопроходцев, прекрасно отдавая себе отчет в том, что берется он за непростое историческое исследование.

Вирта встречался с Паулюсом и в послевоенные годы, когда тот сам писал мемуары, до конца осознав преступность и гибельность дела, которому верой и правдой служил.

От очерка — к повести, от повести — к роману. Работать он будет самозабвенно. Как-то признается: «Бесчисленные встречи, разговоры, пометки в записной книжке, воспоминания... Сколько же всего накопилось за эти годы!..» Архивы, специальные фонды, библиотеки, встречи с учеными... Нерв будущего романа нащупан.

Одного только Николай Евгеньевич не мог предвидеть: сколько сил и энергии надо будет употребить, чтобы пройти через рогатки цензуры, и не одножды. Что-то выбрасывалось, переделывалось, почти полностью изымалось, навязывалась новая трактовка событий, фактов... Но при этом Вирта остается драматургом.

В 1947 году он пишет пьесу «Хлеб наш насущный» — о колхозной жизни в послевоенной деревне. Через год пьесу отмечают очередной (третьей) Государственной премией СССР. В это время с успехом на сценах страны идет и его другая пьеса — «Заговор обреченных», за которую в 1949 году вновь получит Государственную премию СССР — четвертую по счету.

Его литературное дарование было велико: публицист, драматург, журналист, рассказчик, очеркист, романист... В моем архиве есть, например, сборник, в котором Вирта представлен как автор спортивных юмористических рассказов. Поверьте, очень смешных и прекрасно написанных. Вирта поучителен и как очеркист. И мне близко суждение Ю. Мартыненко: «Очерковым произведениям Николая Вирты свойственны предельная лаконичность, сжатость, они наполнены концентрированным действием — это перечень поступков, дел, событий, это и создает впечатление подчеркнутого динамизма и насыщенности очерков». Не так давно мы с вдовой — Тамарой Александровной Вирта разбирали чемодан, в котором хранятся рукописи. И мы обнаружили почти десяток пьес, не «увидевших» сцены, не говоря о многих других рукописях.

По природе замкнутый, осторожный в выборе друзей, противник праздных застольных компаний, Вирта, что вполне закономерно в нашем общежитии, не всем был по душе. Писательский мир не лишен, к сожалению, завистников, интриганов, просто нечистоплотных людей. И пока у Вирты, как всем ошибочно казалось, любимца Сталина, все было хорошо, то и вокруг него царило относительное затишье. Шутка ли — четыре сталинских медали!

Но споткнулся Вирта на житейском ухабе... И что тут началось! И того, «белогвардейско-эсеровского попика» вспомнили, и в зачет «не наше» происхождение поставили. Так, по сути, была совершена гражданская казнь. Не грех бы вернуться к тому смутному времени и честно рассказать всю правду о происшедшем, никого не забыв в списке обвинителей и хулителей...

Но он устоял на ногах — тогда еще насильственно за рубеж не вытаскивали. Хоть с трудом, но кое-что из сочиненного выходило... Таланта с чаши весов не сбросишь!

Николай Евгеньевич скончался в январе 1976 года, незадолго до своего семидесятилетия. Роман-хроника, ставший делом его жизни, остался незавершенным. Бесспорно, зная огромное трудолюбие писателя, рукопись должна была бы стать цельным художественным произведением с большим читательским будущим... Но, к сожалению, время нам неподвластно. Слишком рано и все-таки с честью и с высоким достоинством завершился жизненный путь, о котором можно сказать словами самого Николая Вирты: «У человека нет власти над смертью, но он властен над своими делами. Не забываются дела неправедных, не забывайте их, но следуйте делам мудрых, они вечны под солнцем, и лишь они животворны!»

В заключение хотел бы отметить, что некоторые тревожные события нынешнего времени за рубежом и у нас в стране делают этот давний роман-хронику Николая Вирты весьма злободневным.

Владимир КАРАВАЕВ

Книга 1

ОТ АВТОРА

Меня могут спросить: зачем написана эта книга?

Ответ мой всегда один и единственный: напомнить людям, что кое-где снова поднимают головы те, кто хотел бы повторить черные дела Гитлера.

Не было в истории человечества еще войн, которые сопровождались бы приказами поистине зверскими, как было в войне, вероломно начатой фашизмом против СССР. Даже не придумав предлога для вторжения, еще не вступив на чужую территорию, Гитлер и его клика задумали уничтожение громадного, исторически сложившегося народа, занимавшего одну шестую часть планеты.

Виселицы, расстрелы, газовые камеры, изощреннейшие издевательства — все было пущено в ход, чтобы заставить советский народ склониться перед захватчиком.

Никакие зверства не сломили наш Союз, не сделался он рабом нацистов, хотя многим пришлось испытать на самих себе, что значит быть рабом немецкого кулака, немецкого заводчика, немецкого торгаша, немецкого ученого-фашиста.

Кулак, купив за бесценок в концлагере русского военнопленного или просто безвинно увезенного в Германию и сделав батраком или батрачкой, чинил расправу свирепее, нежели знаменитая наша Салтычиха, измывавшаяся над крепостными.

Стиннесы и круппы, получая из концлагерей русскую рабочую силу, заботились лишь о том, чтобы она давала как можно больше продукции и как можно меньше ела. Они знали: на смену тысячам умерших от голода и каторжного труда пришлют еще тысячи; между круппами и СС было заключено соглашение о поставке рабов в неограниченном количестве.

Немецкий мясник, взяв русского в поденщики, зорко следил, чтобы он не украл хоть унцию мяса. Несчастный, видя свиные и бычьи туши, украденные у русских же, и не имея права на ничтожный кусок мяса, умирал на глазах торгаша, не вызывая в нем ни капли сожаления.

Немецкий врач, доктор Август Хирт, эсэсовец, руководивший Страсбургским анатомическим институтом, не имел в своем доме русского раба.

Он писал не столь давно повешенному Адольфу Эйхману докладную записку об обеспечении его «достаточным количеством черепов большевистских комиссаров для научных исследований».

И разъяснял обер-палачу Эйхману, что он, Хирт, является

счастливым обладателем «почти полной коллекции черепов всех рас, но все же не имеет достаточного количества их для серьезной работы».

Еще он просил, чтобы штурмбаннфюрер СС «обеспечил сохранность большевистских комиссаров с тем, чтобы потом, когда они будут умерщвлены, можно было бы без повреждений отделить головы от туловищ и переправить их в Страсбург в герметически закрытых и наполненных специальной жидкостью жестяных сосудах».

И если все еще живы и бесчинствуют обезумевшие поклонники фюрера, если гуляют по спинам людей их дубинки, мы говорим немцам: будьте бдительны! Сметайте с лица земли всякого, кто поклоняется и зовет вас поклоняться призрачной тени фюрера, повторить, что в своей черной душе он задумал и попытался осуществить.

Мы знаем: осиновый кол, забитый историей в могилу Гитлера, не расцветет; порукой тому — ненависть всех народов к нацизму. И растущие силы демократии и мира, которые раздавят любую попытку новоявленных фюреров опрокинуть на нашу землю новые беды.

Нечего делать призракам на земле!

Не отслужить больше нацизму своей зловещей обедни, не повториться кровавой мессе и долгой, черной, страшной ночи...

ВМЕСТО ЭПИГРАФА

1

Гитлер: «Четырнадцать-пятнадцать лет тому назад я заявил немецкой нации, что вижу свою историческую задачу в том, чтобы уничтожить марксизм... Это не пустые слова, а священная клятва, которую я буду выполнять до тех пор, пока не испущу дух» (1933 г.).

«Я клянусь, что национал-социализм сохранит Германию и, очевидно, всю Европу от страшной катастрофы. Если мы вооружимся, мы спасемся от большевиков» (1935 г.).

«Для решения германского вопроса возможен только путь насилия, хотя оно никогда не бывает без риска» (1937 г.).

«Я дам пропагандистский повод к войне. Победителя не спрашивают, прав он или нет. При развязывании и ведении войны важно не право, а победа. Наша сила в подвижности и жестокости. Чингисхан с полным сознанием и легким сердцем погнал на смерть миллионы детей и женщин. Однако история в нем видит лишь великого основателя государства. Мне безразлично, что говорит обо мне одряхлевшая западная цивилизация. Руководители

Запада — червяки, я их видел в Мюнхене... Я отдал приказ и расстреляю каждого, кто скажет лишь слово критики. Приказ гласит: цель войны состоит не в достижении определенной линии, а в физическом уничтожении противника. Поэтому я — пока лишь на Восток — подготовил мои части «Мертвая голова», отдав им приказ без сожаления и жалости уничтожать мужчин, женщин и детей польского происхождения... Польша будет населена немцами. А в дальнейшем, господа, с Россией случится то же самое, что я проделаю с Польшей. Мы разгромим Советский Союз. Тогда грядет немецкое мировое господство» (1939 г.).

«...Немецкие учреждения и органы власти в СССР должны иметь роскошные здания, губернаторы — дворцы... Мы не должны посылать туда немецкого школьного учителя — знание грамоты русским, украинцам, киргизам может повредить нам. Немецкие врачи должны лечить только немцев» (1940 г.).

«...В Москву не должен вступить ни один немецкий солдат. Город следует окружить так, чтобы оттуда не вышли ни солдаты, ни гражданское население. Будут приняты меры, чтобы затопить Москву и ее окрестности. Там, где сегодня Москва, возникнет огромное озеро, которое навсегда скроет столицу русского народа» (1941 г.).

2

Передо мной высился холм. Густо зеленела трава под ярким солнцем, радуя глаз сочностью; холм, засеянный ею, даже красив. Быть может, еще и потому, что рядом с ним, по ту сторону, мрачно возвышались развалины — свидетели трагедии, чудовищным ураганом пронесшейся над землей.

Смотрел я на этот холм и вспоминал тяжеловесную роскошь имперской канцелярии, некогда занимавшей огромную площадь, тенистый сад, бомбовые воронки, обнажившие корни старых лип. Теперь от зданий и сада — ни следа. Там, под холмом, под толстым слоем земли и восьмиметровым железобетоном, было последнее убежище человека, пославшего вызов всему миру, виновника гибели миллионов людей.

Там, под холмом, навеки похоронен взорванный «фюрер-бункер», большое подземное сооружение, с жилыми и служебными помещениями, продовольственными и материальными складами, радиостанциями, телефонным узлом, госпиталем. Бункер начали строить задолго до конца мировой трагедии.

Бункер стоил дорого; к его строительству привлекли лучших специалистов из организации Тодта *.

* «Организация Тодта» — военизированные формирования строительных рабочих, существовавшие в фашистской Германии с 1938 по 1945 год. Их основателем был инженер Фриц Тодт, которого в мае 1933 года Гитлер назначил генеральным инспектором по строительству автострад в Германии. Строительство велось по участкам, на каждом из которых постоянно работало 200—500 человек. Для них создавались специальные лагеря-бараки. Во главе лагеря был поставлен лагерфюрер из числа членов нацистской партии. На базе этих лагерей в 1938 году была создана военизированная «Организация Тодта». Ее подразделения стали привлекаться главным образом для строительства различных военных объектов, а также стратегически важных железных и шоссейных дорог. В начале 1939 года «Организация Тодта» насчитывала 300 тысяч человек. В годы войны ее численность превысила миллион человек.

Проект «фюрер-бункера» разработал архитектор Альберт Шпеер. В 1934 году, когда он познакомился с Гитлером, ему было двадцать девять лет. Этот человек, ставший личным другом фюрера, имперским министром вооружений и боеприпасов и главной фигурой в комитете экономического планирования, отличался незаурядными способностями строителя и организатора. По его проектам построили имперскую канцелярию, много помпезных зданий в Берлине и в других городах, в реконструкции которых он принимал непосредственное участие.

Когда бункер был готов, Шпеер попросил фюрера осмотреть его.

Гитлер шел впереди всех, грузный, крепко сбитый, едва заметно волоча левую ногу, слушал объяснения Шпеера, изредка хмыкал, неторопливо задавал вопросы, покровительственно похлопывая по плечу то инженера, то солдата-сапера. Его встречали взгляды, полные преданности.

«Зиг хайль! Хайль Гитлер!» — неслось отовсюду.

Гитлеру понравились кабинет и спальня. Гостиная тоже пришлась по вкусу: здесь можно будет развлечься в узкой компании друзей.

Показали конференц-зал, приемную, комнаты адъютантов, врачей, охраны, поваров и лакеев, специальные помещения для гостей, узел связи, госпиталь, командный пункт, радиостанцию, склад продовольствия с запасом еды и напитков и в заключение угольный бункер.

С чувством облегчения фюрер покинул подземелье. Подвал есть подвал, тяжесть восьмиметрового перекрытия незримо давила на сознание и вызывала в душе нечто гнетущее...

Чтобы развеять мрачные мысли, Гитлер, вернувшись в имперскую канцелярию, вышел на балкон кабинета, откуда открывался вид на Бранденбургские ворота. Бог мой, сколько солдат проходили здесь тяжкой поступью! Сколько парадов видели эти ворота при королях, императорах и при нем, фюрере; сколько коронованных и некоронованных владык мира проследовало в роскошных экипажах к рейхстагу!

Простодушному немецкому обывателю мнилось, будто именно это громоздкое здание и есть средоточие верховной власти, что там решаются судьбы страны, проблемы войны и мира. Он, обыватель, не знал, разумеется, что была еще одна — невидимая власть. Она точно знала, во сколько обходится каждый спектакль, устраиваемый в стенах рейхстага. Здесь грызлись партии, ссорились министры, падали и возникали правительства — до тех пор, пока невидимые правители Германии не покончили с ними в считанные дни.

Огромный орел с кровожадным клювом распростер свои свирепые крылья над трибуной председателя рейхстага, очищенного от призрака куцей веймарской демократии.

В своих когтях орел сжимал черного, зловещего паука-свастику — эмблему партии нации, разогнавшей все другие партии.

В то время Гитлеру, стоявшему на балконе кабинета, казалось, что его партия будет вечно править Германией и странами, подлежащими завоеванию. Так на кой же черт это мрачное подземелье?

И бункер пустовал. Его тщательно охраняли, проветривали, уборщицы следили за чистотой жилых комнат и служебных помещений, несколько раз обновляли драпировки, полировали мебель (все-таки сырость давала знать), охрана стояла у входов, а начальник ее ежедневно проверял подземные ходы, соединявшие бункер с новой имперской канцелярией.

Сам фюрер забыл о нем.

3

Часами стоял я на вершине зеленого холма, наблюдая за суетой вокруг рейхстага: расположился он почти рядом с Бранденбургскими воротами. Над ними — флаг Германской Демократической Республики, а в сотне метров, над рейхстагом, развевался флаг республики Федеративной.

Рейхстаг восстанавливают. Уничтожаются надписи на стенах — я видел их, когда был в Берлине через месяц после войны. Тогда весенние дожди еще не смыли крови наших солдат, павших в жестоких боях за рейхстаг, тогда красный флаг моей Родины еще грозно реял над поверженным Берлином, над рейхс-канцелярией, ныне уничтоженной навеки. как навеки скрыт от людей под зеленым холмом «фюрер-бункер».

Горькие мысли одолевали меня, когда я поднимался по гранитной лестнице рейхстага.

Время не стерло следы боев, кипевших здесь, и нет ни одного сантиметра стены, где бы наши солдаты и офицеры не остаали

напоминания о себе. Многие из них прошли боевой путь от Ленинграда и берегов Волги. За сердце хватают эти надписи!

Мы попросили инженера отбить от стены несколько плит с надписями воинов Страны Советов. Потом я спросил его:

— Разве взятый с боя рейхстаг не был символом общечеловеческой победы над злейшим врагом всего человеческого рода? Разве мы забыли, с каким восторгом во всем мире рассматривали люди фотографии Виктора Темина, помещенные в «Правде» и перепечатанные всеми газетами Европы и Америки: полуразрушенные Бранденбургские ворота, разбитый снарядами и бомбами рейхстаг и Знамя Победы над ними? Кто ж дал право сбросить знамя с рейхстага? Кому пришла в голову преступная мысль уничтожить надписи, сделанные рукой русского солдата, того, кто спас Германию и немецкий народ от их же собственных врагов?

Ответа я не получил...

И подумалось тогда: что бы могло быть, окажись зеленый холм по ту сторону нашего мира? Если там восстанавливают рейхстаг, если там из-под полы торгуют вещами, якобы принадлежавшими Гитлеру, можно представить, какой бизнес устроили бы предприимчивые дельцы, попади в их руки развалины бункера и бомбовая воронка, где сожгли трупы Гитлера и Евы Браун, какие отвратительные мистерии могли бы устраивать здесь в память фюрера...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Прокурор. Вы известны под именем «Железный Густав»?

Густав. Так точно, заключенные звали меня Железным Густавом.

Прокурор. На предварительном следствии вы показали, что все эсэсовцы были в большей или меньшей степени извергами. Это правильно?

Густав. Так точно. Это правильно, все они были извергами.

Прокурор. Можете ли вы вспомнить о случае, имевшем место осенью 1938 года, когда был закопан в землю один из членов секты «Исследователи Библии»?

Густав. Так точно. Он был закопан по самое горло...

Прокурор. Каким истязаниям он подвергался после этого?

Густав. Остальные заключенные должны были оправляться на его голову.

Прокурор. По чьему указанию?

Густав (служил восемь лет в концлагерях, был надзирате-

лем и лагере Заксенхаузен и выслужился до начальника лагеря в Риге). По моему указанию.

Прокурор. Правильны ли ваши показания, что вы ежедневно избивали заключенных?

Густав. Так точно, правильны.

Прокурор. Если человек кашлял, вы избивали его?

Густав. Так точно, если человек кашлял или у него было неприветливое лицо, то я бил его.

Прокурор. А если он был в хорошем настроении и у него было приветливое лицо, то тоже его избивали?

Густав. Тогда я тоже находил причину, чтобы избить его.

Прокурор. Следовательно, вы избивали людей, если они делали недовольные лица, если они были в плохом настроении, а также в хорошем настроении?

Густав. Так точно, найти повод для порки для меня никогда не составляло труда.

Прокурор. Что вам известно о совещании в августе 1941 года, на котором обсуждался вопрос об унвчтожении русских военнопленных?

Густав. ...Было указание уничтожить этих людей.

Прокурор. Сколько их там было?

Густав. Около шести тысяч в первом транспорте.

Прокурор. А что стало с тысячью военнопленных, которые остались в живых?

Густав. Четыреста челоаек умерло в апреле 1942 года от голода... А оставшиеся были высохшие скелеты.

Прокурор. Подсудимый Густав, подтверждаете ли вы, что... участвовали в расстрелах русских, поляков, голландцев, французов и представителей других наций?

Густав. Так точно, это соответствует фактам.

«Железный Густав» после передачи его властям Германской Федеративной Республики получил компенсационное пособие в шесть тысяч марок и был выпущен на свободу.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Внимательно посмотрим карту Верхней Австрии и прилегающей к ней Баварии, самая южная часть которой клином вдается в австрийские владения.

Мощные отроги Зальцбургских Альп вздымаются над горными

долинами, со всех сторон окружая небольшую, как бы отрезанную от мира страну, некогда называвшуюся маркграфством, а потом аббатством Берхтесгаденским.

В острие клина, на берегах Дуная, расположился город Пассау: река разделяла его на баварскую и австрийскую части.

Чуть западнее, на берегу реки Инн, мы найдем еще один пограничный город — Браунау. Некогда он принадлежал герцогству Верхняя Австрия.

Следуя на юго-восток, отметим Линц — это главный город Верхней Австрии. Железная дорога, проходившая через Линц, шла дальше и пробегала по окраине Леондинг, расположившейся на равнинной, слегка всхолмленной местности.

Была тут старинная церквушка; обитатели Леондинга показывали приезжим развалины римских укреплений.

Здесь испокон веков жил крестьянский род Гидлеров (Хитлеров или Гюттлеров). Одним из представителей этого рода во второй половине девятнадцатого века был Георг Гидлер. В молодости он аел распутную жизнь: одной из жертв его донжуанства была девица Мария-Анна Шикльгрубер из деревни Штронес. Родив сына, она назвала его Алоисом. Родители ее учинили папаше скандал, требуя, чтобы он женился. Каким образом Георг отвертелся, неизвестно, но деньги на содержание сына ему пришлось давать. Но, как ни хитрил, ни изворачивался Георг, Мария-Анна настояла на том, чтобы он усыновил ребенка. По последним данным, усыновление Алоиса состоялось в январе 1877 года, когда ему уже шел 40-й год. К этому времени прошло почти 30 лет, как умерла его мать, и 19 лет с момента смерти ее мужа, Георга Гидлера. Инициатором усыновления был сам Алоис, а осуществил это по его просьбе брат покойного Георга—Непомук, в доме которого Алоис воспитывался после смерти матери и от которого, как от дяди, он надеялся получить небольшое наследство. Со слов Непомука священник заполнил данные о родителях Алоиса: в графе «отец» было записано — Георг Гидлер, в графе «мать» — Мария-Анна Шикльгрубер. С этого момента таможенный чиновник Алоис Шикльгрубер стал носить фамилию Гитлер.

Дважды Алоис женился, но неудачно: жены умирали. Третьей была Клара Пельцль. Пятерых детей родила Клара, трое умерли. Выжили двое: Паула и Адольф; он родился вечером двадцатого апреля 1889 года. Крестил его ксендз: все Гитлеры были католиками.

Взглянув на новорожденного, Алоис покачал головой.

— Мне не нравятся его глаза, Клара. Какие-то они не младенческие, ты не находишь?

В те дни Клара думала только о том, чтобы не умер и этот

мальчик. Конечно, маленького Адольфа на назовешь красавцем, но матери он был так дорог!..

Сохранилась самая ранняя фотография Гитлера: младенец в белом платьишке осоловело смотрит в объектив фотоаппарата.

Прошли годы. Нашелся специалист по расовой теории, некто Альфред Гихтер. Изучив портрет младенца, он пришел к выводу, что в лице ребенка «явственно проступали черты нашего великого. народного канцлера. Все высшие признаки нордического человека обнаруживались в нем уже в том нежном возрасте...».

В 1893 году Алоис с женой, дочерью и сыном перебрался в небольшой Пассау. Здесь еще сохранились остатки кельтских поселений: Бойодурум — на правом берегу Дуная, — и укрепления римлян — на левом. Туристы охотно посещали живописные местности Пассау, и таможенники не сидели сложа руки.

Здесь Алоис Гитлер, поступив на таможню, задержался на полтора года. Высшее начальство отметило его скрупулезность при досмотрах и перевело старшим таможенником в город Браунау на Инне. Служба давала приличный заработок. Не желая совсем порывать с родными местами, Алоис купил в Леондинге дом, куда по праздникам наезжал с семьей. Владения Алоиса округлились после смерти отца, давая солидный капитал. Но и в Браунау жизнь пришлась Алоису по душе. Здесь туристов почти не бывало. Свободного времени у старшего таможенника хоть отбавляй.

Покуривая трубочку, Алоис Гитлер вел неторопливые беседы с соседями, пережевывая местные сплетни. Пускался и в политику: хвалил престарелого императора Франца-Иосифа и ругал его подданных: сербов, словаков, чехов. Обыватели ловили каждое слово Алоиса: как-никак, государственный служащий! К тому же и выглядит авантажно, особенно в мундире. Расшитая золотым кантом куртка, белые панталоны, шляпа с плюмажем, блистающие лаком ботинки... Смуглое лицо его украшали густые усы, в точности как у Его Величества императора Священной Римской империи.

Алоис почитал императора великим человеком, желал ему еще долгих-долгих лет жизни на страх врагам, свиньям-славянам, досаждавшим цезарю протестами и восстаниями. В адрес славян Алоис посылал только проклятья; в них не было недостатка, едва речь заходила о мятежных народах, прикованных цепями к императорскому трону.

Себя Алоис почитал чистокровным германцем и никакого различия между австрийцами и немцами не делал.

Адольф прилежно слушал разглагольствования отца: в ту пору шел ему одиннадцатый год.

2

Перед нами — фотография десятилетнего Адольфа.

Челка темных волос над круглым ребячьим лицом, недобрые глаза, поджатые губы, белая рубаха, галстук, темная школьная куртка. Тогда же он, четвероклассник еще, изобразил на сероватой бумаге интерьер семейной спальни. Несколько абстрактный, совсем не детский рисунок...

Рос Адольф не как все ребятишки: тоже вроде бы и проказничал, но как-то все втихомолку. Не то чтобы он чурался сверстников или не обнаруживал обыкновенных мальчишеских склонностей, но вполне мог обходиться без общества приятелей, а играл с ними без особенного увлечения.

— Какой-то он угрюмый, — говаривал Алоис. — Огня в нем нет, Клара.

Часто он видел сына погруженным в глубокую задумчивость. Окликнет его, тот от неожиданности вздрогнет.

— О чем ты думал?

— Я?

— Да.

— Ни о чем. Просто так.

Учился Адольф плохо. Это бесило отца. Примерный имперский чиновник мечтал, чтобы сын в будущем занял его место. «По теперешним временам, — твердил он, — неучу карьеры не сделать, заруби это себе на лбу, лодырь!»

Не раз Адольф пробовал отцовского ремня. Другой начал бы канючить, просить прощенья, а из этого слова не выдавишь: вот уж упрям, так упрям! Адольф так и не пересел на первую парту, чего всеми способами добивался отец.

Кое-как он перебирался из класса в класс, не обнаруживая интереса к наукам. Алоис мрачно отмалчивался, когда какой-нибудь обыватель, сидя в пивной рядом с таможенником, похвалялся успехами детей.

И вдруг Адольф пристрастился к рисованию. Уходил в горы и пропадал там целыми днями. Однажды, прогуливаясь в тех местах, Алоис приметил сына. Тот сидел на краю обрыва, тупо глядя невесть куда. Мольберт, краски, холст — рядом; Адольф даже не прикоснулся к ним.

— О чем размышляем, мой мальчик? — наигранно поинтересовался отец, присаживаясь рядом.

И услышал в ответ:

— Думаю, как ничтожен человек, мечтающий изобразить то, что создал бог. Для этого надо самому быть богом. Чтобы изобра-

жать человека, надо стать сверхчеловеком. А чтобы понять его, надо просить у господа хоть частичку его провидения.

Алоис с изумлением посмотрел на сына.

— Где ты набрался этой премудрости?

— Мне рассказали в школе, что был такой великий мыслитель, Ницше. Вот у него и написано все про людей. Каждый человек, найди он в себе волю, может стать этим сверхчеловеком. Почти богом, перед которым все будут ползать на коленках...

Я слышал, славяне утверждают, что они — наши рабы. Это правда?

— Ну, не совсем рабы. Это они только воображают, свиньи, будто мы их держим в рабстве. Черт их знает, чем им плохо живется. Все равно, сами-то они управлять собой не смогут. Они, видишь ли, низшие существа. Им нужна твердая рука нашего всемилостивейшего императора, да продлит господь его годы. Слишком уж они в последнее время вольничают.

Алоис, докурив трубку, ушел. Адольф побрел в горы. Вечером принес картину: водопад, сосны, старинный замок на голом утесе.

Вскоре Адольфа устроили в реальное училище в Линце. Убежденный в том, что его призвание — живопись, он и здесь занимался науками из рук вон скверно.

Непрестанные скандалы с Адольфом измотали Алоиса. К шестидесяти годам сердечные припадки надолго укладывали его в постель. Пришлось уйти на пенсию и переселиться в Леондинг. От скуки Алоис принялся сапожничать.

В конце 1905 года болезнь осложнилась. Старик почти не вставал. Чувствуя приближение смерти, написал завещание. Алоис не доверял слабохарактерной жене. Клара слишком уж слепо любила сына. Зная это, Алоис поручал воспитание сына своему приятелю, бывшему сельскому бургомистру, человеку суровому, с тяжелой рукой. Именно такой опекун, по мысли Алоиса, и был нужен Адольфу.

Алоис Гитлер умер, не дожив несколько месяцев до семидесятилетия. Адольфу шел семнадцатый год, до совершеннолетия было недалеко, однако он решил немедленно освободиться от опекуна.

— Как! — выговаривал он матери. — Этот старикашка, изгнанный из бургомистров, этот невежда — мой опекун? Опекун художника, свободного человека, черт побери? Неужели ты допустишь, чтобы мной и нашей семьей распоряжался посторонний человек?

Клара сопротивлялась недолго, продала сельский дом, и семья перебралась в Линц.

Два года жил Адольф с матерью и сестрой. В Линце ему не повезло: его упражнения в живописи отвергались знатоками и владельцами художественных ателье. Семейная жизнь тоже наскучила: мать старела на глазах. Паула росла сама по себе, нисколько не интересуясь занятиями брата. Разница лет не способствовала их сближению; и впоследствии они были почти чужими друг другу.

Однажды Адольф сказал матери, что уезжает в Вену:

— Здесь меня не желают признавать художником. Думаю, только там оценят мое дарование. А если так, ты ни в чем не будешь нуждаться.

— Ты хочешь работать в Вене? — всплеснула руками мать.

Адольф улыбнулся.

— Я поступлю в Художественную академию. В наш век искусство хорошо оплачивается. Я не пропаду.

3

Академия отказала ему в приеме.

— Молодой человек, — сухо заявил ректор, — у вас много самомнения и куда меньше дарования. Да, вы неплохо рисуете, но, извините, из вас так и прет невежда.

Адольф подал заявление в архитектурную школу, но и там получил отказ — провалился на вступительных экзаменах.

Он взбесился, потому что был убежден — в школу приняли ребят с образованием ничуть не лучшим, чем у него, Адольфа. Среди них были евреи, черт побери!.. Умеют устраиваться...

Только что окончилась Балканская война, и попахивало войной новой *. Династия Габсбургов доживала последние годы.

Мутная волна национализма и великодержавного шовинизма, антисемитские выступления — вот тот мир, куда с головой окунулся Адольф Гитлер.

Ненависть и презрение к славянам, унаследованные от отца, накрепко осевшие в сознании идеи Ницше, высокомерие «непризнанного гения» — вот чем жил в те дни Адольф. Венские кабаки,

---

* Имеются в виду две войны на Балканском полуострове в 1912—1913 годах. Первая велась Болгарией, Грецией, Сербией и Черногорией против Османской империи с 9 октября 1912 года по 30 мая 1913 года за освобождение балканских народов от турецкого ига. Она завершилась подписанием в мае 1913 года Лондонского мирного договора, по которому Турция лишалась почти всех своих владений в Европе. Вторая Балканская война (29 июня — 10 августа 1913 г.) велась между Болгарией, с одной стороны, и Сербией, Грецией, Румынией, Черногорией и Турцией — с другой. Она была вызвана резким обострением противоречий между бывшими союзниками из-за территориальных притязаний к Болгарии. Балканские войны привели к дальнейшему обострению международных противоречий, ускорив развязывание первой мировой войны.

где всякий сброд орал о том же, о чем вопили газеты, лекции бургомистра доктора Карла Лючера, местного идеолога антисемитизма, — вот что увлекало Гитлера в ту пору. Именно тогда в нем начала складываться убежденность, что жизненные блага распределяются волей плутократов и евреев-капиталистов.

Но, черт побери, он докажет этим негодяям, что они просчитались, отвергнув его гений!

Адольф принял участие в конкурсе дизайнеров и архитекторов. И вот готов проект жилого дома. Однако дом, спроектированный им, был забракован с прямо-таки оскорбительной поспешностью:

— Молодой человек, искусство — не ваша стезя. Как и архитектура.

Между прочим, тот проект сохранился, и он вовсе не плох. Может быть, в тот день, когда Адольф предложил его, председатель жюри был просто не в духе...

И Адольфу уже всерьез пришлось задуматься над своей судьбой. Без связей, без знакомых — один в огромном городе, всеми отвергнутый, предоставленный самому себе, он без цели шатался по улицам, ходил по контрамаркам в театр.

Наконец нашлась постоянная работа: его взяли разнорабочим на строительство. Мастер решил, что физической силы парню не занимать; Адольф стал подносчиком кирпича.

Художник, как он о себе думал, сын чиновника, воспитанный в уважении к военной касте и служивой иерархии, должен таскать кирпичи!..

Рабочие предложили ему вступить в профсоюз. Адольф фыркнул в ответ:

— Это мне вступать в профсоюз? Мне, художнику, быть заодно с так называемыми пролетариями?..

Однажды, рассказывая пошлый анекдот, Адольф не заметил стоявшего неподалеку инженера-подрядчика. Тот подошел ближе, холодно поинтересовался:

— Откуда ты набрался этой дряни?

— Из жизни. Сам видел, как живется этим...

Инженер не дал ему договорить.

— Из жизни? Неужели она не преподала тебе науку уважения к убеждениям людей и к их национальности, какой бы она ни была?

— Марксисты — демагоги и обманщики. И нации не все равны: есть полноценные, а есть низшие. Это как с людьми: один — гений, другой — ублюдок.

Схватив Адольфа за шиворот, инженер сбросил его с лесов. Правда, тот упал на кучу опилок и встал целехоньким...

В те годы Вена строилась широко; работы — сколько угодно, но Адольф, нигде подолгу не задерживаясь, так ничему толком и не научился. В свободное время читал и, хотя был австрийцем, все немецкое почитал свыше меры. Обожал Фридриха Великого и часами мог делиться на работе рассказами о «великом короле».

Работа давала ничтожный заработок, а молодой человек хотел жить, не отказывая себе ни в чем. Рисовал открытки с видами Вены, небольшие жанровые полотна. Сохранилась фотография рекламного плаката обувного магазина в Вене — лакированный сапог. Ничего не скажешь: Адольф выписал его мастерски!

Он находил и терял работу, не имея постоянного угла, без друзей, без любви, если не считать посещений домов, где она продавалась за наличные...

В Вене он познакомился с неким Ланцем фон Либенфельсом*. Костлявую, нескладную фигуру Ланца видели на улицах Вены: он пытался всучить прохожим тощий журнальчик «Остара». Своему другу Либенфельс писал, что Гитлер зачитывался его журналом.

4

В декабре 1907 года Гитлер получил от сестры письмо: мать тяжело больна. Адольф поспешил в Линц. Клару он застал на смертном одре; похоронили ее в Леондинге, в родовом склепе Гитлеров.

Теперь ничто не связывало Адольфа с Австрией**. Возвращаться в Вену к голодранцам-пролетариям? Оставаться в деревне? Пахать и сеять по примеру предков? Для того ли он рожден?

---

* Йорг Ланц Либенфельс — беглый монах, в 900-е годы издавал журнал «Остара» (по имени германской богини весны Остары), который пользовался большой популярностью среди студенческой молодежи. Либенфельс проповедовал расизм, превосходство немцев над другими народами. В 1907 году он первым предложил свастику в качестве эмблемы арийской расы господ. Согласно теории Либенфельса классовую борьбу следовало заменить расовой, применяя такие методы, как стерилизация, депортация, каторжные работы. Кстати, для популяризации расистских взглядов он предложил проводить конкурсы красоты.

** По последним публикациям, Гитлер после смерти матери снова приехал в Вену и жил там с 24 мая 1913 года. Одной из главных причин, заставивших его покинуть Вену и перебраться в Мюнхен, было стремление избежать призыва на военную службу. В апреле 1913 года ему исполнилось 24 года, и по австро-венгерским законам он подлежал призыву в армию. Прибыв в Мюнхен, Гитлер скрыл, что является подданным Австро-Венгрии, и зарегистрировался как человек, не имеющий гражданства. Став фюрером нацистской партии, Гитлер постарался скрыть факт уклонения от военной службы и с этой целью фальсифицировал свою биографию. В марте 1938 года, когда германские войска оккупировали Австрию, Гитлер приказал срочно изъять из австрийских военных архивов все компрометирующие его документы. Они были обнаружены только после окончания второй мировой войны. И этими материалами не располагал Н. Вирта, работая над романом «Черная ночь». (Прим. ред.)

...Много в Германии городов красивых, тихих и уютных, где этот молодой человек мог бы распространять свои немудрящие картинки среди обывателей, любящих сентиментальный вздор. Но его потянуло в Мюнхен. Мнихов, как его называют чехи, по преданию, был заложен славянами и отбит у них германскими племенами. Но что мог обещать Гитлеру столичный город Баварского королевства?

Он приходил в бешенство при виде недосягаемо роскошной жизни местных промышленников и банкиров...

К двадцати пяти годам Гитлер уже был вполне сложившимся мракобесом.

Германский пролетариат тех лет стал одним из передовых и организованных отрядов рабочих Запада. Учение Маркса все глубже проникало в эту среду. Гитлер до конца жизни не забыл презрения к нему сознательной, марксистски настроенной части рабочих.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Наконец, работа — постоянная работа — нашлась: началась война.

На фотографии, изображающей воинственную демонстрацию в Мюнхене на площади Одеон, различима физиономия Гитлера. Вместе с взбесившимися патриотами фатерланда он вопит: «Хох, хох, кайзер!» Лицо его, запечатленное на случайно сохранившемся снимке, полно восторга: врагам кайзера несдобровать, уж мы покажем этим русским медведям!

Но уже вскоре Гитлеру стало не до восторгов. Его зачислили в седьмую запасную роту первого запасного батальона второго баварского полка, выдали шинель, каску, винтовку, заставили маршировать, стрелять, ползать...

Ротный командир назначил Гитлера связным-самокатчиком. Вот мотоцикл, вот на всякий случай пара гранат, противогаз, полевая сумка с приказами командирам взводов — и марш, марш!

Передний край есть передний край, и командир роты не мог отказать самокатчику в определенном рвении. На Гитлера начинают сыпаться награды, и, пожалуй, самой желанной из них стала эвакуация в госпиталь...

В госпитале Гитлер узнал о крушении немецкого фронта, капитуляции в Компьене, о ноябрьской революции в Германии.

Он жалел старого Гинденбурга, но и презирал его; как мог прославленный фельдмаршал сдаться на милость победителей?..

Из госпиталя Гитлер выкарабкался более или менее здоровым...

Зиму 1918/19 года Гитлер тянул солдатскую лямку в полку, дислоцированном в Верхней Баварии, и часто бывал в Мюнхене. Там он познакомился с офицером рейхсвера Моллером ван ден Бруком, убежденным в том, что «великий третий рейх» распространит свое господство во всем мире.

В Мюнхене же Гитлера свели с неким Дитрихом Эккартом, преподавшим Гитлеру идею о завоевательных войнах *.

Самый чтимый Гитлером писатель в те времена — Карл Май **. Националистическую философию Гитлер усвоил у Стюарда Чемберлена ***. Его книги, его авантюристические идеи стали любимым чтивом Гитлера, а идеалом политика — вождь «Старонемецкой партии» Георг Риттер фон Шенерер... ****

Эккарт, Либенфельс, Стюард Чемберлен, фон Шенерер — вот наставники будущего фюрера и его идейные опекуны...

2

В Берлине в ноябре восемнадцатого года Совет солдат и рабочих взял под контроль правительственные и военные учреждения. Попытку создать Красную гвардию сорвали правые социал-демократы, стоявшие тогда у власти. Они утверждали, что «неограниченное продвижение диктатуры Советов приведет лишь к террору и гражданской войне».

Лето и осень восемнадцатого года прошли в кипении классовых схваток.

Собрался Всегерманский съезд Советов. Карл Либкнехт, выступая перед участниками грандиозной манифестации берлинцев, изложил требования рабочего класса: отстранить правительство со-

* Дитрих Эккарт (1868—1923) — немецкий писатель, ярый реакционер и антисемит. Основал в Мюнхене контрреволюционный союз «Гражданское объединение», которое затем, в 1919 году вело активную борьбу против Советской республики в Баварии. В 1919 году познакомился с Гитлером, став позднее его наставником. Присоединился к нацистской партии. В 1921—1923 годах был главным редактором ее центрального органа — «Фелькишер Беобахтер». Являлся автором нацистского призыва «Германия, проснись!».

** Карл Май (1842—1912) — немецкий писатель. Большинство его книг посвящено путешествиям просвещенных европейцев по Северной Америке, — «идеальных» людей, с которых следовало брать пример.

*** Хьюстон Стюард Чемберлен (1855—1927) — писатель и философ, сын английского адмирала, учился в университетах Германии. В 1908 году женился на дочери композитора Рихарда Вагнера и поселился в Германии в городе Байреуте. В своей работе «Основы XIX века» (1899) Чемберлен усердно прославлял германизм. Считал германцев высшей расой, способной «спасти мир».

**** Георг Шенерер (1842—1921) — австрийский политический деятель. Проповедовал пангерманизм, активно выступал за присоединение Австрии к Германии, был ярым антисемитом, выступал за насильственные действия против политических и идеологических оппонентов, за что был даже арестован, лишен дворянского титула и депутатского мандата в австрийском парламенте в 1888 году.

циал-демократа Эберта, всю власть передать Советам, провозгласить Германию социалистической республикой, национализировать промышленность, создать Красную гвардию для защиты революции и разгромить контрреволюцию.

Социал-демократы — а они захватили большинство на съезде, — отказались принять требования революционного крыла. Резолюция «О сохранении системы Советов в качестве основы конституции социалистической республики» отвергнута, вся полнота власти до созыва Национального собрания вручена «народным уполномоченным», то есть президенту Эберту и его министрам.

Эберт не замедлил воспользоваться диктаторскими полномочиями. Гинденбург прислал в Берлин семь дивизий.

В ночь на шестое января 1919 года в кабинете Эберта собрались члены правительства, высший командный состав рейхсвера. То и дело звонил телефон: сообщали о новых выступлениях рабочих, с часу на час ждали восстания.

Нервы собравшихся разгулялись. Паника овладела всеми. Военный министр социал-демократ Носке набросился на Эберта, требуя энергичных мер.

Кто-то крикнул ему:

— Так возьмись ты за это дело, черт побери!

— Что ж, пожалуй, — хладнокровно ответил Носке. И вызвал адъютанта, молодого флотского офицера с приятным румяным лицом.

3

Это был Вильгельм Канарис. Уже фамилия выдает в нем отнюдь не германское происхождение. Действительно, дед Канариса, торговавший в Германии фруктами, — грек. Его сын, унаследовавший отцовские капиталы, женился на немке. От этого брака и родился Вильгельм Канарис. О его детстве и отрочестве мы знаем мало. В первую мировую войну он служил морским офицером на крейсере «Дрезден».

«Выплыл» Канарис в Соединенных Штатах, офицером в германском посольстве. Военным атташе посольства был тогда Франц Папен.

Затем Канарис появился в Мадриде.

Жизнь его обрастала легендами. Утверждали, что испанцы посадили Канариса в тюрьму, обвинив его в шпионаже. Бежал он в одежде тюремного священника.

Выбравшись из тюрьмы, Канарис перебрался в Африку. Здесь он вошел в сговор с предводителями арабских племен, подбивая

их к восстанию против англичан. И одновременно, как говорят, предупреждал англичан о готовящихся мятежах.

Войну 1914—1918 годов Канарис окончил офицером подводного флота.

Революция, казалось, поставила точку на карьере Вильгельма, но он и из крупных неудач умел извлекать выгоду: почему бы не пойти на службу к Густаву Носке, ставшему министром в правительстве Эберта?

Полк, в котором служил Гитлер, участвовал в разгроме Баварской республики.

При 2-м баварском пехотном полку была создана комиссия по расследованию революционной деятельности. Члены ее поручили ретивому ефрейтору, добровольно доносившему на солдат, сочувствовавших Советам, заняться этой деятельностью уже вполне профессионально. С этой работой он справлялся весьма успешно, о чем и было доложено некоему капитану Рему, особенно выделявшемуся среди политиканствующих военных. Добродушный на вид вояка, исполосованный вдоль и поперек шрамами, шутник и балагур, он служил в разведывательном отделе полка. Выслушав доклад о «выдвиженце», он поручил нанять Гитлера агентом по разовым поручениям. И жалованье положил — две марки в день.

Гитлер несказанно обрадовался новому назначению и из кожи вон лез, чтобы заслужить доверие шефа.

В обязанности Рема входила слежка за политическими партиями Баварии — правыми и левыми. Ему-то и было приказано во что бы то ни стало найти партию, которая верой и правдой послужила бы рейхсверу.

Разведывательный отдел имел в штате несколько офицеров, они едва разбирались в сложном переплете политической борьбы. И уж не им, конечно, мог доверить Рем осуществление замысла командования рейхсвера.

К этому времени следственные органы баварской реакции окончили работу. Гитлер остался не у дел. Что же дальше? Разумеется, он мог бы вернуться в Австрию. А на что жить? А вдруг здесь, в Германии, еще повезет, и рейхсвер пристроит его к новому делу? Едва умолкли орудия первой мировой войны, как в Германии начали готовить реванш.

Армии были нужны не только солдаты, но и пропагандисты. В девятнадцатом году при штабе баварского военного округа открылись военно-политические курсы. Курсантов кормили, одевали, отвели им казарму.

Здесь мозги начиняли тем же, чем давным-давно набил свою голову Гитлер. Став одним из курсантов, он не слишком прилежно слушает военные лекции. А вот политические не пропускает.

Особенным уважением пользовался у него Готфрид Федер, демагог, пытавшийся провести некую разграничительную линию между капиталом «созидательным» и «ростовщическим». В дальнейшем Гитлеру очень пригодились разглагольствования Федера, к слову сказать, ставшего впоследствии крупным теоретиком нацистов.

Полгода Гитлер слушал лекции. Затем, с разрешения начальства, стал сам читать их. Его аудитория — солдаты. Смысл лекций один и тот же: позор Версаля, реванш, патриотизм, расы, чище и выше которой нет и быть не может.

Вот тогда-то в жизни Гитлера произошло знаменательное событие, когда капитан Рем по-настоящему сблизился с ним. В начале двадцатого года Гитлер уже окончил курсы и был назначен офицером (без звания) по «политическому воспитанию солдат». Рем не раз заглядывал в казармы, где Гитлер читал лекции.

Гитлер обстоятельно и логично развивал свои идеи: в борьбе с марксистами и большевиками все средства святы. Он восторженно отзывался о Носке, многое прощая социал-демократам за то, что «в этом болоте» такой замечательный человек. Уж если Носке, считавший себя марксистом, потопил в крови восстание рабочих, то уж ему-то, верному сыну рейхсвера, к чему копаться в своей совести? Да и не химера ли эта самая совесть?

Послушав Гитлера, капитан Рем доложил о нем высшему начальству: этим парнем стоит заняться. Его преданность рейхсверу не вызывает сомнений.

Начальство согласилось. Рем начал искать Гитлеру работу.

4

Вот что потом, уже на нюрнбергском следствии, рассказывал генерал-фельдмаршал Шернер *:

«Впервые я увидел Гитлера в 1920 году. Он читал лекции в частях сорок первого пехотного полка, где служил после войны и я. На нас, солдат, лозунг Гитлера «Германия, проснись!» производил огромное впечатление. Его бескомпромиссные взгляды на Версальский договор, поставивший Германию на грань катастрофы, мысли о реванше и о вооружении, были всем нам очень близки. Существовавшее в те времена имперское правительство, как нам казалось, не смогло и не умело навести порядок в стране.

* Фердинанд Шернер (род. в 1892 г.) — один из самых преданных Гитлеру нацистских генералов. В 1942—1944 годах командовал корпусом на советско-германском фронте. В апреле 1944 года Гитлер назначил его командующим группой армий «Южная Украина». Затем он командовал группой армий «Север» (с 25.7.1944) и группой армий «Центр» (с 16.1.1945). Перед своим самоубийством 30 апреля 1945 года Гитлер назначил Шернера вместо себя главнокомандующим сухопутных войск вермахта и присвоил ему звание генерал-фельдмаршала. После войны Шернер попал в плен к американцам, но они затем передали его в СССР, где он был судим как военный преступник. Освобожден в 1955 году и поселился в ФРГ.

Разумеется, все мы, кадровые солдаты и офицеры, воспитанные в духе ненависти к левым, прежде всего обращали ее на коммунистов: Гитлер своей антибольшевистской пропагандой лишь подогревал в нас эти настроения. Нам импонировал вызов, брошенный Гитлером капитализму и ростовщикам. Под капиталистами, кстати, Гитлер подразумевал финансистов и банкиров, без особого риска пускавших в оборот деньги и не занимавшихся производительным трудом.

В наших глазах они были паразитами, использовавшими тяжелое положение страны в корыстных целях. Промышленников-предпринимателей Гитлер считал созидательной силой. Они держали предприятия, строили новые, давали работу.

Не в меньшей степени на нас действовало восхваление немецкого народа, на что Гитлер особенно налегал».

«...Чистота немецкой нации, — продолжал Шернер, — ее превосходство над другими, безусловно, подогревали расистские настроения среди нас, офицеров, и в определенной части народа. Именно с тех пор темы антисемитизма, расизма стали ведущими в выступлениях Адольфа Гитлера».

...Встреча с Ремом произошла в мюнхенской пивной «Бюргербройкеллер». Перед капитаном сидел плечистый малый в солдатской форме, с ефрейторскими лычками на погонах — заметно отощавший, с землистого цвета кожей на отекшем лице. В ввалившихся глазах его таилось нечто, что заставило Рема внимательней присмотреться к собеседнику.

Гитлер с наслаждением тянул пиво: для него оно было роскошью по тем временам — жалованье солдатам платили неаккуратно, а тут еще эта чертова инфляция. Да, недаром славится баварское пиво. И совсем уж легко оно пьется, когда не нужно платить за него ни пфеннига. Впрочем, расплачиваться все же придется — беседой. Вот только о чем?

Словно угадав, о чем он сейчас думает, Рем заказал еще пива, и, пододвинувшись к насторожившемуся ефрейтору, вполголоса заговорил:

— Я представитель офицерского союза «Железный кулак» и в придачу, замечу вам, политический советник генерала Эппа. А Эпп — друг и единомышленник генерала Людендорфа.

Едва была произнесена фамилия «Железного», Гитлер все понял и не смог подавить охватившее его волнение. Разговор между тем продолжался.

Рем. Очень скоро рейхсвер разгонят. Но одно дело разогнать армию, другое — заставить нас забыть о ней. Союз «Железный кулак» и Людендорф ищут пути к тому, чтобы сохранить костяк рейхсвера. Под любым названием. Но нам мешают красные. Мюнхен кипит ими даже после того, как мы отрубили голову этой гидре.

Гитлер. Да, к сожалению, не все повешены. Что же вы хотите от меня?

Рем. Чтобы вы помогли нам выловить красных вожаков. Недурно будет прощупать, чем занимаются демагоги, с легкой руки которых в Баварии стало чуть ли не полторы дюжины разных партий. Сейчас не до сантиментов. Кто может гарантировать, что история с Советами не повторится? Если вам не по вкусу расправа с ними, считайте, что мы ни о чем не говорили.

Гитлер. Отчего же, я весь внимание.

Рем. Вот и отлично. Вижу, вы человек с мозгами. Как это прозвучало в вашей недавней речи? Ах да... «Подумать только! У Германии отняли Рур, Эльзас-Лотарингию, французы стоят на нашей земле за Рейном, а мы платим бешеную контрибуцию, и всякая сволочь еще измывается...» Это по-нашему. Идите с нами, и вам не придется влачить жалкое существование. Да и для героя ли войны прозябание в трущобах?

Гитлер. О, нет! Только не это...

Рем. Значит, договорились. Вы нужным нам.

Так они нашли того, кого искали.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Изо дня в день Гитлер ходил на сборища разношерстных партий. Нет, все это не заслуживало внимания охранки! Коммунисты помалкивали. Ни одного их собрания Гитлеру выследить так и не удалось, а уж он старался вовсю. Прочие партии занимались пустым, праздным суесловием. Демагоги, ничего не смыслящие в политике.

Так он и докладывал Рему.

— А не заглядывал ли ты на собрания «Немецкой рабочей партии»? — поинтересовался как-то капитан.

— Разве есть еще и такая?

— А как же! Я, кстати, в ней состою... Там, конечно, знать не знают, чем занимается капитан Рем. Давненько я не был у них — все недосуг. Понятия не имею, чем они сейчас занимаются. Но, пожалуй, этой партией стоит всерьез подзаняться. Иной раз из гроша делают миллионы.

Гитлер узнал адрес пивной, где обычно заседал «актив» «Немецкой рабочей партии». В одном из залов собралось человек сорок. Многих из них Гитлер знал в лицо: переодетые в штатское офицеры седьмой дивизии, полицейские, бюргеры, лавочники. Партийцы пили пиво и слушали оратора. Им оказался... Готфрид Федер!

Гитлер шепнул соседу по столу:

— А почему здесь инженер Федер?

— О! Он наш главный оратор!

Председательствовал на собрании тщедушный человек в очках. Тот же сосед по столу сообщил Гитлеру, что это сам геноссе Антон Дрекслер, слесарь в прошлом, основоположник «Немецкой рабочей партии» и ее сопредседатель: эти обязанности он делил с журналистом Харрером, которого величали не иначе как «имперским председателем» партии.

«Основоположник» выступил после Федера. О марксистах Дрекслер отозвался более чем пренебрежительно. Высмеивая их «потуги» претворить стихийный характер политики в «науку», бывший слесарь напирал совсем на другое: народ должен пахать, работать на заводах, рожать детей и комплектовать армию. Ниспосланные свыше вожди вносят в жизнь порядок и целеустремленность. И, хотя предатели считают войну окончательно проигранной, он лично отнюдь не согласен с подобными изменническими взглядами. «Наш доблестный рейхсвер и партия стоят на другой позиции. Да, мы поставили своей целью добиться нужного нам мира и спасти нацию».

Гитлер едва удержался, чтобы не фыркнуть. Спасители нации! Сильно сказано... А все-таки идеи Дрекслера не лишены некоторой привлекательности.

Выражался Дрекслер косноязычно, мысль его пробивалась из фразы, словно через колючий кустарник. Зато какая твердая и непреклонная уверенность! И полное растворение в идее. Выступил кто-то еще. Еретические мысли оратора не понравились Гитлеру, и он попросил слова.

...Когда уже все расходились, Дрекслер, подозвав Гитлера, поинтересовался, кто он, собственно, такой, каким образом попал на собрание и откуда у них такое сходство в мыслях.

— Я художник, геноссе Дрекслер. Мне по душе ваша партия. Высоко ценю ваш огромный политический опыт.

Бывший слесарь попросил его присесть. Раскурив трубку, приготовился слушать дальше.

— Меня восхищает, — продолжал Гитлер уважительным то-

ном, — ваша убежденность, что «Немецкая рабочая партия» не только выведет нашу родину из позорного положения, вернув ей ранг великой державы, но и возвысит ее над миром. Меня особенно подкупила ваша убежденность в том, что мировое хозяйство сосредоточено в руках горстки финансовых воротил известной национальности. Право, эти слова могут быть написаны на нашем знамени! Вы совершенно правы и в том, что почти все социал-демократы — франкмасоны, стало быть, слуги плутократов. Согласен: судьба Германии зависит теперь от того, сумеет ли руководящее ядро, собравшись вокруг вождя, вернуть доверие масс.

— Вы повторяете мои мысли! — воскликнул Дрекслер.

— Тем больше у нас возможностей работать сообща, — вежливо улыбнулся Гитлер. — Льщу себя надеждой стать одним из борцов за счастье нации и ее процветание. Разумеется, под вашим руководством, геноссе.

Дрекслера нечасто баловали подобными комплиментами — даже сподвижники считали, что пороха ему явно не хватает: народ шел в партию негусто. Разве стоящее это занятие — в пивной разглагольствовать о каких-то политических материях?

Гитлер ушел с мыслью, что партия Дрекслера, ее националистическая программа с некоторой примесью социализма при известных обстоятельствах сможет сыграть не последнюю роль в деле возрождения рейха.

«Дрекслеру, конечно, придется освободить место... Почему бы и нет?»

Гитлеру осточертело всюду быть на побегушках. Всю жизнь в подчинении! То суровому отцу, потом мастерам на стройках, офицерам на войне, Рему теперь... Пожалуй, пора стать человеком, которому подчиняются... Разве он не готов уже к этой роли?

2

У «Немецкой рабочей партии» и Гитлера нашелся еще один покровитель.

Генерал-квартирмейстер кайзеровской армии, друг и сподвижник фельдмаршала Гинденбурга, Эрих Людендорф, уйдя в отставку, жил в Мюнхене. Вояке и монархисту имперское правительство создало все условия для «заслуженного отдыха». Но Людендорф скучал. Неутоленное властолюбие толкало генерала на политические авантюры. Контрреволюция находила в нем не только единомышленника, но и человека, щедрого на подачки.

Мечты о верховной власти подогревала в нем жена Матильда, женщина твердой воли и деспотического характера.

После провала всех путчей, непременным участником и вдохновителем которых был и Людендорф, генерал долго носился с идеей похода на Советскую Россию. Даже предлагал себя командующим армии новоявленных крестоносцев.

Немецкие генералы — это в равной степени относится к генералам кайзера и Гитлера, — склонны к писанию мемуаров, где, всячески обеляя себя, столь же решительно осуждают ошибки тех, кто стоял над ними.

Людендорф не был исключением. Его книга «Тотальная война» буквально наводнена не только мыслями о военной стратегии, но и политическими рассуждениями, сводившимися к тому, что нужен сильный человек, который бы снова вывел Германию в ранг великой и могучей державы. Такого человека среди генералов и тогдашних политиков Людендорф не находил.

Возможно, что и он случайно слышал очередное выступление Гитлера среди офицеров седьмой дивизии рейхсвера, расквартированной в Баварии. Командиром ее был генерал Лосов, давний почитатель генерал-квартирмейстера. Не исключено, что именно он познакомил Гитлера с Людендорфом.

Как бы там ни было, в конце 1920 года «офицер по политическому воспитанию» не без трепета переступил порог дома Людендорфа.

Мы не знаем, о чем говорили эти два человека, столь различные по рангу и столь близкие взглядами, но с той поры супруги Людендорф принимали живейшее участие во всех делах Гитлера. Матильда вселяла в будущего фюрера уверенность в его «особом призвании», а Людендорф видел в Гитлере того, кто мог бы стать воплощением его честолюбивых замыслов.

Солидные взносы на нужды партии, позаимствованные Ремом из кассы охранки и союза «Железный кулак» и переданные Гитлером Дрекслеру, растопили сердце основоположника партии.

На очередном собрании он представил партийцам Гитлера, особо остановившись на том, что он — представитель рейхсвера. Скромно потупившегося новичка встретили грохотом. Впрочем, приняли его не в партию, а в «рабочий политический кружок», нечто вроде пропагандистского отдела, состоявшего из шести человек. Новичок стал седьмым. Под этим номером он получил документ, который, однако, не предоставлял всех прав члена партии.

Гитлер понял, что ему еще не совсем доверяют. И постарался завоевать доверие, не упуская случая выступить на очередном сборище с «зажигательной» речью.

Особенно он прошумел «лекциями» о Версальском мирном договоре.

Рейхсвер приложил немало усилий, расчищая Гитлеру путь к руководству партией.

3

Скука собраний и туманные речи Дрекслера претили Гитлеру. Исподтишка он начал подтрунивать над «вождем» или доводить его соратников своими речами до остервенения, и те, вздымая пивные кружки, орали: «Хох! Хох! Хайль Гитлер!»

Дрекслер чувствовал, что тень этого австрияка все больше заслоняет его.

Темпераментный, злой на язык «имперский» председатель Харрер, уставший от бесконечных склок, затеваемых Гитлером, ушел из партии. Дрекслер формально стал полновластным вождем, но песенка его была уже спета. Гитлер открыл по «основоположнику» ураганный огонь тяжелой артиллерии.

«Педантизм, убивающий живое дело... Недостаточная решимость в борьбе с плутократами, евреями и марксистами... Никакого политического движения вперед... Никаких планов на будущее... Преступная халатность в деле привлечения в партию боевых кадров...»

Дрекслер пожимал плечами. Маленькая партия — маленькие склоки, большая — большие. Придут сотни и тысячи молодчиков вроде Гитлера, начнутся дрязги, ссоры, а там, глядишь, и оппозиция появится. Дрекслер никак не мог сообразить, что оппозиция уже появилась, и вожаком ее стал Гитлер, усвоивший одну истину: пропаганда лишь тогда достигнет цели, когда навсегда заученные утверждения годами вбиваются в головы — методически и терпеливо.

Гитлер упрямо вел подрывную работу, направленную против Дрекслера. А тот уже клял себя за легковерность. Этот парень с кошачьими усами и глазами голодного волка, черт побери, обвел его вокруг пальца! Может быть, выгнать его к черту?

Куда там! Среди партийцев-новичков постепенно складывалось мнение, что при столь бездеятельном вожде, как Дрекслер, они обречены на прозябание. Разношерстная компания жаждала боевых дел, схваток с противниками... Им бы пограбить евреев, погромить их магазины, пустить кровь марксистам.

Новая «рать» скоро потребовала сказать ей точно и определенно: за кого вступаться, кого травить, возвеличивать, унижать. И во имя чего?

Гитлер в те времена был еще не так крепок, чтобы захватить

единоличное лидерство в партии. Вместе с Дрекслером и Федером он засел за разработку своей программы.

Пасмурным февральским вечером 1920 года в пивной «Хофброй хауз» под грохот пивных кружек Гитлер зачитал Рему двадцать пять пунктов программы наци.

В ней будущий фюрер никого не забыл. Рабочим обещал национализацию трестов и заводов, участие в управлении и в дележе прибылей.

Рем, внимательно слушавший докладчика, тряхнул головой: это рабочим придется по вкусу! «Однако нацисты берут быка за рога!» — вот что они скажут. Торговцам гарантирована защита в их конкурентной борьбе с владельцами крупных универмагов.

— Тоже неплохо, — заметил Рем. — Эти удавы разоряют мелкого торгаша.

Взрослых трудоспособных Гитлер прельщал обеспечением постоянной и хорошо оплачиваемой работой; престарелых — пенсиями под контролем правительства. Рем одобрил и эти пункты.

Далее шла более тонкая материя. Предприниматели и рабочие... Как и на чем помирить их? Очень просто. Они, видите ли, объединены «общностью интересов» ради блага «несчастного» раздавленного версальским миром рейха. Промышленный капитал объявлялся «творческим».

— Как, как? — переспросил Рем.

— Творческим, — не моргнув глазом, ответил Гитлер.

Рем долго смеялся: «Однако Афольф знает, что к чему!»

Объявив промышленный капитал творческим и, стало быть, не подлежащим насилию, банковскому капиталу авторы программы приклеили ярлык паразитического и ростовщического. Стереть его с лица земли!

Крестьянам обещана земельная реформа, «приспособленная к нашим национальным особенностям».

Обывателя соблазняли заповедью: принадлежать к немецкому народу и быть гражданином страны может тот, в чьих жилах течет только немецкая кровь. Стало быть, любой человек не может считать себя немецким гражданином, если даже он и его предки жили в Германии с седых времен. Разумеется, все редакторы газет и чиновники должны быть только носителями нордической крови.

— Государство, — читал Гитлер, — обязано позаботиться о заработке и пропитании народа. Если невозможно прокормить всех, надо выселить из Германии представителей других наций, евреев, конечно, в первую голову. Во-вторых, завоевать «жизненное пространство», силой оружия отнять кое-что у России и

Франции, основательно обкорнать балканских славян. И вернуть Германии колонии...

Разумеется, долой «развращающую парламентскую практику и да здравствует сильная, ничем не ограниченная власть!» — это в заключение программы.

Дослушав, Рем нацедил в кружку свежего пива:

— Как только мы обнародуем весь этот вздор, в нашу партию придут тысячи!

Дальше пошло хуже. Собрание едва не превратилось в побоище: ополчились «старые бойцы». Казалось, Гитлера вот-вот растерзают. Боевой смысл программы требовал не только активной пропаганды, но и активных практических действий. Людям, привыкшим к мирной болтовне за кружкой пива, всякая активность казалась невыносимой. В поддержку Гитлера выступил Людендорф, объявив, что он вступает в партию.

То был оглушающий удар.

Гитлер торжествовал: о партии и ее молодом энергичном вожде пошла молва как о некой новой силе, ведь вместе с нацистами Людендорф, а это говорит о многом!

4

К тому времени рейхсвер и баварские реакционеры не без участия Рема свергли правое социал-демократическое правительство Гофмана — того самого, кого Носке водворил после разгрома Советов в Баварии. И поставили главой новой власти своего человека — Кара, убежденного монархиста, как и Людендорф.

Полицей-президентом назначили Пренера, а его заместителем доктора Фрика. Исполнительную власть держали в своих руках эти двое. Возглавивший политическую полицию Баварии Фрик был членом нацистской партии и ярым поклонником Гитлера.

Претендовал на участие в правительстве Кара и Гитлер. Но рейхсвер хоть и поддерживал его, но пока разрешил заниматься лишь делами «центрального бюро» партии, помещавшегося в задней комнате старой пивной.

Продолжение на стр. 129

ТОВАРИЩ

Когда мы со старшим лейтенантом милиции, начальником инспекции по делам несовершеннолетних Советского района Новосибирска Михаилом Рыбиным спустились в подвал, то увидели, что на двери был сломан замок.

— Вот здесь и обитала эта компания,— сказал он.— Здесь все и произошло...

Грязный подвал, разбитые бутылки, обрывки газет, окурки. На сплетении труб — рваный матрац. Тут неделями обитали тринадцатилетние девчонки и мальчишки, сбежавшие из дома. Тут три девочки и двое парней приговорили свою подружку-однокашницу к смерти...

СТРАШНЫЕ СНЫ

От чтения протоколов допросов мурашки бегут по коже:

«...Оля стала спать с другими парнями, да еще, как мне сказали, подхватила нехорошую болезнь, и мы решили ее проучить. Сначала мальчики нас выгнали и стали с ней, сами понимаете, что делать. Потом подключились мы... Ира три раза ударила О. кулаком, потом я добавила...»

«Мальчики предложили: «Давайте ей сломаем фанеру». Я спросила: «А это как?» Тогда Коля прыгнул ей на грудь ногами два раза. Потом Ира сказала: «Надо ее лишить памяти» — и стала бить Олю головой об стенку. Когда она закончила это делать, мы спросили Олю: «Ты что-нибудь помнишь?» Она сказала: «Я ничего не помню, отпустите меня». Мы стали ее умывать»

«Ира предложила постричь Олю наголо, чтобы ее потом никто не узнал. Мы по очереди стали корнать ножницами ее голову. А потом Ира сказала: «Надо с ней кончать». Оля все поняла и стала нас упрашивать, чтобы мы ее не убивали. Я тоже стала просить об этом, но меня никто не послушал».

«Потом мы повели Олю к лесу в сторону пионерлагерей. Было два часа ночи. Около леса мальчики повалили ее на снег и стали бить ногами, но она была еще жива. Потом Коля попросил у меня перочинный нож и несколько раз ударил Олю в шею и грудь. Потом мы ее раздели, засыпали снегом и вернулись в подвал...»

Я спросил следователя:

— Подростки были пьяными?

— Нет, совершенно трезвыми.

— А как они вели себя до тех пор, пока их не задержали?

— Девочки на следующий день ограбили школьницу, а затем вместе с ребятами попытались угнать автомобиль. В тот же день некоторые из них пошли на дискотеку.

Чем объяснить все это? Откуда такой садизм и жестокость? Может,

от того, что все участники этой трагедии, за исключением двух ребят, воспитывались в неполных семьях или семьях, где родного отца заменил отчим? Но ведь это все равно не объяснение. Неполная семья не всегда неблагополучная. Все они были обуты-одеты и накормлены, ходили далеко не в обносках и питались отнюдь не только в школьной столовке. И не придурки, и не дебилы из интерната для умственно неразвитых. Учились в средней школе № 61, которая находилась в Академгородке Сибирского отделения АН СССР.

Директор школы Галина Григорьевна Лушева, узнав о цели моего прихода, вздохнула и сняла очки:

— Это ужасно, это ужасно,— проговорила она.— Для нас всех страшный удар. Учительница Наташи, например, заслуженный педагог, мне так и сказала: «Как теперь после случившегося работать? Во что верить и кому доверять?» И ведь девочка-то очень тихая и жалостливая: животных любила, над «Муму» слезы на уроке лила. И вдруг такое... И другая ученица тоже хоть и с характером, но плохого о ней никто не говорил. И Олег на хулигана вроде не похож, приличный с виду мальчик... За ними вообще до ноября никаких отклонений не наблюдалось. Это уже потом они стали уроки прогуливать, дома не ночевать...

— А Оля?

— Очень развитая девочка. Не без способностей. По-моему, она конфликтовала с отчимом.

— В чем же вы видите причину преступления? Откуда в ваших учениках такая потрясающая жестокость?

— А разве у нас сейчас общество не жестокое? — вопросом на вопрос ответила она.— Разве нашу нынешнюю жизнь можно назвать нравственной? Смотрите, повергнуты идеалы, насаждается порнография, низвергаются авторитеты. Взрослому человеку все труднее становится разобраться в происходящем, а что говорить о молодежи!

Пожалуй, нет смысла утомлять читателей рассуждениями руководителя школы. Галина Григорьевна, не сомневаюсь, говорила вполне искренне, но я почему-то не почувствовал в ее словах боли и чувства вины.

Я не склонен во всех грехах винить педагогов, хотя, безусловно, в трагедии есть и их вина. Неужели никто из них не знал, что группа учеников неделями прогуливает занятия? Наверное, часть вины надо переложить на сотрудников милиции и на инспекцию по делам несовершеннолетних. Кстати сказать, накануне преступления милиция устроила рейд по подвалам, обнаружив в одном из них нашу компанию. И что же? Переписали фамилии и отпустили домой. А девочки и мальчики спустя некоторое время снова встретились в своем подвале.

Иду к матери Наташи — той самой девочки, которая слезами обливалась над «Муму». Звоню. Раздается лай собаки. Дверь открывает еще молодая и симпатичная женщина. Марина Сергеевна очень легко пошла на откровенную беседу — чувствуется, что ей хочется выговориться, поделиться своей болью.

— Я во всем виновата, я! — говорит она.— Если б я не отвадила друзей Наташи от дома, то все было бы иначе. Не знаю, что на меня нашло, но после того, как я их выгнала, дочь стала где-то пропадать по вечерам.

Слушая ее, я вспоминал показания Наташи:

«В тот вечер я поздно, около полуночи, вернулась домой. Мать на

меня накричала и дала пощечину. А потом заявила: «Убирайся туда, откуда пришла!» И я снова вернулась в подвал...»

— В общем, упустила я дочь, дура такая! Не понимаю, что с ней произошло? Такая была добрая девочка, ласковая. Конечно, росла без отца, но мы с Наташей были подругами. Она так и говорила: «Мама у меня лучшая подружка». И вдруг узнать, что моя Натка — соучастница...

Марина Сергеевна закрыла глаза, чтобы не показать набежавших слез, и вдруг заявила:

— Как хорошо, что ее отправили в спецшколу, иначе...

— Что иначе?

— А то, что я бы ее выбросила с нашего девятого этажа, а потом сама бы выпрыгнула. — Она перевела дыхание. — В общем, если будете писать, так и пропечатайте, что я во всем виновата! Я!

В другом доме, где вместе с папой и мамой жила Тоня Р., встретили меня иначе: в квартиру не пустили.

— Ничего я вам не буду рассказывать! — с порога закричал мужчина лет тридцати пяти.— Мы для нее старались, ишачили, а эта стерва нас перед всем миром опозорила. — И хлопнул перед моим носом дверью.

А вот отчим Иры, той самой девушки, предложившей «замочить» Олю, вполне спокойно со мной побеседовал. Трагическое событие никак не отразилось на его внешнем виде и самочувствии.

— Вы знали, что Ира состоит на учете в инспекции, употребляет спиртные напитки? — спросил я Ивана Павловича.— Наконец, почему она ушла из вечерней школы и с работы?

— А черт ее знает! — простодушно сказал отчим — Сейчас они все какие-то ненормальные! И разве за ними уследишь? У них одни «танцы-шманцы-обжиманцы» на уме. Мать ее устроила к себе в парикмахерскую, но там высокие нормы, план — вот Ирка и сбежала.. Вообще-то она неплохая девчонка, совсем не злая — не знаю, чего они там не поделили меж собой, может, парней? Однако в отличие от подружек я точно знаю, она стала спать с ребятами уже после шестнадцати. А ее «товарочки» это делали чуть ли не в 12—13 годков. Вот и допрыгались.

— Ну а как вы с женой воспринимали, что Ира не приходила домой ночевать?

— Так мы думали, что она у знакомой девчонки ночует. Кто же знал, что они в подвале торчат?

Иван Павлович так, видно, и не стал для падчерицы авторитетом. За ним самим, как она мне сказала, глаз да глаз был нужен.

А вот у Кати внешне очень благополучная семья: мама — главбух, папа — старший инженер НИИ.

— Года полтора назад, — рассказывала Галина Федоровна, мать Кати,— дочка пришла, помню, домой очень перепуганная и рассказала мне, что вступила в связь с парнем и теперь очень боится забеременеть. Поговорили по душам, постращала я ее. Она божилась, что ничего подобного больше не будет. Целый год ничего плохого за ней не водилось, а потом начала дурить.

«Дурить» — это не ночевать дома или приходить с винным запахом, «близко общаться» с парнями, не ходить в школу..

— Я, конечно, виновата, но согласитесь, что школа сейчас совершенно не занимается воспитанием подростков,— рассуждала она.— Настоящие педагоги давно перевелись.

Можно, конечно, обвинить педагогов, школу. Но неужто родителям нет дела до того, где ночует их дочь, с кем проводит время, чем интересуется, что ее волнует?

Я приехал в Новосибирск, когда еще не было суда. Ребята и девочки были к этому времени отправлены в спецшколу. А вот с Ирой — единственной участницей трагедии, которая могла быть привлечена к уголовной ответственности, поскольку она достигла к этому времени совершеннолетия,— я встретился в следственном изоляторе.

— Как я себя чувствую? Нормально,— ответила она на мой вопрос.— Жить везде можно, даже в тюрьме. Это нас взрослые специально на испуг берут.

— А Олю ты вспоминаешь хоть иногда?

— Чегой-то я ее буду вспоминать? — усмехнулась девушка.— Сама виновата, вот и поплатилась. Правда, раза два мне она во сне приснилась — немного страшно стало. Но ведь это сон.

— И тебе ее не жалко?

— Не-а,— передернула плечами Ира и добавила: — Хотя не знаю... Себя жалко — из-за дуры всю молодость изуродовала. Ну что, есть еще вопросы?

Вопросы были, но задавать их уже не хотелось. О чем спрашивать, если в этом юном существе так смешаны понятия добра и зла, что даже страшная явь воспринимается как неприятный эпизод, дурной сон...

Александр НЕВСКИЙ

ИХ НРАВЫ

И НАЗВАЛИ ЕГО ПРЕДАТЕЛЕМ...

35-летний израильтянин Заргари попал в больницу в тяжелом состоянии. Врачи установили серьезные перебои в функциях почек. Единственное спасение — пересадка органов. Но где их взять!

Заргари выписали из больницы, и он стал заниматься самостоятельным поиском почек. В родной стране их для него не нашлось. Там они стоят чрезвычайно дорого и сохраняются лишь для миллионеров. На телеграфные запросы в страны Европы положительного ответа не последовало. Надежды гасли.

Но вдруг поступило сообщение, что есть законсервированные почки в одном из каирских госпиталей. Одновременно Заргари намекнули, что переслать эти органы в Израиль невозможно, ибо там каждый день происходит насилие над палестинцами..

Больному помог человек, надежды на которого было трудно возлагать. Речь идет о Я. Арафате. Это он уговорил каирских врачей переслать почки в Израиль. Операция состоялась, и смерть отступила. Но для Заргари началась кошмарная жизнь. Его осаждают с угрозами местные шовинисты и религиозные фанатики. Под окнами квартиры происходят демонстрации стариков и молодых людей. Они истошно кричат: «Предатель! Предатель!»

Журналистам не удалось пробиться в квартиру Заргари. Он не открывает ни окна, ни двери. Его мать обратилась в судебные органы с просьбой защитить семью от преследований, как она выразилась, негуманных ортодоксов, но ответа не последовало.

Г. МАЛИНИЧЕВ

«СТЯЖИ МИР В СЕБЕ...»

«Отцы пустынники и жены непорочны...» — это стихотворение — одна из вершин пушкинской лирики. Пушкина в нашей стране знают все. А вот что это за «отцы пустынники»? На этот вопрос сегодня, увы, ответит далеко не каждый. Учителя литературы об этом молчат, учебники тоже. Не любят распространяться по этому поводу и литературоведы. А ведь речь идет о древнейшей составной части нашей культуры, о ее духовно-нравственном фундаменте.

Замечательное стихотворение А. С. Пушкина — переложение великопостной молитвы Ефрема Сирина. А «отцы пустынники» — это и Ефрем Сирин, и Макарий Великий, и Иоанн Лествичник, и многие другие подвижники Древнего Востока, уходившие от суеты и соблазнов «мира сего» в знойные безлюдные пустыни Египта, Сирии и Палестины. Именно здесь, на Востоке, зародилось в III веке н. э. православное монашество, достигшее своего расцвета в IV столетии. Трудами и подвигами аскетов-мыслителей закладывалась мощная духовная традиция, основанная на евангельском учении. Традиция эта впоследствии через Византию была перенесена на Русь.

Духовное наследие древних праведников огромно. Далеко не каждый исследователь в состоянии изучить его в полном объеме. Но нравственная ценность трудов старцев столь велика, что познакомиться с этими духовными сокровищами необходимо каждому. Поэтому и возникают в разное время составленные разными авторами сборники изречений святых отцов. Один из таких сборников — «Отечник», собранный в XIX веке трудами русского подвижника благочестия епископа Игнатия (Брянчанинова), пользуется заслуженным вниманием со стороны людей, интересующихся духовной стороной человеческого бытия. Выдержки из «Отечника» предлагаются читателям в настоящем номере журнала. Но прежде чем приступить к знакомству с ними, необходимо, на наш взгляд, выделить некоторые особенности этих непривычных для большинства наших современников текстов.

Мысли древних подвижников выражены в краткой, порой даже афористичной форме. Но тем не менее их усваивать довольно трудно. Во-первых, мы привыкли извлекать из книг информацию или же следить за занимательным сюжетом, а здесь не столько важно «освоить объем», сколько поразмыслить о прочитанном, применить все сказанное к себе. А во-вторых, в отличие от поверхностной беллетристики или же от интеллектуальной прозы, исполненной «игрой ума», духовная литература создавалась людьми, проверившими всей своей жизнью каждое слово, каждую букву своих писаний. И это требует от читателя не только уважения к тексту, внимательного и разумного восприятия его, но и большого внутреннего напряжения. Ко многому обязывает хотя бы то, что великие знатоки души человеческой Иоанн Кассиан, Пахомий Великий и многие другие подвижники, чьи изречения содержит «Отечник», учат не только судить себя судом совести

ЕПИСКОП ИГНАТИЙ (БРЯНЧАНИНОВ).

за дела и поступки (в том числе и за совершенные по неведению), но и за мысли, за малейшие движения души, если они направлены в сторону от истинного пути, учат духовной стойкости и помогают сохранить в душе незыблемые нравственные принципы.

А. СВЕТОЗАРСКИЙ,
сотрудник отдела рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина

ИЗРЕЧЕНИЯ ИЗ «ОТЕЧНИКА»

Четыре добродетели имеют свойство очищать душу: молчание, хранение заповедей, устранение излишеств и смиренномудрие.

Предаваясь унынию, мы непременно делаемся предателями самих себя. Мужественное сердце вспомоществует душе по Богу; в противоположность этому уныние вспомоществует злобе.

Плачем изгоняются из души все страсти.

От славы человеческой мало-помалу рождается гордость.

Любящий полное довольство во всем утрачивает духовный разум.

Ржавчиной снедается железо, и честолюбием — сердце человека, потворствующего этой страсти.

Основание всех добродетелей — смиренномудрие; основание всех страстей — чревообъедение.

Ежедневно, прежде нежели начнешь заниматься каким-либо делом, подумай: где ты! куда пойдешь по исшествии из тела! — и ни одного дня не проведи в нерадении о душе твоей. Помышляй о блаженстве и славе, которых сподобились все святые, и мало-помалу привлечешься к подражанию их жительству. Помышляй и о уничижении, которому подвергнутся грешники, и будешь охраняться постоянно от зла.

Если красота телесная начнет обольщать сердце твое, то подумай, сколь смраден этот грех, и воздержи сердце от увлечения им. Ощутив расположение сладострастное к женщине, вспомни о женщинах, уже умерших. Что сделалось с ними! во что превратились тела их!

Умоляю каждого человека, желающего принести Богу покаяние, отказаться от употребления вина в большом количестве. Вино возрождает погашенные страсти в душе и изгоняет из нее страх Божий.

Смирение заключается в отсечении своей воли пред ближним в духовном разуме.

Любовь свидетельствуется неосуждением ближних.

Мир души — от повиновения сил ее уму.

Кротость является в терпении.

Целомудрием сохраняются в целости добродетели.

Духовный разум — и победитель и хранитель.

Человек, доколе делает зло, не может делать добра, но может делать лишь зло под личиною добра.

Стяжи мир в себе, и будут иметь мир с тобой небо и земля.

Предающийся ярости и гневу, славолюбивый, лихоимец, чревоугодник, часто бывающий в обществе мирян, желающий, чтоб во всем исполнялась его воля, вспыльчивый, исполненный страстей,— все эти пребывают в смятении, как бы сражающиеся ночью в непроницаемой тьме, будучи вне страны жизни и света. Та страна предоставлена во владение милостивым, смиренномудрым, очистившим сердца свои.

Естественно человеку чувствовать позыв на пищу; однако должно употреблять пищу необходимую к поддержанию жизни, а не по страсти и не для пресыщения. Естествен человеку сон, но не до сытости и изнеженности тела, чтоб мы могли смирять страсти и порочные стремления тела. Сытость сна соделывает тупым и ленивым дух человека и его умственные способности; бдение, напротив того, утончает и очищает их. И святые Отцы сказали, что святое бдение очищает и просвещает ум. Естественно и гневаться человеку, но не в возмущении страсти. Пусть он гневается на себя и на свои пороки: тем удобнее возможет исправлять себя и отсекать страсти.

Три силы сатаны предшествуют всем грехам: первая — забвение, вторая — нерадение, третья — греховное вожделение. От забвения рождается нерадение, от нерадения — преступное вожделение; человек, увлеченный греховным вожделением, падает. Если ум столько будет трезвен, что воспротивится забвению, то он не впадет в нерадение, если не вознерадит, то не подчинится вожделению; если не подчинится вожделению, то никогда не падет, вспомоществуемый благодатью Христовой.

Первейшее и самонужнейшее дело для каждого христианина есть стяжание вечного спасения. Нужны нам во время земного странствования нашего одежда, пища, питие, жилище и другие подобные потребности; но спасение нужнее всего: оно так нужно, что все временное в сравнении с ним — ничто. Все имеет тот, кто стяжал спасение; ничего не имеет тот, кто не стяжал спасения, хотя бы весь мир принадлежал ему.

ЕСЛИ КАЖДЫЙ БУДЕТ БОРОТЬСЯ

У НАС В ГОСТЯХ ШКОЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ «ДЕРЕВЕЙКО»

Он выходит при Белореченском городском Доме пионеров и школьников. Авторы его — члены одноименного литературного объединения, созданного усилиями молодой учительницы Марины Витальевны Сиротенко. Трудно идет дело, но первые несколько номеров вышли. Сколько в них искреннего чувства, боли недетской, сколь сильна тяга к добру, к познанию себя, прошлого земли кубанской!

На первой странице каждого номера «Деревейко» можно прочитать: «Песню запевает один голос, подхватит другой, подсобит третий... А там уж — и хор. Благодарны будем всем, кто поможет нашему журналу. Подрастающие силы России — да одолеете вы горе и болести! Племя младое — да поднимешься, да распрямишься!»

Слово — юным авторам.

«ТОВАРИЩ»

«БЕДЫ РОССИИ НАШЕЙ — НАШИ БЕДЫ»

«Давайте вспомним нашу русскую культуру, наши песни, которые пели наши предки, наши танцы, старинные праздники, гадания на святках... Словом, все наше, русское, которое мы утратили в нашей жизни, и забили себе голову этим роком... Молодежь вся почти испорченная, за исключением очень малого количества».

«Лежат на полях нитраты. Размывают их дождь и снег. В землю они уходят, портят ее. На нас дождь отравленный льется. И мы потихоньку травимся из-за безумства других».

«Заводы и воды... Заводы дымят и сливают грязь в пучину вод. А все сидят и не думают ни о чем. Вот, мол, моя хата с краю, я тут ни при чем. А России — все хуже и хуже».

«Очень часто бывает, когда бросают отцов и матерей, а потом плачут на их могилах. Где же вы были раньше? И какое вам теперь прощение?»

«Часто случается, поле перепахивают, не убрав. А потом будем покупать за границей хлеб, овощи.

Сколько хлеба, картофеля, капусты сгнивает по дороге... А ведь это — главное наше питание.

Элеваторы переполнены. Зерно под дождем. Машин нет. Вагонов нет. А что же людям от урожая достанется?»

Наталья КОТОВА,
7-й «В» класс средней школы № 1

О ШКОЛЕ

В школе у нас теперь очень плохо. Старшеклассники выбирают себе учителей (а как они могут выбирать учителя, если они сами учатся! Откуда они знают, хорошо или плохо учитель учит!), школьную форму отменили, и порядка в одежде нет.

Вот одна старшеклассница мне говорит: «Хорошо! Теперь у нас демократия. Можно на уроки опаздывать. Никто ругать не должен».

Что же здесь хорошего, если можно опаздывать или вообще не ходить на уроки! Что мы будем знать!

Если старшеклассник решил, что он много знает, то и вовсе может не ходить на уроки. Но ведь он только учится! Как он может знать все!

Очень плохо от этого в школе. Товарищи учителя, взрослые, пожалуйста, не надо всего этого!

Кто радуется этому — он просто беды не понимает.

Татьяна ГАРИТЧЕНКО,
5-й «А» класс средней школы № 68

ПОКОРНОСТЬ

Расскажу я вам одну сказку...

Жили-были люди на белом свете. Радостно жили, счастливо. Но напала на них змеиная порода. Поднатужились люди и одолели змеиный род, но вот осталось в их стране породие змеиное. И решило породие змеиное: погубим мы советских людей и заберем их в рабство. Такая задача вот у них была.

Задумались люди: что делать? Надо бороться! Да тут нашлись люди, говорят: «Да-а... посидим, помолчим... Что будет, то и будет».

И обрадовалось вдруг породие змеиное. Отпраздновали, похохотали... Опомнятся люди, мол, да поздно будет. Рабами нашими станут! Они ведь не борются за правду, а хотят сидеть и ждать, что будет...

Эти люди сделали гадкое для всего народа. Плохо стало народу жить, ослаб народ.

А змеиный господин похохатывает: «У вас, люди, гадко потому, что мы, змеи, дружные, а вы, люди, все порознь делаете».

Кто же это вот породие змеиное?

А расскажу вам вот еще что... Поймете, кто такое это породие змеиное... Захотелось человеку стать честным — тут же кому-то захочется убрать его!

Честность — это серьезность человека. Честных мало, потому что трудно быть честным. А несправедливости полно.

Жил вот честный человек... Стали на его пути бездельники: «Тебе что, больше всех надо?» — говорят они. А честный человек бездельников испугался. И значит, перестал быть честным. Лень и трусость победили.

А другой человек тоже бездельник и вовсе веселую жизнь любит. «Зачем я буду делать качественно? Мне за это зарплату не доплачивают». Но раз ты взялся делать, то делай как следует. Неужели, чтоб ты был честным, тебе надо зарплату доплачивать?

У таких людей нет совести. И думают они: раз у них нет совести, то и у других не должно ее быть.

Люди стали беспредельно языкастыми. Так, который много говорит — тот всегда мало делает.

А мошенники и вовсе как враги для народа.

Все у нас вокруг гибнет. И леса, и речки... Кто-то, может, и борется, и думает, как завод так построить, чтобы и людям, и зверям было хорошо. Но ведь не все! А часть людей считает: кто-то за них должен думать и бороться. А они проживут свое время и рады будут. В каком же положении будет наша Россия, если мы будем молчать и бездельничать, сидеть сложа руки? Все зависит от нас самих. И никто нам чужой не поможет, а только мы сами себе сможем помочь. Иначе позор нам всем. И Россию нашу опозорим. Нельзя, чтобы глупость и лень царили.

А то ведь даже сороки, наверное, ругаются: «Столько понавыпускали эти люди гадости в воздух — летать невозможно».

Спастись можно! Только мы не должны говорить: «Тебе что, больше всех надо?»

Соотечественники! Давайте не будем радовать породие змеиное.

Татьяна РЫБАЛОВА,
7-й «В» класс средней школы № 1

КАК МЫ ЖИВЕМ

(...) Я вот думаю: в стране есть только несколько десятков человек, которые не пьют и не курят. Почему я думаю, что так мало? Я не верю, что их больше. Потому что все вокруг меня пьют (пусть даже в праздники, но ведь ни один почти стол не обходится без водки).

Вот я подошел и спросил одного человека (он отдыхал на лавочке в парке):

— А вот как Вы думаете: если люди будут пить водку, наша страна будет сильной?

— Конечно, нет!

— А зачем же тогда водку продают?

— Потому что выпускают ее, делают.

— А зачем же делают?

— Прибыльно стране.

— В чем же прибыль, если Вы сами говорите: будет народ пить — значит, будет слабым! А Вы сами пьете?

— Конечно, пью. Как все.

— А почему Вы не боретесь против водки, если понимаете, что она делает слабым наше государство?

— Я же один. Что я сделаю?

— А если каждый будет бороться?

— У нас все почти — равнодушные люди.

— А вот как по-Вашему: если водку продолжать продавать, мы от нее избавимся?

— Никогда не сможем.

— Значит, надо не продавать!

— Да... Алкоголики бы находили. А такие, как я, кому на праздник, бросили бы.

Взрослый человек говорит: «Конечно, пью». Неужели у нас не будет того времени, когда будем говорить: «Конечно, не пью»? Должно же оно быть!

Теперь вот о курении. Сейчас курят дети. В нашей школе на перемене нельзя войти в туалет — везде этот дым. А директор говорит, что есть приказ: за курение исключают из школы. Все привыкли, что взрослые лгут: ведь никто же из школы никого не исключил. И все курят, не боясь.

А другой наш яд — рок-музыка. Это пытка. Фашисты бы могли вот так пытать людей. От нее так болит голова... И кажется, что теряешь память.

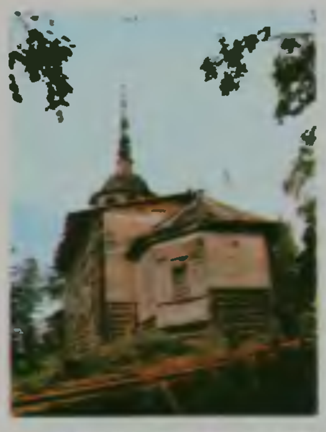
Да мы и так уже ее, нашу память, почти потеряли и скоро не будем знать, что было вчера.

Наши предки не пили. А мы про это забыли.

Наши предки пели красивые песни, а кто их сейчас помнит? Очень мало таких.

Вот как мы с вами живем.

Марк КОЛЕСНИКОВ,
5-й «Б» класс средней школы № 68

ВОЗВРАЩАЕТСЯ КРАСОТА

Чудом сохранившийся храм Александра Свирского виден издалека. Даже несмотря на разрушения, он по-прежнему привлекает к себе внимание. Сегодня он принимает тот облик, который был у него более века назад, в 1862 году, когда его срубили и поставили на Хижгоре — издавна чтимом, святом месте. Возвратить первозданную красоту помогают члены Московского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. В 1987 году они впервые приехали в Каргопольский район Архангельской области.

Этим летом отряд снова отправился на Север. В программе нынешнего сезона — архитектурные и экологические исследования, продолжения реставрации церкви Александра Свирского, жилых и хозяйственных построек деревни Гужово, которая включена в созданный в прошлом году Лекшмозерский ландшафтный заказник. Отряд приглашает принять участие в этих работах. Для студентов близкого профиля работа может быть оформлена как прохождение производственной практики. Просим обращаться по телефонам: 482-53-08, 205-91-84.

На снимках: храм Александра Свирского; идет работа на внутренних лесах; рубятся верхние венцы.

Фото Д. ДУБИНКИНА, Д. СОКОЛОВА

СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ ДОКУМЕНТЫ

В результате принимаемых по итогам ревизий мер в 1988—1989 годах финансовое положение комплекса гостиницы «Орленок» несколько укрепилось. Вместе с тем комплекс еще является низкорентабельным предприятием... Также низкорентабельным является и комплекс гостиницы «Юность» УД ЦК ВЛКСМ.

ИЗ ОТЧЕТА ЦЕНТРАЛЬНОЙ РЕВИЗИОННОЙ КОМИССИИ ВЛКСМ XXI СЪЕЗДУ ВЛКСМ

БУМАЖНАЯ ДУЭЛЬ

ИЗ ПИСЬМА В КПК ПРИ ЦК КПСС

Нам, честным работникам гостиницы «Юность» Управления делами ЦК ВЛКСМ, стало невыносимо стыдно молчать о том, что происходит в нашем коллективе. Нас возмущает высокомерное отношение, особенно к рабочим, директора гостиницы Ф. Ахвердиева. Приглашенный из Баку на работу в Управление делами ЦК ВЛКСМ инструктором, он, не обладая достаточными деловыми качествами, довольно быстро занял директорское кресло «Юности».

Наш коллектив всегда славился хорошей репутацией. С приходом же Ахвердиева все изменилось — начались интриги, появились анонимки, повышать по службе стали удобных, а неугодных принялись изгонять. Усилилась текучесть кадров. Недавно выбирали совет трудового коллектива. Но что это были за выборы! Присутствовали сотрудники только одной смены, да и то не все — менее половины, а бюллетеней оказалось больше. Гостиница арендует автомашину «Волга» ГАЗ-3102. Пользуется ею в основном директор, причем нередко в личных целях.

Странных людей набирает в свою «команду» Ахвердиев. Например, в то время, когда болел заместитель директора ресторана, он взял на его место некоего Б. Шевченко, который теперь покрывает явные нарушения. Так, буфетчик А. Шанский работает без кассового аппарата, незаконно реализует с наценкой дефицитный товар. В кулинарии допускается большая пересортица мяса...

Подобных фактов можно привести значительно больше, но, думаем, и этих достаточно, чтобы сделать правильные выводы. Мы считаем, что многие нарушения, недобропорядочность в молодежной гостинице стали возможны именно с приходом к ее руководству Ф. Ахвердиева.

В. ЛЕВШАКОВ, А. МОЛЧАНОВ, Р. ЧАЧИНА, работники гостиницы «Юность»

ЦК ВЛКСМ

Направляем на рассмотрение поступившее в КПК при ЦК КПСС коллективное письмо, в котором сообщается о злоупотреблениях и серьезных недостатках в работе директора гостиницы «Юность» Управления делами ЦК ВЛКСМ т. Ахвердиева Ф. Г.

К. ВАЙНО,
член Комитета партийного контроля при ЦК КПСС

ИЗ СПРАВКИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РЕВИЗИОННОЙ КОМИССИИ ВЛКСМ

Действительно, с октября 1987 года по апрель 1989 года из гостиницы уволилось 122 человека, что составляет 47 процентов от общей численности. Отмеченные в письме недостатки при выборах совета трудового коллектива проверены. Выявлено, что список регистрации участников собрания трудового коллектива отсутствует, поэтому проверить полномочность собрания не представляется возможным.

Использование автомашины ГАЗ-3102 проверено по справкам, приложенным к путевым листам. В 1988 году машина использовалась, как правило, т. Ахвердиевым Ф. Г. Например, находясь в очередном отпуске, он постоянно пользовался ею для поездок по Москве и в дом отдыха «Пушкино». Всего таких поездок было совершено восемь. Таким же образом машина эксплуатировалась и в 1989 году. Так, с 27 февраля по 23 марта, будучи в отпуске, Ахвердиев использовал машину для поездок в дом отдыха «Пушкино» и обратно в Москву 14 раз. В течение 1988—1989 годов машина 11 раз выезжала в аэропорт «Внуково», 15 раз — в «Шереметьево», 25 раз — в «Домодедово». Только за первый квартал 1989 года на содержание машины израсходован 71 процент от общей суммы расходов гостиницы на транспортное обслуживание. В ходе проверки дать объяснение по использованию машины Ахвердиев отказался.

По факту приема на работу Б. Шевченко проведена документальная проверка. Он был зачислен на должность заместителя директора «Юности» без предварительного согласования и разрешения с Управлением делами ЦК ВЛКСМ. Необходимо отметить, что Шевченко ранее не имел достаточного практического опыта работы в сфере общественного питания. Проверка правильности реализации большого количества чая китайского в пачках и орехов китайских в банках показала, что эти продукты отпускались с нарушениями. Неправомерно применялась 20-процентная наценка. В результате этого обман покупателей составил 562 руб. 66 коп.

Обнаружена недостача икры зернистой на 195 руб. 59 коп. и излишек икры кетовой на 179 руб. 23 коп. Выявлены грубейшие недостатки в работе комбината питания: обсчет покупателей, нарушения технологии приготовления пищи, пересортица на производстве, недовложения продуктов.

По просьбе ряда работников комплекса было проверено использование телефонов для междугородных переговоров. За 1988—1989 годы произведено телефонных разговоров с Баку на сумму 247 руб. 89 коп. Из них только 61 руб. 08 коп. были внесены Ахвердиевым в кассу гостиницы, а 186 руб. 81 коп. отнесены на расходы гостиницы и комбината питания. Дать письменные объяснения по телефонным переговорам с Баку и другими городами Ахвердиев отказался.

Считаем необходимым Управлению делами ЦК ВЛКСМ за необеспечение должного руководства коллективом комплекса гостиницы «Юность», грубые нарушения в его финансово-хозяйственной дея-

тельности, использование служебного положения в личных целях рассмотреть вопрос о целесообразности дальнейшего использования директора комплекса т. Ахвердиева Ф. Г. в занимаемой должности.

В. ГОРЯЧЕВ, первый секретарь Калужского обкома ВЛКСМ; М. КИРЬЯНОВА, заведующая секцией ГУМа; А. КРИВЕЦ, инструктор-контролер Центральной Ревизионной Комиссии ВЛКСМ

ИЗ ПИСЬМА В КОМИТЕТ НАРОДНОГО КОНТРОЛЯ СССР

Нами, работниками гостиницы «Юность», было направлено письмо в КПК при ЦК КПСС с просьбой разобраться в сложившейся обстановке в нашей гостинице. Факты, изложенные в письме, подтвердились. Но мер никаких не принималось.

Руководство Управления делами ЦК ВЛКСМ пообещало дать нам ответ, который мы ждем не дождемся. А тем временем авторы письма подвергаются гонениям...

А. АНФИНОГЕНОВА, С. БЕЛОВА, Т. ГОЛОВНЕВА, Л. ЗЕНИНА, О. КИСЕЛЕВА, В. САФОНОВА, Е. СЕДОВА, Л. ТЮРЕНКОВА, работники гостиницы «Юность» (всего 23 подписи)

ИЗ СПРАВКИ ЧЛЕНОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РЕВИЗИОННОЙ КОМИССИИ ВЛКСМ

Бюро ЦРК ВЛКСМ отметило, что недостатки и нарушения в деятельности директора «Юности» т. Ахвердиева Ф. Г. действительно имели место. Бюро ЦРК ВЛКСМ признало недопустимым его командно-административные методы руководства коллективом, его несамокритичность в оценке своей деятельности по руководству комплексом, что вызвало поток писем с критикой его деятельности в партийные органы, КНК СССР, ЦК ВЛКСМ, а также подтвердило факты, в частности использование служебной машины с нарушением установленного порядка, отсутствие должного контроля за реализацией дефицитных продуктов. В итоге комплексу причинен ущерб на сумму более 8,0 тысячи руб. Незаконно произведены выплаты водителю легковой автомашины, уволены работники комплекса — авторы письма.

Тов. Ахвердиев Ф. Г. и тов. Кучинский Н. А., управляющий делами ЦК ВЛКСМ, заверили, что в кратчайший срок будут приняты меры по нормализации морально-психологического климата в коллективе, устранены недостатки и нарушения, выявленные в ходе проверки, итоги проверки будут сообщены коллективу гостиницы.

Однако тов. Ахвердиев и после бюро ЦРК ВЛКСМ не сделал должных выводов из состоявшегося разговора, не принял мер для нормализации обстановки в комплексе, а, наоборот, своими последующими действиями еще больше их обострил. Примером тому могут служить факты психологического воздействия на работников, преследования за критику авторов повторных писем в адрес Ленинского РК КПСС Москвы, КНК СССР и ЦК ВЛКСМ.

Кроме того, тов. Ахвердиев Ф. Г. всячески препятствовал гласному обсуждению фактов по итогам проверок на собрании всего коллектива. После информации о результатах проверки и решения бюро ЦРК ВЛКСМ тов. Ахвердиев Ф. Г. демонстративно покинул собрание и не принял участия в его дальнейшей работе. Практически все выступающие на собрании высказали резкую критику в адрес тов. Ахвердиева Ф. Г. и выразили ему полное недоверие и нежелание работать под его руководством. На собрании было принято и направлено в адрес ЦК ВЛКСМ, ЦРК ВЛКСМ, КНК СССР, Генерального прокурора СССР А. Я. Сухарева обращение с требованием рассмотреть вопрос о соответствии занимаемой должности директора комплекса тов. Ахвердиева Ф. Г.

П. КОТОВСКИЙ, М. ПУЛАТОВ, В. МАТИЙКИВ, А. КРИВЕЦ, члены ЦРК ВЛКСМ

НЕОБХОДИМОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Думаете, что Ф. Ахвердиева освободили от занимаемой должности и этим закончилась переписка! Как бы не так! Все пока остается по-старому. Люди по-прежнему пишут письма, обивают пороги различных организаций, а члены Центральной Ревизионной Комиссии ВЛКСМ, как и раньше, составляют обширные справки. Словом, бумажная дуэль в разгаре! К ней уже успели присоединиться работники Комитета народного контроля СССР, народные депутаты СССР.

Пока, как говорится, суд да дело, жизнь в «Юности» идет своим чередом. По-прежнему здесь арендуется легковая машина, на содержание которой расходуется фонд социального развития. В прошлом году она «съела» 23,3 тысячи руб. из 25 тысяч, запланированных на социальные нужды людей! Дело дошло аж до того, что Ахвердиев стал подкатывать на ней прямо к трапу самолетов. Именно так он встречал рейс № 852 из Баку в аэропорту «Домодедово». Когда же охрана потребовала у нашего героя пропуск, разрешающий въезд на летное поле, он издали показал поддельный, который при настоятельном требовании охраны быстренько уничтожил. Ахвердиева задержали. Но стоило сотрудникам охраны немного замешкаться, как машина с директором «Юности» проскочила через ворота...

Маловато перемен и в комбинате питания гостиницы. В кафе и баре все так же обирают покупателей, продавая им дефицитные товары с наценкой. Продолжаются и личные телефонные разговоры за государственный счет.

Но кое-какие изменения есть. Например, с нарушением заключены два договора с иностранными фирмами на аренду помещений — с «Азельборн» (ФРГ) и «Дирос АБ» (Швеция).

Большую смекалку проявляет Ахвердиев, чтобы уйти от ответственности. Скажем, недостачу икры зернистой и излишки икры кетовой, он советует подвергнуть взаимному зачету, а «образовавшуюся в результате этой пересортицы суммовую разницу в размере 16 руб. 36 коп. обязать возместить материально ответственным лицам». Оригинальный, не правда ли, способ сокрытия злоупотреблений!

«Кто же, наконец, скажет свое веское слово!» — спрашивали меня работники «Юности», с которыми я встречался, готовя этот материал. Этот вопрос я адресовал членам Центральной Ревизионной Комиссии ВЛКСМ, которые проводили проверку в гостинице.

— Мы сделали все возможное, чтобы установить истину,— рассказывал мне А. Кривец.— Факты, обнаруженные нами, никем не опровергнуты. Они говорят о явных нарушениях. Они известны и Управлении делами ЦК ВЛКСМ. За ним слово...

Что ж, остается только надеяться, что это и будет «веское слово». Сколько же еще длиться бумажной дуэли!

В. ЗЕНКОВ

НЕ ДО АБСУРДА ...

Стяжавшая широкую известность на ниве псевдокультурных изысков газета ЦК КПСС «Советская культура» поведала своим читателям, что в Москве открылся театр восковых фигур «Тетрис». И что в этом новом культурном заведении можно лицезреть «исторических лиц России». Каких именно — об этом сообщает «Московская правда».

В театре «Тетрис», поясняет печатный орган МГК КПСС и Моссовета, можно увидеть, как «Иван Грозный убивает... Александра Сергеевича Пушкина» и как «Малюта Скуратов выбрал себе в шахматные соперники Берию. Встретим мы в этом театре абсурда Сталина, Николая II, Брежнева».

Ну зачем, спрашивается, еще раз искажать до абсурда великую историю России! Она ведь и так уже не раз доводилась до полного абсурда — и в сталинском «Кратком курсе», и в «Огоньке» Коротича.

Вот я и предлагаю главному режиссеру театра абсурда Н. Зеленецкому и абсурдным скульпторам И. Бродскому и С. Когану воспользоваться реальными событиями из истории России.

Следовало бы пополнить экспозицию «Тетриса» следующими скульптурными композициями:

— Яков Свердлов, Лев Троцкий и Иона Якир убивают на Дону миллионы казаков вместе с женщинами, стариками и детьми;

— председать ВЦИК Свердлов убивает Николая II и членов царской семьи;

— Лев Троцкий бросает Россию в «костер» мировой революции;

— Фанни Каплан стреляет в Ленина;

— «пламенные революционеры» Бела Кун и Роза Землячка (Залкинд) расстреливают в Крыму и топят в Черном море тысячи безоружных белых солдат, офицеров и юнкеров;

— будущий маршал Тухачевский расстреливает из артиллерийских орудий тамбовские деревни;

— Зиновьев, Каменев и Луначарский изгоняют из России выдающихся писателей, ученых и философов;

— «любимец партии» Бухарин и нарком просвещения Луначарский убивают Сергея Есенина;

— «железный нарком» Лазарь Каганович и наркомзем Яков Яковлев-Эпштейн железной рукой загоняют российского крестьянина в колхоз, ликвидируя при этом кулачество как класс;

— «воинствующий безбожник» Емельян Ярославский-Губельман изгоняет Бога из православных душ и храмов;

— бывший сапожник Лазарь Каганович взрывает храм Христа Спасителя;

— он же убивает голодом миллионы крестьян Украины и Северного Кавказа;

— «железный» Генрих (Ягода), Н. Френкель, М. Берман, Я. Раппопорт, Л. Коган и С. Фирин кроят российский материк на острова Архипелага ГУЛАГ;

— Н. Хрущев уничтожает новейшие самолеты и линкоры;

— академик Т. Заславская выносит смертный приговор 500 тысячам «неперспективных деревень России;

— «отец» водородной бомбы А. Сахаров получает Нобелевскую премию мира;

— лидеры межрегиональной депутатской группы — «историк» Ю. Афанасьев, Г. Попов, Г. Старовойтова, Б. Ельцин — кроят карту России на 70 карликовых государств;

— народные депутаты В. Тихонов и А. Собчак дают присягу воротилам теневой экономики...

Думается, такая экспозиция театра абсурда будет более понятной его посетителям. А с учетом демократических процессов можно завести книгу предложений на изготовление новых фигур выдающихся прогрессистов, олицетворяющих, казалось бы, абсурдные, но, к несчастью, вполне реальные проекты и эксперименты на многострадальной российской земле.

С. СЕРГЕЕВ

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. Т. ТВАРДОВСКОГО

ДОМ В ЗАГОРЬЕ

На всю жизнь запомнил я погожий майский вечер 1960 года. В парке Глинки распевали соловьи: может, жили, может, залетали из дубравных оврагов, садов, чтоб порадовать людей своими трелями. Я учился тогда в партийной школе, и мы с другом Алексеем Ишорой вышли после занятий прогуляться. Нас окликнул Ефрем Марьенков — он был нештатным литсотрудником в молодежной газете «Смена», и к нему попадали наши рассказы. Долго бродили в теплых сумерках под сенью лип.

— А знаете ль вы, ребятишки, через какие испытания прошел Твардовский, как в Смоленске травили его? — спросил нас Марьенков.— Его травили в родном Смоленске насмерть! И если б не одна добрая душа, может, и «Василий Теркин» не воевал бы на фронте. Один чекист за несколько часов до ареста сумел шепнуть: «Убегай. Сегодня ночью тебя брать будут. Только не вздумай на Смоленском вокзале появиться». А я в тот вечер к девкам ушел (он именно так и сказал: «к девкам»), да и задержался у них. Саша по рельсам до станции Кардымово бежал, там на какой-то поезд сел да сразу к Исаковскому! Тот его и спас. А я на зорьке возвращаюсь, удалой да веселый, тут меня тепленького и взяли. И загремел я надолго на Север далекий. Так-то, ребятишки!»

Жив и здоров свидетель той беседы Алексей Ишора, активно публиковавшийся тогда в «Смоленском альманахе», и вечер тот не забыт. Пролетело четверть века. И вот однажды на утренней зорьке далеко от родной Смоленщины, на латвийской реке Лиелупе, повстречал я рыбака, оказавшегося писателем Василием Ардаматским — уроженцем земли смоленской, начинавшим творческий путь в Смоленске вместе с Твардовским. И Василий Иванович, обрадовавшись земляку, доверительно повторил рассказ Марьенкова... Спустя четверть века.

Сколько же совсем недавно полыхало споров и битв по поводу того, кто угробил Твардовского: одиннадцать писателей, написавших правдивое письмо, или сотрудники возглавляемого им «Нового мира»... Но почему-то умалчивается о том, что еще в Смоленске могли смертельно «подстрелить» великого поэта на взлете.

Смоленская газета «Большевистский молодняк» писала в те годы: «Тов. Горбатенков четко проводит мысль, что стихи Твардовского не воспитывают у читателя любовь к социалистической Родине, не заряжают их в борьбе, не учат ненавидеть классовых врагов пролетариата, а, наоборот, сглаживают эксплуататорскую сущность кулачества, искаженно показывают представителей бедноты и батрачества, исторический смысл происходящих в деревне событий. Н. Павлов рассказал, как оценивают стихи А. Твардовского колхозники, которым он их читал: «Стихи его вызывают у колхозников недоумение мрачностью перспектив колхозной жизни»,— заявляют колхозники, и это справедливо. Это может служить политической оценкой творчества Твардовского» *. Статья публиковалась в апреле 1935 года. В том же апреле перед совещанием поэтов Смоленщины в той же газете опубликована статья В. Горбатенкова, И. Каца и Н. Рыленкова «Стих — это бомба и знамя»**. Л. Кондратович в своей книге «Александр Твардовский» так говорит о той статье: «В ней будут повторены все обвинения в адрес Твардовского, да еще добавлено, что кулацкую идеологию поэт утверждает сознательно и преднамеренно» ***.

И потянулись годы травли. Вдумайтесь в строки статьи «Вражеское охвостье в Союзе писателей», опубликованной уже в 1937 году: «Македонов окружил себя равными себе пошленькими людьми. Сын кулака, автор ряда враждебных произведений Твардовский, морально разложившийся «прозаик» Марьенков, восхваляющий в своих творениях белогвардейцев». В статье критикуются комсомольцы, сотрудники «Рабочего пути», которые «всячески протаскивали их творения на страницы газеты и популяризировали этих проходимцев и врага народа Македонова, как «незаменимых мастеров» и «знатоков» художественного слова ****. Сколько десятилетий мечтали смоляне о памятнике Твардовскому в Смоленске! А когда поняли, что мечта иллюзорна, стали биться хотя б за создание памятника Василию Теркину в древнем Смоленске. Наконец вроде лед тронулся. С каким рвением собирали смоляне народные рублики на тот памятник! Вместе со всей страной... Кстати, смоленские писатели в стороне не остались: за объемный сборник весь гонорар перечислили, за публикации свои перечисляли и просто так. На сооружение памятника уже поступило более 600 тысяч народных рублей.

Но оказывается, все жаркие разговоры о памятнике в Смоленске — пустой звук. Жюри решило из тех народных денег присудить много-

---

* «Большевистский молодняк», 1935, 14 апреля, № 74.

** От Н. Рыленкова я неоднократно слышал, что никакого отношения он к той статье не имел. *(Прим. автора.)*

*** Кондратович Л. Александр Твардовский. М., Художественная литература, 1978, с. 97.

**** Павлов Н. Вражеское охвостье в Союзе писателей.— «Большевистский молодняк», 1937, 30 января.

численные премии за памятник... которого нет. А памятник, мол, лучше в Москве поставить! А для Смоленска и Народного дома Теркина хватит — так рассуждает в «Известиях» (1989, № 109) первый зам. председателя правления Советского фонда культуры: «...в нем библиотека, клуб для работы молодежных организаций». А раз молодежные организации — значит, дискотека, стереомузыка, рок, от коих уже спасения нет нигде. Так что начинается новая гонка — конкурс на проектирование Народного дома. А есть ли гарантия, что все не вернется на круги своя? Поощрительные премии получат многочисленные авторы, а дома, как и памятника Теркину, не окажется. И останутся от тех народных 600 тысяч рожки да ножки? И тогда жюри, возможно, объявит конкурс на создание проекта... комнаты или уголка Василия Теркина в одной из школ Смоленска?

Итак, пошумели, поспорили, а памятника в Смоленске нет. И в почетные граждане Смоленска никак «не пробьется» Александр Трифонович...

Но смоляне — народ мужественный, это доказали в веках, громя всех захватчиков, рвавшихся к первопрестольной: «нельзя так нельзя». И взялись за восстановление хутора Загорье...

Родной край позвал Ивана Трифоновича Твардовского — родного брата поэта; он рьяно взялся за изготовление мебели, какая имелась когда-то в их избе. Лучшие плотники Велижского леспромхоза изготовили срубы дома, колодца, пуни, бани, кузницы, точь-в-точь что стояли раньше в Загорье. В общем, всем миром воскресили Загорье. И смоленские писатели не стояли в сторонке безучастными наблюдателями.

Вот и стелется среди полевой вольницы дорога, уведшая в большую жизнь народного поэта. Идут, торопятся теперь по ней к Загорью люди со всей необъятной страны. Идут к Твардовскому...

Евгений МАКСИМОВ

Смоленская область

Н а с н и м к а х: усадьба поэта в Загорье.

НЕ ДАДИМ ДЕРЖАВУ В ОБИДУ

КОГДА УПАДЕТ КОЛОКОЛЬНЯ ИВАНА ВЕЛИКОГО?

В Судной палате, примыкающей к Архангельскому собору,— месте упокоения великих князей и царей российских,— стоит корыто. В него непрестанно быстрыми каплями сбегает с потолка вода. Само корыто помещено на саркофаге одной из царских жен. Другие усопшие матери, жены и младенцы женского пола, находящиеся в полуразрушенных саркофагах, из своего царства теней вот уже 15 лет слышат эту неумолчную капель.

А до 70-х годов картина была иная. В этом самом глубоком подземном сооружении Соборной площади, как свидетельствуют документы, воды не было. Откуда же она появилась? В середине 70-х годов по проекту мастерской № 3 Моспроекта Соборная площадь была вымощена плотным песчаником, уложенным на массивной бетонной подушке. Очень скоро выявилось, что новая вымостка создает под Соборной площадью «парниковый эффект», который предвидела высочайше учрежденная исполнительная комиссия по ремонту и реставрации Большого Московского Успенского собора еще в 1913 году.

Дело в том, что под бетонную подушку попадают талые воды, поскольку естественный уклон Кремлевского холма к Москве-реке идет через Соборную площадь. Специалистам судить, насколько груба ошибка Моспроекта и насколько проект мастерской № 3 отвечает профессиональным критериям. Но последствием покрытия Соборной площади бетоном является то, что вода, попавшая под него, не испаряется, как это обычно происходит в почве, и ей нет никакого выхода, как подниматься вверх через пористые каменные стены соборов. А соли, растворенные в воде, кристаллизуясь в порах кладки, увеличиваясь при этом в объеме, разрушают структуру камня. Исследования соборов и церквей Московского Кремля показали, что опасный процесс зашел уже далеко. Вот заключение, сделанное специалистами: «Наибольшее опасение вызывает состояние кладки цокольной части всех сооружений Соборной площади. При осмотре кладки Успенского и Архангельского соборов совершенно четко определяется линия солевой коррозии известняка, находящаяся на высоте 2—2,5 метра от уровня современной отмостки Соборной площади». Если перевести язык специалистов на общепонятный, то это значит, что камень превращается в труху.

Таким образом, не прибегая к взрыву, как произошло с храмом Христа Спасителя, можно загубить и Кремль — самую главную святыню России. Но почему, спросит читатель, люди, которые отвечают за это, не бьют тревогу? Обращает на себя внимание то, что за последние шесть лет сменилось несколько главных архитекторов Кремля. Видимо, и здесь не обходится без узковедомственных интересов, которые, как солевая коррозия, разъедают наше государство.

Так есть ли выход? Некоторые специалисты утверждают, что необходимо срочно сделать у стен соборов и церквей Московского Кремля «дышащую» отмостку шириной до 3 метров. Такая отмостка может быть сделана из брусчатки, кирпича. Эти специалисты считают, что, несмотря на весь научно-технический прогресс, пока нет ничего лучше старого классического варианта отмостки, существующего, например, в Псково-Печерской лавре. В любом случае надо срочно что-то предпринимать, чтобы не пришлось достаточно скоро воссоздавать Кремль из руин.

Анатолий ВАСИЛЕНКО,
кандидат философских наук

«ШОЛОХОВСКИЙ КРУГ»

Казачий ансамбль станицы Вешенской. Не умирает промысел.

В то лето, когда впервые собрался на родину Шолохова, над великою донскою вольницей — бескрайней, неоглядной степью — часто шумели грозы. В течение первых двадцати минут самолет дважды менял маршрут и временами казалось, что он возвращается обратно в Ростов-на-Дону. Но вот стюардесса объявила, что до Вешек осталось несколько минут лету, и пассажиры облегченно вздохнули: «Ну наконец-то...»

Около часа бродил по станице. Потом спросил у повстречавшейся пожилой казачки, как пройти к дому великого писателя. Женщина стала объяснять — нужно повернуть направо, увижу, мол, то-то и то-то,— но вдруг замерла и, простодушно улыбнувшись, сказала:

— Вон видите? Радуга... К ее истоку и идите. Не ошибетесь.

Казачка скрылась за поворотом, а я все еще стоял, потрясенный простыми словами. Подумалось: не потому ли Шолохов стал Ш о л о х о в ы м, что весь свой век шел к истокам — правды и добра, порядочности и милосердия? Шел к истоку жизни народной. Там-то, в Вешенской, в местном Доме культуры, и услышал о задумке создания литературного товарищества «Шолоховский круг». Но идея эта тогда висела, как говорится, в воздухе. Нашла же она свое конкретное воплощение не в станице, где жил писатель, а в Ростове-на-Дону — городе, в котором любил гостевать Михаил Александрович и где на высоком берегу у Дона стоят, отлитые в бронзе, Григорий да Аксинья.

Какова же главная задача «Круга»? Она сформулирована предельно четко: активная пропаганда произведений, всего творчества Михаила Александровича Шолохова, духовное и культурное возрождение России, ее народов и родного донского края.

«Шолоховский круг» поддерживает все формы народного творчества, борется за восстановление исторической объективности в оценке пресловутой политики раскрестьянивания и расказачивания. «Круг» объявил решительную борьбу беспочвенному космополитизму, разрушающему народную культуру.

Что же касается конкретных дел товарищества, то это и участие в огромной работе Всесоюзного Шолоховского комитета, и «пробивание» памятников великому писателю в Москве и Ростове-на-Дону. «Круг» приступил к разработке комплексной научно-издательской и просветительной программы под условным названием «Донская историческая библиотека», в которую войдут свод донского фольклора, основные материалы по истории края, архивные рукописи.

Немало сил и времени члены товарищества отдают казачьему историко-культурному центру ремесел, которым руководит Наталья Дмитриевна Атаманова. Он объединил народных умельцев — кузнецов, каменщиков, шорников, реставраторов, костюмеров. Тут могут сделать не только пистоль или саблю екатерининских времен, но и выполнить русскую старинную кладку, отреставрировать церковь. Правда, как сообщил мне один из основателей и руководителей «Шолоховского круга» писатель Леонид Юдин, первый казачий центр находится пока что в плачевном состоянии. Собираются умельцы где придется — нет над головой кры-

ши, нет и учредителя, заказчиков.

А появись заказы — сколько музеев по стране, сколько парков (в центре делают оригинальные кареты для катания детворы) — донские умельцы заработали бы в полную силу.

Недавно по инициативе «Шолоховского круга» в Ростове-на-Дону прошел первый благотворительный вечер «Россия, Русь! Храни себя, храни!», посвященный святому Дмитрию — митрополиту Ростовскому, чье имя носит город. Собранные средства пойдут на сооружение памятника этому выдающемуся деятелю российской культуры, оставившему потомкам уникальное литературное наследство.

...День уже клонился к вечеру, когда я отправился в обратный путь. Дойдя до середины станицы, услышал, как где-то там, наверное, у самого берега Дона, рассыпал посеребренную трель баян.

— Сегодня что... праздник?

— А то как же, воскресенье, казаки концерт будут давать. Поторопитесь. А что заиграли раньше времени,— усмехнулся в усы бывалый вешенец,— так это они того... разминаются, приглядываются.

Дон издали ослепительно сверкнул голубизной, а когда я спустился на берег великой реки, то увидел в самобытных казачьих нарядах Григория и Аксинью. Рядом стоял гармонист и тихо трогал-ладил басы.

— Чой-то Гришка дюже неказист,— раздался рядом чей-то голос.— Наш, вешенский, статью покрепше. А Аксинья, правда, ничего... бедовая, не хуже, видать, нашей.

От этих лукавых «наш», «нашей» стало как-то удивительно светло на душе. Ведь и то правда: в каждой донской станице, чуть ли не в каждом донском хуторе свои, особенные Григорий с Аксиньей. И каждая станица, каждый хутор словно раскрытые книги Шолохова...

Дмитрий АЛЕНТЬЕВ

ИНИЦИАТИВА

ЗАЯВКА НА ФЕРМЕРСТВО

Они стояли, не замечая моросящего дождя, и завороженно смотрели на нежные зеленые всходы ржи. Если бы два-три года назад им бы сказали, что они станут фермерами, они бы расценили это как оригинальную шутку...

Ивонна Плауде и Гунар Граузе знакомы друг с другом еще по комсомольской работе. Сегодня Гунар работает главным энергетиком в колхозе «Дзыркстала», на территории Тукумского района, а Ивонна возглавляет местную комсомольскую организацию. Семьи дружны между собой, потому и решили совместно заняться фермерским хозяйством. Им предоставили из банка ссуду по тридцать тысяч рублей, по семь тысяч выдал колхоз. Для обработки 39 гектаров нужна техника. Но каждой семье нерентабельно тратить большие деньги на приобретение сельхозинвентаря. И здесь надо отдать должное жене Гунара, экономисту по профессии, которая просчитала настоящие расходы и будущие доходы.

Проблему с техникой решили относительно быстро. Купили трактор, культиватор, плуг, борону и грузовик ГАЗ-53. Все разместили на хуторе в просторном гараже.

Хутор... Это только сейчас он принял какие-то конкретные очертания, а совсем недавно здесь все зарастало кустарником. Два месяца ребята выкорчевывали его, чтобы иметь возможность подойти к жилому дому и хозяйственным постройкам. Теперь база есть, и не надо фермерам ежедневно ездить из города в село и обратно.

Семейный совет постановил, что женщины (а они еще и матери) будут заняты фермерскими делами лишь в летние месяцы (благо, что по закону женщины имеют право на дополнительный неоплачиваемый отпуск). Пока всю тяжесть крестьянских дел взяли на себя Гунар и муж Ивонны — Андреас. Дел им предстоит немало. Посеяли на 11 гектарах рожь, задумали обновить яблоневый сад, подготовить добротную зерносушилку и зернохранилище, провести косметический ремонт жилого дома. Размеры его внушительны: шесть комнат, приличная кухня, подсобные помещения. Он неплохо сохранился, этот старый дом. Но надо вдохнуть в него жизнь. А еще подъездные дороги... Хоть и дорого, но без них не обойтись, если не хочешь терять половину урожая на ухабах.

Фермеры наметили также организовать сразу и небольшое подсобное хозяйство, где для своих потребностей будут выращивать картофель, свеклу, морковь, лук... Облюбовали они уже и место для пруда, в который запустят зеркальных карпов. Излишки рыбной продукции собираются продавать в ближайшее кооперативное кафе.

Словом, планы у ребят большие. Пожелаем же им успехов в непростом фермерском труде.

О. ЛОБАНОВА
Фото А. ЕГОРОВА

В ОДЕЖДАХ ДЕМОКРАТА

26 сентября 1989 года «Комсомольская правда» опубликовала беседу с главным редактором польской «Газеты выборчей» (печатного органа «Солидарности») Адамом Михником. В подзаголовке о нем говорится: «В 1980 году его называли «самой зловещей фигурой польской контрреволюции». Ныне он представляет в Польше власть».

Фигура Михника, безусловно, вызывает интерес. Ведь и у нас появились политики, копирующие политические методы польской «Солидарности». А каким путем и с чьей помощью Михник пришел к власти, чью власть он представляет? — возникают вопросы. И хотя рубрика, под которой помещена беседа, называется «из первых рук», читатель не получает на них ответы.

Попытаемся ликвидировать этот пробел.

Как известно, в 1980—1981 годах в Польше разразился глубокий политический и экономический кризис. На волне справедливого народного негодования наиболее оголтелые противники социализма предприняли попытку на плечах поддержанного трудящимися независимого профобъединения «Солидарность» прорваться к власти. Среди них был А. Михник, руководитель одного из региональных объединений «Солидарности». За их спиной стояли западные подрывные центры, о чем мир узнал из опубликованной в феврале 1983 года в испанском журнале «Тьемпо» статьи «План США по дестабилизации Польши». Подробно об этом плане можно прочитать в книге советского публициста В. Трубникова «Крах «операции Полония» (издательство АПН, 1983), о которой сегодня стараются не упоминать.

План был разработан в 1978 году З. Бжезинским, помощником президента США по национальной безопасности. Одним из главных его проводников была организация «Комитет защиты рабочих» (КОР), созданная в Польше в 1976 году. Как выяснилось позже, комитет защищал интересы отнюдь не рабочих, а тех, на чьем содержании он находился, то есть западных кругов, стремившихся вырвать Польшу из социалистического содружества. Одним из создателей и теоретиков КОРа и был Адам Михник, сын Шехтера, деятеля Коммунистической партии Западной Украины *, вошедшей в 1923 году в состав Компартии Польши.

Фактическим же организатором и вдохновителем в осуществлении плана США по дестабилизации Польши, как мы читаем у Трубникова, была другая организация, прикрывавшаяся КОРом и называвшаяся за кулисами политической борьбы за власть в Польше. Называлась она «Польское независимое соглашение» и была создана в начале 1976 года. Она действовала в глубоком подполье и по своей организационной структуре во многом воспроизводила «принципы деятельности и строения масонских лож и мафии» *. И не случайно, что А. Михник, как и другие его соплеменники, оказался марионеткой в руках «Польского независимого соглашения».

* В ее составе находилось около 4 тысяч членов еврейской национальности.

Амплуа Михника — организаторская деятельность. Он был сторонником любых, самых беспощадных методов в борьбе с социализмом, вплоть до развязывания в подходящий момент открытого террора. Во время своих неоднократных поездок в Италию он досконально изучал «опыт» так называемых «красных бригад» **.

Иногда в беседе Михник откровенничает: «Я не знаю, что сегодня означает быть «за социализм» или «за капитализм». Я действительно не знаю. Я хорошо знаю, против чего я выступаю».

Ну, положим, за социалистический плюрализм Михник никогда не выступал. Даже находясь в изоляции (после введения в Польше 13 декабря 1981 года военного положения он в числе более 6 тысяч активистов и руководителей «Солидарности» был интернирован), Михник устанавливал контакты с подрывными идеологическими центрами на Западе: парижской «Культурой», еженедельником «Контакт», стокгольмским «Анексом».

А вот за капитализм Михник ратовал всегда. Так, в одной из распространявшихся в Польше в августе 1981 года листовок он пишет: «...в этой борьбе польское общество может рассчитывать только и только на себя. Необходимо быть благодарным Западу за моральную и материальную поддержку, но нельзя строить иллюзии» ***.

Эти слова характеризуют Михника как расчетливого политика, смотрящего далеко вперед. Спрашивается, как могла страна, переживающая политический и экономический кризис, имевшая в то время около 26 миллиардов долларов внешнего долга (сейчас он приближается к 40 миллиардам долларов), рассчитывать «только и только на себя»? Расчет у Михника был тонкий: дать понять, что в прежних друзьях и помощниках страна, мол, не нуждается, а Западу — спасибо. «Спасибо» за что? За кабалу, в которую втянул Польшу, за то, что помогал и финансировал попытку прорваться к власти таким, как Михник. Но, как говорится, долг платежом красен. Теперь-то и настало время отдавать Западу долги: не финансовые (с ними он еще потерпит), а политические. И приход к власти Михника и ему подобных есть не что иное, как благодарность Западу за содействие, а ориентация страны на капитализм — возвращение ему политического долга.

Так что, господин Михник, рассчитывать «только и только на себя» можно, когда за спиной моральная и материальная помощь Запада. И не стоило Михнику лукавить, говоря, что не знает, «за социализм» он или «за капитализм». Ведь не кто иной, как его шеф и лидер «Солидарности» Л. Валенса, после победы на выборах в сейм и сенат Польши заявил, что ни одна страна мира не проходила путь от социа-

* Трубников В. «Крах «операции Полония», с. 36.
** Там же, с. 39.
*** Цитируется по книге: Войтасек Л. Политическое подполье. Варшава, «Ксеижа и ведзя», 1983.

лизма к капитализму и что Польша будет первой такой страной. Так, что знали, за что боролись, Михник и его соплеменники.

Тут хотелось бы спросить господ Валенсу и Михника о том, кому в предвоенной капиталистической Польше принадлежали фабрики и заводы, кто говорил: «улицы ваши, каменицы (каменные дома.— *В. А.*) наши»? * Не думают ли они, что история может и повториться? Теперь с их помощью, разумеется.

Придя к власти в результате реализации плана З. Бжезинского **, деятели типа Михника придерживаются теперь «...философии перехода от тоталитарного режима к демократии...» и его устами заявляют: «Но что будет дальше? Конкретно? Мы не знаем. Мы знаем, что хотим демократии и плюрализма. Рыночной экономики и рентабельности предприятий. Социальной справедливости...» Позволительно было спросить у Михника, разве того же самого не хотела ПОРП, с которой ныне деятели типа Михника не желают разговаривать? Разве не существовал в Польше, может быть, и не полный, в сегодняшнем его понятии, плюрализм, как политический, так и экономический? Где, как не в Польше, кроме ПОРП, в правящую коалицию входили такие политические партии, как Объединенная крестьянская партия, Демократическая партия, различные католические организации? Где, как не в Польше, во все годы существования народной власти в экономике уживались государственная, кооперативная и частная собственность? Деятельность одного из официальных современных миллиардеров Польши владельца фирмы «Интерфрагранс» начиналась в середине 70-х годов. Так что, как бы ни ратовал Михник за демократический плюрализм, он и его партнеры страдают диктаторскими замашками.

Расставшись с ПОРП как с политическим партнером по «круглому столу», они спешат заявить, что их уже не устраивает создаваемая новая партия — Социал-демократия Республики Польша. Об этом заявил на пресс-конференции 1 февраля этого года Лех Валенса: «Результаты конгресса (имеется в виду I учредительный конгресс указанной партии.— *В. А.*) — это не то, что я ожидал. Я бы хотел, чтобы левые силы полностью изменились. Я думал, что А. Квасневский (Председатель Главного совета партии.— *В. А.*) и другие отмежуются от ПОРП и не будут перекрашиваться. Впрочем, эта партия долго не продержится, потому что в таком виде она не нужна» («Советская Россия», 3.02.90 г.). Вот каков плюрализм по Михнику и Валенсе — плюрализм с односторонним движением в направлении на капитализм.

Поэтому пространные рассуждения Михника о том, что отсутствует модель, которую нужно воплотить в жизнь, что необходимо допускать плюрализм форм собственности, форм хозяйственности и т. п., очевидно, нужно рассматривать как дезориентацию советского читателя.

---

* Изречение, распространенное в 30-х годах в Польше среди богатых евреев. В 1938 году еврейское население в этой стране составляло 10 процентов от общей численности, в то время как в составе сейма депутаты-евреи составляли 20 процентов.

** Будучи в США после победы «Солидарности» на выборах, ее лидер Лех Валенса, шеф Михника по профсоюзу, выступил в американском конгрессе и сказал, что Польша выполнила все условия Запада, и просил теперь ей помочь (США уже выделили 200 миллионов долларов на помощь Польше) — *Прим. автора.*

Последние события в Польше заставляют усомниться и в искренности Михника, когда он говорит, что «благодаря переменам у вас вся антисоветская демагогия теряет в Польше смысл». Можно было бы ему поверить, если бы не случаи осквернения могил воинов Советской Армии, памятников В. И. Ленину, о чем не раз сообщала печать.

«Антисоветские группы в Польше не представляют какой-либо мало-мальски значительной политической силы»,— чуть ранее заявил Михник в «Комсомольской правде». Однако и КОР, возглавляемый Куронем и Михником, начинал всего лишь с тридцати человек...

В. ХМЕЛЕВ

ПИСЬМА «ТОВАРИЩУ»

ХОТЬ В ООН ПИШИ

У меня под Москвой в деревне Раздоры есть свой дом. Я в нем проживал всю жизнь, но не был прописан. Полдома мне досталось по наследству, в другой половине живет моя тетя, одинокая пенсионерка. В 1978 году я приехал из Норильска с женой и дочкой и с тех пор бьюсь с пропиской, и как лбом об стенку. Еще при Сталине у нас была запретная санитарная зона (вдоль Москвы-реки под Рублевом), сейчас она охранная и особая. Я неоднократно, как спутник по орбите, прошел от сельсовета до ЦК. Сначала были отказы по мотивам того, что право на наследство не дает права на прописку, потом на основании какого-то постановления Совмина, а письмо на имя Горбачева вообще потерялось где-то в Одинцове между горисполкомом и паспортным столом. А начальник милиции в Одинцове прямо сказал, что бесполезно, вот если бы где-то наверху была мохнатая рука...

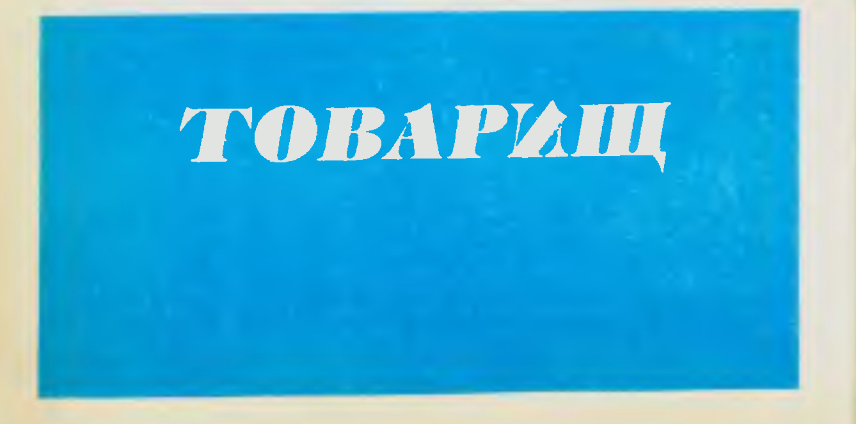
Я ведь не прошу ни метра, я прошу дать мне возможность дожить, доработать и помереть в родном доме, на малой родине. У меня в Рублеве на кладбище дедушка, бабушка и мама. Отец в 42-м погиб под Сталинградом. Что мне делать! Прямо хоть пиши в ООН, в комиссию по правам человека.

Б. ХАНУТИН,
с. Малинки
Липецкой области

На первой странице обложки «Товарища»: Фотоэтюд Р. ИВАНОВА «Нежность».

СКУЛЬПТУРА «АКСИНЬЯ И ГРИГОРИЙ» В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ. (Материал «Шолоховский круг» читайте на стр. 120.) Фото Р. ИВАНОВА.

Николай **ВИРТА**

ЧЕРНАЯ НОЧЬ

Роман-хроника

Продолжение. Начало на стр. 66

Правда, поощрялись выступления Гитлера на митингах и собраниях, Кар хвалил вождя нацистов за «боевое настроение». И верно: не было более шумной и наглой партии, чем «национал-социалистическая». Драки, провокации, выстрелы из-за угла, террор — вот чем отличались наци, вот что создало им в рейхсвере славу «борцов». От щедрот Кара и богачей Баварии Гитлеру и его партии перепадало много больше, чем другим политиканам.

5

Вот фотография, изображающая заседание центрального бюро партии нацистов. В центре за столом, где расположилась верхушка партии, Гитлер. Он в штатском. По левую и правую стороны — ближайшие и доверенные лица фюрера.

Кто они?

Молодой офицер в мундире времен кайзера с капитанскими звездочками на погонах. Вхож в самые респектабельные дома Мюнхена и Берлина. Его принимают промышленники, вожаки рейхсвера, он свой человек во дворцах аристократической знати. У него манеры хорошо воспитанного человека. Лицо энергичное, приятное. Улыбчив, остроумен.

Его имя — Герман Геринг. Он аристократ по рождению: его отец губернаторствовал в какой-то африканской колонии. Папаша Германа презирал учреждение, называемое школой. И его учили дома. Затем устроили в кадетское училище. При отцовских связях Герману была обеспечена блестящая карьера.

Война застала его в пехотном полку. Ему двадцать лет, а он уже лейтенант и не раз отмечен в приказах начальства. Потом его перевели в авиацию. Герман Геринг летал разведчиком, потом

летчиком-истребителем в эскадрилье Рихтхофена, печально знаменитой своими налетами на мирные города. Здесь таланты хладнокровного убийцы проявились во всем блеске. Уже тогда его мундир сверкал бесчисленными орденами — немецкими, австрийскими, болгарскими.

После первой мировой войны он работал летчиком на гражданских авиалиниях в Скандинавии.

Случай свел его с Гитлером: это произошло на митинге, где бюргеры поливали помоями союзников-победителей.

В доверительной беседе Адольф заявил Герингу:

— Вся эта ругань — пустозвонство. Реванш потребует сильной армии. И мы создадим ее, чтобы там ни вопили победители и наши левые.

Капитан Геринг, мечтавший о генеральских лампасах, пришел в неистовый восторг.

— Вы тот, кто нам нужен! — И передал Гитлеру кругленькую сумму в иностранной валюте. — Это мой партийный взнос, — объяснил он.

Гитлер в жизни своей не держал в руках такую уйму денег. Да еще каких! Доллары, настоящие американские доллары! Не то, что несчастная немецкая марка: коробок спичек стоил чуть не миллион.

— О деньгах, мой фюрер, вы вообще не беспокойтесь. Они у вас всегда будут.

Старые связи как нельзя кстати пригодились Герингу. Он был принят в богатейших домах.

Жена владельца фабрики роялей Елена Бехштейн, фабриканты Марфей, Гронау, Грендель, очарованные идеями фюрера нацистов, подкупленные лестью и обещанием не забыть их услуг, когда он придет к власти, раскошелились, внеся крупные суммы в кассу национал-социалистической партии.

Покровитель всех монархистов, контрреволюционеров, реакционных правителей и путчистов Гуго Стиннес, вволю насмеявшись (Геринг умел развеселить площадными анекдотами), спросил:

— Значит, Гитлер, по-вашему, добрая лошадка?

— О да! Он, разумеется, демагог, но ведь без этого не обойтись.

— Однако не все же в вашей партии демагоги, надеюсь?

— Что вы! Я лично человек дела. И вы можете верить мне — мы с лихвой вернем то, что вы на время нам одолжите. Когда создадим армию, вы не окажетесь в роли постороннего наблюдателя.

Стиннес выписал чек, сразу давший Гитлеру солидный капи-

тал. Издатель Ганфштенгль отвалил тысячу долларов, сумму фантастическую по тем временам. Но и то сказать: все эти меценаты отнюдь не отличались бескорыстием. Отныне и до конца нацизм будет плясать под их музыку. Председатель баварского союза промышленников Ауст показывал следователю по делу «пивного путча»: «На небольшом совещании в «Клубе господ», а затем на более многочисленном — в купеческом клубе Гитлер выступал с речами, и слова его встретили большое сочувствие. Мне были вручены пожертвования в пользу его движения, и просили передать их Гитлеру». Чем же купил Гитлер господ и торгашей? «Я считаю недостойным большого человека стремиться к тому, чтобы вписать свое имя на страницы истории в качестве, допустим, министра. Я ставлю перед собой другую цель, которая для меня во сто раз важнее — я стану сокрушителем марксизма!»

Благодетели нацизма не требовали у Гитлера расписок в получении крупных и мелких подачек. Да и зачем? Политика и дела его привяжут вернее любого векселя. Впрочем, нацисты (в том числе приятель Гитлера, Эккарт), вытягивая деньги у акул, не брезговали и мелкой рыбешкой. В числе тех, кто финансировал партию Гитлера в те времена, мы видим владельца небольшой кружевной фабрики в Саксонии Мартина Мучмана.

Мучман — один из вожаков нацистской ячейки в Саксонии и один из двадцати кредиторов Гитлера. В дальнейшем его ожидает блистательный взлет.

Слева, рядом с Герингом, еще один высокопоставленный нацист — Рудольф Гесс, секретарь Гитлера. Оба они служили в одном полку: Гитлер — австриец и Гесс, родившийся в Египте.

В сторонке сидит, насупившись, аптекарь Грегор Штрассер — новый теоретик движения. Он исподлобья поглядывает на фюрера, выступающего перед членами бюро. Штрассер считает Гитлера недоучкой, авантюристом и уверен, что партию должен возглавить он, Штрассер.

А кто вон тот молодой, тощий человек в очках?

Внешность у него такая, что после первого знакомства тотчас о ней забудешь. Но зато имя его прогремело, и как... Кто теперь не знает, кем был Генрих Гиммлер в нацистской Германии? Тогда эта фамилия ничего не значила: учитель, потом владелец доходной птицеводческой фермы. Но почему он среди главарей наци? Быть может, уже тогда Гитлер приметил в Генрихе палаческие наклонности?

Сосед Гиммлера — Роберт Лей. Все в центральном бюро знают, что Лей пьяница и буян. Но в те дни, когда Лей трезв, он мастак на высокопарные речи и на устройство демагогических

спектаклей в рабочих предместьях Мюнхена... Кроме того, отъявленный расист. Недаром он всегда сидит рядом с Розенбергом, расистским философом нацизма, автором книги «Миф XX века». Розенбергу фюрер поручил грабить оккупированные районы Советской России.

В той же компании заседает выходец из Нюрнберга, бывший учитель, а теперь редактор погромной антисемитской газеты «Штюрмер» — это Юлиус Штрайхер, сквернослов и мерзавец, каких свет божий не видел. Членам бюро доподлинно известно, что Штрайхер лютый враг Гитлера. Почему же он — член центрального руководства партии?

Екатерина Медичи однажды сказала:

— Врага надо держать в своем окружении. Тогда легче его обезвредить.

Адольф Гитлер последовал совету коронованной убийцы и ввел Штрайхера в центральное бюро. Теперь он всегда на глазах фюрера... За Штрайхером следит Гиммлер, следит Гесс, следят все... Неуютно чувствует себя юдофоб в этой компании.

Где-то в уголке уныло сгорбился Дрекслер. Его еще держат в почете, но и только. Партия, хотя еще и не официально, в руках Гитлера. Но партия без газеты — вовсе не партия, а сборище болтунов. Снова раскрыли кошельки богачи-благодетели, снова пошел с шапкой по кругу приятель Гитлера Дитрих Эккарт.

В конце двадцатого года партии обзавелась собственным печатным органом: куплена газета «Фелькишер беобахтер».

Подачки толстосумов, неизменное покровительство рейхсвера, наконец, «свои» газета: Гитлер все глубже укореняется в партии. Теперь ему недостает доброй дубинки. Он присматривался к «отрядам наведения порядка», заведенным еще Дрекслером. Это сборище молодых лоботрясов, известных всему Мюнхену. «Смутьяны!» — говорили о них в городе. Почему бы не превратить бесчинствующих молодчиков в гвардию нацизма? И Гитлер призывает партийцев «воодушевляться бесцеремонно-агрессивным духом смутьянов из отрядов порядка».

В апреле двадцать первого года последовал указ, объявлявший «смутьянов» ш т у р м о в и к а м и*. Отныне они подчинялись

* По настоянию Антанты в 1921 году все военизированные и полувоенные организации в Германии были запрещены. Гитлер сумел обойти этот запрет. При нацистской партии (НСДАП) 3 августа 1921 года создается так называемое «гимнастическое и спортивное отделение». Это название должно было замаскировать истинное предназначение подобранных туда людей. Они были в руках Гитлера орудием устрашения противников нацистской партии, и в соответствии с этим осуществлялась их политическая и физическая подготовка. 5 октября 1921 года «отделение» реорганизуется и получает новое и окончательное название — «штурмовые отряды», сокращенно — СА. С этого времени история нацистской партии тесно связана с историей штурмовиков.

Гитлеру, и только ему. Только он имел право назначать начальников штурмовых отрядов.

Так появилась кровавая организация, призванная, по словам фюрера, «культивировать радостное повиновение своему вождю».

Для чего оно нужно? Гитлер писал: «Штурмовые отряды должны быть не только орудием защиты движения от всякого насилия со стороны противников. Они обязаны в любой момент перейти в решительное наступление».

6

В декабре 1921 года, когда в партии было уже около трех тысяч человек, Гитлер выступил в пивной «Хофброй хауз».

Собрание охранял отряд штурмовиков.

Гитлер был уже в запале, и голос его постепенно начинал звенеть на высоких нотах. И вот в самый напряженный момент в зал вошли сотни две социал-демократов. Нет, они явились не затем, чтобы слушать вождя нацистов. Напротив, сорвать его выступление — в отместку за бесчисленные срывы нацистами собраний социал-демократов. Очевидно, мстители знали, что собрание охраняется небольшой группой штурмовиков, и решили дать нацистам почувствовать, что не только они — боевая сила в Баварии.

Заметив врага, злее которого у него быть не могло, Гитлер обратился к штурмовикам:

— Сокрушите этих марксистов, черт побери! У трусов я лично сниму нарукавные повязки. Нападение — лучший способ защиты! Не эта ли великая заповедь Великого Фридриха должна руководить нами?

И продолжил свою речь. Противники вооружались: под столами из рук в руки передавались пивные кружки.

Вот как описывал этот «бой» сам Гитлер:

«Из толпы раздалось несколько возгласов. Вдруг кто-то вскакивает на стол и орет на весь зал: «Свобода!» В несколько минут весь зал был заполнен дико ревущей толпой, над головами летели, словно снаряды, бесчисленные пивные кружки; слышно было, как ломаются стулья, разбиваются кружки, люди визжали, орали... Это была безумная свалка. Я остался на месте и мог наблюдать, как мои р е б я т а выполняли свой долг... Да, хотел бы я видеть буржуазное собрание в таких условиях... Как волки, штурмовики бросались на врага стаями по восемь-десять человек и шаг за шагом начали вытеснять из зала. Сердце мое затрепетало, вспомнились подвиги времен войны...»

Гитлер видел в штурмовиках только боевую партийную силу.

Она должна завоевать для него улицу, а уж потом, пройдя через испытания, подобно «битве» в пивной «Хофброй хауз», стать костяком новой германской армии. Да, она запрещена Версальским договором, но ведь все эти договоры так недолговечны!

Рем, не входивший в центральное бюро, но направлявший по приказу рейхсвера все действия Гитлера, хотел видеть в штурмовиках *уже* теперь тайную армию взамен распущенной: воинская повинность в Германии отменялась раз и навсегда...

Гитлер не соглашался: он старый солдат и понимает толк в этом. Для сколько-нибудь серьезного военного обучения требуются минимум два года службы. Штурмовик не будет хорошим солдатом, если начальник не имеет права засадить его за решетку.

Рем в конце концов согласился. Спустя некоторое время он принял у Геринга командование над штурмовиками и стал вторым по значению членом партийного руководства нацистов. Впрочем, Рем так и остался Ремом, а его бывший агент входил в силу.

7

«Фелькишер беобахтер» заявила однажды, что «Гитлер проделал большую внутреннюю работу в партии и его ученье, всегда опирающееся на историческую основу, постепенно приняло осязаемую форму».

Какую?

Во-первых, Гитлер решил раз и навсегда выяснить, кто имеет право называться «социалистом». Оказывается, кто не знает иного идеала, чем благо рейха, кто сердцем принял великий гимн «Германия, Германия превыше всего!» — кто ненавидит большевиков, чьи взгляды устремлены на Восток с одной мыслью: разгромить русские Советы и тем обеспечить немцам «жизненное пространство». Но как быть с пролетариатом? Ведь партия, между прочим, называлась «рабочей». Тоже все просто: должны быть только сословия. Например, часовых дел мастеров или рабочих тяжелого физического труда... Возможна борьба между ними «за выравнивание экономических условий». Но недопустима вражда, «разрывающая расовые узы». Пускать рабочих к власти? Никогда! Ими будет править «избранная верхушка из самых лучших и самых дельных по принципу, известному в природе: это — естественный отбор...»

«Если Германия останется республикой, то она должна быть республикой аристократической, с сильной руководящей верхушкой» — это тоже слова Гитлера.

8

Идея сильной власти была в те годы шатаний и разброда весьма популярной в Германии. Ради нее зрели заговоры, бросались в бесчисленные авантюры путчисты. Гитлер, откровенно выражавший свои взгляды на устройство государства, как нельзя лучше подходил тем, кто мечтал о власти, которая в корне уничтожила бы саму идею революционного преобразования общества. Как тут не обратить внимания на столь великого мастера «по части надувательства», каким был, по словам одного из его приближенных, вожак нацистов?

В феврале 1921 года броские плакаты известили мюнхенцев о том, что фюрер выступит в цирке Кроне и изложит программу партии. Пришло четыре тысячи человек. На следующий день все повторилось, но уже восемь тысяч обывателей заполнили цирк до отказа.

И фюрера понесло...

— Мы предлагаем повесить советского полпреда перед окнами советского посольства... Мы требуем предания суду преступников перед нацией, всю эту парламентскую сволочь, и твердо уверены, что умрут они не от почетной пули, а на виселицах. На всех, конечно, эшафотами не запастись, но для этой цели вполне сгодятся и фонарные столбы...

Мюнхенская полиция, подчиненная не только баварским властям, но и имперскому правительству, присутствовала в цирке. Может быть, его арестовали за мятежные речи? Может быть, Кар сделал ему хотя бы внушение?

Ничего подобного, весь Мюнхен гудел, словно пчелиный рой, пережевывая сказанное фюрером.

Так росла скандальная слава вождя нацистов.

Однако слава славой, а есть-пить тоже надо. Рейхсвер не слишком щедр, на его подачки не прожить. Да, конечно, Гитлер вождь воинствующей, наглейшей и скандальнейшей партии; да, он верховный глава разбойничьих отрядов СА. Но его партия, увы, еще не достигла такого положения, когда она могла бы соперничать с партиями более, так сказать, солидными.

Жирный кусок правительственного пирога — Гитлер так рассчитывал на него — увы, промелькнул перед ним — алчущим и жаждущим власти. Кар, как уже отмечено, не пожелал дать Гитлеру даже самое завалящее министерство.

Гитлер зарабатывал лекциями и разъезжал по Германии. Летом 1921 года следы его обнаружились в Берлине. Что он делал там? Нет, не только ради лекции Гитлер обосновался в столице рейха. Отзвук его «славы» достиг ушей руководителей правых

партий. Они не прочь прощупать этого парня: можно, в конце концов, и сговориться с ним о совместных действиях. В свою очередь, фюрер присматривался к влиятельным собеседникам и размышлял про себя: не могут ли они помочь ему осуществить давнюю мечту — вырваться из пределов Баварии, распространить нацизм и в других частях Германии?

Как окончились эти переговоры, неизвестно; Гитлер вдруг, бросив все, помчался в Мюнхен.

Дело в том, что Дрекслер и его сторонники решились на переворот. Дрекслеру не нравилось, что партийные организации растут, как грибы, а руководство на глазах уплывает из его рук.

Не пришлась ему по нутру и крикливая речь Гитлера на Зальцбургском съезде австрийских и немецких нацистов — это было в августе двадцатого года. Партии тогда объединились, избрав новое руководство. Гитлер представлял в нем немецкое движение... А Дрекслер был снова отодвинут в тень. Было тут от чего взбеситься.

Нашелся и солидный союзник: Юлиус Штрайхер, «антисемит номер один», поднял бунт, не желая мириться с ролью мальчика на побегушках у какого-то «выскочки» — так он за глаза обзывал фюрера. Смертельно ненавидя Гитлера и страстно ему завидуя, Штрайхер и подбил Дрекслера на дворцовый переворот. Взвинченный яростными нападками Штрайхера на Гитлера, тот поднял боевую рать. В пивной собралось центральное бюро: все как один «старички», и среди них никого из «чистой публики» — так именовались сторонники Гитлера.

Зато он сам заявился — собственной персоной.

— Жалкий идиот, грязная собака! — с такими словами ворвался он в пивную и чуть не с кулаками полез на Дрекслера.

Дальше — больше. Чуть остыв, Гитлер заявил, что он выходит из партии вместе со своими сторонниками, и пусть партийный суд разберется, кто прав, кто виноват.

Суд? Суд, который будут «охранять» штурмовики? Старых бойцов бросило в пот. Нет уж, пусть этот молодчик будет вождем, диктатором, кем хочет, только не суд, не скандальный раскол партии!

Ведь, уходя, Гитлер прихватит с собой типографию и не только выгребет из кассы наличные капиталы партии, но и переманит ее благодетелей! А что скажет рейхсвер? И как поведут себя штурмовики? Ведь эти бандиты при случае никого не помилуют, в том числе и самого Дрекслера...

...В июле двадцать первого года Гитлер решил окончательно разделаться с вероломным Дрекслером и его сообщниками и обратился ко всем членам партии с ультиматумом.

Дрекслер встал на дыбы. Появилась листовка — своего рода призыв к восстанию против Гитлера и его клики:

«Гордыня власти и личное честолюбие заставили Гитлера вернуться на свой пост из Берлина... Теперь все больше обнаруживается, что национал-социалистическая немецкая рабочая партия служила ему только средством для захвата руководства в свои руки... Лучшим доказательством этого является ультиматум, с которым он на днях обратился к партийному руководству. Он требует полной и безраздельной диктатуры для себя, отставки партийного комитета, а также ухода основателя и вождя партии Антона Дрекслера. Пост первого председателя он требует для себя. Это требование означает не что иное, как попытку держать партию в черном теле и таким образом способствовать интересам еврейства. Гитлер нашел компаньона, готового вместе с ним изнутри взорвать наше движение. Это — некий Герман Эссер *.

Сам Гитлер неоднократно заявлял: «Я знаю, что Эссер — негодяй, но буду держать его в партии, пока он мне нужен... Герман демагог и на этом строит карьеру. Своими безответственными выступлениями он надеется одурачить немецкий народ...»

Заседание центрального бюро, на котором разъяренный фюрер зачитал листовку, едва не окончилось побоищем. Штурмовики требовали расправы с Дрекслером и Штрайхером: им приписывалось авторство. Дрекслер попытался было отмежеваться. Не помогло. Первым председателем на правах полного хозяина в партии стал Гитлер. Он не отдал Дрекслера на растерзание штурмовикам. Нет, основоположнику попросту приклеили ярлык «почетного председателя». И перестали упоминать его имя.

9

Окончательно укрепившись в партии, Гитлер занялся отделкой ее фасада. Первым делом была придумана эмблема: на красном фоне — белый круг, а в нем — паукообразный крест, древний мистический знак. Почему Гитлер предложил именно этот символ, никто толком не понимал, а расспрашивать не рисковали: чего доброго, прослывешь невеждой...

* Герман Эссер примкнул к нацистской партии в 1920 году. До этого работал референтом по печати в одном из учреждений рейхсвера. В нацистской партии Эссер проявил себя умелым пропагандистом, куда более грамотным, чем Гитлер. Пропагандистские «находки» Эссера охотно использовали нацисты. Эссер первым сформулировал основной закон пропаганды: броскость и беззастенчивость. Вместе с Дитрихом Эккартом Эссер стал создавать «миф Гитлера». В начале 30-х годов Эссер был убран на задворки нацистской партии. Лишь в феврале 1945 года Гитлер поручил ему как «старому геноссе» (члену нацистской партии, стоявшему у ее основания), зачитать в Мюнхене прокламацию в честь 25-летия принятия программы НСДАП, так как сам был занят руководством военными действиями и не мог покинуть Берлин.

Новый вождь предложил учредить и ритуальное партийное приветствие *. Позаботился Гитлер и о собственной экипировке: белая рубашка, черный галстук, приколотый партийным значком, серо-зеленоватый френч без погон с петлей на правом плече и портупеей. Галифе. Сапоги.

Никто, кроме фюрера, не имел права так одеваться; никто не смел, встретив его, поздороваться, как с обычным смертным. «Хайль Гитлер!» — при встрече, «хайль Гитлер!» — прощаясь. Этот закон для всех членов партии и штурмовиков впоследствии стал нормой жизни всего немецкого народа...

Молодой человек, надменный и самолюбивый, нищий, мелкий агент гуляки Рема стал его прямым начальником, фюрером партии, благословенным на «подвиги» хозяевами Германии, хозяином и слугой которых одновременно он стал.

Цепь обстоятельств вознесла его на головокружительную высоту, недаром потом он благоговейно говорил о диалектике случая.

Когда в апреле 1922 года Гитлера осудили на тюремное заключение за срыв собрания политических противников, в своем последнем слове он, рисуясь, сказал:

— Что ж, почти две тысячи лет назад Некто Другой тоже был ввергнут в узилище и распят представителями той самой расы, что сейчас поступят точно так же со мной...

Один из биографов Гитлера заметил: «Противники и даже некоторые из сторонников считали его неучем. Но этот упрек вряд ли справедлив. Благодаря изумительной памяти Гитлер «переварил» массу прочитанных книг, что видно и по той захватывающей, гипнотизирующей манере, в которой он умел передать свои знания слушателям, как ни причудлива была порой его собственная приправа».

Самообладание часто покидало его; спокойные рассуждения вдруг, почти без перехода, сменялись истерикой или, напротив, жалким лепетом, особенно если противник переносил спор на почву фактов.

---

* Гитлер не раз с одобрением и некоторой даже завистью отзывался о символике и обрядах католической церкви, призывал следовать ее примеру. Многое нацисты заимствовали у других партий и организаций. Уже в 1920 году был введен значок НСДАП. В том же году Гитлер утвердил флаг нацистской партии. Свастику гитлеровцы заимствовали у австрийских националистов, которые еще задолго до первой мировой войны проводили свои демонстрации под ее знаком. Партийное приветствие — у итальянских фашистов. Введенная в обиход в 1924 году коричневая рубашка для штурмовиков представляла собой вариант формы молодчиков Муссолини. Только приветствие «хайль Гитлер!» было собственным изобретением нацистов. Сначала его освоили только члены НСДАП, а затем оно заменило все приветствия в «третьем рейхе». Этими словами кончалась каждая официальная бумага. Так осуществлялось «обожествление» фюрера.

Гитлера могло вывести из себя ничтожнейшее обстоятельство. И тем не менее все подчинялись его далеко не железной воле. Он почти всегда бил в цель, прекрасно разбираясь в психологии и настроениях тех, кто ему внимал.

Нервно-вибрирующий, срывающийся голос, хрипловатые вопли, рвущиеся в микрофон, до предела взвинчивали тысячные толпы. Когда страсти слегка утихали, зловещую тишину буравил шепот, и шепот этот, разносимый усилителями, действовал еще сильнее на экзальтированную публику. И снова — чудовищный рев, искаженные лица и грохот рукоплесканий.

А между тем о чем, собственно, он говорил? Да все о том же — в сотый, тысячный раз!..

Немцы тяжело переживали поражение Германии в первой мировой войне. Всяк на свой лад искал причины военного краха и виновников его, и Гитлер преуспел, утверждая, будто в поражении рейха виноваты «евреи и марксисты». Этой версии он останется верен до конца.

На все лады она повторялась им бесконечно, при каждом удобном случае, и в конце концов стала почти общепризнанным объяснением всех бед Германии. Он же тысячу раз твердил о «мировом заговоре» против фатерланда. Подумать только! А кто его раскрыл?

Адольф Гитлер!

Десять лет игры на самых низменных инстинктах, погромов, убийств из-за угла, шантажа, вымогательств и демагогии — вот он, путь Гитлера к власти.

Властью он упивался. Власть — это похвалы, расточаемые льстивым окружением по поводу и без повода. Безудержная, неумолчная лесть и поистине дикарский шабаш в часы его выступлений — вот что доставляло вождю нацистов истинное, ни с чем не сравнимое наслаждение. Сначала один из руководителей партии, потом ее фюрер, диктатор, никем и ничем не ограниченный.

Но... Все портила внешность! Вряд ли ему самому нравилась собственная физиономия. Ничего в ней не было от величия. Втайне завидуя облику Наполеона, «железным» чертам Бисмарка, атлетической статности тогда еще молодого Муссолини, он всякий раз страдал, разглядывая в зеркало свое отражение.

Лицо Гитлера ничего, ну решительно ничего не выражало. Зубы сгнили еще на войне, и рот блистал золотом искусственных челюстей. Под глазами нависли тяжелые, набухшие мешки. Скулы и подбородок тяжеловаты. Тусклые, невыразительные глаза...

И обывателю внешность фюрера тоже была далеко не безразлична. Божество должно выглядеть божественно. Карлики и уро-

ды, будь они трижды гениальны, никогда не ходили в почете; мещанину подавай представительность. Кроме того, ему импонирует, так сказать, неземное происхождение вождя. Пусть это будет легенда, нелепая сказка, но только не обыденщина. Она окружает мещанина, а ему любо только из ряда вон выходящее.

Вот почему Гитлер очень не любил вспоминать о своем прошлом. И понимая, что внешность уже не изменить, он придумал себе позу, показавшуюся ему величественной. Да и не только ему...

Играл он мастерски. Жест нацистского приветствия был отшлифован до артистического блеска. Удачно подражал Бонапарту. Скрещенные на груди руки и то, как он их скрещивал, — все это производило должное впечатление, потому что так умел делать только он!

Одно время, живя в Мюнхене, он вдруг сбрил усы. Его перестали узнавать. Зато были широко известны его дела и речи. Обыватель жаден до тайны. «Как выглядит этот Гитлер, о котором толкуют на всех перекрестках и которому то и дело запрещают выступать? Каков он, вождь нацни и штурмовиков, так здорово отдубасивший вчера социал-демократов?»

Так как Гитлер был очень скрытен, легенда создала из него пророка. Ведь тому, кто верит во вседержителя, совсем необязательно лицезреть его лик. Нужно просто верить, и все! Гитлер вовсе не чуждался религии; напротив, заигрывал с церковниками и поминал господа всуе.

Пророку нечего стесняться в своем мистическом провидении, тем более если он — пророк беснующихся обывателей. И Гитлер изрекал достойные своего сана «истины». Такую вот, например:

«Мои слова и дела принадлежат истории!»

Сказано задолго до того, как историки начали им интересоваться.

Или: «Если бы все шестьдесят миллионов немцев обладали пусть в ничтожной долей моей воли и фанатизма, оружие явилось бы из их сжатого кулака...»

Провалившись на президентских выборах в 1932 году, Гитлер, потрясая кулаками, орал, обращаясь к правительственной ложе — все это происходило в берлинском Дворце спорта: «Вы можете сто раз заявлять, что не отдадите власть. А мы сметем вас, непременно и безусловно!»

Зал содрогался от рева бюргеров и штурмовиков. Содрогалась доживавшая последние годы Веймарская республика.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Первую попытку смести республику Гитлер предпринял еще в 1923 году. Это была скорее разведка боем, прощупывание сил имперского правительства, обвиняемого «слева» и «справа» во всех смертных грехах. И прежде всего — в чудовищной инфляции. Ее метастазы поразили государственный организм. Наживались грандиозные состояния, и нищал, доходил до отчаяния народ, и ему было не до разбирательств в причинах бедствия, тем более если эти бедствия вызваны сложнейшим комплексом проблем, над которыми ломали голову экономисты. Обывателю позарез нужен виновник его несчастий — и он быстро нашелся.

Кто же он?

Конечно же, имперское правительство, Эберт * и его министры. Все сплошь бездарности, мародеры, пошедшие на поводу у большевиков.

А кто указал на них перстом правдолюбца, радетеля за процветание наций?

Нацисты и их фюрер. Кстати, ему же принадлежат и воистину вещие слова: «Возможно, именно Бавария воспрепятствует тому, чтобы пожар большевизма распространился с Востока на всю Европу».

И как ему не верить, если он столько раз предупреждал о мировом заговоре? Черт побери, этот Гитлер словно в воду глядел! И в газетах пишут о том же: правительство злостно обманывает народ, оно во власти ростовщиков и вообще ни к черту не годно!

Гитлеру казалось, что массы, так сказать, созрели. Розенберг писал в «Фелькишер беобахтер», как сильна партия нацистов, какой провидец ее фюрер. Он утверждал, что подобные же партии — дайте только срок! — будут во Франции, в Англии, Италии и даже в России... Ум обывателя ошарашен: так вон они куда метят! Вот это действительно партия!

Шло лето 1923 года.

Гитлер решил созвать съезд, показать толпе, каковы они, нацисты. В Мюнхен были стянуты и тысячи штурмовиков.

Как замышлялось, перед фюрером по Марсову полю парадом пройдут штурмовики. Массовые митинги состоятся в двенадцати

---

* Фридрих Эберт (1871—1925) — один из руководителей социал-демократической партии Германии. В результате Ноябрьской революции в Германии Эберт 10 ноября 1918 года стал рейхсканцлером — главой германского правительства. В феврале 1919 года был избран президентом республики, а правительство возглавил социал-демократ Ф. Шейдеман. Эберт проводил «политику лавирования», шел на сделки с реакционными кругами.

самых больших залах города. Ночь озарит небывалое в истории человечества факельное шествие.

От всех этих затей явно попахивало путчем, и министр внутренних дел Баварии счел долгом предупредить:

— К числу политических глупостей, господин Гитлер, я отношу всякую попытку переворота.

Фюрер попытался было заверить, что в жизни глупостями заниматься не будет, однако, по-своему оценив его мыслительные способности, министр запретил все церемонии, а заодно и половину митингов.

Покинув здание министерства, Гитлер не мешкая отправился к полицей-президенту Зейссеру в надежде, что он на свой страх и риск, а значит, в пику министру разрешит провести съезд, освящение знамен и митинги, предрекая трагические последствия, если власти не пойдут навстречу. Полицей-президент, выслушав все эти доводы, как бы вскользь упомянул о винтовках, хранящихся в его арсеналах. Полиции может быть отдан приказ стрелять по виновникам беспорядков.

— Будь что будет, — угрозой на угрозу ответил Гитлер, — а я соберу своих людей и пойду во главе их. И пусть, черт побери, полиция попробует сделать хоть один выстрел!

С тем и ушел. Зейссер распорядился ввести в Мюнхене осадное положение и запретил все двенадцать митингов. И просчитался: он, как и министры баварского правительства, не принял в расчет тех, кто стоял за спиной Гитлера и останется с ним до конца.

Это были силы рейхсвера.

2

Командующий частями рейхсвера в Баварии генерал Лоссов, разумеется, разделял реваншистские идеи нацистов. Но, с другой стороны, присягал-то он имперскому правительству...

Лоссов собрал офицеров штаба. Среди участников экстренного совещания оказались генерал Эпп и капитан Рем.

— Это что же получается? — кипятился Рем. — Не мы ли своими руками создали партию наци? И разве не рейхсвер обучил, обмундировал и вооружвл штурмовиков?

— Мне стыдно за наше правительство! — вторил ему Эпп. — До каких пор оно намерено вставлять палки в колеса движения истинных патриотов Германии?

Лоссов попросил прислать к нему Гитлера. Хотя фюрер пообещал пойти «впереди своих людей, а там будь что будет», но в последнюю минуту заколебался: разумно ли подставлять под пули себя и партию?

На выручку пришел Рем. Он уговорил фюрера не упрямиться и вообще держаться скромнее при разговоре с Лоссовым. И ни в коем случае не являться на аудиенцию в униформе штурмовиков.

— Упаси тебя бог кричать на него! — давал последние наставления Рем. — Надень белую рубаху. Да не эту — вон ту...

Прислушивавшийся к разговору молодой человек в форме офицера военно-морского флота, не выдержав, дружелюбно заметил:

— Да вы не нервничайте, мой фюрер. Все обойдется наилучшим образом.

— Ах, да, прости, Эрнст. Я не познакомил тебя с нашим другом, — спохватился Гитлер. — Капитан Канарис. Приехал из Берлина посмотреть, что тут у нас... Он — наш человек, не так ли, Вилли?

— О, да! — пылко воскликнул Канарис. — Я получил огромное удовольствие от бесед с партайгеноссе Штрассером и Рудольфом Гессом. Дельные люди окружают вас, мой фюрер...

При упоминании имени Штрассера Гитлер поморщился: слишком он умничает, выдавая себя чуть ли не за главного теоретика движения.

Рем пожал холеную руку офицера.

— Рад познакомиться. Слышал кое-что о вас.

— Ну, что значат мои дела по сравнению с вашими! — скромно заметил Канарис. — Мы в Берлине восхищены вашей решимостью покончить с большевизмом в Германии. Можете быть уверены, мой фюрер, среди офицеров флота и рейхсвера вы найдете не одну тысячу ваших единомышленников. Я сам поведу их под ваши знамена.

— Это было бы замечательно, — буркнул Гитлер, натягивая брюки. — Так поспешите в Берлин, Вилли. Мы дадим вам знать.

— Но ведь господин Канарис, кажется, близок к социал-демократам? — будто невзначай обронил Рем.

— Ну что вы! — ничуть не смутившись, ответил Канарис. — Я давно распрощался с господином Носке: уж очень он прямолинеен. И хотя его партия еще сильна, коммунисты перетягивают к себе все больше недовольных. Вот почему история возлагает на вас, господа, все надежды. Впрочем, не пора ли нам ехать, мой фюрер? Желаю успеха. И зовите, зовите нас!

В пиджаке, в белой рубахе с «бабочкой» фюрер нацистов явился к Лоссову.

Генералу давно был представлен подробный доклад о том, какой популярностью среди крупных промышленников пользуется

теперешний его визави, и, разглядывая его в упор, Лоссов искренне недоумевал: что они, собственно, нашли в этом напыщенном горлопане? Нет, из-за него ссориться с Эппом не стоит...

— Господин Гитлер, я бы вам посоветовал дать слово министру внутренних дел в том, что никаких беспорядков в дни вашего съезда не будет.

Лицо фюрера мгновенно налилось кровью.

— Господин генерал, я уже дал это слово. И второй раз идти на поклон не собираюсь!

— Ну вот и славно. — Лоссов был явно удовлетворен.

Тут же он поручил Рему «надавить» на министра: правительственное решение должно быть отменено.

Гитлер и Рем отправились к Кару и слово в слово передали ему поручение Лоссова. Тот благословил съезд нацистов.

20 апреля того же года Гитлер праздновал свое тридцатичетырехлетие. В своем поздравительном приветствии министр юстиции Баварии назвал его «великим вождем».

3

А вождь тем временем готовился к новому прыжку. И был вполне уверен в победе.

Заметно рос тираж «Фелькишер беобахтер». Гитлер обуздал Юлиуса Штрайхера, заставив его на многотысячном собрании в Нюрнберге заявить, что фюрер являет собой «образец чисто немецкого национального вождя». Кроме того, нацисты одержали верх над соперниками — партией «Немецкой национальной свободы», и воцарились в Южной Германии.

К тому времени Германия обзавелась новым имперским правительством. Кабинет возглавил Куно, один из владельцев пароходной компании Гамбург — Соединенные Штаты. Знаменит он был еще и подавлением рабочего движения в Руре.

Пылая ненавистью к правительству «плутократов и марксистов» — хотя марксистами в нем, разумеется, и не пахло, — Гитлер мечтал свергнуть его. Настало время подумать и о враге внешнем — большевистской России. Но для борьбы с ней нужна армия. А она распущена... Из остатков добровольческих отрядов и «боевых союзов» Эпп и Рем начали формировать военную организацию, куда Рем увлек штурмовые отряды, которые Гитлер создавал и берег для себя.

Генералы кормили штурмовиков на убой и аккуратно платили им жалованье, да еще в валюте.

Фюрер негодовал:

— Штурмовики все больше отбиваются от рук!..

Гитлер не слишком доверял честолюбивому Рему, и не без оснований. При желании пять тысяч вооруженных штурмовиков легко могли подмять под себя пятнадцать тысяч членов нацистской партии, а то и просто разогнать ее. И фюрер придумал, как понадежней обуздать им же созданную коварную мощь штурмовых отрядов.

Вскоре негласно, через верных людей началась вербовка добровольцев в «ударный отряд фюрера». Из него-то и выросла организация, вошедшая в мрачную историю нацизма под кратким названием — СС. Всегда и все здесь только повиновались своему фюреру — немедленно, неукоснительно. А фюреров в СС хватало — рейхсфюрер, группенфюреры, бригаденфюреры, штурмбаннфюреры...

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

В начале 1919 года Бенито Муссолини, исключенный из Социалистической партии Италии, создал «боевые группы» («фашиди комбатименто»), специальные военизированные отряды, предназначенные для борьбы против прогрессивно настроенных рабочих. Численность фашистских групп, которые щедро финансировались крупными промышленниками, быстро росла. В их состав вливались зажиточные крестьяне, помещики, шовинистически настроенные представители мелкой буржуазии; фашисты стремились к захвату политической власти в стране. Этому во многом способствовала неудача объявленной прогрессивными силами 1 августа 1922 года всеобщей политической забастовки. 27 августа Муссолини отдал своим отрядам приказ о «походе на Рим». 28 августа фашистские банды вступили в столицу, не встретив ни малейшего сопротивления со стороны войск и полиции. Король назначил Муссолини на пост главы правительства. Первое правительство, сформированное дуче, было коалиционным и состояло из 4 представителей от фашистской партии, 10 от других буржуазных партий и нескольких беспартийных специалистов. Но это не помешало Муссолини установить в Италии режим диктатуры. Гитлер решил последовать примеру дуче.

И страшно было смотреть, как правительство, имевшее в своих руках огромную армию и солидные полицейские силы, уступило нескольким тысячам фашистов. Муссолини захватил Италию почти без единого выстрела. Король фактически оказался пленником фашистов. Правительство разогнано, парламент тоже. Начался разгул темных сил.

Тогда Гитлер еще не был знаком с итальянским дуче. Но его пример вдохновлял фюрера. И в самом деле! Уж если Муссолини со своими головорезами в считанные дни поставил на колени старейшую династию, правительство, армию, неужто то же самое не под силу ему, Гитлеру?

Его выступления неизменно сопровождались ревом тысячных толп. С ним заодно Людендорф. В руках Гитлера пятнадцатитысячная партия, штурмовики и СС.

2

Гитлер знал, где проводить съезд: местных промышленников и нацистов объединяла идея сильной власти в Баварии и Германии как основы будущего могущества страны. А для этого необходимо было любыми средствами устранить имперское правительство.

В осенние месяцы 1923 года Гитлера часто видели в компании Людендорфа и командующего частями рейхсвера в Баварии генерала Лоссова. Они беседовали... О чем? О судьбах Германии — утверждают историки. Не о заговоре ли? К фюреру нацистов зачастил один из сотрудников главы баварского правительства Кара — Паттингер, политический проныра, вхожий в любые кабинеты.

В сущности, и сам Кар хотел путча, который сделал бы его самовластным правителем Баварии. Заговорщикам нужен был толчок извне. Об этом и толковал Паттингер с Гитлером, обещая фюреру в случае успеха место соправителя в будущей директории.

Странно, но решительно все заговорщики были единодушны в одном: Гитлер должен быть если не главой, то уж, во всяком случае, одним из руководителей будущей националистической Германии. «Одним из...» — это Гитлера не прельщало. Он мечтал о взлете повыше. Поэтому предложение Паттингера не отверг, но и не пошел на приманку. Ни да, ни нет. Тем более что Паттингер сказал:

— Мы ставим только одно условие — не выступать с шутовскими речами.

Одной этой фразы было довольно, чтобы взбесить Гитлера.

Между тем события развивались стремительно. Сторонники единства Германии с сильной властью — их возглавил Людендорф — располагали солидной силой «боевых союзов» и штурмовиками. К ним примыкали молодые, решительно настроенные офицеры рейхсвера, подстрекаемые Ремом.

Им противостояли сепаратисты — откровенно монархический союз «Бавария и империя», где главенствовали Кар и Паттингер. Имя Рупрехта, наследника свергнутой баварской королевской династии Виссельбахов, было их знаменем, хотя сам принц предпочитал держаться в тени.

Однако главные силы сосредоточились в руках генерала Лоссова. Регулируя политическую обстановку, рейхсвер поддерживал то одних, то других. Лоссов соблюдал нейтралитет. Ему хотелось, чтобы «политики» вообще оставили его в покое.

И тогда вожаки наци решили устроить демонстрацию.

3

Сто тысяч вооруженных людей в стальных касках маршировали по улицам Мюнхена, вызывая ужас у одних и восторг — у других. Такого Мюнхен еще не видел в те годы!.. Марширующих приветствовали Людендорф и Гитлер. Они стояли рядом, но каждый из них подозревал другого в коварстве. Может быть, Людендорфу успели передать слова фюрера, сказанные им в доверительной беседе с одним из офицеров Лоссова: «Людендорф будет выполнять только задачи военного характера. Пусть не суется в политику и не мешает мне».

К тому времени стараниями Рема «боевые союзы» признали Гитлера своим политическим вождем.

В конце сентября Гитлер оповестил мюнхенцев, что в течение одного вечера выступит на четырнадцати собраниях и призовет народ «к акту, который решит дело свободы». Свободы от кого? Конечно, от марксистов и «продавшегося им» имперского правительства.

Свободы — для кого? Для тех, кто мечтал окончательно подавить коммунистов и «навести порядок».

Правительство Баварии, прослышав о намерении Гитлера поджечь костер путча сразу в четырнадцати пунктах города, снова объявило осадное положение и назначило Кара генеральным государственным комиссаром с неограниченными полномочиями. Кар немедленно вызвал Гитлера и потребовал у него объяснений: зачем эти четырнадцать митингов?

— Намерены ли вы, господин Гитлер, уважать в моем лице власть?

Гитлер жестко усмехнулся:

— Ее назначили без совета со мной. А мое отношение к ней зависит от того, как поведете себя вы, господин Кар.

Наглость, правда? Что ж ответил Кар? А ничего — струсил. Фюрер, вернувшись, обратился к своему окружению с речью:

— Из-за безобидных митингов поднимать такой шум? Что ж

сделают эти господа, когда мы повесим первых четырнадцать плутов, первых тысячу четыреста мошенников?

— Хайль! Хайль!

— В этой борьбе, — перекрывая шум, продолжал Гитлер, — у многих покатятся головы с плеч. Нас спрашивают, — и глаза его налились кровью, — неужели, придя к власти, вы найдете в себе достаточно жестокосердия, чтобы осуществить это? — И с неподражаемым хладнокровием отвечал: — Будьте уверены, найдем! Милосердие — не наше дело, оно принадлежит тому, кто выше нас. Мы же будем творить суд и расправу.

Навязчивая идея о потоках крови уже тогда преследовала Гитлера. Но никак не в состоянии исступления произнес фюрер эти слова. Напротив, он был холоден и сдержан.

4

В те дни Кар поссорился с центральным правительством Германии. Не будем вдаваться в подробности этой темной истории. Главное — Кар решил, что ни с президентом Эбертом, ни с его канцлерами ему не по пути: «Если вы по горло увязли в болоте, я не желаю делить с вами печальную участь!» Ему мерещилась единовластная диктатура. А там и Рупрехт Виссельбах на троне — игрушка в его руках. И ему, Кару, хочет перебежать дорожку какой-то там Гитлер?

Он созвал начальников «боевых союзов». Пригласили Лоссова. Разговор был короткий. Кар запретил всякую мысль о перевороте. И, не сдержавшись, выкрикнул едва не погубившие его слова:

— Выступление начнется лишь тогда, когда все будет готово. Приказ к нему отдам я.

Фюреру их тотчас передали.

Ах, вот оно что? Эти господа хотят обойти его и Людендорфа? Значит, Кар хочет сам быть диктатором Германии?

«Боевым союзам» и штурмовикам приказали собраться десятого ноября под Мюнхеном. Утром одиннадцатого они должны войти в город и объявить правителем рейха Гитлера. Восьмого ноября фюрер узнал, что Кар намеревается выступить перед аудиторией в пивной «Бюргербройкеллер». Гитлеру сообщили, что по просьбе баварских промышленников Кар поделится с ними экономическими планами правительства.

— Вздор! — отрезал фюрер. — Кар все-таки решился на путч и там же, в пивной, объявит себя диктатором. Речь идет о развале единой, великой Германии.

Ждать прихода вооруженных союзников и Рема с его штурмовиками Гитлер не мог. Он распорядился, чтобы отряд СС ждал сигнала. Затем вызвал автомобиль и поехал к «Бюргербройкеллер».

«Насколько мне известно, — говорил он в те дни, — я понимаю толк в политике. Надо только вступить в управление страной, а о программе будет еще время подумать».

5

Дело было под вечер. Опоздай Гитлер хоть на час, собравшиеся разошлись бы по домам. Он не опоздал.

Представим громадный зал, где за столами расположились деловые люди, народ солидный и настроенный в тот вечер на серьезный лад. Две тысячи пришли послушать сообщение главы баварского правительства Кара об экономических планах на тысяча девятьсот двадцать четвертый год. В этой обстановке, когда людям не до выпивки и не до увеселений, ничто не предвещало чего-нибудь из ряда вон выходящего. Доклад рассчитан на час-полтора, после чего владельцы предприятий выскажутся в адрес правительственных начинаний и можно будет расходиться.

Кар еще только готовился к выступлению, когда к нему подошел полицей-президент Зейссер:

— Только что звонил господин Гитлер. Он просит вас повременить с началом собрания до его прихода.

— Вот еще! — Кар сердито поджал губы. — Для господина Гитлера найдется место в зале, если он захочет почтить нас своим присутствием. Но не такая уж он важная персона, чтобы из-за него заставить ждать две тысячи человек.

Зейссер поспешил к телефону, чтобы передать фюреру наци ответ главы правительства, но... услышал лишь частые гудки в трубке. Не дождавшись ответа Зейссера, Гитлер решил действовать по своему плану.

А он был прост: вызвать под любым предлогом Кара и сообщить, что пивная окружена; заставить его вместо загодя заготовленной речи оповестить присутствующих, что центральное и баварское правительства низложены. И сообщить состав новых. Список министров лежал в кармане у Гитлера.

Однако из тщательно обдуманного демарша ничего не вышло. Когда Гитлер подъехал к пивной, Кар уже выступал.

Возле «Бюргербройкеллер» и в вестибюле толпились зеваки, охочие до происшествий. Только здесь фюрер узнал, что совещание началось полчаса назад. В дверях стеной стояли люди, войти в зал Гитлеру не удалось. И главное, не ввести в пивную эсэсовцев, собравшихся в ближнем переулке.

Гитлер подошел к начальнику полицейского патруля и тоном, не терпящим возражений, приказал очистить вестибюль пивной и улицу от праздношатающихся. Полицейский, вероятно, принял этого человека, облаченного в строгий сюртук, за какой-нибудь правительственный чин. Отдав честь, он коротко бросил подчиненным:

— А ну!

Когда вестибюль очистили, а толпившихся на улице оттеснили, Гитлер вызвал эсэсовцев. Одного из приближенных он послал за Людендорфом. Тот выехал, ничего не подозревая, ни о чем не догадываясь.

Гитлер нервно шагал из угла в угол вестибюля пивной, поджидая эсэсовцев. Наконец те явились — полсотни из личной охраны фюрера. С ними пришли десятка полтора штурмовиков. Эти притащили два пулемета. Гитлер подошел к одному из пулеметчиков.

— Имя, фамилия? Откуда родом?

— Курт Рорбах из Потсдама, мой фюрер.

— Назначаю тебя командиром пулеметного расчета. Один пулемет поставь в дверях зала. Другой — на хоры. В случае чего, я подам сигнал: вытяну левую руку и дважды сожму ладонь в кулак. Тогда стреляй.

— Слушаюсь, мой фюрер.

— Так, значит...

— Курт Рорбах, мой фюрер. Служу в муниципальном совете Потсдама.

— Я запомню тебя, партайгеноссе, — сказал Гитлер. — Ты не останешься без награды, если выполнишь свой долг перед партией.

— Хайль Гитлер! — рявкнул Рорбах.

Между тем эсэсовцы заняли все входы в пивную. И только теперь начальник полицейского патруля, сообразив, что происходит, стремглав бросился к телефону. Дежуривший в полиции доктор Фрик вялым голосом ответил, что, мол, все это вздор.

— Вы лучше наблюдайте за улицей и гоните прочь толпу. А там посмотрим.

Спустя ровно час фюрер назначил Фрика начальником всегерманской полиции — карьера поистине головокружительная!

Около девяти часов вечера Гитлер под охраной СС вошел в зал и направился к трибуне. Кар говорил речь. И вдруг замолчал: с пистолетом в руках Гитлер шел прямо на него.

Дальнейшее еще больше убедило Кара в том, что он и те, кто сидел в зале, имеют дело с человеком, поставившим на карту все. Гитлер вскочил на стул и выстрелил в потолок. Наступившую было тишину смял гул возмущения, прокатившийся по залу. Кто-то из отряда СС гаркнул:

— Молчать! Ни с места!

Шум и выкрики прекратились.

Соскочив со стула, Гитлер направился к трибуне и, отстранив Кара, срывающимся голосом прокричал:

— Национальная революция началась! Баварское и центральное правительства свергнуты. Здесь шестьсот вооруженных человек. Покидать зал запрещается. Если сию же минуту не наступит тишина, я прикажу пулеметчикам стрелять... Довожу до вашего сведения: казармы рейхсвера и помещение полиции заняты нами. Части рейхсвера идут сюда под знаменем свастики.

Он лгал. Не было у него шестисот человек, казармы нацисты не занимали. Но штаб командования рейхсвера действительно был в руках Рема. Лоссов, которого Рем уговаривал выступить, схватился за голову:

— Видит бог, я готов, но поведу свои части только тогда, когда у вас будет по меньшей мере пятьдесят один процент вероятности успеха.

Отвлекаясь несколько в сторону, заметим: в числе нацистов, захвативших штаб рейхсвера, а затем городскую ратушу, был и Гиммлер — тощий, близорукий Гиммлер, член центрального бюро партии. В дни путча мюнхенцы видели Гиммлера в униформе командира одного из штурмовых отрядов.

Узнав от Рема, что Гитлер «сверг» правительство, Лоссов поспешил в пивную. Не за тем, конечно, чтобы сообщить Кару о действиях мятежников. Лоссов решил быть в центре событий и в решающий момент переметнуться на сторону тех, у кого окажутся те самые пятьдесят один процент вероятности успеха.

Эсэсовцы пропустили Лоссова. Он прошел к трибуне и сел за стол президиума. Появление командующего частями рейхсвера подбодрило Кара и ввергло в смущение фюрера нацистов. Генерал понимал, что та и другая сторона ждут его слова. А он сидел, помалкивая, с невозмутимым видом. Лоссов знал: не ради забавы люди фюрера притащили в пивную пулеметы. Выступи он в защиту правительства — его тут же могли расстрелять. А если поддержать Гитлера? Кто знает, как все обернется.

Окончив речь, Гитлер попросил Кара, Лоссова и Зейссера пройти в одну из комнат, расположенных позади пивного зала. Расчищая дорогу, по бокам шли штурмовики. Их, по распоряжению Рема, привел Геринг.

Незадолго до этих событий Геринг, принимавший живейшее участие в подготовке их, обратился к штурмовикам: «Кто будет чинить нам препятствия, тех мы немедленно расстреляем. Наши

вожди уже теперь должны наметить список лиц, подлежащих уничтожению». Немногословно. Ясно. Так будет и впредь: «Каждая пуля, выпущенная в коммуниста, — это моя пуля», «Дубинами штурмовиков мы размозжим их головы».

...Залом пивной, подталкиваемые штурмовиками, шли правители Баварии. Шли на Голгофу. Респектабельные банкиры, хозяева и директора предприятий кричали Кару, плетущемуся за Зейссером и Лоссовым:

— Не будьте трусами, как в восемнадцатом году! Стреляйте!

Кар с меланхолической улыбкой похлопал себя по карману — увы, он не запасся пистолетом. У Лоссова, конечно, было оружие, но он еще не знал, когда и против кого оно понадобится.

В зале поднялась буря. Как там? Что это за безобразие? Правителей Баварии чуть ли не за шиворот повели черт знает куда! А этот трюк с пистолетом?.. Отвратительно!..

Поднявшись на трибуну, Геринг зычным голосом приказал господам замолчать. Храбрецы тотчас умолкли. Затем, несколько смягчив тон, добавил: собравшимся нечего беспокоиться за свою жизнь. Напротив, они должны радоваться — началось национальное восстание. Тех, кого повели в комнату позади пивного зала, не пристрелят. Они формируют временное правительство.

Геринг в тот день был в отличном настроении (впрочем, оно улетучилось ровно через двадцать четыре часа). Отдав приказы и объяснив, что к чему, он изволил даже пошутить:

— Чего вы волнуетесь? Ведь у нас здесь пиво!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Между тем в комнате, где формировалось временное правительство, дела шли не так гладко, как думалось Гитлеру. Он кричал, а Кар, Лоссов и Зейссер молчали. Фюрер доказывал им, что Бавария может стать трамплином для создания нового порядка в Германии. Они молчали, и когда фюрер, горячась, призывал их бороться или умереть вместе с ним, если «дело не выгорит»... Молчали, когда, разъяренный, он приставил дуло пистолета к виску и продекламировал:

— Господа, в моем револьвере четыре пули. Три для вас, если вы покинете меня, четвертая для меня. Если завтра днем я не окажусь победителем, я умру.

Но и это не подействовало. Только Кар угрюмо процедил:

— Я не позволю, чтобы у меня вырывали политическое решение под угрозой револьвера.

Гитлер спрятал пистолет. И снова — упорное, выводящее из себя молчание.

Лоссов даже не взглянул на Гитлера. Негодовал и Кар. Каждый из них мечтал о жирном куске для себя. Для себя, а не для этого господина, объявившего, что он с этой минуты является всегерманским диктатором, Людендорф — командующим армией, Кар — наместником центрального правительства в Баварии, Лоссов — министром обороны.

«Наместник», то есть Кар, словно воды в рот набрал. «Военный министр», не слишком довольный тощим куском пирога, доставшимся на его долю, угрюмо рассматривал носки сапог. Зейссер, взбешенный тем, что ничего не получил во «временном правительстве», обрушился на «диктатора»:

— Вы же давали слово не прибегать к путчу!

И Гитлер стал... оправдываться. Его, видите ли, не так поняли. Да, он сказал как-то, что не прибегнет к путчу... Без крайней на то необходимости. Но вот она настала...

— Ну, что скажете, господа?

Фюрер то защищался, то уговаривал, то угрожал. Для острастки эсэсовцы, стоявшие у окон, просунули в форточки винтовки, выкрикивая оскорбления в адрес Кара, Лоссова и Зейссера. Ничего не добившись от них, Гитлер пинком открыл дверь в зал и вышел на трибуну. Деловые люди встретили его шумно — то ли в знак одобрения, то ли негодуя.

Призвав публику к порядку, Геринг предоставил слово «диктатору».

Тот, едва владея собой, объявил президента Эберта, «пособника марксистов и евреев», низложенным, сообщив состав нового правительства. И пожелал узнать, как почтенные господа отнесутся к тому, чтобы расправиться с «ноябрьскими преступниками, окопавшимися в Берлине, достойном того, чтобы разгромить его до основания».

В дверях у пулеметов стояли люди фюрера. Гитлер бил наверняка, когда, обращаясь к сидевшим, сказал, что Кару, Лоссову и Зейссеру очень трудно сделать решительный шаг. Не окажет ли им собрание моральную поддержку?

Пулеметчики Курта Рорбаха выразительно повели стволами, как бы примериваясь, с кого начать. Поддержка, просимая Гитлером, тут же была оказана гулом неразборчивых голосов. Кричали «хох!» и «хайль Гитлер!».

2

Гитлер вернулся к высокопоставленным затворникам. Очевидно, Кар, Лоссов и Зейссер успели кое о чем переговорить. Но о

чем? Да, они слышали, как была встречена речь фюрера, но ведь кричали-то под прицелами пулеметов!.. Но и на этот раз Гитлера выручил Людендорф. Хоть он и был оскорблен, узнав о новом назначении, возмущался перспективой быть под командой бывшего ефрейтора, однако, когда он получит жезл верховного главнокомандующего, нетрудно будет устроить еще один путч...

Вот почему, пройдя в комнату вслед за Гитлером, Людендорф сказал:

— Господа! Я тоже не ждал этих событий. Но речь идет о великой нации. Протягиваю вам руку, господа.

Воодушевленный его словами, фюрер воскликнул:

— Господа, возврата нет! Все, что мы свершили, уже принадлежит истории!

Поморщившись от фальшивой патетики фюрера, Людендорф подошел к Лоссову, подал ему руку.

Кар сидел с опущенной головой.

— Господа, — подавленно заговорил он, — я не могу принять участия в этом перевороте. Я — представитель монархии.

Казалось, фюрер только и ждал этих слов, чтобы излить верноподданнические чувства, воспитанные в нем достопочтенным Алоисом, таможенным чиновником императора Франца-Иосифа.

— Вот именно! — с жаром воскликнул он. — Необходимо, ваше высокопревосходительство, загладить великую несправедливость по отношению к монархии, павшей в восемнадцатом году жертвой ноябрьского преступления. С разрешения вашего высокопревосходительства я немедленно после собрания отправлюсь к его высочеству принцу Рупрехту и сообщу ему, что германское национальное восстание загладит несправедливость, причиненную почившему в бозе родителю его высочества.

— Хорошо, — выдавил Кар. — В конце концов, мы все здесь монархисты. Я принимаю наместничество, но только как наместник короля.

— Вот именно, ваше высокопревосходительство! — тут же согласился Гитлер. — Я так и сообщу собранию, а затем его высочеству.

3

Вернувшись в зал, Гитлер степенно прошел на трибуну. При виде Лоссова, Людендорфа, Кара и Зейссера, шагавших следом, публика приумолкла. Назначенные диктатором правители сели за стол президиума. Что у каждого на уме, покажет завтрашний день...

Гитлер заговорил:

— Наконец-то сбывается моя клятва бороться до тех пор, пока не будут повержены в прах ноябрьские преступники и созданная ими республика, на развалинах которой мы, наци, построим великую Германию.

Он был так упоен сознанием величия момента, что не обратил внимания на зловещие слова Кара, произнесенные в ответ:

— В минуты **величайшей** опасности для родины и отечества я принимаю на себя руководство **судьбами** Баварии. Я делаю это с тяжелым сердцем и надеюсь, что это послужит благу нашей баварской родины и нашего великого германского отечества.

Не слишком многословным оказался и Людендорф.

— Преисполненный величием момента, я по собственной воле отдаю себя в распоряжение национального правительства.

Гитлер и на этот пинок не обратил внимания. Его взволновало другое...

Не подчинившись приказу, один из батальонов рейхсвера отказался сдать оружие штурмовикам. Едва распрощавшись с новыми правителями, Гитлер поехал улаживать конфликт — разумеется, вместе с эсэсовцами и штурмовиками. Кар обратился к Людендорфу:

— Что будем делать, ваше высокопревосходительство?

— Лично я после этой встряски отправлюсь домой. Советую это и вам, господа.

Лоссов и Зейссер пошли к Кару. Сейчас их объединяло одно: скорее найти единственно правильное решение и, не откладывая дела в долгий ящик, расправиться с фюрером нацистов и его единомышленниками.

Баварские генералы рейхсвера, обозленные на высшее начальство, действовавшее за их спинами, возмутились — как, их не пригласили участвовать в национальном восстании! Все получили должности, даже ничтожный полицейский чиновник Фрик оказался германским министром внутренних дел.

Комендант Мюнхена, узнав, что произошло в пивной, обозвал Лоссова «бабой». Другой, встретив его в тот вечер, спросил не без злорадства:

— Надеюсь, господин генерал, все это было чистым блефом?

Лоссов изворачивался. Генералы наседали. Да они знать не желают какого-то там агента головореза Рема! Тоже диктатор нашелся!

Лоссов приказал привести войска в боевую готовность. И к этому его вынудили не столько разъяренные генералы, сколько сообщение, полученное по прямому проводу из Берлина. Там уже

через час стало известно о путче нацистов. Президент Эберт, узнав, что он низложен каким-то там Гитлером, пришел в ярость. В столице объявлено осадное положение. Генералу Секту вручили всю полноту исполнительной власти. Сект дал знать Лоссову:

— Если вы сами не управитесь с Гитлером, я введу в Баварию правительственные войска...

4

В ночь на девятое ноября Кар и министры баварского правительства решили покончить с путчем, а заодно и с главным путчистом. Пусть и под пистолетом, но Кар всенародно объявил себя бунтовщиком. Это карается, как государственная измена. И все-таки Кар колебался.

Путч, конечно, необходимо подавить немедленно. Но что делать с Гитлером? Ведь он вполне может рассказать на суде о том, что происходило в задней комнате пивной «Бюргербройкеллер». Скандал!.. На рассвете ему принесли декреты, сочиненные самим «министром внутренних дел» Фриком.

«Для суда над преступниками, представляющими опасность, учреждается национальный трибунал... Виновным — смертная казнь. Срок исполнения — три часа».

Второй декрет гласил:

«Объявляются вне закона Эберт, Шейдеман, их приспешники и сообщники».

Ну, до Эберта надо еще дотянуться, а вот не сочтет ли господин Гитлер «преступниками, представляющими опасность», Кара, Лоссова и других? И не пристрелит ли в «течение трех часов»? «Боевые союзы» и штурмовики стягиваются к Мюнхену. Стало известно, что они громят и грабят квартиры евреев, а Гесс по приказу Гитлера производит повальные аресты, причем делается это так поспешно, что среди арестованных заложников оказались граф и несколько членов национал-социалистической партии!.. Надо было во что бы то ни стало успеть до прибытия вооруженных гитлеровских колонн.

Утро девятого ноября занялось хмурым, холодным. Хмурыми были лица Кара, Лоссова и Зейссера. Известия, одно страшнее другого, поступали в канцелярию правительства. Нацисты не бросали слов на ветер: Гесс и эсэсовцы арестовали бургомистра Мюнхена и всех социал-демократов — членов городской управы. Посадив в грузовик, отвезли за город, остановили машину в лесу и приказали выйти.

Гесс приказал арестованным снять верхнюю одежду. Дрожащими руками городские правители принялись стаскивать брюки

и пиджаки. Они знали, что именно так начинается подготовка к расстрелу. Но... Сняв униформу, эсэсовцы стали поспешно натягивать на себя отобранное у арестантов платье!.. Трагедия обернулась фарсом. Окончив маскарад, Гесс приказал насмерть перепуганным старикам убираться восвояси. Убрался и сам, на том же грузовике, — подальше от Мюнхена. Охранный отряд Гитлера бежал, оставив фюрера на произвол судьбы. Гессу посчастливилось первым прочесть прокламацию:

> «Честолюбивые проходимцы с помощью обмана превратили манифестацию национального возрождения в сцену отвратительного насилия. Заявления, силой вырванные у меня, генерала фон Лоссова и полковника Зейссера, недействительны и не имеют силы. Национал-социалистическая немецкая рабочая партия, а также боевые союзы *... распущены.
>
> Фон Кар, генеральный государственный комиссар».

Текст составлен, прямо скажем, языком суровым. И в то же время весьма деликатным.

Государственный переворот именуется «манифестацией национального возрождения». О мятежных речах Кара, Гитлера и Людендорфа — ни слова. Имя человека, угрожавшего револьвером, не названо. «Честолюбивые проходимцы...» Эта довольно туманная формулировка никого, в сущности, не затрагивала. Имя Гитлера так и не было упомянуто.

5

Фюрер провел бессонную ночь на квартире у Рема.

— Какое чудесное совпадение! — нервно жестикулируя перед самым лицом штурмовика, напыщенно вещал фюрер. — Ровно сто двадцать четыре года тому назад, восемнадцатого брюмера, Бонапарт разогнал говорильню, называемую «Советом пятисот», и учредил консульство, став фактически диктатором Франции. То же самое повторим мы в Германии. Кар, Людендорф, Адольф Гитлер — вот наше, немецкое консульство!

Казалось, все шло к тому: штурмовики прочно обосновались в казармах рейхсвера, окружив штаб проволочными заграждениями, охрану его нес отряд СС.

Шли часы, а новостей не поступало. Гитлер и Рем забеспокоились. Почему нет Лоссова? Рем посылал к нему одного офицера за другим, но они не возвращались. Наконец Гитлеру доложили, что части рейхсвера отказались поддерживать путчистов.

Палить не пришлось, орудия еще не подошли. Следом еще

---

* Имеются в виду «штурмовые отряды».

удар: прокламация Кара. Стало известно, что Лоссов приказал расстрелять арестованных участников путча. В городе спокойно. Четыре улана рассеяли мятежников на центральных улицах. Был ранен Геринг, участвовавший в этой потасовке.

Как злословили потом, «национальная революция довольно поспешно разошлась по домам».

Гитлер был в шоке — надвигалась катастрофа.

Но тут на помощь подоспел Людендорф. Распустив «триумвират» по домам, к утру он принял иное решение: «боевым союзам» и штурмовикам был отдан приказ закрепиться на берегу реки Изар, расставив там орудия.

Нацисты расклеили в городе прокламации о том, что генерал фон Лоссов, нарушив слово, примкнул к изменникам.

Тем временем Людендорф, набрав до тысячи штурмовиков, повел их к мосту через Изар. По дороге был разоружен полицейский патруль.

Недалеко от площади Одеон колонна снова встретилась с отрядом полицейских. Этим дали приказ ни в коем случае не пропускать мятежников. Одеон — ключ к городу. Полицейские навели винтовки на колонну. Кто-то из штурмовиков крикнул:

— Не стреляйте! С нами его высокопревосходительство генерал Людендорф!

Что бы там ни было, ни один из нацистов не забывал полностью титуловать всех подряд — и главарей измены, и главарей мятежа...

Гитлер — он шел бок о бок с Людендорфом — приказал полицейским:

— Сдавайтесь!

И тут же раздались выстрелы.

Нацист, шедший рядом с Гитлером, был убит наповал. Падая, он увлек за собой фюрера.

И пока шла стрельба, фюрер лежал не шевелясь. Противники ставили ему потом это в упрек. Почему он не встал, не встретил смерть как подобает солдату?

Противникам легко рассуждать, они под пулями не бывали. Кроме того, разве он один прижался к мостовой? Ведь и сам Людендорф, едва прозвучали первые выстрелы, бросился ничком на мостовую. Когда все было кончено, встал, отряхнулся и пошел к площади. Его тут же арестовали.

А вот Гитлер тем временем полз. Полз, пока едва не уткнулся в сапоги кого-то из штурмовиков. Его подняли, посадили в такси. Нашли фюрера через два дня — на даче приятеля, в шестидесяти километрах от Мюнхена. Там и арестовали.

6

Как-то мне довелось видеть картину нацистского художника Эдуарда Тони. Она изображает патетический момент: перед полицейским строем во весь рост стоит облаченный в пальто и шляпу Людендорф. Дула винтовок наведены на него. Кто-то из сподвижников обращается к полицейским: «Неужели вы будете стрелять в немецкого генерала?» А в сторонке — отползающий куда-то в угол картины Гитлер. Кругом разбросаны тела убитых.

Много лет спустя фюрер рассказывал об этом бегстве совсем иначе. Будто в зоне огня он увидел мальчика. Тот беспечно играл, не подозревая, что конец его близок. И тогда он, Гитлер, подполз к ребенку, схватил его и сел с ним в такси. А что было потом, он не помнил.

Как бы там ни было, Гитлер оказался провидцем: кровь действительно пролилась. Но, увы, не чужая. «Четырнадцать первых мошенников» отдали богу души. Но, во-первых, их не повесили, а убили, во-вторых, ими оказались... штурмовики.

Но где же тот, что обещал Гитлеру привести из Берлина отряд офицеров? Почему мы не видим Канариса рядом с фюрером в решающий час?

Канарис всегда выходил сухим из самой зловонной лужи.

Он помнил, конечно, беседу с ним в Мюнхене. Но фюрер оказался плохим игроком. Нет, Канарис до времени не сядет с ним за один стол: пусть Адольф сначала подучится, наберет силу... К тому же Канарис нашел прибыльное и не связанное с риском дело: его видели на стапелях зарубежных компаний, строивших подводные лодки; Канарис привез заказы. Не беда, что Германии запрещено иметь подводный флот. В конце концов за все в ответе правительство. К тому же Канарис умел хранить секреты...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Суд над путчистами начался через три месяца. Дело слушалось в баварской народной палате, а должно бы — в верховном суде: ведь путчисты поднялись против центрального правительства. Сначала так и решили, но тут вмешался Кар. Шумный процесс ему был не с руки. Как-никак он дал согласие фюреру разделить с ним власть.

Судебные заседания проходили при закрытых дверях, и, надо сказать, мера эта оказалась далеко не лишней. В первый же день Гитлер заявил, что до тех пор не признает себя виновным, пока

рядом с ним не сядут и другие руководители путча, то есть Кар, Лоссов и Зейссер. Суд отверг его притязания...

В своем последнем слове фюрер был предельно откровенен: «Я верю, придет час, когда массы, которые сейчас стоят на улицах с нашим крестовым знаменем, объединятся с теми, кто стрелял в нас девятого ноября». Не прошло и десяти лет, как Гитлер назначил Кара своим наместником в Баварии, правда, ликвидировав его в так называемую «Ночь длинных ножей».

И вот что еще любопытно.

Решив подавить путч, правительство назначило генерала Секта командующим карательной экспедиции. Но начальник управления сухопутных войск так и не явился в Мюнхен. И вовсе не потому, что седьмая дивизия рейхсвера обошлась своими силами. Еще пятого ноября Сект отправил Кару письмо: «...По многим принципиальным вопросам мы едины с Гитлером. Наши расхождения лишь касаются путей, по которым надо идти к цели».

То же самое, но еще раньше, Сект сказал Гитлеру.

Какие же цели преследовал генерал?

Он носился с той же, в общем, идеей: свергнуть правительство Эберта, «для наведения порядка» создать директорию и возглавить военную хунту... Да, немало людей в те годы прочили себя в германские диктаторы...

...Людендорфа суд оправдал, взяв с него слово, что впредь он «воздержится от участия в заговорах». Версия была найдена замечательная: вечер восьмого ноября Людендорф, находясь в состоянии эйфории, провел в беспамятстве.

Народные заседатели — а многие из них были фанатично преданны нацистам — требовали безусловного оправдания и Гитлера. Но его приговорили к пяти годам заключения в крепости Ландсберг.

Впрочем, замок висел ради приличия. Фюреру отвели обширную и светлую камеру, на стены повесили гравюры и эстампы, привезли удобную мебель, пол накрыли отличным ковром. Письменный стол и кресло также пришлись ко двору, ибо в промежутках между дружескими застольями и заседаниями центрального бюро партии фюрер, как правило, посвящал себя творчеству. Под его диктовку Гесс писал капитальный труд «Майн кампф». Казалось бы, запертый в камеру Гитлер всю свою ненависть должен был обратить на тех, кто сорвал мятеж, судил его и на пять лет отправил в тюрьму. И в этой книге есть страницы, где он посылает проклятья тогдашним правителям Германии. Но — всего лишь несколько страниц из огромного тома, в котором что ни глава — пропаганда насилия, провокаций и шантажа.

Его суждения о марксизме и марксистах выдают в нем невежу тем более страшного, что на этой книге воспитывалось и растлевалось молодое поколение немцев, ослепленных демагогией Гитлера.

Нацизм смотрит на вас со страниц, посвященных революционной России. Войну с нами Гитлер замышлял за семнадцать лет до того, как эти планы осуществлялись.

Вечерний час. Гитлер в том же черном сюртуке, в котором так отличился вечером восьмого ноября, лирически наблюдает, как меняются закатные краски на небосклоне.

Гитлер писал, отдыхал, беседовал со своими стражами. Один из них, капитан полиции Ганс Раттенхубер, статный молодой человек, был с ним особенно вежлив и предупредителен.

3

Почему же реакционные правители Германии так невежливо обошлись с нацистами? Скажем, не попытались использовать их в борьбе с революционными рабочими? Почему, наконец, правительственная верхушка приняла меры к тому, чтобы пресса ничего не сообщала о Гитлере и постаралась забыть о пивном путче?

Тому были свои причины. Национал-социалистическая партия оказалась далеко не столь могучей, как о том на всех перекрестках шумел ее фюрер. Но, главное, Гитлер не угадал с путчем — поторопился. В те времена правящие круги Германии прочно опирались на порядки, установленные Веймарской конституцией. Вожаки правой социал-демократии служили верой и правдой режиму. Они охотно проголосовали за чрезвычайные полномочия правительства. Консолидация этих сил с рейхсвером обеспечивала успех в борьбе с рабочим движением.

Были и другие причины: германская руководящая верхушка всячески избегала внешнеполитических осложнений, а фюрер буквально кричал об отмене Версаля и других послевоенных договоров. А Германия не настолько еще окрепла, чтобы вступать в новый конфликт с недавними противниками, к тому же как раз в это время немецкие банкиры запрашивали у них займы и торговались о репарациях. Не устраивал Гитлер и баварских политиков, тесно связанных с французскими правящими кругами. А те косо посматривали на путчистов.

Час фюрера еще не пробил, и о нем на время забыли.

Лишь компартия оставалась на твердых позициях последовательной борьбы с наци.

Окончание следует

ПОЭТИЧЕСКИЙ ГЛОБУС

СТИХИ МОЛОДЫХ ПОЭТОВ ВЕНГРИИ

От переводчика

Невозможно в рамках небольшой подборки представить все разнообразие молодой венгерской поэзии и прежде всего стилевые пристрастия ее полномочных представителей. В области формы их интересы простираются от классически строгой метрики до свободного стиха, от вольного строя народных песен до рационалистических текстовых коллажей, включающих в себя элементы рисунка, математические формулы, компьютерную графику. Избегая крайностей, я попытался отразить наиболее плодотворные, на мой взгляд, стилевые устремления своих венгерских коллег, передать средствами русской поэтики особенности их поэтического языка. Здесь и упругая, сдержанно-взволнованная речь Яноша Геци. Здесь и усложненный игрой слов, подчеркнуто изысканный слог Яноша Сивери. Здесь — исповедально раскованный, требующий полного, открытого дыхания речитатив Тибора Залана. Здесь, наконец, тонкий психологизм и прозрачные фольклорные интонации Кристины Тот. Насколько удалось передать образный строй и ритмическое своеобразие этих подлинно одаренных поэтов, судить читателю.

Несколько слов из их биографии. Самая молодая — Кристина Тот. Ей двадцать один год. Она студентка, учится на филфаке Будапештского университета, является автором пока единственного поэтического сборника. Тибору Залану тридцать пять лет. Он выпустил четыре книги стихов, опубликовал несколько пьес, удостоен премий Радиоти и Грейвза. Не уступают Тибору и его ровесники — Янош Сивери издал шесть поэтических книг, Янош Геци — пять стихотворных сборников, роман и книгу повестей.

А теперь — слово самим поэтам...

Янош ГЕЦИ

ИЗ ОКНА СТИХОТВОРНОГО ОБРАЗА

Это кто там стоит и выглядывает
временами из стихотворенья?
Тишину промокает бумага — и
выгибается от упоенья.

Это кто, оголяющий ясени,
их листвой набивающий рот;
в пользу весен, чьи вервия зелены,
совершающий переворот?

Это кто, наблюдаемый в шествиях,
в тесноте городских площадей
из окна стихотворного образа
окликает умолкших людей?

Это кто, верховодящий ливнями,
но беседующий — не спеша,
ведь заботы его — нескончаемы:
их приняв, содрогнется душа.

Кто ночами, в часы откровенности,
между строк окровавленных бьется
в глубине стихотворного замысла,
как Царевна-лягушка в колодце.

Временами — не чувствует времени,
тяготится бездарностью дней, —
исхудавший, замерзший — и замерший
от речей и напрасных затей.

Все на круги своя возвращается...
или впрямь — впереди пустота?
Сводит рот запах вешнего ясеня,
сводит ясень дыхание рта.

Это кто там стоит и выглядывает
временами из стихотворенья,
в снег бумаги слова перемалывает,
выгибается от упоенья?

Вспоминая армейских товарищей,
помышляет о красном пивке
и, слагая стихи в теплой комнате,
черновик их не мнет в кулаке.

У кого завиваются волосы
над высоким наморщенным лбом,
будто старые снимки, забытые
в заколоченном доме на слом?

Кто пространство листа нижет строками,
попивает ли что-то, поделывает,
поддаваясь игре настроенья...

Это кто там стоит и заглядывает
временами в стихотворенье?

Янош СИВЕРИ

ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ, УТВЕРДИТЕЛЬНОЕ

Солнечного шелка выбери наряд,
будто век не знала смертного удела.
В жемчуг претворяет раковина тело.
Мысленно хотя бы — возвратись назад.

Пусть нещадно трезвым остается взгляд —
можешь на колени мне садиться смело.
Стружкою серебряною, пылью белой,
по ветру летящей, волосы блестят.

Голодно сияют очи-самоцветы,
мог ли раньше верить в этот голод я!
Гасит украшенья красота твоя

на дороге к сердцу, что твоим согрето.
Об одном прошу я: пусть не ворошит
нынешняя встреча давешних обид.

Тибор ЗАЛАН

МАТЕРИ СТИХОТВОРЕНЬЕ ПОСВЯТИ — ВЕЛЮ СЕБЕ...

Матери стихотворенье посвяти — велю себе, —
несравнимое с тобою, несравнимое с другими
сложенными матери стихами,
а сравнимое скорее с лучезарностью рассвета —
и с болезненной гримасою лица на солнцепеке.
Строгая моя, тебе бы отступиться от меня,
двери затворить, коль скоро
видишь: за угол заходит мной колеблемая тень,
а моею шевелюрой ошарашена сирень.
Пропаду из глаз быстрее, нежели надеются,
пропаду из глаз красивей, нежели ты думаешь,
только жалко, не узнаешь:
если я и впрямь хорош,
то не более, чем клоун в золоте опилок.
Возродится в сердце радость, возродится жизнь,
ну а то, за что иным я дорог, словно дом забитый
выводку мышей голодных, — отомрет во мне.
И тогда тебе, родная, посвящу стихотворенье
точно так же, как другие посвящают матерям.
Сохранишь его, покуда не пожухнет лист бумажный,
и покуда не пожухнет наш последний светлый день,
и покуда не пожухнут прорастающие в небо
великаны, великаны, великаны в белом.

Кристина ТОТ

СТУПАЙ!

Слишком долго умею стоять
и способна бежать (слишком долго!)
от осенней до зимней поры.

В комнатенке, тобой перерытой,
не меня ли, подумалось, ищешь,
и неловкое чувство игры

подтвердило: пускай ты уходишь сейчас —
твой растерянный взгляд вопрошающих глаз
я ловила и встарь невзначай, —

но окончен раздел, мы чужие друг дружке,
только несколько русых волос на подушке —
чьи они, я не знаю. Ступай.

ПРОЩАНИЕ

Да скроет —
все твои прикосновенья
да скроет снег!
Пускай растают на твоем лице
три февраля!
И хмурый
декабрь,
три декабря —
пусть выветрят навек
в прихожей запах твоего пальто
и вылиняет в март
шарф черно-бурый!

ЗАЗДРАВНАЯ

Виноградинка:
жемчуг в золоте осеннем.
Спелая роса
катится пологими
склонами холмов.

— С полным кубком славословь
Афродиту и любовь —
коль она с тобою,
коль она со мною.

Перевел с венгерского
Анатолий ВЕРШИНСКИЙ

РОССИЙСКОЙ КОМПАРТИИ — БЫТЬ!

21—22 апреля 1990 года в Ленинграде прошел первый этап Инициативного съезда российских коммунистов. Более 600 его делегатов представляли полтора миллиона членов КПСС республики. С докладом о необходимости учреждения РКП выступил председатель Ленинградского инициативного комитета по подготовке Учредительного съезда РКП в составе КПСС Ю. Терентьев.

Были заслушаны доклады доктора философских наук М. Попова, доктора экономических наук А. Сергеева и заместителя главного редактора журнала «Молодая гвардия» В. Горбачева. В докладах была изложена программа возрождения РКП, определена экономическая стратегия российских коммунистов, дан анализ состояния российской культуры.

Участники съезда приняли резолюцию о проведении второго этапа Инициативного съезда Российской Коммунистической партии в составе КПСС 9—10 июня 1990 года в Ленинграде.

Публикуем тексты резолюций, принятых на съезде.

РЕЗОЛЮЦИЯ
Инициативного съезда Российской Коммунистической партии в составе КПСС

Созванный по инициативе первичных организаций съезд коммунистов России констатирует, что члены КПСС, партийные организации республики все более и более чувствуют свою организационную общность.

Объективный ход социально-экономического и политического развития РСФСР, внутренние процессы в КПСС привели к появлению Российского бюро ЦК КПСС, избранию на пленумах партийных организаций РСФСР Комитета по подготовке Российской партийной конференции, к широкому развитию горизонтальных связей между партийными организациями, выступающими за возрождение России, что сделало возможным проведение съезда российских коммунистов.

Съезд постановляет:

1. Признать Российскую Коммунистическую партию в составе КПСС фактически существующей, требующей организационного оформления до XXVIII съезда КПСС.

Инициативный съезд исходит из того, что при организационном оформлении парторганизации республики все коммунисты, состоящие на учете в партийных организациях, действующих на территории РСФСР, безо всякого исключения, являются членами единого партийного коллектива Российской Коммунистической партии в составе КПСС, призванными нести особую ответственность за судьбу народов России и вместе с другими республиканскими партийными организациями за судьбу народов всей нашей страны.

2. Для завершения организационного оформления коммунистической партийной организации РСФСР Инициативный съезд обращается с предложением провести 19 июня 1990 года съезд Российской Коммунистической партии в составе КПСС. В целях подготовки этого съезда провести 9—10 июня 1990 года в Ленинграде второй этап Инициативного съезда Российской Коммунистической партии в составе КПСС. Немедленно приступить к подготовке второго этапа Инициативного съезда Российской Коммунистической партии в составе КПСС, на котором обсудить предложения по доработке проекта платформы ЦК КПСС к XXVIII съезду КПСС, проекта Устава КПСС, а в случае, если проведение 19 июня съезда Российской Коммунистической партии в составе КПСС окажется невозможным, избрать руководящие органы Российской Коммунистической партии.

Съезд призывает первичные партийные организации РСФСР активно включаться в работу по подготовке второго этапа Инициативного съезда Российской Коммунистической партии в составе КПСС, выбирать и присылать на съезд своих делегатов, избранных от районных партийных организаций, в партийных комитетах, которые имеют права райкомов, и в воинских коллективах или по партийным округам от 2—4 тысяч коммунистов.

3. Для ведения практической работы и подготовки, в первую очередь силами первичных партийных организаций, второго этапа Инициативного съезда РКП в составе КПСС, обсуждения в первичных организациях материалов съезда, выработки предложений и документов, определения на самой широкой демократической основе кандидатур в состав руководящих органов РКП избрать Организационное бюро Инициативного съезда Российской Коммунистической партии в составе КПСС, включающее секретарей Оргбюро Инициативного съезда РКП в составе КПСС по каждому региону России (автономная республика, край, область, округ) и их заместителей. Инициативный съезд РКП в составе КПСС поручает своим делегатам — членам комитета по подготовке Российской партконференции довести решения съезда до комитета и проводить работу по налаживанию конструктивного взаимодействия Оргбюро, избранного настоящим съездом, и комитета по подготовке Российской партконференции. Направить в указанный комитет 15 представителей из числа избранных секретарями Оргбюро Инициативного съезда РКП в составе КПСС. Всех избранных делегатами Учредительного съезда РКП в составе КПСС рекомендовать в состав съезда Российской Коммунистической партии 19 июня 1990 года с правом решающего голоса.

4. При подготовке кандидатур в члены Оргбюро Инициативного съезда РКП в составе КПСС, Центральный Комитет и Центральную контрольно-ревизионную комиссию Российской Коммунистической партии в составе КПСС исходить из принципов, завещанных В. И. Лениным, стремясь к тому, чтобы социальный состав руководящих органов отражал социальный состав трудовой части общества.

5. Инициативный съезд обращается к Центральному Комитету КПСС, комитету по подготовке Российской партконференции, Ленинградскому областному комитету КПСС, ко всем партийным организациям России, прежде всего к первичным партийным организациям, с просьбой оказать всяческое содействие подготовке и проведению второго этапа Инициативного съезда Российской Коммунистической партии в составе КПСС на ленинских основах.

6. Инициативный съезд РКП в составе КПСС поручает всем делегатам и приглашенным информировать о принятых на съезде решениях (прежде всего через средства массовой информации) трудовые коллективы, первичные партийные организации, а также обкомы, горкомы и райкомы КПСС; вместе с выборными органами партийных организаций провести работу на местах по подготовке ко второму этапу Инициативного съезда Российской Коммунистической партии в составе КПСС.

РЕЗОЛЮЦИЯ
об экономической ситуации в России

Съезд коммунистов России отмечает, что за время перестройки экономическая ситуация в стране обострилась настолько, что под

угрозу поставлено существование социализма, суверенитет нашего государства.

Ответственность за сложившуюся ситуацию уже бессмысленно относить на «застойный период». Следует дать политическую оценку деятельности экономических советников высшего политического руководства, сознательно ориентированных на интересы «малой группы людей».

Предлагаемый ими путь ведет к полному разрыву с социализмом.

ЦК КПСС хранит молчание по поводу планов создания в нашей стране «планово-рыночной» экономики, которая на поверку оказывается рыночной экономикой домонополистического капитализма. Судя по всему, у руководства ЦК КПСС нет желания советоваться с партией по главной проблеме перестройки.

Коммунистам, партии предлагается считать планово-рыночную экономику в качестве добротной базы для сплочения партии и народа. В период подготовки к XXVIII съезду развернута война с левыми и правыми. Барабанный бой этой борьбы отвлекает внимание коммунистов от кардинальных экономических проблем, определяющих судьбу народа, социализма, самой партии. Вместо борьбы за интересы трудящихся партия втягивается в междоусобицы, в борьбу партийного аппарата за свое место в государственной системе.

Съезд заявляет:

Мы отвергаем «шоковую терапию» как способ лечения экономики России, как способ, ведущий к массовой безработице, некомпенсируемому росту цен, расслоению общества на сверхбогатых и сверхбедных. Это чревато социальным взрывом и окончательной дискредитацией КПСС.

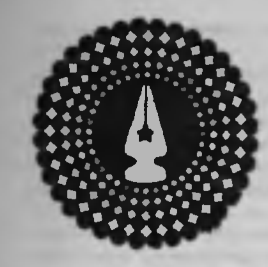
Ликвидация общенародной собственности поведет к закреплению негативных тенденций в экономике и на руку только зарождающемуся в нашей стране слою сверхбогачей с их ставкой на частное предпринимательство, легализацию накопленных капиталов, жаждой прибыли, индивидуализмом.

Съезд поддерживает предложения партийных организаций России о целесообразности обсуждения на Пленуме ЦК КПСС до XXVIII съезда партии экономической ситуации в стране и целесообразности мер, предлагаемых правительством по преодолению хозяйственного кризиса.

Требуем обеспечить широкое и гласное обсуждение в стране уже разработанных альтернативных программ выхода из экономического кризиса и альтернативных законопроектов в области экономики.

Съезд обращается к коммунистам — народным депутатам РСФСР, СССР, членам группы «Союз» поставить вопрос о приостановлении действия Закона о собственности и вынесении вопроса о собственности на всенародный референдум.

●

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПЕРЕД ПАРТИЙНЫМ СЪЕЗДОМ

В. ЛИТОВ

С ЛЕНИНЫМ — ПОБЕЖДАТЬ!

Бесспорной заслугой инициаторов перестройки стало и то, что они взяли курс на развертывание «замороженного» в годы застоя демократического потенциала масс, повышение сознательности и активности трудящихся, что Владимир Ильич считал одной из важнейших предпосылок борьбы с «силами и традициями» эксплуататорского общества.

КОГДА СТАРОЕ ВОЗРОЖДАЕТСЯ В НОВОМ

Так уж получается, что вперед мы часто идем, отступая назад, не умея решительно и окончательно сбросить с плеч мешающий движению тяжкий груз обанкротившихся догм и концепций. Иначе чем объяснить попытки реанимировать антиленинские тезисы об «общенародности» и «монолитном единстве», «обойти» и замолчать идущую и даже обостряющуюся в обществе, как это и предвидел Ленин, классовую борьбу? О какой «общенарод-

Окончание. Начало в № 4

ности» сейчас можно говорить, если у различных классов, социальных слоев и групп нашего общества давно и достаточно четко выявились уже специфические интересы, потребности, лозунги и программы, которые далеко не всегда совпадают? Нельзя субъективными призывами к «единству» и «сплоченности», сколь бы искренними и благородными они ни были, «отменить» или даже просто сгладить эти объективно существующие социальные различия, противоречия и даже антагонизмы. Наивно, смешно говорить о «гармонии интересов» рабочих и служащих, выступающих за низкие и твердые цены на продовольственные и промышленные товары, и кооператоров с арендаторами, наживающих на искусственном повышении цен огромные прибыли; дельцов теневой экономики и 40 миллионов советских граждан, живущих ниже официально установленной черты бедности. Острый и даже антагонистический характер могут приобрести противоречия между отдельным предприятием и отраслью в целом, отдельным районом и регионом, куда он входит, отдельным регионом или республикой и всей страной. Я уже не говорю о том, что «диалог» и «компромисс» есть пустой звук, когда речь идет о честном труженике и бездельнике, инициативном, творческом работнике аппарата и прогнившем насквозь бюрократе-чинуше, настоящих коммунистах и патриотах, с одной стороны, и воинствующих националистах, членах Демократического союза, с другой. Да и в самой партии, развивающейся по законам диалектики, а не формальной логики, неизбежны противоречия, даже антагонистические, между инертными и активными слоями, отсталыми и передовыми группами, коммунистически настроенными и оппортунистически переродившимися людьми, по сути враждебными ленинизму.

Более того, пока наши ученые и публицисты ломали копья по поводу того, создаст ли угрозу социализму появление класса частных предпринимателей, этот класс не только основательно закрепился во многих сферах экономической жизни, но и пытается прорваться в сферу большой политики. По оценке министра внутренних дел СССР В. В. Бакатина, Советский Союз входит в число двадцати стран мира с наиболее развитой теневой экономикой, объем операций которой в ближайшие годы, по расчетам специалистов, составит 100—130 миллиардов рублей. Как видно из выступления В. В. Бакатина на II Съезде народных депутатов СССР, в стране фактически сформировался класс капиталистических предпринимателей, сотни, а по некоторым данным и тысячи которых обладают уже миллионными сбережениями. А вот компетентное свидетельство Генерального прокурора СССР А. Я. Сухарева: «Сегодня мы имеем все основания говорить о системе функционирования и воспроизводства нелегального капитала, который пытается обеспечить своим представителям прорыв к рычагам политической власти. Объединившись, торговые мафии, дельцы и предприниматели высокого класса с завидной пробивной силой начали открытое давление на социальные устои общества и права граждан, обостряя дефицит. Создание внушительного подпольного рынка товаров и последующая легализация, отмывание сотен тысяч и миллионов рублей покоятся на несовершенстве хозяйственного механизма, контрольного и налогового, но в определенной мере и на системе прикрытия в управленческих и правоохранительных звеньях. Складывается альянс преступной среды в экономике с традиционной уголовщиной». Объективные интересы, интересы

этого альянса, какими бы ни были субъективными мотивы, довольно энергично и шумно отстаивает прорвавшаяся в высшие органы власти группа «перестройщиков» и «прорабов» — Ю. Афанасьев, Г. Попов, Н. Шмелев, Ю. Черниченко и другие. Разумеется, на словах все они за «народ» и его «благо», а разве, например, руководители республиканской партии в США, выражающие в своей политике интересы монополистического капитала, тоже не маскируют ее ссылками на «народ»?

Оформлена фактически в рамках традиционного разделения труда внутри самого эксплуататорского класса общесоюзная политическая партия, защищающая интересы легализующегося капитала — парламентская «оппозиция», о создании которой с такой помпой заявил «историк» Ю. Афанасьев на II Съезде народных депутатов. Приплюсуйте к этому поддержку реставраторов «сил и традиций старого общества» со стороны части обюрократившихся чиновников партийно-государственного аппарата, открытые симпатии большинства средств массовой информации — и вы поймете всю глубину нависшей над социализмом опасности, о которой во весь голос предупреждал еще «догматичный» Ленин!

Унаследованные с застойных времен ложные фразы о «единстве» и «консолидации» убаюкивают партию, народ, развязывают руки частнособственнической стихии, помогают тем, кто разваливает социализм. Разве не об этом, например, свидетельствуют события в Польше и Венгрии, где под шумок этих ложных, сбивающих с толку фраз были оттеснены от государственного руля партии трудящихся, пришли к власти силы, открыто заявившие о необходимости «демонтажа» социализма и начавшие реставрацию капиталистической эксплуатации.

Казалось бы, очевидные вещи, тем не менее у нас все еще не изжиты обывательские иллюзии, наивное стремление урегулировать все конфликтные вопросы методом «диалога» и «компромисса», нахождением «равноденствия» интересов, достижением общенационального консенсуса! Никогда и нигде таким методом и путем не была решена, да и не будет решена ни одна проблема. А вот обострена, доведена до взрывоопасной стадии вполне. И это понятно. Старая истина: прежде чем объединяться и «сплачиваться», надо размежеваться и четко определить свою позицию, и размежеваться не на словах, а на деле. На словах же, как известно, все, даже самые непримиримые антагонисты, за «перестройку» и «гласность», вкладывая в эти понятия, естественно, полярно противоположное содержание. Без такого размежевания призывы к «объединению» и «консолидации» будут лишь на время и лишь декларативно «сплачивать» весьма пестрые социально-политические силы и движения с объективно существующими различиями и даже антагонизмами, которые при малейших осложнениях и обострениях реальной жизненной ситуации будут вспыхивать вновь с еще большей разрушительностью и силой.

Вот и получается, что чем больше говорим о необходимости «общенационального единства и сплоченности», тем острее споры и раздоры, тем сильней поляризация и раскол, тем накаленней конфронтация, все более напоминающая атмосферу гражданской войны. Никогда, пожалуй, в нашей истории все так искренне и дружно не призывали к единству и сплоченности, и никогда наше общество не было столь далеко от них, никогда наш великий Союз народов не стоял перед реальной угрозой распада.

Вспомним, что Ленин никогда не страшился обвинений в «расколе», «нарушении единства», которые, пожалуй, чаще всего звучали в его адрес со стороны политических противников. «Лучше меньше, да лучше», «пусть хоть десяток, но единомышленников, чем тысячи, но имеющие мало точек соприкосновения людей». Такой линии Ильич придерживался с железным упорством и настойчивостью и... оказался намного дальновидней и прозорливей Плеханова, Мартова, Аксельрода и других меньшевистских деятелей, беспрестанно обвинявших его в «сектантстве», «неуступчивости», «неумении идти на диалог и компромисс» и тому подобным доводам «практичных» и «благоразумных» людей.

Раз уж у нас теперь полный «плюрализм», включая как «левых», так и «правых», как «консерваторов», так и «радикалов», выскажу в этой связи личное мнение о нынешней официальной терминологии, тем более что противники ленинизма высказывают свои суждения о его «черно-белой» «фразеологии», как говорится, во весь голос. Считаю распространившуюся у нас терминологию неленинской, немарксистской. Ильич всегда давал политическую, партийно-классовую оценку, а отнюдь не пространственно-географическую — «слева», «справа», «центр», «сбоку», «сверху», «снизу» и т. п. Если говорилось о «левизне» и «правизне», «центре» и т. п., то только в связи с классовой сутью того или иного политика, той или иной партии или группировки: «правый ревизионизм», «левацкий мелкобуржуазный авантюризм», «центристское оппортунистическое болото» и т. д. Особенно язвительно высмеивал Ленин тактику сиденья между двух стульев, «благоразумного» занятия некоей «золотой середины», члены которой, конечно же, всегда правы, ибо всегда в «центре» и могут снисходительно осудить за «крайности» и экстремизм как «правых», так и «левых». Пролистайте ленинские книги, статьи — и вы убедитесь, что это обстоит именно так.

Между прочим, Ленина ничуть не смущала политическая резкость «классовых» формулировок, то обстоятельство, что они могли «отпугнуть» или «оттолкнуть» от соглашения и взаимодействия потенциальных союзников из других политических лагерей. Если настрой на сотрудничество серьезный, то такая резкость их не отпугнет, если нет, все равно найдут для срыва соглашения любой другой предлог, не обращая внимания на «смягчительную» уступчивость формулировок. «Идти врозь, бить вместе» — такой тактики всегда придерживался в политике Владимир Ильич, высмеивавший попытки некоторых «прагматиков» в партии осуществить ради мелких тактических выгод своего рода «идеологическое самоурезание».

Вообще Ленин терпеть не мог обтекаемых, гладких, устраивающих все стороны фраз и выражений. Словесные маневры, ложь дипломатического протокола во внутрипартийной полемике не признавал, более того, считал опасным и вредным. «Полемизируйте как угодно резко, только говорите ясно, что вы хотите» — такого правила Ильич всегда держался сам, этому учил и других. И тут не вопрос формы или стиля. Ленин был человеком дела, и теория у него освещала путь революционному преобразованию действительности. Отсюда ясная, четкая оценка того или иного явления с таких же ясных, четких партийно-классовых позиций. Когда такая четкость, определенность есть в теории, идейных установках, то и практические шаги будут четкими, определенными,

а не двусмысленными, противоречащими друг другу, как это бывает у тех, кто в теории предпочитает расплывчатость и аморфность.

СЛУШАЙ, РАБОЧИЙ!

Подчеркиваю, речь идет не об отказе от борьбы за «единство» и «сплоченность», не о выбрасывании за борт тактики согласия и компромисса, когда они необходимы, а о переводе стопъ важных сейчас лозунгов и понятий в плоскость реальных, практических дел, что просто невозможно без четкого и однозначного выбора. Давно, давно пора его сделать, твердо и определенно став на сторону того класса, тех социальных слоев и групп, тех людей, общественное положение, специфические интересы которых в наибольшей степени совпадают с государственными, общенациональными интересами и менее всего ущемляют остальные слои и группы населения. Речь идет в первую очередь, разумеется, о рабочем классе, трудящихся индустриальных отраслей, которые тверже, организованней и последовательней других отстаивают социалистические цели и идеалы и меньше, чем кто-либо, подвержены идеологии и психологии индивидуализма, эгоизма, потребительства.

Прекрасно понимаю, какую бурю благородного возмущения вызовет предложение вернуться и в теории, и на практике к ленинскому понятию «диктатура пролетариата». Но в конце концов, дело не в термине, не в форме, а в содержании, в сути. Пусть будет «государство с руководящей ролью рабочего класса», если страшное слово «диктатура» (а Ильич этот термин весьма убедительно отстаивал) повергает в такой ужас и негодование наших «демократов» и «гуманистов». Главное сейчас — избавиться от гипноза «общенародности», который мешал и мешает разработке подлинно научной, ленинской политики, выбору правильных социально-экономических приоритетов и программ, продуманному и рациональному использованию сил и средств. Короче, активному выявлению и использованию огромного творческого потенциела социализма, который до сих пор, несмотря на весь «перестроечный» шум, остается втуне.

Разумеется, не стоит идеализировать рабочих, среди которых немало хапуг, рвачей, невежественных и малокультурных людей, но в их среде все же мелкобуржуазные, групповые проявления и настроения выражены куда слабей, чем в кругах интеллигенции, особенно творческой элиты. От волюнтаризма, застоя, издержек перестроечных процессов пострадало все наше общество, снизу доверху. Но промышленные рабочие в гораздо большей степени сохранили приверженность к социалистическим ценностям и идеалам.

Одним из парадоксов перестройки и является то, что «генератором» идей и ее «рабочим двигателем» выступают пока так называемые «интеллектуальные слои» общества, в наибольшей степени пораженные и разложенные застойными явлениями и самым опасным из них — разрывом между словом и делом, склонностью заменять практические шаги бесконечными дискуссиями и разговорами, непрерывным потоком «новаторских» и «перестроечных» речей и бумаг. Конечно, здесь имеется в виду не прямая роль

этого «интеллектуального слоя», а его «косвенное» влияние на тех, кто стоит у политического руля...

Пока перестройка не дойдет до простого человека, рядового рабочего и колхозника, она неизбежно будет пробуксовывать в бесконечных реорганизациях, постановлениях и решениях, в надоевшей всем митинговой говорильне, красивых лозунгах и призывах с высоких трибун. А чтобы «разбудить» и «расшевелить» трудящегося человека, точнее, его лучшие качества и свойства, надо переориентировать и «развернуть» на него всю политику, прислушаться и пойти навстречу его требованиям. И конечно же, двинуть достойных представителей рабочего класса, и в массовом количестве, на все уровни государственного и партийного управления, включая ЦК КПСС, его Политбюро, не останавливаясь перед неизбежным недовольством других общественных слоев и групп, если их интересы, разумеется, окажутся в противоречии с интересами большинства людей труда.

Казалось бы, формализм недавнего представительства рабочих на партийном и советском уровнях должен был заставить задуматься над принятием решительных мер по его преодолению. Вместо этого стали на путь прямого вытеснения рабочих из политики, общественной жизни, идеологии, что неизбежно происходит, когда развитие общества пускается на самотек, когда на первый план выходят фетиши «чистой» демократии и «абсолютной» свободы. «В последнее время, — с тревогой говорил на апрельском Пленуме ЦК КПСС (1989 г.) бывший первый секретарь Коми обкома КПСС В. И. Мельников, — идет вымывание из сферы политической деятельности рабочего класса, о чем здесь говорили. И это, товарищи, правильное беспокойство о том, что рабочих мы теряем. Потерпело поражение на выборах большинство кандидатов рабочих в пору преобладания митинговой демократии. Конечно же, представители интеллигенции выглядят предпочтительней за счет умения четко излагать свои позиции. Отторжение рабочего класса с политической арены им еще самим не осознано, а последствия могут быть самыми неожиданными, и партия обязана не допустить подобной ситуации».

Напомню, что В. И. Ленин никогда не делал ставку на интеллигенцию, которая, по его словам, «бессильна сама по себе». «Опираться на интеллигенцию, — писал он, — мы не будем никогда, а будем опираться только на авангард пролетариата. Другой опоры у партии коммунистов быть не может».

Если бы большевики поступили иначе, погнавшись за эфемерными симпатиями «интеллектуальных сил» страны, они точно так же утопили бы в потоке высоких слов и деклараций назревший Октябрь, как мы сегодня топим не менее назревшую перестройку!

Прошу понять меня правильно. Я не за сталкивание лбами рабочих и интеллигентов, не за диктат и подчинение одних другим. Речь идет не об административном, а о политическом аспекте, не о прямых «командах» слесаря профессору, а о контроле за ключевыми участками жизни передовых рабочих, которые одни только могут заставить разговорившихся сверх всякой меры профессоров заниматься своим прямым делом. Вывести страну из кризисного состояния без активного и энергичного участия интеллигенции невозможно, это очевидно. Но в том-то и дело, что такое участие станет реальным фактом, а не благим пожеланием только тогда, когда рабочий класс, непосредственный производитель материальных благ, станет политическим авангардом и главной социальной опорой давно назревших, но забуксовавших перемен. Забуксовавших именно потому, что на роль такого «авангарда» «интеллектуальные слои» в силу своей специфики просто не способны, будучи, по ленинскому выражению, «бессильны сами по себе». Сколько же еще нам надо доказательств?

Этому ничуть не противоречит, что основные идеи и лозунги перестройки выдвинули не рабочие, а интеллигенты, что именно им суждено выработать подлинно научное обеспечение осуществляемых в стране перемен. Как и то, что отзывчивость на политическую злобу дня, широта кругозора и знаний у интеллигента выше, чем у рабочего, что не раз подчеркивал Владимир Ильич. Однако умение эффективно работать, добиваться практических результатов, организованность, настойчивость и целеустремленность у рабочего несравненно выше. А это, согласитесь, сейчас куда важней. Лозунгов и программ у нас произведено более чем достаточно.

Как бы ни хвалили «интеллектуальные силы», факт остается фактом: рабочие более других заинтересованы в твердой законности и порядке, в общественной дисциплине и ответственности и куда в меньшей степени подвержены мелкобуржуазным и националистическим настроениям. Возьмите XX съезд Компартии Литвы, делегаты которого приняли решение о выходе из КПСС, явно продиктованное националистическими амбициями. Так вот, из 1038 делегатов съезда рабочих было 18, а колхозников всего 5, то есть чуть больше 2 процентов всех участников. В социальном же составе Компартии республики рабочие и колхозники составляют 48 процентов! Если бы трудящиеся сферы материального производства, которых трудней всего сбить с толку националистическим демагогам, были представлены на съезде мало-мальски справедливо и пропорционально (а ни одному их представителю так и не дали выступить на съезде!), убежден, решения могли бы быть совсем иными. Не случайно побывавшему в Литве Генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву рабочие прямо говорили, что надо принимать решительные меры против митинговой говорильни и болтливых демагогов, мешающих людям нормально работать над решением действительно важных для людей экономических и социальных проблем.

Не следует, впрочем, недооценивать и интеллектуальный потенциал современного рабочего. Выступления на XIX Всесоюзной партийной конференции, I и II Съездах народных депутатов Ярина, Костишина, Коршунова, Деденевой, других представителей рабочего класса, как правило, были намного «аналитичней», содержали куда больше конструктивных предложений и идей, чем крикливо-сенсационные речи иных «новаторов»-интеллектуалов, которые в погоне за дешевой популярностью предпочитали в основном громить и обличать...

Да, только в опоре на рабочий класс, при его твердой руководящей роли можно вести успешную борьбу против бюрократизма, групповых и ведомственных тенденций, возрождения мелкобуржуазной идеологии и психологии, падения нравов, роста насилия и преступности и других, по точному выражению Ленина, «сил и традиций старого общества». Только в опоре на рабочий класс, при его полной поддержке и самом активном участии удастся поднять дисциплину и сознательность, навести элементарный порядок на производстве, в сфере досуга и быта, на улицах наших

городов, без чего перестройка так и останется красивым лозунгом. И эта «упорная борьба» против «самой страшной силы» — силы привычки миллионов — должна вестись комплексно, всесторонне, с применением всего разнообразного арсенала сил и средств, «мирных» и «немирных», «педагогических» и «административных», а не только чисто экономическим путем, его Высочеством Рублем и Его Величеством Рынком, как предлагают наши «прорабы перестройки».

Может быть, яростная негативная реакция на создание и деятельность Объединенного фронта трудящихся, организации «Единство», выступающих за руководящую роль рабочего класса, тем и объясняется, что, когда это произойдет, его представители заставят наших высокоинтеллектуальных «прорабов» и «перестройщиков» не болтать, а работать, не опьянять себя и других бесконечными словопрениями и обличениями «сталинистской» командно-административной системы, а приступить к практическому решению так нужных обществу, людям прозаических вопросов? Именно рабочий вызвал к жизни социализм, отстоял его от посягательств внешней и внутренней контрреволюции, именно рабочему суждено вывести его из острейшего кризиса, больше некому — остальные готовы «перестраивать» социализм вплоть до его окончательной гибели.

Настоящий интеллигент, честно делающий свое дело, от восстановления ведущей роли рабочего класса только выиграет. Выиграет и в плане выявления своего творческого потенциала, практической реализации своих задумок и предложений, что возможно лишь в условиях строгого порядка и дисциплины, и в материальном отношении, ибо передовой рабочий, хорошо знающий жизнь и понимающий ценность творческого труда, никогда не поскупится на соответствующее обеспечение тех, кто приносит обществу, простым людям огромную пользу. Доказательства? Пожалуйста.

В 30-е и 40-е годы, когда рабочий класс и его политические представители прочно держали в своих руках государственный руль, «средний» инженер, высококвалифицированный служащий и специалист получали намного больше «среднего» рабочего, не говоря уже о колхознике. Жены многих таких интеллигентов не работали, и в то же время зарплаты вполне хватало и для содержания домработницы. Накануне войны, в 1940 году, самая высокая зарплата в стране была у инженеров — конструкторов новой техники. И все это находило у большинства трудящихся, особенно рабочих, полное понимание, считалось в порядке вещей. Иными словами, ленинская установка «не жалеть денег и средств на толкового специалиста» выполнялась на деле. На путь грубой уравниловки, игнорирования естественных различий между работниками творческой и производственной сферы вступил не Сталин, а Хрущев, который, как уже отмечалось выше, приступил к фактическому демонтажу руководящей роли рабочего класса. Факт, напрочь опровергающий нынешние ходульные стереотипы обличителей «сталинизма». Факт бесспорный, ибо, обратившись к соответствующим документам и материалам, читатели легко убедятся в этом сами...

Мне могут возразить: уместно ли ставить вопрос о руководящей роли рабочего класса, когда научно-технический прогресс, как показывает опыт Запада, становится доминирующей, решающей силой? Не только уместно, но и абсолютно необходимо, ибо

темпы этого прогресса напрямую зависят от подготовленности, умения, «сознательности» непосредственных производителей, что на Западе поняли лучше и глубже, чем у нас. «Кадры решают все!» — такой лозунг можно видеть в цехах крупнейших японских корпораций, сумевших за сравнительно короткий срок подготовить самую квалифицированную, дисциплинированную и, что самое важное, творчески относящуюся к своему делу рабочую силу. А ведь этот лозунг, активно взятый на вооружение объявленным ныне «врагом всех наций и народов» И. В. Сталиным, был выдвинут Владимиром Ильичем...

«ПРАГМАТИЗМ» ИЛИ ПАРТИЙНЫЙ КОНТРОЛЬ?

Впрочем, хватит вести речь о совершенно очевидных вещах, тень на плетень вокруг которых так усердно наводят сейчас многие средства массовой информации. До сих пор не могу понять, чем руководствуются те, кто поощряет или не обращает внимания (что одно и то же) на злобно-дилетантские наскоки на наше прошлое и на Владимира Ильича Ленина. Может быть, это делается с целью ухода от сегодняшних «невыгодных» тем, для переключения полемического пыла с «кусающегося» настоящего на молчащее прошлое. Я не имею в виду самих «разгребателей грязи» — среди них немало тех, кто делает это искренне, в силу идейных или религиозных убеждений, индивидуально-психологических особенностей и т. п. Раз уж у нас «плюрализм», пусть себе занимаются этим где-нибудь в малотиражных изданиях, полузакрытых кинотеатрах и клубах, «элитных» кафе и дачах меценатствующих «социалистических предпринимателей». Но зачем же давать им широкую, едва ли не монопольную трибуну? Разве не ясно, что через прошлое наносится прямой удар по настоящему, предпринимаются попытки подрыва основ Советского государства, разложения, подрыва, а затем и оттеснения от государственного руля Коммунистической партии?

Кое-кто «прагматически» рассчитывает перевести возросшее общественное недовольство и разочарование, особенно в кругах интеллигенции, на критику определенных, желательно отдаленных этапов нашего исторического пути. Только бы не замахивались на настоящее, не трогали сегодняшних проблем, не брались за конкретные, виновные в их обострении персоналии.

Наивные, надо сказать, расчеты. Это то же самое, что вручить озлобленному на всех и вся рецидивисту новенький автомат с несколькими дисками боевых патронов, «обязав» его стрелять только в тире и только по установленным мишеням. Но тир-то ему нужен для того, чтобы набить руку и приспособить к стрельбе глаз. А потом начать пальбу по живым целям, включая и тех, из рук которых был получен автомат. Гипербола? Увы, факт. Разве Ю. Афанасьев, М. Шатров, Р. Медведев, развязное и шумное племя грузинских, армянских, азербайджанских, прибалтийских «историков» не требуют во всеуслышание того, за что выступают самые злейшие противники социализма за рубежом? Разве не перещеголяли они по части охаивания нашего исторического пути, развенчания краеугольных социалистических ценностей и идеалов «Голос Америки», «Немецкую волну» и даже «Свободу», других «истинных друзей социализма и перестройки» за рубежом? Но тут я слышу

грозный хор возражений и обвинений, на которые, разумеется, «нет реальной альтернативы». Какой же выход? Снова запрещать, сажать, «решительно» осуждать? Возвращаться к застойным временам с их «тесным сплочением» и «единодушной» поддержкой?

Выход в том, чтобы безбоязненно, смело посмотреть правде в глаза, отбросив новые, но уже доказавшие свою негодность стереотипы. И не шарахаться из одной крайности в другую. Крайности, которые настолько вошли в нашу плоть и кровь, что вопросы у нас не научились задавать иначе, как с или — или, то есть «жестких», «черно-белых» позиций.

Сейчас средства массовой информации, кино, театр заняты в основном разоблачительно-разрушительной работой, «расчисткой почвы», как элегантно выразился один из «прорабов». Но, во-первых, старое зачастую «сметается» подчистую вместе с ценным и полезным. И во-вторых, новое-то не создается. Нельзя же всерьез считать этим новым старые мелкобуржуазные воззрения, несостоятельность которых показал еще Ленин, или «голый» «зряшный» скептицизм и нигилизм, которые скорее дезорганизуют, расхолаживают, чем мобилизуют, настраивают на борьбу. Подчас складывается впечатление, что у нас предпринимается уникальный в мировой истории эксперимент. Государство само себя разлагает и разрушает, сдавая одну за другой позиции людям, которые не скрывают своих намерений поставить все вверх дном. Вряд ли это делается намеренно. Расчет, видимо, на то, что сознательное большинство, используя демократические рычаги, рано или поздно одернет экстремистов и наведет порядок. Но если эта ставка явно не срабатывает, а, напротив, ведет к дальнейшему ухудшению и обострению, то надо же делать выводы. Пока не поздно.

При этом неплохо вспомнить и о том, что искусство, «вырвавшееся» из-под партийного контроля, неизбежно порождает массовую культуру и «элитарность». Эти две «силы и традиции старого общества», друг друга обуславливающие и питающие, не только способствуют массовому оболваниванию и разложению народа, но создают совершенно невыносимую обстановку для проявления подлинно одаренных, честных, живущих высокими идеалами, а не стремлением «прошвырнуться в Ниццу» людей. Парадоксально, но факт: сейчас, в условиях полного отсутствия партийного контроля таланту, мастеру своего дела гораздо трудней пробиться и «выжить». Под фанфарный шум об «абсолютной свободе творчества» в искусстве почти повсеместно воцарилась воинствующая серятина, пошлятина, а то и прямое бесстыдство, серийные образцы которой лихо штампуют невежественные, малопрофессиональные ремесленники с мещанским кредо: «деньги, успех — это все».

Наивны надежды на то, что наши публицисты, актеры, писатели пресытятся «жареным» и грязным, устанут от тюремных камер, колючей проволоки лагерей, рева милицейских сирен и, образумившись, начнут наконец заниматься настоящим искусством. Выпячивание пошлости жизни разлагает душу художника. Особенно когда к тому подталкивает усиливающаяся коммерциализация искусства. Чтобы вырваться из этого грязного омута, одних призывов и увещеваний недостаточно, нужны жесткие, решительные меры. Если хотите, «твердая рука», без которой, увы, в далеко не идеальном мире еще долго не обойтись. Да, да, те самые запреты

и ограничения, одно упоминание о которых способно повергнуть нынешних радетелей «абсолютной» свободы в полуобморочное состояние.

Не будем лицемерить: запреты и ограничения существовали и существуют в том или ином виде во всех без исключения странах. И это вполне нормально и естественно. Любое общество, государство вправе защитить себя от беспардонной клеветы, подрывных акций, от посягательства на свои устои и основы, на общественную нравственность. Интеллектуальные «прорабы» восхищаются Западом, но умалчивают о том, что в последнее время в США, Великобритании, других капиталистических странах наметилась тенденция законодательного ограничения показа на теле- и киноэкранах насилия, жестокости, секса, моральной распущенности. И здесь «новаторы», добившиеся невиданного разгула в наших средствах массовой информации пошлейшей вседозволенности, плетутся в хвосте, ориентируют общество на вчерашний, позавчерашний день буржуазной демократии.

Впрочем, даже при этом разгуле все запреты и ограничения, к счастью, не исчезли. Только сейчас это делается робко, половинчато-трусливо, с оглядкой на то, что подумают и скажут обывательские кумушки в нашей стране и за рубежом. А надо говорить по-ленински твердо и решительно, открыто и гласно, не обращая внимания на истеричные запугивания «тоталитаризмом» и «цензорством» обозревателей «Огонька» и «Московских новостей», больших «друзей» социализма в Париже, Лондоне и Вашингтоне.

Твердость, естественно, может быть лишь средством, но отнюдь не целью и должна сочетаться с известной гибкостью и осторожностью. Если взять партийные издания, то здесь надо сохранить и даже расширить «плюрализм», свободу выражения мнений, отличных от официальной линии, в конституционных, разумеется, рамках, дать полную и беспрепятственную возможность выражения «полярных» суждений, особенно перед принятием крупных общегосударственных решений. Но в то же время резко поднять редакционную дисциплину, ужесточить требовательность и персональный спрос за нарушения и искажения партийной линии, решительно пресекая проповедь антисоветских, антисоциалистических, националистических взглядов и мнений, существенно расширив практику запретов и ограничений, цензурных «вырезок», «изъятий» и т. д. Одно другому не противоречит, скорее наоборот. В последнем случае речь идет о мнениях и суждениях, выходящих за допустимые рамки, ведущих к анархии и вседозволенности, в первом — о «плюрализме» внутри этих рамок, которые должны быть максимально широкими, разнообразными и гибкими. Конкретные их пределы, определяемые, естественно, партийным руководством, будут во многом зависеть от обстоятельств времени и места, от каждой темы, каждого отдельного случая. Но это уже вопрос повседневной политики... Впрочем, все это давно было высказано Лениным. Когда его стали обвинять в отрицании «абсолютной свободы абсолютно индивидуального идейного творчества», в подчинении коллективности такого тонкого, индивидуального дела, как литературное творчество, он дал такой ответ: «Успокойтесь, господа! Во-первых, речь идет о партийной литературе и ее подчинении партийному контролю. Каждый волен писать и говорить все, что ему угодно, без малейших ограничений. Но каждый вольный союз (в том числе и партия) волен также прогнать таких членов, кото-

рые пользуются фирмой партии для проповеди антипартийных взглядов. Свобода слова и печати должна быть полная. Но ведь и свобода союзов должна быть полная... Для определения же грани между партийным и антипартийным служит партийная программа, служат тактические резолюции партии и ее устав...» Яснее не скажешь. Плюрализм мнений должен быть полный, «без малейших ограничений», без закрытых для критики зон, которые, увы, все еще остаются, особенно что касается высших эшелонов партии, скажем, конкретной позиции по тому или иному вопросу членов Политбюро, разницы в их подходах. Но если у тебя партийный билет, ты обязан проводить линию, отвечающую Программе и Уставу партии, до тех пор, пока в них не внесены изменения. Если же у тебя другое мнение, то сначала выйди из партии, а потом свободно высказывай его...

А что получается у нас? Уже не отдельные коммунисты, а большинство членов парторганизаций, особенно в Закавказских и Прибалтийских республиках, выступают даже не с антипартийными, а с антисоветскими, антикоммунистическими лозунгами и призывами, и все это считается «неизбежными издержками»! Уже не отдельные партийные издания, а практически все средства массовой информации в ряде республик переходят в руки воинствующих националистов и экстремистов, и все это списывается на «временные трудности перестройки»!

Ленин требовал исключать из партии людей, которые недостаточно активно и умело проводят ее политику. Его ничуть не смущали ссылки противившихся этому, которые ссылались на «тяжесть обстановки», «необходимость сплочения и консолидации», «угрозу раскола» и т. п. Он постоянно и неуклонно очищал партию от балласта.

Устарели ли все эти ленинские положения? Отменены ли нынешний Устав, Программа партии, во многом основанные на них? Судя по официальным заявлениям, нет. Тогда почему, спрашивается, из партии не вычищают людей, которые своими словами и, главное, делами парализуют и разлагают ее организации изнутри, обрекают их на пассивность и бездействие, отталкивают от нее честных, преданных социализму людей? Почему не снимают, не заменяют руководство тех якобы партийных изданий, типа газеты «Советская культура», которые фактически работают против партии? Никакая организация не сохранит необходимой боеспособности, энергии, динамизма, просто не выживет, если будет терпеть в своих рядах людей, которые взрывают ее изнутри.

Ленинизм — наше мощное оружие, не устают повторять с высоких трибун. Верно. Когда его пускают в ход, а не держат в заржавленном состоянии на покрытых застойной пылью складах...

Конечно, все вышесказанное относится к партийным изданиям. Что касается тех, которые партии не принадлежат, здесь «свободы» и гибкости, естественно, должно быть побольше, но отнюдь не в абсолютных и бесконтрольных размерах, ибо, как известно, жить в обществе и быть свободным от общества невозможно. Другое дело, что издания творческих союзов, общественных организаций, различных групп должны иметь полное право выражать свою, отличную от официальной партийной линии позицию по актуальным вопросам и, если это отражает настроения широкого круга их читателей, критиковать такую линию. Тем более что в ходе подобной критики могут прозвучать конструктивные, конкретные и деловые предложения, которые, естественно, необходимо учитывать. Но и здесь есть определенные пределы, выход за которые принес бы (и приносит) куда больше вреда, чем пользы.

Плюрализм должен ускорять продвижение вперед, а не блокировать его. А это значит, что наряду с различными вариантами и альтернативами должна быть ведущая единая линия, которую и обеспечивает партийное влияние, контроль, как путем выбора наиболее приемлемых предложений, так и недопущением того, что мешает реализации избранного курса. Это в полной мере относится и к сфере идеологии, к искусству, где партийный контроль состоит в основном в выявлении и поддержке всего талантливого, передового, но не исключает и применения запретов к антихудожественным вещам. Хотя бы для того, чтобы защитить таланты от бездарностей, мастеров от халтурщиков, творцов высокого и истинного от производителей серого и посредственного, которые, как известно, куда лучше умеют обделывать свои личные дела.

Спору нет: определенная опасность того, что неверный запрет, ограничение может «забить» ростки нового, перспективного, имеется. Но в любом полезном деле без издержек не обойтись. Важно свести их к минимуму. А этого можно добиться, во-первых, преданием гласности имен инициаторов запретов, их мотивов и аргументов и, во-вторых, безусловной персональной и весьма строгой ответственностью за принятие ошибочного решения.

«Социализм разваливается, партия агонизирует», — уверяет нас отечественный и зарубежный мещанин. Не спешите, господа! Обратитесь к хваленому «здравому смыслу», который вам явно изменяет. Ведь и капитализм, буржуазные партии не раз переживали острейшие кризисы, и никто из трезвомыслящих людей не призывал из-за этого вернуться к феодализму или рабовладельческому строю. Да, положение тяжелое, еще более трудные испытания впереди. Но их можно и нужно преодолеть. Восстановление ленинских норм и принципов партийной и государственной жизни — вот что выведет социализм из кризиса, позволит нашей великой стране уверенно и быстро двинуться вперед. И главные из них: радикальный поворот партии в сторону рабочего класса, ее последовательная демократизация, решительная чистка от пассивных, инертных, обывательски настроенных членов партии.

«Партийная борьба придает партии величайшую силу и жизненность, величайшим доказательством слабости партии является ее расплывчатость и притупление резко обозначенных границ, партия укрепляется тем, что очищает себя» — эти слова, поставленные Лениным эпиграфом к своей программной работе «Что делать?», набатным призывом звучат и в наши дни. Ведь партия — это политический авангард, своего рода локомотив, обеспечивающий продвижение вперед всего общественного состава. А чтобы вести за собой класс, массы, она должна в политическом, идейно-нравственном, научном отношении стать на порядок выше их...

И конечно же, сейчас, как никогда ранее, партии остро необходимы лидеры, умеющие эффективно работать, а не только опьянять себя и других красивыми фразами, руководители, способные широко и смело выдвигать на решающие посты самостоятельно мыслящих, талантливых людей. Время болтунов прошло. Наступила пора людей дела.

●

Публикация В. Зазнобина «Концептуальная власть: миф или реальность?» («МГ», № 2 за 1990 г.) вызвала немалую почту. Читатели как бы всматриваются, анализируют ситуацию в стране, которая слишком уж явно не соответствует многим официальным, да и «неформальным» объяснениям. Отозвался на статью и известный писатель Иван Шевцов. В его работе говорится о вещах конкретных и понятных, но по сей день остающихся в тени. Предлагаем ее вашему вниманию.

Иван ШЕВЦОВ

КТО СЕЕТ ВЕТЕР...

Что с нами происходит? Что случилось с нашей страной — великой и гордой державой, спасшей мировую цивилизацию в смертельной схватке с фашизмом? Куда идет она и ее почти трехсотмиллионный народ?

Эти тревожные, горестные вопросы сегодня звучат в рабочих коллективах и крестьянских семьях, на собраниях творческих союзов и в лабораториях НИИ. И с особой силой и болью звучат они из уст ветеранов войны и труда, к голосу которых присоединяются их наследники, их совесть и надежда — парни, опаленные Афганистаном. «Куда ведет нас Горбачев?» — кричит заголовок газеты «За коммунизм» (Щелково Московской обл.). Ответ не слышен за шумом многочисленных телевизионных и газетно-журнальных «откровений».

Идут циничные, разнузданные атаки на Советскую Армию — «непобедимую и легендарную, в боях познавшую радость побед». Диссиденты, бежавшие за рубеж в застойные времена в поисках красивой жизни, сегодня уже не через «зарубежные голоса», а со страниц отечественной прессы, с теле- и киноэкранов, с театральных подмостков оплевывают бессмертные подвиги мертвых и живых, поливают помоями омытые благородной кровью знамена полков и дивизий.

«Психологическая наука приравнивает армейское сообщество к тюремному», — читаем в журнале «Век XX и мир». А как же с защитой Отечества? Но у автора этих строк, вне всякого сомнения, своя «позиция». «На чьей стороне будут наши вооруженные силы, если противники перестройки начнут открытую борьбу за реставрацию старых порядков?» — задает провокационный вопрос Нуйкин. В прессе с нападками на армию подключились и некоторые депутаты. Когда я слушал выступление Г. Арбатова на Втором съезде народных депутатов СССР, мне казалось, что он говорит от имени и по поручению Пентагона, вбивая клин между солдатами, офицерами и высшим командованием.

Идут беспрестанные, хорошо спланированные атаки на партию с тайной, а иногда и явной целью захватить власть и создать свой аппарат наподобие троцкистского.

Я — ветеран партии и войны — хочу разобраться в происходящем и ответить на вопросы, поставленные в самом начале этой статьи. Ответить для самого себя, для моих друзей-фронтовиков: Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Григория Федоровича Самойловича, в батальоне которого было двенадцать Героев Советского Союза; кавалера ордена Славы Анатолия Ивановича Борисова, прошедшего огненными дорогами всю Прибалтику, участника освобождения Риги от фашистов; народного депутата Виктора Яковлевича Азарова — комиссара, возглавлявшего контратаки наших солдат у стен Москвы в суровую зиму 41/42-го года.

Чтоб разобраться в настоящем, я хочу хотя бы бегло оглянуться назад, в прошлое, в которое с таким азартом стреляют «Московские новости», «Аргументы и факты», «Огонек», «Советская культура», «Юность», «Комсомольская правда» и большинство комсомольских периодических изданий.

Вспоминаю предвоенные годы. Подвиги пограничников, завоевание Северного полюса. Иван Папанин, Валерий Чкалов, Михаил Громов. Мы, сельские мальчишки, восхищались ими, жили с крылатой мечтой. Страна напрягалась в трудовых буднях, голодная, раздетая, полунищая, охваченная энтузиазмом и верой в будущее, в «светлые горизонты», над которыми уже сгущались грозовые тучи. Первые раскаты военного грома прозвучали на Востоке, у озера Хасан и на Халхин-Голе. На Западе разбойничал Гитлер и полыхала в огне, истекая кровью, польская земля. Огонь войны докатился и до наших границ; в суровую зиму 1940 года мне, 19-летнему лейтенанту, только что окончившему военное училище погранвойск, довелось командовать взводом на финском фронте. В середине марта на советско-финской границе установился мир, оплаченный кровью с обеих сторон. Я принял погранзаставу на новой границе — на Карельском перешейке. А летом того же года я и мои товарищи по финской войне оказались уже на Дунае и Пруте. Был начальником пятой заставы 79-го погранотряда. Незадолго до нападения Гитлера — повысили, назначив помначштаба по боевой подготовке. В пятницу двадцатого июня 1941 года я проверял огневую подготовку первой заставы, которой командовал опытный пограничник, кристально честный коммунист-патриот, обаятельный человек старший лейтенант Александр Плотников...

В ночь с субботы на воскресенье 22 июня началось гитлеровское

вторжение, пограничники первыми приняли на себя чудовищный удар стали и огня. В половине четвертого утра в штабе нашей погранкомендатуры по телефону было принято донесение с первой заставы: переправившиеся на наш берег фашисты контратакой пограничников отброшены за Прут, помещение заставы горит. В первом бою погибли начальник заставы Плотников и пограничник Птушкин, политрук Фесенко взят в плен. На этом телефонная связь оборвалась. Заместитель коменданта участка капитан Сорокин приказал мне немедленно скакать (на лошади, конечно) на первую и принять комендование.

Ночью мы похоронили коммуниста Плотникова и беспартийного Птушкина. А на другой день, отразив очередную попытку неприятеля форсировать Прут, я написал заявление о приеме в партию коммунистов. Александр Плотников был для меня примером честного служения Родине, точно так же, как годом раньше в снегах Финляндии я брал в пример себе моего командира роты коммуниста Дмитрия Миновича Якубенко, которому в 1990 году исполнится 90 лет.

Недавно я получил от него письмо: объясни, что происходит? Почему благородное дело перестройки сопровождается такой житейской мерзостью, как преступность, нравственное и духовное разложение, проституция, наркомания, жестокость и аполитичность молодежи? Почему диссидентов венчают лаврами гениев, а подлинные таланты травят в печати и на телевидении? Кто разжигает националистические страсти в Прибалтике, Закавказье, в Молдавии и других регионах? Что из себя представляет так называемая «межрегиональная группа» Верховного Совета СССР и чего она добивается? Как и почему возникли проблемы русофобии, сионизма и кто за всем этим стоит? Каким образом кооперативное жулье ухитрилось за короткий срок присвоить миллиарды рублей, то есть украсть их у народа? Кто допустил или позволил тем же кооператорам под видом металлолома продать за рубеж 12 новеньких, с полным вооружением танков? И вообще, думал ли о последствиях тот, кто открыл кооператорам ворота за рубеж?

Десятки, сотни, тысячи вопросов, в каждом из которых звучит тревога за судьбу Отчизны, за будущее наших детей и внуков. И я ищу ответы на эти вопросы в бурном, а часто в мутном потоке информации, ежедневно обрушивающемся на наши головы.

Я задаю эти вопросы Г. Ф. Самойловичу.

— Сложно это и в то же время просто, — угрюмо отвечает генерал. — Просто потому, что и ты и я твердо знаем: к перестройке примазалась хорошо организованная, вышколенная шайка авантюристов, решившая на волне гласности и демократии установить власть торгашей-кровопийц с их волчьей моралью. А сложно потому, что не могу понять, почему на все это безобразие со спокойствием взирают «верхи», словно их не касается ни судьба партии и Советской власти, ни судьба народа и Отечества.

Анатолий Иванович Борисов говорил еще резче:

— Перестройка выплеснула на поверхность такую ядовитую мерзость, для которой ничего святого в жизни нет. Наследники Троцкого, алчные и жестокие, ненавидящие все русское, советское, патриотическое, внуки тех, кто с бесовским наслаждением взрывал храмы, расказачивал и раскрестьянивал деревню, сеял повсюду ужас и смерть, сейчас лезут в пророки и летописцы нашей отечественной истории, дурачат молодежь, превращая наших

детей в жестоких животных, наркоманов, насильников и убийц.

Правомерен вопрос кандидата технических наук В. Зазнобина («МГ», № 1): «Случаен или закономерен итог 30-летнего периода нашей истории, поверхностно называемого застоем, в течение которого страна, располагавшая богатейшими материальными и интеллектуальными ресурсами, фактически стала сырьевым придатком Запада?..» Именно поверхностно скользит наша пресса по времени брежневского правления, не желает поглубже рассмотреть его. Только ли это «застой» и был ли он стихийным явлением или сотворенным преднамеренно, с далеко идущими стратегическими целями, плоды которых мы пожинаем сегодня? Как и чьими руками могущественная держава превращена в экономическое и духовное болото? Когда и кто остановил ее развитие? В чьих это было интересах? Вспомним ближайших советников Брежнева, щедро одаренных «несгибаемым ленинцем» за оказанные ему услуги званиями академиков, героев, лауреатов: Г. Арбатова, Е. Примакова, Т. Заславскую, П. Бунича, А. Чаковского, В. Коротича, Г. Боровика, А. Беляева и прочих, которые из «прорабов застоя» быстро переметнулись в «прорабы перестройки». Случайно ли это? Как бы не так! Все было тщательно продумано, взвешено, рассчитано на новейших компьютерах. Антисоциалистические силы хорошо помнили прежний девиз: «Кадры решают все!» И эти кадры экономических и политических советников и руководителей средств массовой информации подбирались с учетом их идейно-политической платформы, известной по временам застоя.

Были ли «наверху», в окружении Брежнева в Политбюро, руководители крупного масштаба, которых, как и простых смертных, коробила, вызывала протест и чувство стыда атмосфера, которую сегодня назвали «застоем»? Были. Но «несгибаемый» с помощью «серого кардинала» Суслова — фигуры чудовищной в нашей партии — отстранял их от руководства. Одних, как Д. С. Полянского, отправлял послами, других, как А. Н. Шелепина, — на второстепенную работу, третьих, как Г. И. Воронова и К. Т. Мазурова, — на пенсию.

Я нисколько не покривлю душой, если скажу, что большинство из нас мечтали о коренном изменении в жизни страны, о ломке той порочной системы, при которой на смену одному культу личности приходит другой с претензией на пожизненное «царствие». Мы мечтали о подлинном народовластии, о демократии и гласности, о серьезной экономической реформе, о научном прогрессе на уровне передовых государств. Вот почему начатая партией перестройка была встречена народом с искренним одобрением и надеждами. Оправдались ли эти надежды и чаяния?

К предстоящим переменам еще в застойные годы готовились и враждебные силы, готовились серьезно, расчетливо, со стратегической целью захвата власти и демонтажа социализма. Особое внимание уделялось вопросу межнациональных отношений. Главная роль ударного отряда возлагалась на международный сионизм и его мощную агентуру в нашей стране. Присмотритесь повнимательней, кто «аккумулирует» русофобию, антисоветчину в Молдавии, в Прибалтийских республиках? Люди, явно не представляющие коренное население. Еще в застойное время они устанавливали тесные связи со своими зарубежными «братьями», получали от них поддержку и покровительство под видом «культурных контактов». В антисоветских центрах и спецслужбах Запада подвизались быв-

шие граждане СССР, эмигрировавшие из страны, народ которой они открыто презирали. Заполняя многочисленные НИИ, учреждения культуры и науки, они не только не способствовали техническому и культурному прогрессу, но преднамеренно, целеустремленно препятствовали ему, исповедуя принцип «чем хуже, тем лучше». Подбрасывая различные «идеи», они доводили их до абсурда и за это получали звания академиков, Героев Соцтруда, лауреатов, народных и заслуженных из рук Брежнева и его коррумпированной просионистской мафии. Так были подброшены «научные» идеи о повороте сибирских рек, о бесперспективности российских деревень, о повальной мелиорации и т. п. Искусственно, запрограммированно создавался застой в экономике, страна в ущерб будущему хищнически разбазаривала свои природные ресурсы, в том числе и невосполнимые, убаюканная безответственным демагогическим заявлением о неисчерпаемости наших природных богатств.

В тиши подмосковных дач и в зарубежных кабинетах сочинялись фальсифицированные «исторические» опусы, предназначенные заполнить «белые пятна», создавались «художественные» произведения, чернящие нашу историю, с явно русофобским душком, разные Чонкины, «Жизнь и судьба», замешанные на полуправде «Дети Арбата», воспевающий предательство «Зубр», «Дальше, дальше...» и тому подобные. Они ждали своего часа.

Но для того чтобы заставить людей принять черное за белое, чтоб манипулировать общественным мнением, необходимо завладеть средствами массовой информации. «Операция» была проведена на стыке «застоя» и перестройки. И когда партия на Пленуме ЦК объявила о перестройке, ученые-академики, писатели, журналисты из ближайшего окружения Брежнева, его советники объявили себя «авангардом» революционного обновления общества.

Телеэкраном безраздельно, как собственной, домашней персональной телекамерой, в те первые годы перестройки пользовались Алла Пугачева и Валерий Леонтьев, Е. Евтушенко и А. Вознесенский, В. Коротич и Г. Боровик, М. Шатров и М. Ульянов, Г. Арбатов, Е. Примаков и их единомышленники.

Любая мафия, будь то итальянская, американская или советская, обладает секретом непотопляемости, тайной живучести. Вспомним руководителя итальянской масонской ложи П-2 Джелли. Он прошел головокружительный путь через полицейские, судебные, юридические рогатки, где простой уголовник был бы пожизненно упрятан за решетку. А Джелли остался цел и невредим. Брежневская мафия, разграбившая и разорившая страну, сумела не только сохраниться, но и внедриться в авангард перестройки.

А что общественность? Спокойно взирала на идеологическую «бесовщину» (выражение кинорежиссера С. Ф. Бондарчука)? Нет, конечно: возмущалась, протестовала. Изредка ее протесты прорывались на страницы «Правды» и «Советской России», «Нашего современника» и «Молодой гвардии». Но неизменно они получали издевательскую, высокомерную отповедь со стороны дипломированных, «знаменитых авторитетов» — покровителей «новой», «современной» культуры.

Читатель Н. Донцов («Советская Россия» от 3 декабря 1989 г.) спрашивает: «Вы пишете, что речь идет о вырождении народа. Русского народа, так как распространение массовой культуры и рока характерно для России... Все это правильно. Но почему вы

не пишете, **кто** это делает? Почему вы не пишете, **кому** это нужно и выгодно?»

Вот именно: делает это тот, кому выгодно. А выгодно это тем, кто хотел бы превратить нашу страну в сырьевой придаток международных картелей, заменить социализм капитализмом. Но ведь Н. Донцов хочет знать конкретно: «Кто?» И если уж не имена каких-то враждебных социализму личностей, то организации, силы, кланы. Но пресса наша на этот счет молчит.

Одни молчат, потому что сами и есть те враждебные социализму силы. Другие — из опасения накликать на свою голову ненависть и гнев, быть заплеванными, залепленными страшными ярлыками вроде «фашист», «черносотенец», «антисемит». Как это ни странно, о сионизме у нас и при гласности говорят шепотом. И это несмотря на то, что ООН определила сионизм как форму расизма и расовой дискриминации.

Впрочем, уже были попытки ревизовать решение ООН. Я имею в виду выступление перед активом Черемушкинского района Москвы члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС А. Н. Яковлева. Отвечая на вопрос из зала, он сказал: «Относительно сионизма. Есть тут (это моя точка зрения) определенное непонимание. Есть ведь сионизм религиозный, и я думаю, он может иметь право на существование. Таковы традиции... Если говорить о религиозном сионизме, то, как к любой традиции, к нему надо отнестись с уважением... Есть сионизм политический, и отрицать этого нельзя. Но я бы не стал говорить так, как у нас иногда бывает: что бы ни было связано с Израилем — это сионизм... А вот что касается антисемитизма, так это есть... Поэтому, когда меня спрашивают о сионизме и масонстве, я бы, как русский человек, скорей бы говорил не о сионизме. О сионизме пусть говорят евреи. Я бы скорее предпочел говорить об антисемитизме».

Какие изящные словесные кружева! Значит, религиозный сионизм хорош? (Это тот, который объявляет евреев богоизбранным народом! Но это же другая сторона гитлеровской медали, обыкновенный расизм, что дало основание ООН назвать сионизм формой расизма и расовой дискриминации!) А что такое политический сионизм? Да это же «религиозный» сионизм на практике. И не только на оккупированных землях Палестины. Хотелось бы спросить Александра Николаевича: а какой у нас, в СССР, сионизм? Да не смею: не советует т. Яковлев не только бороться с сионизмом, но даже говорить о нем. Вот об антисемитизме — пожалуйста, говори сколько хочешь. О сионизме пусть, мол, говорят евреи. А они не хотят говорить, им недосуг, потому что на всех перекрестках, вопреки советам Александра Николаевича, вопят об антисемитизме.

Кстати, о масонстве. В том же выступлении в Черемушкинском районе, отвечая на вопрос: есть ли в нашей стране масоны, т. Яковлев сказал: «Насчет масонов я твердо скажу, что нет... Из листовок, которые распространяют и которые мне присылают, руководителем масонской ложи в Советском Союзе являюсь я. Но я вас хочу заверить, что такого нет». И вдруг ТАСС сообщает, что 10 апреля с. г. в Праге на пресс-конференции гроссмейстер масонской ложи «Большой ориент Франции» Жан Робер Рагаша признал, что в Польше «существует тайная масонская ложа. Отдельные члены великой масонской ложи есть и в Советском Союзе».

Уместно напомнить слова Георгия Димитрова о масонах: «Часто общественность удивляет, что известные государственные деятели быстро и совершенно необоснованно на вид меняют свои позиции по весьма существенным вопросам относительно нашего государства и нашей нации или говорят одно, а делают совсем противоположное.. Указанные деятели, как члены масонских лож, обыкновенно получают внушения и директивы от соответствующей ложи и подчиняются ее дисциплине вразрез с интересами народа и страны...»

По сути дела, в наше время угроза бытию человечества исходит из трех источников: ядерной войны, экологической катастрофы и духовного растления, деградации человека. Если люди всей земли осознали реальность ядерной угрозы и объединенными усилиями отодвинули этот дамоклов меч, если они в последнее время всерьез и в глобальном масштабе намерены заняться решением экологических проблем, то третий источник смертельного зла, нависший над человечеством, остается почти без внимания. А, как известно, в стратегических планах сионистов духовное растление целых народов и наций с последующим закабалением их занимает главенствующее место. Давно известно, что самая страшная опасность та, с которой не борются. Сионисты же делают все возможное и невозможное, чтобы, парализовав народы клеймом «антисемитизма», лишить их воли к активному сопротивлению, воли к борьбе за свою жизнь, сделать из них безропотных рабов, гоев.

Мы позволили растлить целое поколение. Мы не молчали, мы возмущались и протестовали, и не только вчера, но и в годы хрущевского произвола и брежневского застоя. Но чего нам это стоило! Сошлюсь на собственный «опыт». В 1970 году вышли в свет два моих новых романа «Во имя отца и сына» и «Любовь и ненависть». Романы эти вызвали большой отклик читателей, меня буквально захлестнул поток писем с благодарностью за правду, за то, что я вскрывал негативные явления времен Хрущева и Брежнева. Ведь нравственное и духовное растление начиналось уже тогда, в 60—70-е годы. Трубадуры волюнтаризма и застоя осыпали меня муссированными залпами со страниц газет и журналов. Не упустил случая сказать свое слово и один из тогдашних руководителей отдела пропаганды ЦК КПСС А. Н. Яковлев. В статье «Против антиисторизма», опубликованной в «Литературной газете», он удостоил меня одной фразы: «истерические писания Ивана Шевцова». Имелись в виду романы «Любовь и ненависть» и «Во имя отца и сына», которые, кстати, вышли в свет вторым изданием в трехтомнике «Избранное» в 1989 году. Мои романы были названы истерическими. Это был смертный приговор. На многие годы мне был закрыт выход к читателю. А ведь, между прочим, в романе «Любовь и ненависть» речь идет и о наркомании среди молодежи, и о проституции, и о начинавшей тогда свои первые шаги организованной преступности. Все это критики объявили клеветой на советскую действительность. Недавно я получил из Тулы читательское письмо от ветерана войны и труда Ф. М. Великородного, в котором есть и такие строки: «Читаю «Любовь и ненависть» и удивляюсь, как вы были правы двадцать лет тому назад. Как будто вы все предвидели. Все те общественные язвы, которые вы обнажали тогда и за которые вам сильно досталось, сегодня расцвели буйным чертополохом».

Если меня Александр Николаевич задел лишь одной, пусть и

ядовитой фразой, другим известным русским писателям-патриотам досталось в той статье куда больше.

Здесь нет необходимости цитировать его статью. О ней подробно и убедительно рассказал Ст. Куняев на страницах «Московского литератора». Замечу лишь, что то выступление Александра Николаевича в «Литературной газете» вызвало справедливые протест и возмущение М. А. Шолохова и других патриотически настроенных деятелей культуры. Я не собирался вспоминать об этом весьма неприятном и обидном для меня эпизоде, как говорится, дело прошлое. Тем более, я рассуждал так: в конце концов т. Яковлев в силу своего служебного поста обязан был выискивать и клеймить «клеветников советской действительности». Несмотря на свой высокий в то время пост, он все же ходил под началом главного идеолога Суслова, которого в партийных кругах называли «серым кардиналом»... Но вот в конце ноября 1989 года смотрю я по телевидению интервью с т. Яковлевым: Александр Николаевич уже «самостоятельно» решительно берет под защиту средства массовой информации, которые слывут в народе духовными растлителями, фальсификаторами истории, распространителями нравственного СПИДа. «Не надо убивать гонцов, приносящих дурные вести», — сказал т. Яковлев, имея в виду такую печать. Сказано красиво. И дело даже не в крылатой фразе, дело в принципе, в собственной позиции, следовании своим убеждениям, даже если они не совпадают с мнением своих товарищей по руководству.

Я имею в виду выступления и на Пленумах ЦК, и на совещании (июль 1989 г.) в ЦК КПСС партийных руководителей высшего ранга. Вот только некоторые:

Н. И. Рыжков: «Особенно следует выделить крупные просчеты в идеологической области. Инертность соответствующих отделов и секретарей ЦК партии в этой важнейшей сфере партийной деятельности ведет к тому — и это надо прямо сказать, — что происходит все большая деидеологизация партии».

Е. К. Лигачев: «...формируются оппозиционные антиперестроечные политические организации со своими печатными изданиями».

Л. Н. Зайков: «Идет безоглядная пропаганда западных ценностей... Есть темные силы, которые, спекулируя на лозунгах перестройки, сплачиваются на основе национализма, коррупции, антисоветизма».

В. И. Воротников: «В прессе должны работать люди, на которых можно опереться».

Т. М. Азизов, генеральный директор объединения «Азербайджан»: «Пресса бесчинствует. Пора наконец прекратить это безобразие. Надо строго спросить с секретаря ЦК, ведающего вопросами идеологии».

Но, как видно, никто не смеет тронуть «гонцов», посланиых А. Н. Яковлевым с целью весьма определенной: не вести дурные вести, а дела дурные творить. И антиперестроечные средства массовой информации массированно и стремительно, словно боясь, что им вдруг помешают, сеют ядовитые плевелы духовного растления. Они внушают нашим гражданам мысль об их неполноценности, ничтожестве, прирожденном рабском инстинкте. Даже люди со стороны, зарубежные граждане, поражены и искренне огорчены нашей покорностью злым, разрушительным силам.

Меня до глубины души взволновали слова японского ученого-экономиста Тадао Маримото, обращенные к гражданам нашей

страны: «Главное для России — сбросить с себя психологическую тяжесть. Вы сейчас угнетены апокалипсическим видением своего положения. Шок от массива негативной информации, которую прямо-таки с упоением обрушивают руководители, экономисты, пресса, обезоруживает, лишает возможности трезво обсудить и отыскать реальные пути выхода из кризиса. Русские, почему вы забываете, что Советский Союз — могучая держава? У вас есть все, никто не может сравниться с вами по природным богатствам. За несколько десятилетий вы создали мощную индустрию, гигантское число заводов, электростанций. Не забудьте этого. Экономическую стратегию спасения должны выводить не из комплекса неполноценности, а строить от уровня могучего российского потенциала».

Разве можно без волнения, без душевного трепета читать эти искренние слова, сказанные доброжелательным соседом, которому со стороны видней, что мы творим в своем собственном доме, оболваненные, подавленные гипнозом прессы?

Будем откровенны: заняв в начале перестройки ведущий идеологический пост в партии, А. Н. Яковлев тотчас же разослал своих «гонцов» едва ли не во все средства массовой информации: Коротича в «Огонек», Беляева в «Советскую культуру», Бакланова в «Знамя», Севрука и Сырокомского в «Известия» и т. д. Тов. Яковлев знал идеологическую платформу этих журналистов по их деятельности во времена застоя, знал как своих единомышленников. Не потому ли все попытки критиковать деструктивные действия средств массовой информации на Пленумах ЦК, на всевозможных совещаниях уходили в песок? А тем временем обстановка в стране накалялась, и к началу текущего года этот накал дошел до предела.

Такой активности «радикалов», как в Верховном Совете СССР, не знает, пожалуй, ни один парламент мира. Как рядовой избиратель я с интересом слежу за работой Верховного Совета СССР. Многое радует, многое огорчает. В том числе и то, что депутат, за которого я голосовал, Б. Н. Ельцин, не оправдал моих надежд. Мне даже неловко за него. Его поведение в США, то, что я смотрел по телевидению, вызывало чувство стыда. Что же касается последующих «событий», связанных с Б. Н. Ельциным после его возвращения из США, его загадочное «купание» (то ли в Москве-реке, то ли в дачной луже) и охотничье вранье о нападении каких-то таинственных злоумышленников, то они выходят за пределы таких понятий, как честь и совесть. В подобных «историях» в стране, где над гладью вод возвышается так очаровавшая советского парламентария статуя Свободы, тамошние парламентарии молча подают в отставку и навсегда оставляют политические подмостки. Жаль, что депутат Ельцин не позаимствовал этот опыт американской демократии, а его коллеги-депутаты не напомнили ему об этом.

Пестра «радикальная группа» по своему составу. Хотелось бы сказать особо еще об одном руководителе «радикалов» — Г. Х. Попове. Можно поражаться и завидовать энергии и активности Гавриила Харитоновича и тому, сколь решительно он призывает своих сторонников брать власть в свои руки. Прямо как Троцкий в семнадцатом году. Мне только неясно, у кого отбирать власть собирается руководитель «радикалов»? У Горбачева, Рыжкова или у Политбюро? Гавриил Харитонович — давнишний кумир

«гонцов, приносящих дурные вести». Они прямо-таки проходу ему не дают, наперебой предлагая страницы своих изданий. А телевидение — то, кажется, прикомандировало к нему личного, персонального репортера. Вообще надо отметить, что у «радикалов» и «гонцов» неразрывная дружба. К сожалению, в ущерб плюрализму. Помню, как в начале перестройки на страницах журнала «Знамя» Гавриил Харитонович на пару с внуком Хрущева Н. Аджубеем предлагали учредить повсеместно в городах и весях национальные землячества со своим фондом, свободным от любого контроля, со сборищами по субботам. (Субботу предлагалось сделать для учащихся выходным днем.) Тогда же в «Нашем современнике» Герой Советского Союза генерал-лейтенант Самойлович спрашивал: «Кому и зачем нужны национальные землячества?» Ответа не последовало. А вскоре он стал ясен, как для Попова с Аджубеем, так и для Самойловича. Тем более что после этих публикаций в Прибалтике, Закавказье и других регионах страны начались смуты на межнациональной почве. Там уж речь пошла шире, чем о землячестве.

На одном из митингов, организованном «радикалами» в Московском Доме кино, безапелляционно утверждалось, что депутатское меньшинство, то есть «радикалы», выражают волю большинства народа. А кто считал? Референдума, как мне помнится, на этот случай не было. Хотя для «радикалов» это не вопрос: можно спросить депутата Т. И. Заславскую, она как специалист даст нужный ответ. И сведения ее будут «точны». Вот ведь в день открытия Первого съезда, в самом начале, т. Заславская — да, да, та самая, которая во время оно доказывала бесперспективность русских деревень, — сообщила съезду о жестокой расправе милиции над мирными демонстрантами. Но эти «достоверные» сведения почтенного депутата-академика тотчас же опроверг министр внутренних дел В. В. Бакатин: никто никого не избивал, и уважаемого депутата, мол, кто-то бессовестно обманул. Ну и она, в свою очередь... Вот таковы методы и способы социологических исследований академика Т. И. Заславской. Одно слово — академик!

Было бы несправедливо не сказать еще об одном лидере «радикалов», пожалуй, самом «радикально-агрессивном» — «историке» Ю. Афанасьеве. Для этого депутата не существует уж вовсе никаких норм приличия в достижении своих амбициозных целей. Для него все средства хороши: и истерические призывы «спасти демократию и Горбачева», и ультиматумы Верховному Совету и правительству с угрозой организовать всеобщую политическую забастовку, с идеей создать в недрах народных депутатов политическую оппозицию, что не ново: Ю. Афанасьев тут следует методам своих «родственников» — Троцкого и Каменева. А уж они-то были непревзойденными мастерами всевозможных блоков. Читатель, наверное, помнит и «государственную щедрость» Ю. Афанасьева, пообещавшего японцам отдать два советских острова Курильской гряды. Как «историк» (Ю. Афанасьев не имеет собственных исторических трудов) он, очевидно, узнал, что в свое время русский царь продал Америке Аляску, и решил тоже распорядиться территорией страны в целях приобретения популярности. Царь-то продал, хотя и продешевил, а Ю. Афанасьев решил даром отдать, даже не спросив при этом своих избирателей, которым можно только посочувствовать.

Наши «радикалы» еще называют себя «интеллектуалами». И дей-

ствительно депутатская группа «радикалов» состоит преимущественно из представителей интеллигенции. Или, как заявил с трибуны съезда известный врач-глазник С. Н. Федоров, депутатский корпус состоит из «умных и дураков». Себя Святослав Николаевич, естественно, зачислил в разряд умных. Сказано не слишком «интеллигентно», но зато характерно для «интеллектуалов». Конечно, в уме С. Н. Федорову не откажешь. Не всякий может стать мультимиллионером даже в наше смутное время кооператорского грабежа. И нельзя не согласиться с бывшим председателем Моссовета В. Сайкиным, который с трибуны февральского Пленума сказал: «Предприятия с тяжелыми условиями труда, металлурги, сталевары платят налоги государству, чтобы товарищ Федоров и его коллектив получали зарплату в три раза больше по сравнению с другими лечебными учреждениями. Это безобразие! Экономическое безобразие». Но Святослав Николаевич так не считает. Что же касается депутатского такта, то по этому поводу народный депутат академик А. Лагунов в своем интервью для «Правды» (7 августа 1989 г.) сказал: «Из-за манеры некоторых депутатов дискутировать мы все, видимо, не раз испытывали чувство неловкости. Самое прискорбное, что именно представители интеллигенции (подчеркнуто мной. — И. Ш.) частенько задавали неверный тон, не стесняясь в хлестких эпитетах, бездоказательных выпадах».

Тревога за судьбу перестройки, за судьбу Отечества прозвучала почти у всех выступающих на февральском Пленуме ЦК.

«Товарищи! Что ж это творится, как не экономическое безвластие? Диверсия?» — с гневом воскликнул член Политбюро В. Ивашко. И он, конечно, прав, только после слова «диверсия» нужно было поставить восклицательный знак. Примеры, которые приводил первый секретарь ЦК КП Украины, ошеломляющи. Кооператорский «спрут» запустил свои ядовитые щупальца во все регионы страны. Вслед за разоблачением кооператива «АНТ» разоблачена преступная деятельность кооператива «Фонд», действовавшего под крылышком Московского отделения Советского фонда культуры. Вся эта воровская шайка во главе с председателем кооператива В. Розенбаумом арестована и предстанет перед судом. Но вот любопытное признание, точнее, оценка, которую дал кооператорам один из арестованных главарей мафии С. Тимофеев: «Хотите знать, почему не оправдала себя кооперация? Никто не верил в нее до конца. Была только одна мысль — урвать кусок пожирнее, заработать денег побольше и свалить за бугор. А кто работает в кооперации, кто всем заправляет? Или судимые, или те, кто ушел от ответственности, — сплошные взяточники и бандиты, которых за руку схватили, а посадить не смогли. Да честный человек там работать не сможет».

«Вор в законе» Тимофеев никаких Америк своим признанием не открыл: обо всем этом общественность знала или догадывалась. Кооперативы в том виде, в каком они созданы, были преднамеренной авантюрой, которую их «конструкторы-соратники» прикрывали именем Ленина. Под давлением общественности некоторые Советы на местах пытались закрыть нечестные кооперативы, но на их защиту с яростью бросались «гонцы» и... академики-«авангардисты».

«Некоторые ученые мужи вместе с неформалами, разного рода националистами и дельцами теневой экономики толкают страну на путь буржуазного реформаторства, восстановления частной собственности, политической анархии», — заявил с трибуны Пленума саратовец В. Шабанов — старший мастер производственного объединения. Он же, как и многие из выступавших на Пленуме, критиковал «гонцов дурных вестей». «Думается, членам редколлегий печатных изданий и Гостелерадио надо бы почаще напоминать об их ответственности за идеологически вредные публикации». В унисон ему прозвучали слова члена КПСС, рабочего А. Мясникова: «...Процесс самобичевания партии доведен с помощью средств массовой информации до такого уровня, что в ряде случаев это похоже на организационное и идейное разложение».

Сказано с рабочей прямотой, искренне и крепко, с болью и тревогой за партию и Отечество. Эта боль и тревога звучали и в речах члена ЦК Н. Татарчука и представителя Литвы А. Клауцена. Последний, ссылаясь на высказывание А. Н. Яковлева о «гонцах», которых не надо казнить, поскольку они лишь отображают то, что происходит в обществе, резонно возразил: «На примере республики я могу заявить, что не столько отображают, сколько формируют в нужном направлении».

Закономерен вопрос: в нужном кому и что это за направление? Ответ просматривается в выступлении второго секретаря ЦК КП Казахстана В. Ануфриева, который сказал: «Говорят, что конструктором, соратником является товарищ Яковлев. Его называют за рубежом именно конструктором. Я скажу, что товарищ Яковлев наш великий молчальник. У него есть блестящее выступление по поводу юбилея Французской революции. Я преклоняюсь перед этим докладом. Но, товарищ Яковлев, объясните нам эти процессы, ваши замыслы, ваши идеи. Может быть, мы поверим. Пока-то тревога. Пока-то, товарищи, настоящая в народе боль за все эти процессы». В этих полных горького сарказма словах есть маленькая неясность. «Конструктор» необъясненных процессов — это ясно. А вот — «соратник»? Чей? Буша, Валенсы, Ландсбергиса или Горбачева?

И тут хотелось бы задержаться на выступлении В. Бровикова. Я знаком с Владимиром Игнатьевичем и не ожидал от него такого откровенного, честного и острого слова. Можно понять нашего посла в Польше. На его глазах в доме нашего соседа и союзника совершался развал экономических и политических структур, переход от социализма к капитализму. Поэтому ему видней происходящие в нашей стране процессы, направляемые «конструкторами-соратниками», видней и возможные последствия, если здоровые силы в партии и обществе вовремя не остановят эти процессы. И неудивительно, что речь В. Бровикова вызвала раздражение и неприятие А. Н. Яковлева и одного из «гонцов» — главного редактора «Советской культуры» А. Беляева, ну и конечно же, «ученого мужа» академика С. Шаталина. Впрочем, на Пленуме звучали голоса в поддержку В. Бровикова. Секретарь временного ЦК КП Литвы (на платформе ЦК КПСС) В. Ю. Кардамовичюс говорил: «А ведь Бровиков, Лигачев, Сайкин сказали то, что думает множество коммунистов Советского Союза. Я хочу сказать — и мы имеем свое мнение и право сказать. Мы хотим еще раз товарищам передать о том, что пребывание товарища Яковлева в Литве действительно внесло ряд таких нехороших дел в нашей республике. Вы, товарищ Яковлев, вероятно, приложились косвенным путем к решениям XX съезда Компартии Литвы. Об этом говорят очень широко в республике. Это отражено в ваших

встречах с некоторыми интеллигентами Литвы. И давайте будем коммунистам говорить честно».

Так обстоят дела с «конструктором-соратником» и его «гонцами дурных вестей». На этом можно было бы поставить точку, если бы сразу после Пленума не появилась в «Литгазете» беседа корреспондента с А. Н. Яковлевым. В пространном, на целую полосу, монологе т. Яковлев пытается уничтожить, опрокинуть и растоптать своих мнимых оппонентов, которые якобы не хотят расстаться с ненавистным «образом врага». На их головы Александр Николаевич опрокидывает весь словарный багаж оскорбительных слов: глупцы, лентяи, параноики, доносчики, неумехи, жаждущие крови, интриганы, завистники и даже людоеды. Священным гневом пламенеют слова т. Яковлева, когда он вспоминает, как в иные времена «многих честных, неподкупных так или иначе оттесняли как неудобных, неуправляемых... создавали неприемлемые условия для работы». Святая правда! Но кто это делал? И т. Яковлев искренне отвечает: «Руководство партии и ее чиновничий аппарат». Самокритично? Трудно сказать...

Параллельно с «образом врага» в беседе т. Яковлева проглядывает еще один образ, по которому выпущено немало ядовитых стрел, — это антисемитизм. Чтоб окончательно заклеймить его, т. Яковлев не гнушается привлечь к себе в единомышленники... Сталина. Он даже позабыл, что сионисты — «и хорошие», и «не совсем хорошие», то есть, по его классификации, религиозные и политические, считают Сталина антисемитом № 1. Тут уж не до принципов, когда дело идет о самых главных врагах перестройки.

В судьбе народов и стран, как и в судьбе каждого человека, немало крутых поворотов. Были в истории квислинги и власовцы, лавали и петены. Помнится, в 1940 году у нас была издана книга французских авторов, озаглавленная «О тех, кто предал Францию». Сегодня, наблюдая за «перестроечной» пляской «гонцов», я с тревогой думаю: не пришлось бы писать книгу «О тех, кто предал Россию». Ведь растление души народа нашего, и особенно молодежи, продолжается, несмотря на гневные протесты общественности. Значит, кто-то в этом очень заинтересован. Попытки одернуть не в меру ретивых «гонцов», вроде главных редакторов «Аргументов и фактов» В. Старкова и «Октября» А. Ананьева, были демонстративно проигнорированы. Надо полагать, не без поддержки тех, кто рассылает этих «гонцов».

Но ведь терпение народа не беспредельно. «Почему нормой стали какие-то похабные танцы, интервью с «интердевочками», зачем вытащили на свет божий все это? — спрашивает читатель «Советской России» в номере от 26 июля 1989 г. — Кто дал такое право, неужели народ? Подавляющее число тех, с кем мне приходилось общаться, против таких публикаций, против грязи на страницах газет и журналов, экранов. Нужно строго спросить с людей, которые определяют политику во всех этих организациях, в кино и на телевидении, в Министерстве культуры. Если этого не сделают сверху, боюсь, что могут попробовать это сделать снизу».

Предупреждение серьезное для сеющих ветер.

Народ наш подобен колоколу многопудовому. Он терпелив и тяжело раскачивается. Но коль уж раскачается и загудит набатом, тогда разного рода «гонцам» и их лакеям придется пожинать бурю.

●

В. БУШИН

АЗБУКА, АРИФМЕТИКА И ХИМИЯ

«Нашему обществу еще предстоит прозрение правды».

А. Н. Яковлев

БИТВА НА КАЛКЕ: 1223... 1937... 1990

21 января этого года в «Литературной газете» среди других откликов на провокационный дебош в Центральном Доме литераторов, учиненный группой лиц, к сему Дому никакого отношения не имеющих, напечатан гневный отклик и писателя Владимира Дудинцева. Возмутительная выходка националистического характера решительно, сурово и чрезвычайно оперативно осуждена печатью. И в этом мы с В. Дудинцевым, с другими авторами в целом согласны *. Но одновременно писатель высказал и такие суждения, которые дают толчок для размышлений в ином направлении.

Так, В. Дудинцев негодующе пишет: «Я сам видел лозунг: «А. Н. Яковлева — вон из Политбюро!», вывешенный хулига-

* Нвльзя, однано, не заметить, что, как свкдетельствует пресса, тяжело пострадавшими в этом ницHденте оказались трое: писатель А. Курчаткии (разбнлн очки), писатель Е. Мальцев (сорвали очки) и актриса В. Желенкова (кто-то прошелся по ее ногам). Все трое — руссние. И это неноторые авторы называют «еврейсним погромом». Право, уж слишком иестандартный взгляд. Особенно на фоне русских погромов, действительных, иапримвр, в Баку. — В. Б.

нами на нашем собрании». Конечно, лозунг весьма резкий. Но как тут, черт возьми, быть: ведь подобные лозунги выставляются и звучат ныне не только в уютных залах, но и на улицах, на площадях городов — в Донецке, в Волгограде, Уфе, Черкассах... Появился даже термин такой: «долойщина».

Как противостоять охватившей страну эпидемии? Видимо, выход только в том, чтобы, с одной стороны, умело защищать работников, приводить убедительные свидетельства их высоких моральных и деловых качеств; с другой стороны, сами эти работники в столь взрывоопасной обстановке должны быть все время настороже и не допускать промахов, оплошностей, особенно морального характера, и уж более-то всех те из них, кто сидит в руководящих креслах по 10—20—30 лет.

Если подробнее сказать о защите, то, увы, приходится признать, что чаще всего ее нет вовсе. На февральском Пленуме ЦК КПСС кузнец Горьковского автозавода Н. П. Кустарев недоумевал: «Я по аналогии сравниваю создавшееся положение с битвой на реке Калке (кто знает — 1223 год), когда противники, окружив русских витязей, предложили им сложить оружие. Они сложили, поверив обещаниям противника. И все полегли на этом поле.

Более того, битва на Калке похожа тем на сегодняшнюю ситуацию, что мы и сейчас бьемся поодиночке. Помните, черниговский князь дрался, а киевский князь со своей дружиной стоял и смотрел, когда придет его черед. Вот и сейчас у нас то же самое».

Этот уж очень болезненный вопрос поднимали на Пленуме и другие ораторы, в частности слесарь Куйбышевского авиационного завода Г. И. Ануфриев. Он огласил письмо секретарей первичных организаций своего завода, где говорилось: «Нам непонятна массовая кампания по выражению недоверия целому ряду областных, городских, районных комитетов партии. Что это? Стихийные процессы в массах или кем-то хорошо продуманная, санкционированная сверху расправа над партией в целом? Почему со стороны Политбюро, Центрального Комитета нет никакой реакции на эти факты? Если действительно в тех областях, в тех обкомах, руководству которых выражено недоверие народа, оказались скомпрометировавшие себя люди, то почему Политбюро и Центральный Комитет своевременно не вмешались в их деятельность, допустив до стихийных митингов? А если это не так, то почему им не была оказана поддержка?»

Дальше авторы письма прибегли к метафоре большой впечатляющей силы: «Все это, образно говоря, можно сравнить с ситуацией, сложившейся в стране в 1937 году, когда суд над коммунистами вершили с позволения Политбюро «тройки», а сейчас мы находимся на грани неуправляемого самосуда».

Секретарь ВЦСПС В. М. Мишин, недавний комсомольский активист с Маросейки, а теперь активист вообще, попытался сделать козлом отпущения за все Е. К. Лигачева, однако номер активиста не прошел, ему тут же ответил В. И. Бровиков, наш посол в Польше. «Разноголосый хор доморощенных критиканов получил зловеще резкое эхо на Западе. Реакционеры всех мастей клянут на чем свет стоит коммунистов, вовсю поют реквием по КПСС, ленинизму и социализму. Больше всего обидно, что никто наверху — ни Генеральный секретарь, ни его ближайшие соратники — не предприняли существенных мер, чтобы защитить честь и достоинство партии. То ли потому, что это их устраивает, то ли

потому, что они сами боятся критики со стороны «критиков» *.

А вот еще более тревожный и требовательный голос: «В стране сложилась непонятная ситуация: законы не работают, идет разгул бескультурья, связанный с разгулом сионизма, печать и телевидение сеют вражду и безнравственность. Отечество распадается — везут на продажу новейшие танки, самолеты и стратегическое сырье.

Это предательство! Позор правительству и Политбюро, допустившим эту вакханалию! Требуем дать объяснение народу!» Это голос писателей из далекого Ханты-Мансийска. Тревога и негодование докатились уже и туда.

ДАНАЙСКИЕ ДАРЫ ГЛАСНОСТИ

Однако посмотрим, что получается, когда иные партийные или беспартийные люди хотят защищать ценных работников, но при этом забывают, что ныне мир гораздо менее доверчив, чем во времена Фомы. Тут и дает нам пример В. Дудинцев. Он считает вполне достаточным заявить: «Александра Николаевича Яковлева я глубоко уважаю и как политика, и как ученого, и как дипломата, и как литератора». Целая куча уважения! Что ж, очень хорошо. Но, как говорил один поэт-плюралист:

Любите и Машу,
и косы ейные —
это дело ваше,
семейное.

Однако если хочешь, чтобы все ценили Машу, надо показать, чем именно она хороша, почему пленяют ее косы. Писатель Дудинцев, увы, этого не делает.

Что касается нескольких оплошных жестов и досадно опасных деяний самих высокопоставленных ценных работников, то и тут за примером ходить далеко не надо. Как пишет корреспондент «Известий» Сергей Краюхин, когда 21 февраля на фестивале «Российские встречи» в ленинградском Дворце спорта «Юбилейный» один оратор заявил, что за некоторые драматические события, в частности, например, за недавние дела в Прибалтике, ответственность лежит на А. Н. Яковлеве, то зал стал скандировать: «Долой Яковлева!» Не кучка хулиганов, а пять тысяч ленинградцев разных возрастов, профессий, национальностей, или, по выражению газеты, «пять тысяч патриотов». Право же, тут есть некоторые основания полагать, что толчком к такой реакции на имя члена Политбюро могли оказаться кое-какие особенности его выступления на страницах «Литгазеты» за неделю до фестиваля в Ленинграде.

Разумеется, слушать и читать такие лозунги в свой адрес никому не доставляет удовольствия, но все помянутые выше политические деятели за пять лет произнесли так много прекрасных слов во славу гласности и столь обильно, вольготно ею пользовались, что давно должны бы приготовиться к ее данайским дарам и для себя лично. Ну неужели, страстно повторяя за генсеком девиз «Нет зон, закрытых для критики!», они были все-таки уверены,

---

* Увы, вскоре после Пленума В. И. Бровиков оказался в отставке («Известия», 14.4.1990).

что высокие должности, звания оградят их, оставят им мини-зонку? Для политиков такая наивность непростительна.

Между прочим, никак не могу понять: если В. Дудинцев и С. Краюхин, «Литгазета» и «Известия» считают приведенные лозунги несправедливыми и вредными, то зачем они тиражируют их в миллионах и миллионах экземпляров по всей стране? А тут еще неугомонный Павел Гутионов всем чудовищным тиражом «Огонька» увековечил молитву одного литератора, напечатанную в какой-то московской многотиражке: «Господи, если ты можешь сделать так, чтобы сегодня вечером Александр Николаевич Яковлев, член Политбюро, доктор наук и профессор, ушел в отставку, то я до утра буду стоять на коленях, а потом поставлю тебе пудовую свечу!» Неутомимый журналист в ужасе: «Страшно подумать даже, на что толкает А. Н. Яковлева этот литератор». Страх знаком каждому, но мужчине недостойно терять при этом самообладание и голосить на всю державу, не давая себе отчета в последствиях столь немужского поведения. Тем более что оно, поведение С. Краюхина и П. Гутионова, уж очень похоже на медвежьи услуги, так хорошо описанные великим Крыловым в бессмертной басне «Пустынник и Медведь».

Кстати, о Медведеве. Вадим Андреевич — автор известных трудов по политической экономии социализма. Заметим, что хотя он земляк А. Н. Яковлева и давний его сослуживец по ЦК партии, и оба они вместе с Е. М. Примаковым в Академии наук, как и в Политбюро, и в Верховном Совете, хотя, наконец, т. Медведев тоже накануне ленинградского фестиваля опубликовал большую статью в «Правде», озаглавленную «Ядро перестроечных процессов», несмотря на все это, в его адрес долойные лозунги не раздаются.

Строго говоря, у наших руководителей было время подготовиться к нестандартным лозунгам типа «Долой!» еще с дней XIX партконференции. В. Дудинцев помнит, надо полагать, выступление на ней первого секретаря Коми обкома партии В. И. Мельникова, который, между прочим, сказал: «От многих коммунистов и беспартийных мы получили категорический наказ: тот, кто в прежние времена активно проводил политику застоя, сейчас, в период перестройки, в центральных партийных и советских органах быть и работать не может. За все надо отвечать, и отвечать персонально». (Аплодисменты.)

Председательствующий перебил оратора: «А может, у тебя какие-то конкретные есть предложения? (Оживление в зале.) А то мы сидим и не знаем: или это ко мне, или к нему относится?» (Думаю, что сейчас, спустя два года, он такой реплики уже не бросил бы.) Однако недовольство в президиуме не смутило, не сбило В. И. Мельникова, он за словом в карман не полез. Сказанное им относилось, конечно, ко многим, и все это понимали, но оратор был сдержан, когда с достоинством ответил: «Я бы это отнес к товарищу Соломенцеву в первую очередь, к товарищам Громыко, Афанасьеву, Арбатову и другим».

Как бы то ни было, а вскоре все эти ответственные товарищи оказались в отставке, а попозже получили отставку в известном у нас замечательном добровольном порядке еще более ста членов ЦК. Да, тихо, безропотно, некоторые даже со светлой улыбкой отошли в мир политического небытия, — все, кроме, разумеется, Г. А. Арбатова. Георгий Аркадьевич не только сохранил посланные

ему провидением в застойную эпоху посты, должности, кресла, но, отметив вскоре пятнадцатилетие своего плодотворного пребывания в Академии наук, еще и занял кое-какие новые важные посты: из кандидатов в члены стал членом ЦК, а в результате нескольких беззаветных попыток оказался еще и народным депутатом СССР.

«РУКИ ПРОЧЬ ОТ АКАДЕМИКА АРБАТОВА...»

Фигура академика Арбатова — это тоже тема для глубоких раздумий. И тут наши с В. Дудинцевым суждения, видимо, не совсем совпадут. Читаю в «Известиях ЦК КПСС» биографию Георгия Аркадьевича: «Родился в 1923 году. Русский. Член КПСС с 1943 года... Окончил... Академик...»

Как известно, на Втором съезде народных депутатов Г. А. Арбатов внес предложение не голосовать за представленную правительством экономическую программу. «Я позволю себе не согласиться с этой позицией, — возразил депутат В. Н. Чернавин, — так как считаю, что она продиктована, видимо, боязнью взять на себя хоть какую-то толику ответственности за нашу работу на съезде и за положение дел в стране. Слов нет, позиция ни за что не отвечать, ничего не предлагать, все подвергать критике и таким образом обозначать свою значимость, может быть, и привлекательна и комфортна. Но верна ли она?» В. Н. Чернавина поддержал депутат Л. И. Матюхин, добавив об академике такие, может быть, небезупречные слова: «Этот товарищ постоянно, на всех этапах нашего развития, везде давал советы. Но никогда он нигде не отвечал за свои заявления. Это и порождает безответственность».

А. Г. Арбатов решительно отверг позицию своих оппонентов. Выступление Л. И. Матюхина он интерпретировал так: «В силу каких-то заявлений, сделанных мною в прошлом, теперь я не имею права выступать и критиковать...» Ну, это было сказано, конечно, в состоянии аффекта: ни о каком запрете Арбатову выступать и критиковать кого бы то ни было Матюхин не говорил, он вел речь всего лишь об ответственности за свои слова. И академик, конечно же, прекрасно понимал это. Самое ближайшее будущее показало, что он и не думал хоть отчасти умерить свою страсть к смелой критике и мудрым советам. Так, на Втором же съезде народных депутатов, а затем на страницах «Огонька» ученый подверг беспощадному разносу положение дел в нашей военной экономике и в строительстве Вооруженных Сил. Бескорыстие и высокий патриотизм этой критики никто не поставил под сомнение, но некоторых военных специалистов она несколько озадачила. В частности, доктор военных наук генерал-майор Герман Кириленко на страницах «Литературной России» убедительно показал, что иные весьма кардинальные критические суждения, аргументы и рекомендации Г. А. Арбатова по своему научному уровню, к сожалению, не превосходят известный гносеологический постулат золотой для академика поры: «экономика должна быть экономной».

Например, Георгий Аркадьевич категорически настаивал на том, что «военной силы должно быть «разумно достаточно» — не больше и не меньше». Ни-ни! Иначе говоря, военное строительство рисуется ученому таким процессом, в котором все должно

быть непременно тютелька в тютельку, а возможная война — явлением, в котором, основываясь на этих тютельках, все можно идеально спланировать, взвесить, предугадать. Но генерал Кириленко резонно спросил: «Почему Вы не осмелитесь назвать численный показатель этой «разумной достаточности»?» За молчанием Георгия Аркадьевича нам почудилось многое... «Мы в лесочек не пойдем. Нам в лесочке страшно».

Тем не менее академик считает, что у нас слишком много танков, и советует их сократить. Г. Кириленко отвечает ему: «Вы обеспокоены тем обстоятельством, что у нас больше танков, чем в США. Простите, но я вынужден Вам напомнить, что тракторов и комбайнов, как и работников в сельском хозяйстве в США — 3 млн. человек, а у нас — 23 млн., но вот зерна и мяса мы почему-то получаем меньше. Подумайте о разумной «достаточности».

Может быть, Георгий Аркадьевич и подумает. Например, о разумной достаточности у нас количества академиков. Нет ли тут некоторого перебора, в частности, за счет академиков, получивших это звание почти автоматически вместе с должностью? Так, звание академика прилагалось вместе с персональной машиной к должности директора ряда институтов: Института США и Канады, Института мировой экономики и международных отношений и т. д. Не разумно ли было бы в нынешнюю «очистительную пору» лицам, ставшим академиками таким путем, отказаться от явно обременительных для них званий?

Не усмотрев в выступлениях Г. А. Арбатова никакой научной ценности, Г. Кириленко сказал ему на прощанье: «Никогда в нашем народе не была популярной антиармейская пропаганда. Но она, к сожалению, достаточно отчетливо прозвучала в Вашем выступлении и на Втором съезде народных депутатов, и в «Огоньке». Увы, наука уж слишком часто подменяется у нас пропагандой...

А между тем, на заседании съезда события развивались весьма драматически. Хотя, повторим, народный депутат Матюхин ничего не запрещал народному депутату Арбатову, тот, тем не менее, назвав своего коллегу «товарищем железнодорожником» и заодно бросив горький упрек железнодорожному транспорту страны в целом, решительно заявил, что поставит где следует вопрос «о снятии (!) депутатской неприкосновенности с этого товарища» и подаст на него в суд. Но, право же, это было бы опрометчиво...

Действительно, вдруг в судебном разбирательстве всплывет, например, статья Арбатова «Бумеранг», напечатанная в «Правде» 9 мая 1986 года и посвященная Чернобылю. Ведь вся она — пример весьма достопечальной безответственности за свои слова. Усилия академика направлены были здесь на то, чтобы усыпить общественное мнение. Несчастье с «Чэлленджером», беды, что случались на атомных станциях США, Англии и других стран, он решительно именует «катастрофами», «трагедией», а Чернобыль — это, по его мнению, всего лишь «авария», «несчастный случай». Конечно, авария вызывает некоторую озабоченность — «известное беспокойство», «определенную тревогу», но — «она не первая в мире, а 152-я из зарегистрированных». И не погибло же человечество от предыдущих ста пятидесяти одной! А сколько еще было, надо полагать, незарегистрированных... Однако вот эту-то «локальную аварию» недруги нашей страны «изобразили наподобие всемирного ядерного бедствия». Да нет же, Чернобыль не более чем «несчастный случай», притом «ничтожный по своим масштабам в сравнении с угрозой, которой чревата ядерная война». Господи, какое утешение-то! Действительно, ведь были же атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, но они тоже имели локальный характер и потому не превратились во всемирное ядерное бедствие. Словом, если локально, то это не так уж страшно. Не надо паниковать, не надо шуметь.

Правда, академик признавал: «Авария не обошлась без жертв». Увы... Но о каких жертвах речь? Оказывается, «есть раненые и облученные». А погибшие? Погибшие есть или нет? Глухое молчание. Silentium... А между тем, тогда, 9 мая, уже было известно и о погибших, позже их оказалось 28 человек, и Арбатов не мог не знать о таких жертвах.

Но если всего лишь 152-я заурядная авария, то отчего же в мире поднялся тогда такой шум? Как удалось раздуть из мухи слона? Ну, это для Георгия Аркадьевича совсем просто. Всю жизнь, кажется, только тем и занимался, что отвечал на такого рода вопросы. «Слишком уж беспокоил многих западных деятелей тот отклик, который вызвали у общественности США, Западной Европы и всего мира крупные советские инициативы... Облик СССР как страны, честно и непреклонно отстаивающей мир, напугал зачинщиков гонки вооружений... Они лихорадочно искали повод, чтобы открыть массированный огонь по международному авторитету СССР... Со всех перекрестков кричали изо дня в день с утрв до вечера» и т. д. и т. п. Словом, академик занялся привычным делом — фабрикацией «образа врага». Исход всего этого был известен ему еще до того, как он сел за статью: «Их затея скорее всего обернется пропагандистским бумерангом». Как же было этого не знать, если тремя днями раньше в той же газете Юрий Жуков писал: «Недостойная шумиха вокруг аварии на советской атомной электростанции, поднятая Вашингтоном, ударила, подобно бумерангу, по организаторам этой постыдной кампании».

Нет, не советовал бы я академику Арбатову начинать свою парламентскую деятельность с суда. Не получит ли он и здесь такой же афронт, как на съезде со своим призывом не голосовать за программу правительства? Ведь за нее проголосовало 1532 депутата.

Словом, уж как хотите, Владимир Дудинцев, можете и Г. А. Арбатова уважать как ученого, политикв и литератора, а мне сдается, что одна лишь статья «Бумеранг» и то дает основания несколько сожалеть, почему этот академик, одна из важнейших фигур эпохи застоя, не только до сих пор не последовал за Соломенцевым, Алиевым, Кунаевым и другими, но еще и грозит кому-то судом с высочайшей в стране трибуны. А следовательно, по моему разумению, возможны и соответствующие лозунги. Например: «Руки прочь от академика Арбатова, — руки, которые его поддерживают!»

ПОЧЕМУ БЫ И МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР НЕ ПОДАТЬ В СУД!

...Вот еще и академик Т. И. Заславская объявила с трибуны Второго съезда народных депутатов о своем намерении привлечь к суду коллегу по депутатскому корпусу Эрмека Жакселекова —

тоже за его выступление. Думается, при этом Татьяна Ивановна допустила сразу несколько ошибок, удивительных для человека науки. Прежде всего Э. Жакселеков в своем выступлении даже не назвал Заславскую, — вольно ж ей было узнавать себя за теми гневными словами, что сказал оратор о страшной концепции «неперспективных деревень». Ну, действительно, если не имеешь к этому никакого отношения, то чего ж возникать? Тут невольно приходит на ум поговорка об огнеопасной шапке, которая может загореться совершенно неожиданно.

Кроме того, уж если ученой женщине так хочется кого-то засудить, то следовало бы вызвать на ковер к Фемиде не Жакселекова, а писателя Анатолия Салуцкого. Это он опубликовал несколько статей, в которых с фактами в руках утверждает: Т. И. Заславская должна нести ответственность за свою активнейшую роль в создании помянутой концепции и за навязывание ее руководящим инстанциям. Писатель приводит совершенно однозначные по смыслу рекомендации академика, которые она еще в 1973 году давала Госплану в своей полусекретной («Для служебного пользования») записке: «В плане на 1976—1990 гг. следует предусмотреть решение следующих задач:

— постепенная концентрация сельского населения в относительно крупных населенных пунктах на основе сселения жителей мелких поселков... сосредоточение нового жилищного и культурно-бытового строительства прежде всего в перспективных поселках» и т. д.

А. Салуцкий идет дальше: обвиняет Заславскую как руководителя Всесоюзного центра по изучению общественного мнения (ВЦИОМа) в манипулировании этим мнением. Писатель еще и ставит вопрос о создании специальной комиссии Верховного Совета для расследования деятельности академика. Казалось бы, сколько можно терпеть такое глумление над беспорочной невинностью? Но Татьяна Ивановна почему-то терпит. И хотя грозилась подать в суд на А. Салуцкого, но до сих пор не подала, ограничиваясь главным образом тем, что на обвинения в столичной печати иногда отвечает в газетах, выходящих довольно далеко от Москвы: «Юрмала», «Кузбасс».

Татьяна Ивановна сказала с трибуны съезда: «Я уверяю, что этот слух (о ее роли гегемона в создании концепции «неперспективных деревень». — В. Б.) является клеветой, он раз восемь уже опровергался в печати». Очень хорошо! Но, во-первых, зачем восемь раз опровергать слух, если это всего лишь слух? Во-вторых, какой же это «слух», если тут публикации, да еще с цитатами, именами, фотодокументами?

А. Салуцкий последователен до конца: еще в апреле прошлого года он печатно призвал Заславскую признать свои тяжкие прегрешения и подать в отставку с поста руководителя ВЦИОМа. Ну, естественно, человек интеллигентный, он не ходил с лозунгом: «Т. И. Заславскую — на мыло!»

А ведь как бушуют подобные страсти в других-то царствах-государствах, с коих нас теперь призывает Евтушенко брать пример!.. Возможно, В. Дудинцев уважает Маргарет Тэтчер не меньше, чем А. Яковлева. А вот поди ж ты, благовоспитанные британцы с их восьмисотлетним парламентом так возмутились введением с первого апреля муниципального подушного налога, разорительного для большинства из них, что смастерили соломенное чучело своей

Железной Леди и 23 февраля под злобно-радостные крики сожгли его на одной из площадей Лондона. Куда до них нашему Салуцкому!.. *

БУКАШКА, ЗАТРАВИВШАЯ СЛОНА

Но вернемся к тому, с чего начали. Повторяю, «Яковлева — вон!..» — это, конечно, грубо, В. Дудинцев прав. Но хулиганы они и есть хулиганы. Разумеется, было бы гораздо лучше, если они написали бы, допустим, так: «Политбюро, отпусти Александра Николаевича Яковлева, ветерана партии и труда, на давно заслуженный отдых!» Человеку уже под семьдесят, и без малого лет тридцать он в аппарате ЦК.

Но, кажется, В. Дудинцева не устроил бы ни один из возможных вариантов лозунга, он считает в принципе недопустимым тут какой бы то ни было разговор об отставке, ибо его уважение в данном случае так велико, столь всеохватно... Что ж, и я готов уважать этого человека, скажем, как ученого, если В. Дудинцев объяснит мне хотя бы, чем сочинение А. Н. Яковлева «От Трумэна до Рейгана» превосходит «Лицо ненависти» В. Коротича, тоже посвященное американской теме. Замечу, что когда ученый писал книгу, то находился под впечатлением своей первой встречи с Рейганом, который, по собственному признанию автора, показался ему «откровенным фашистом». А какое лицо может быть у фашиста? Естественно, это лицо, искаженное ненавистью к нашей стране. Но ведь, кажется, сейчас А. Н. Яковлев уже не считает, что Рейган фашист. Какова же в таком случае научная ценность его книги?

Меня несколько смущает и то, как т. Яковлев обращается порой с фактами реальной жизни. Факты, говорил академик И. П. Павлов, это хлеб ученого. А хлеб надо уважать, беречь, тем более недопустимо засунуть в буханку камень и бросить ее в оппонента. Но, увы, в деятельности члена Политбюро есть примеры недостаточно уважительного обращения с фактами и даже попытки выдавать за факты чистые иллюзии. Так, в феврале этого года на встрече с партийным активом, студентами и преподавателями Московского университета его спросили об отношении к журналам «Наш современник» и «Молодая гвардия», к «Литературной России» и «Московскому литератору». И он сказал: «Я на этот вопрос, товарищи, прошу мне разрешить не отвечать, потому что вышеназванные журналы чуть не в каждом номере полощут меня...»

Господи, язычок-то: «полощут»! Но к языку мы еще обратимся, а здесь отметим, что заявление т. Яковлева отчасти расходится с фактами: к тому времени «Наш современник» никогда о нем не писал, в «Молодой гвардии» не было о его персоне ни строки, в «Литературной России» это высокое имя встречалось лишь в сообщениях о Пленумах ЦК и других официальных публикациях. И только в «Московском литераторе» действительно было две статьи, авторы которых отважились слегка пощекотать высокопоставленного товарища. Если учесть, что тираж «МЛ» не превышает

* Деликатный т. Ненашев постеснялся показать это зрелище по телевидению. Как можно-с! Международная политика. Интернационализм. Уважение к национальным чувствам других народов... — В. Б.

пяти тысяч экземпляров, то нетрудно представить себе все ужасные последствия помянутых публикаций *.

Итак, две статьи в многотиражке-букашке выдаются за «полоскание», да еще «чуть не в каждом номере» нескольких изданий. Едва ли мы ошибемся, если скажем, что это сделано главным образом в трех целях.

Во-первых, т. Яковлев, изображая себя жертвой газетно-журнальной травли, видимо, хотел обрести столь соблазнительный ореол мученика перестройки. Во-вторых, уклоняясь от оценки «полощущих» его изданий, он убедительно демонстрировал свое благородство. Ну и наконец, хотел показать, каких успехов под его руководством достигли у нас демократия и гласность: печать запросто «полощет» членов Политбюро! Но всем же известно, что на протяжении нескольких лет «полоскали» самым бесцеремонным образом при полном невмешательстве, при стеснительном молчании всех остальных членов Политбюро лишь одного из них: Е. К. Лигачева. И глубоко прав был секретарь парткома Челябинского тракторного завода В. М. Платонов, который сказал на февральском Пленуме ЦК: «Непонятно, почему отмалчиваются члены Политбюро, когда идет острая критика их в печати. Сколько было сказано в адрес Егора Кузьмича Лигачева. Ведь это совершенно не на пользу делу. ЦК должен либо поддержать своим авторитетом товарища и отмести эти необоснованные обвинения, либо надо делать организационные выводы, потому что подобные публикации бросают тень на всю партию». Лишь в одном неточен т. Платонов: других членов Политбюро, в том числе и А. Н. Яковлева, стали задевать в печати лишь на исходе пятого года перестройки. И вот уже паника: «полощут»!

Не удержусь от примера из несколько иной области. На февральском Пленуме шел разговор о совмещении постов президента страны и Генерального секретаря ЦК партии. Вопрос не простой. На Съезде народных депутатов против совмещения проголосовало 1300 человек. И на Пленуме ЦК кое-кто сомневался, размышлял. И вот какой довод выдвинул в поддержку совмещения т. Яковлев: «Дорогие товарищи, Генеральному секретарю надо отчитаться на предстоящем съезде партии о своей работе». Как так? С каких это пор на наших партийных съездах заслушиваются самоотчеты Генеральных секретарей? Разве не ведомо т. Яковлеву, члену партии с 1944 года, что на съездах всегда представляют и обсуждают отчетный доклад о работе всего ЦК партии? Причем доклад вовсе не обязательно должен делать Генеральный секретарь. История партии знает примеры (допустим, XIX съезд), когда с докладом выступал не Генеральный, а другие секретари. Разумеется, т. Яковлев это знает. В таком случае, как же расценить это пренебрежение у всех на глазах фактами?

Дальше мы услышали: «Не будем играть в прятки. Сегодня речь идет об избрании конкретного лидера — М. С. Горбачева. Кажется, с этим согласны почти все». И опять недоумение. Во-первых, люди считали, что они не в прятки играют, а занимаются серьезным делом, и потому наряду с М. С. Горбачевым были выдвинуты и другие кандидатуры. По Яковлеву же получается, что все это был пустой спектакпь. Во-вторых, на Съезде народных депутатов, несогласных с Яковлевым оказалось, как известно, 495 человек...

* После этих ложных обвинеиий А. Яковлева странио было бы ожидать, что названные им органы печати и дальше станут молчать о нем. Нет, как говорят ныие в нашем парламенте, они отреагировали адекватно: соответствующне выступления появнлись и в том же «Московском литераторе» (16.3), и в «Литературной России» (30.3), и в «Нашем современннке» (№ 5), н вот в «Молодой гвардни»... Долг платежом красен. — **В. Б.**

Когда ученый для подтверждения своей мысли прибегает к помощи цифр, то это всегда интересно и заслуживает внимания. Но надо помнить, что существует определенная культура обращения как с фактами, так и с цифрами. К сожалению, А. Н. Яковлев не всегда здесь на должной научной высоте. В одном из своих выступлений, желая убедить слушателей в благодетельности перестройки, он сказал: «Приведу один факт. В 1984 году в стране было 81 тысяча самоубийств. В 1987 году — 54 тысячи». И торжествующе вопросил: «Показатель?»

Конечно, мысль представить успехи перестройки через динамику количества самоубийств весьма самобытна. Но, во-первых, один факт он и есть один факт. Иной раз его можно всего лишь одним фактом и убить или поставить под большое сомнение. Например, известно, что в начале пятидесятых годов, то есть именно в пору «сталинщины», наша страна по интеллектуально-образовательному «рейтингу» стояла на третьем месте в мире, уступая лишь США и Канаде. Однако десятилатняя эпоха Хрущева дала мощный толчок попятному движению, и к 1985 году, к началу перестройки, мы скатились до 42-го места. А за два года перестройки дальнейшее падение шло таким ускоренным темпом, что к 1987 году, который через призму самоубийств видится А. Н. Яковлеву столь отрадным, мы оказались на 57-м месте. Показатель?

Во-вторых, уж очень специфическая это материя — самоубийства. Ведь толкнуть на такой шаг могут не только обыкновенная бедность или разочарование в общественно-политических идеалах, но и многое другое — от мировой скорби (Weltschmerz) до провала на экзаменах в институт. Есть даже такие впечатлительные натуры, что способны полезть в петлю после прочтения неудачного доклада секретаря ЦК. А кто-то, прочитав доклад или статью, которые ему понравятся, наоборот, может отказаться от уже выношенной мысли сыграть в ящик. Поскольку с 1984 по 1987 год появилось много прекрасных выступлений т. Яковлева, то я не исключаю, что главным образом именно этим и объясняется уменьшение у нас самоубийств в указанный период. Посмотрим, как пойдет дело дальше.

В-третьих, что означают приведенные цифры для страны с населением в 287 миллионов человек — много это или мало? А как обстоит дело, допустим, с США и ФРГ?

Словом, цифры, взятые ученым сами по себе, в полной изоляции от всего остального, мало что говорят. Их надо соотнести с какими-то другими данными, и только тогда картина может проясниться или, по крайней мере, мы получим пищу для плодотворных размышлений. А для этого надо прежде всего взять указанные сведения не в виде абсолютных цифр, а в такой форме, чтобы сопоставление стало возможно. Это сделать очень несложно. И тогда мы узнаем, что в 1987 году на 100 тысяч населения в нашей стране приходилось 19 самоубийств. Много это или мало? Это действительно меньше, чем в 1984 году, давшем цифру 30.

Но одновременно это гораздо больше, чем в Англии и США (9 и 12), и несколько меньше, чем в ФРГ и Франции (21 и 22). Вот и размышляйте. Но что уж там ни говори, а надо признать, что положительное для нас сопоставление с двумя последними цифрами вовсе не означает, что в 1987 году мы жили лучше, чем немцы ФРГ и французы.

Из всего этого нетрудно видеть, что в области, затронутой нами не по своей воле, перед ученым историком открыты обширные просторы для совершенствования. Он глубоко прав, когда учит нас: «Тем и жизненна подлинно научная теория, что она постоянно ищет объективные закономерности, тенденции и диалектику развития».

Конечно, приведенные примеры обращения А. Н. Яковлева с фактами огорчают. Но, впрочем, есть и другие люди, которые, как В. Дудинцев, высоко ценят его как ученого. Например, второй секретарь ЦК Компартии Казахстана В. Г. Ануфриев сказал о нем на февральском Пленуме: «У него есть блестящее выступление по поводу Французской революции. Я преклоняюсь...»

ЧУЧЕЛА НА ГРЯДКАХ ПЕРЕСТРОЙКИ

Как литератора я лично ставлю А. Н. Яковлева выше, чем даже известного поэта и первого заместителя министра иностранных дел Анатолия Гавриловича Ковалева, не так давно, на седьмом десятке принятого в Союз писателей. Ну, литература — это не Политбюро, тут возраст значения не имеет. Поэта Ковалева знают, конечно, все: он не только автор вышедшей многими изданиями «Азбуки дипломатии», не только пишет стихи, но и сам оказался героем литературы. В аннотации к известному роману А. Чаковского «Победа» сказано: «Действие романа начинается с Хельсинки, куда прибывает советский журналист Воронов. Основу повествования составляет рассказ о Потсдамской конференции. Используя огромный документальный материал, автор создает живые портреты ее главных участников — Сталина, Черчилля, Трумэна». Все так и есть. А на тех страницах, где речь идет о совещании в Хельсинки, состоявшемся в 1975 году, автор создает живые портреты и его участников, в том числе живой портрет А. Г. Ковалева.

Нельзя забыть строки, описывающие прибытие советской делегации во Дворец конгрессов «Финляндия»:

«И вот она появилась!

Леонид Ильич был в черном костюме с галстуком в красно-синюю клетку. За ним следовали Громыко, Черненко, Ковалев.

Брежнев улыбался. Эта была совсем не та улыбка, которую мне приходилось в разное время видеть на лицах некоторых государственных деятелей. Те улыбки были похожи на платки фокусников. Раз! — черный платок. Легкий взмах — и тот же платок становится белым... Я помню, как улыбались Черчилль, Трумэн, Бирнс, Эттли, Иден...

Брежнев же улыбался естественно. Я был уверен, что вот такая же добрая, открытая улыбка озаряла его лицо еще до входа во Дворец, еще в машине». Этот сравнительный анализ улыбки социалистической и улыбки капиталистической сам по себе имеет непреходящее значение для нашей литературы. Но еще увлекательней дальше: «Всем своим видом располагали к себе и остальные члены делегации. Неулыбчивое лицо Громыко на этот раз выглядело добродушным... Широкое, типично русское лицо Черненко излучало свет сердечности, будто встретился он здесь с давними друзьями...» Какое благолепие! «Свет сердечности»... Словно по благоухающему розарию идем дальше: «А Ковалев?.. Я хорошо помнил его смуглое, точно опаленное тропическим солнцем лицо, его мягкую по произношению и твердую по сути своей речь... Но сегодня и он показался мне если не иным, то, во всяком случае, в чем-то изменившимся: преобразившимся из хорошо воспитанного дипломата просто в хорошего человека, с душой нараспашку» и т. д.

В своем выступлении на февральском Пленуме ЦК т. Ковалев предстал перед нами именно с душой нараспашку, но трудно было разглядеть в нем хорошо воспитанного дипломата и просто хорошего человека, когда он гневно восклицал: «Курс не таков и руководство не такое?.. Пора сделать вывод: те, кто позволяет себе такое (подобное вольнодумство. — В. Б.), пусть приучают себя к мысли об отставке. Им не по пути с перестройкой!» * Как видите, т. Дудинцев, речь опять об отставке и не только с поста, а даже и от перестройки, и притом не какого-то отдельного лица, а многих, ибо на Пленуме, как, впрочем, и на Третьем съезде народных депутатов, многие позволили себе вольнодумство.

Однако надо признать, что недипломатичность поэта Ковалева на трибуне в значительной мере искупалась образностью и афористичностью его речи: «едва закамуфлированная тоска по ломовой руке»... «гнездовья дефицита»... «запреты — перегной экстремизма»... «перестройка может превратиться в подранка чрезвычайных положений»... «чучело внутреннего врага на грядках перестроечной рассады»... «можно совершить промах, не распознав великого аппаратчика или вурдалака-пигмея»... Лихо умеет сказать вчерашний соратник Брежнева!..

Похоже что, В. Дудинцев ставит А. Н. Яковлева как литератора еще и выше, чем я. Прекрасно! Недавно вышел том его избранных произведений, что дает возможность написать интересную статью о литературных и иных способностях этого автора. За высокий образец для статьи можно взять речь на Пленуме того же дипломата А. Г. Ковалева, такие, например, его высказывания: «Во многих сложнейших и запутаннейших ситуациях мы перекладываем груз на плечи одного, зная, что никто другой не справится»... «Сколько надо было ума и такта, силы убеждения и переубеждения порой весьма трудных оппонентов высшего международного ранга и твердости»... «Понадобилась уйма колоссальных усилий, политического мужества, обостренного чувства ответственности за судьбу страны»... «Последовательно, решительно, достойно»... «Тот человек, который пользуется абсолютным доверием советского народа и на котором концентрируется общемировой консенсус доверия» и т. д. Пожалуй, даже Г. А. Алиев на праздновании 75-летия Л. И. Брежнева был не так красноречив, но школа-то, чувствуется, — одна!

В НАДЕЖДЕ НА САНЭПИДСТАНЦИЮ

Как литератор А. Н. Яковлев мне лично дал много высококалорийной пищи для размышлений еще и в своей большой беседе

* См. сноску на стр. 199.

«Синдром врага: анатомия социальной болезни» («ЛГ», 14.2. 1990 г.). Сколько там метких замечаний, глубоких суждений, благородных призывов! Например, автор «анатомии» пишет: «Я еще понимаю — в прошлом, но сейчас, в эпоху гласности, демократии, чем объяснить, что некоторые ученые, литераторы чуть не согласны с кем-то — и тотчас пространные идеологические доносы в ЦК, в КГБ!.. Да и статьи подчас больше похожи на доносы, чем на попытки познать истину... Потеря чувства юмора, а вместе с ним и стыда всегда ведет к конфузу». Воистину так! И мы в этом еще убедимся.

Но, к сожалению, на свой вопрос, чем объяснить столь досадное явление, автор ответа не дал. Думаю, он не смог сделать этого по причине несколько идеализированного и отчасти субъективного представления о нынешней гласности и демократии. Оно сложилось, видимо, в результате того, что сам т. Яковлев имеет полную возможность высказаться, возразить оппоненту где угодно — от «Правды» до «Московских новостей», от Съезда народных депутатов до районного партактива, — и всеми этими возможностями он пользуется. Например, покритиковали его на февральском Пленуме ЦК, и он тотчас вышел на трибуну, ответил. Но ведь далеко не у всех же такие богатые возможности!

Чтобы далеко не ходить, сошлюсь на пример из собственной жизни. Летом 1987 года, на третьем году перестройки, три газеты — «Московский литератор», «Литературная Россия» и «Литературная газета» — одна за другой напечатали сообщения, что мне за ужасные дела вынесли партийный выговор с занесением в личное дело. Ославили меня и на московском, и на российском, и на всесоюзном уровне. Нетрудно представить себе, каково это для любого человека, а для литератора особенно. А несколько позже еще и критик В. Лакшин объявил в «Огоньке», что я разработал план его физического уничтожения: «В. Бушин предупреждает меня, чтобы я не рассчитывал на долголетие». И взывал к мировой общественности: «Принимаю к сведению угрозу В. Бушина, хотя, скажу откровенно, хотелось бы еще пожить...» Ишь ты...

Между тем, никакого выговора у меня не было и нет. Во все три газеты я, естественно, обратился с просьбой дезавуировать порочащие меня публикации. Ни одна из них и не подумала сделать это. Даже не извинились хотя бы в частном письме, чтобы я мог показать его жене и теще. Может быть, не получили мои послания? Ну! В «Литгазету», например, я направил официальное заявление на имя главного редактора А. Б. Чаковского. Понимал, конечно, что сам он мог притомиться на сочинении «Победы», но кто-то должен был ответить! Письмо было получено 24 июля, зарегистрировано под № 77922 и направлено первому заместителю главного редактора Ю. Изюмову. Он работает в «Литгазете» со времен Адама, от младых ногтей возрос в атмосфере безнаказанности. Разумеется, ему было начхать на письмо оболганного человека, никаких высоких постов не занимающего. Что же мне оставалось делать при таком расцвете гласности и демократии в моих родных литературных газетах? Да ничего другого, кроме доносов! И я их написал: на «Московский литератор» — в ЦК, на «Литературную Россию» — в КГБ, на «Литгазету» — в городскую санэпидстанцию, надо же соблюдать хоть простейшие санитарные нормы человеческого общежития! Ну, пообещали произвести дез-

инфекцию, однако на деле все кончилось назначением Федора Бурлацкого главным редактором.

Как видим, проблема доносов не так проста. Что же касается ее частного случая — статей в прессе, имеющих характер доносов, то тут т. Яковлев в своем благородном негодовании совершенно прав. Приведу опять лишь один пример. Некто Н., член Союза писателей, напечатал в одном журнале статью, где в критическом контексте да еще и по частному поводу помянул разочек имя М. С. Горбачева. Он отважился на это, конечно же, в расчете на то, что тираж журнала не столь велик, лично до Горбачева его слова наверняка не дойдут, и таким образом неслыханная дерзость сойдет ему с рук. Но не тут-то было! Есть в «Литгазете» бдительный сотрудник С. И. Киселев, член Союза дизайнеров. Ему статья Н. ужас как не понравилась. Понять его можно, ибо как раз он, Киселев, представлен в ней человеком немного трусоватым, несколько беспринципным и отчасти жуликоватым. И вот т. Киселев печатает в своей шестимиллионотиражной «ЛГ» статью (31.1.1990 г.), где утверждает, что Н. «сумел поставить на место» самого Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. Вдумайтесь только: «Поставить на место»! Не высовывайся, мол, знай свой шесток.

Смысл и цель выступления предельно ясны: — Вы не читали этого, Михаил Сергеевич? Не заметили? Руки не дошли? Так вот-с, доношу. Знайте, кто против вас копает. Надеюсь, будут приняты надлежащие меры-с...

Кстати сказать, перечислив все редакции и лица, что упомянул Н. (даже артистку Т. Гвердцители), С. Киселев вопросил: «Не правда ли, внушительный список?» Да, внушительный, но, к сожалению, не полный: в нем нет драгоценного имени самого члена Союза дизайнеров. Таким образом, утаив свое имя, сотрудник «ЛГ» еще раз убедительно засвидетельствовал как собственную трусоватость, так и жуликоватость иных публикаций своей газеты.

В статье А. Н. Яковлева привлекает меня многое и другое. Как не согласиться, например, с его словами о том, что сейчас особенно «нужны ясность мысли, спокойствие разума, взвешенность оценок и мер». Правда я, к сожалению, не обнаружил желанной ясности там, например, где автор с негодованием пишет: «Слишком много засуетилось людей со спичками, заболевших пожароманией». Если уж не хочется назвать этих людей, сказал бы хоть, где они: в Калуге или в Баку? в Рязани или в Кишиневе? в Костроме или в Душанбе?.. Не очень ясными показались мне и слова о «политическом уничтожении» А. Твардовского. Да, он ушел из журнала, который возглавлял в общей сложности почти двадцать лет. Это и есть «политическое уничтожение»? Зачем нагнетать и будоражить вроде бы уже утихшие страсти? Зачем и на этот раз столь ненаучно пренебрегать фактами? Ведь Твардовский и после ухода из журнала до конца дней своих оставался секретарем правления Союза писателей СССР, членом Комитета по Ленинским и Государственным премиям, депутатом Верховного Совета РСФСР, по-прежнему большими тиражами выходили его книги, получил еще один, третий по счету, орден Ленина да еще очередную, пятую по счету, уж явно избыточную, высшую литературную премию... Пошли нам Бог такое «уничтожение». В одном перечне с Твардовским странно видеть и некоторые другие имена, в частности, имя Н. И. Вавилова, который действительно был

уничтожен в прямом смысле слова. И опять вопрос: что это — сознательное манипулирование фактами? С какой целью?

Или вот читаем: «Мы говорим: перестройка принесла свободу». Не слишком ли обобщенно это сказано? Кто «мы»? Думаю, что, например, Виталий Коротич поддержит целиком тезис об обретенной свободе. Но поддержат ли его тысячи турок-месхетинцев, десятки тысяч русских, сотни тысяч армян и азербайджанцев, ставших в родной стране беженцами на пятом году перестройки? Или это надо понимать так, что они обрели одно из основополагающих прав человека — право свободного передвижения и выбора места жительства?

Дальше, конкретизируя свое понимание грянувшей свободы, автор кому-то сулит великие блага, а кому-то пророчит страшные беды: «Но свобода — дар лишь для тех, кто умеет использовать ее для созидательной реализации самого себя. А если нет, то свобода может обернуться для человека (уже обернулась для помянутых выше сотен тысяч. — В. Б.) наказанием, дестабилизировать его внутренний мир». И внешний тоже. Что ж получается? Свобода «лишь для тех, кто», то есть для какой-то элиты? А остальные? А некоротичи? А миллионы?..

ОХОТИТСЯ ЛИ БЕНЕДИКТ САРНОВ ЗА ЧЕРЕПАМИ СВОИХ БЛИЗКИХ?

Да, в приведенных выше примерах А. Н. Яковлев, как нам представляется, несколько отступил от своих замечательных принципов ясности, спокойствия и взвешенности. Но тем не менее как не откликнуться всем сердцем на его призыв к «большей терпимости, готовности уважительно дискутировать», как не принять всей душой напоминание о том, что отсутствием терпимости «в обществе воспитываются не только ненависть и разобщенность, но и равнодушие, беспринципность...» Все это прекрасно, гуманно, духоподъемно!

Но меня отчасти смущает (а у кого-то, допустим, у ленинградцев, могло вызвать и более сильные чувства) некоторое несоответствие между этими благородными призывами, гуманнейшими принципами и языком, лексикой статьи. В частности, я несколько огорчен определенной перенасыщенностью языка довольно неласковыми эпитетами, не слишком деликатными определениями, не очень-то корректными образами в таком духе: «кликушество», «клоунада», «глупость, недомыслие, чванство», «избыточное самолюбие, самомнение, чванство»... Едва ли обращение к оппонентам на таком языке свидетельствует о «готовности уважительно дискутировать».

Дальше: опять «кликушество», «свары», «мелкая суетность», «доносы», «доносительство», «идеологические доносы», «они беспринципны, безнравственны». Таким языком охотно пользуются для прославления своих литературных противников некоторые авторы «Огонька», вроде Е. Евтушенко, но, право же, это не может помочь тому, кто призывает к «самой широкой общественной консолидации», кто ищет «возможность широчайшего конструктивного диалога», кто зовет других «научиться сотрудничать со всем обществом, взаимодействовать со всеми его частями», кто, наконец, славит «искусство компромисса».

И опять: «эта возня», «вся эта возня», «политическая возня», «возня в литературных подъездах»... Ну с каких это пор русские профессора и академики стали изъясняться на такой манер? Можно ли представить себе академика Д. С. Лихачева или доктора исторических наук Л. Н. Гумилева с подобными речениями на устах?! Quod licet Evtusenco...

Еще: «низменные инстинкты», «догматические спекуляции», «темные инстинкты», «нравственная ущербность», «духовное растление», «распад личности», «комплекс неполноценности»... И ведь это все о живых людях, соотечественниках, с коими автор намерен «взаимодействовать» и «сотрудничать». Откуда такой набор? Из ярославской глубинки? Едва ли? Из канадской столицы? Совсем невероятно! Из газетных статей Evtusenco?

Еще? Пожалуйста: «авантюристы», «ничтожества», «осенние мухи», «околовертящиеся», «подлые и злые», «ленивые и безвольные», «неумение и нежелание работать», «кто зол, ленив и завистлив», «непомерные амбиции на (!) гениальность»... Ей-ей, это даже загадочно. Неужели профессор Яковлев надеется, что после таких аттестаций хоть кто-то из самых ленивых и безвольных протянет ему руку и вместе с ним продекламирует: «Развернемся в сторону культуры — общей и личной культуры человеческих отношений!»

И вновь: «злые духи», «ведьмы перестройки», «интеллигентствующие холопы застоя», «охотнорядство», «гробокопательство»... Тут уж пена видна на губах демократии.

Автор неутомим: «омерзительно», «гадость», «гнусность», «гомо сапиенс», «парадигма», «мерзопакостные формы», «не тявкнешь — не заметят»... И ведь все это, повторяю, на страницах писательской газеты, то есть предназначено прежде всего для потребления творческой интеллигенцией, литераторами. Кажется, с августа 1946 года никто из секретарей ЦК и не говорил с литераторами на таком языке. А среди пишущей братии, как известно, нередко встречаются персоны весьма чувствительные. По воспоминаниям Горького, Толстого однажды едва не стошнило, когда он встретил у какого-то писателя в одной фразе «кишку» и «кошку». А если рядом «мерзопакостное тявкание» и «гомо сапиенс»?

Можно было бы сменить пластинку, но нет: «подлая жажда власти», «топтание неугодных», «растоптать любого», «готовность изничтожить оппонента», «с дубинкой охотиться на других»... Господи, да что же это за напасть! Не позволял же себе т. Яковлев ничего подобного ни в «Правде», ни в «Московских новостях», ни на Пленуме ЦК, ни на Съезде народных депутатов. Почему ж в писательской газете так? Неужто иного языка мы не поймем да и не заслуживаем?

Его арсенал поистине неисчерпаем: «есть люди, как бы обреченные жить в пещерах», «охота за черепами», «жажда крови», «параноическая жажда крови близких», «садистское сладострастие»... Все-таки в известном докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград» таких стилистических выбросов, кажется, не было. А тут еще и такое: «возрождают дух «особых совещаний», «литературный вариант вышинских»... Ну, скажите на милость, чем «литературный вышинский» как воспитательное средство в устах секретаря ЦК лучше «литературного власовца», коим «Литгазета» в 1974 году именовала А. Солженицына?

Могут сказать: да, конечно, но в том приснопамятном докладе подобные словеса адресовались конкретным лицам, а здесь они

как бы распыляются в пространство, как бы в пустоту, как бы в эфир... А по-моему, такая анонимная распыленность еще хуже, ибо создает атмосферу всеобщих подозрений с возможностью ссылки на члена Политбюро. Допустим, кто такие «ведьмы перестройки»?

Я могу думать, что т. Яковлев имел здесь в виду, скажем, Татьяну и Наталью Ивановых из «Огонька», а мой сосед будет доказывать, что «Советскую культуру» и ленинградскую «Смену». А кого автор обрек жить в пещерах? Одни скажут, что Валентина Распутина. Другие возразят: нет, Валентина Оскоцкого! А у кого «омерзительные формы»? У Аллы Гербер? У Юрия Идашкина? У Татьяны Толстой? Кто в параноической жажде крови охотится за черепами близких? Бенедикт Сарнов? Владимир Бушин? Вадим Кожинов?..

В. Дудинцев со мной вряд ли согласится, а мне кажется, что лексика и фразеология статьи т. Яковлева работают не только против благородных идей, которыми он так одержим, но порой и против него самого. Причем в иных случаях — с особой силой. Например, он гневно проклинает карьеру и «подлую жажду власти», говорит, что власть — «это самое развращающее явление в истории». Очень похвально! Однако нельзя же не понимать, как это звучит в устах человека, который за два года из «рядового» директора института стал секретарем ЦК и членом Политбюро, то есть проделал головокружительную карьеру, достиг высших ступеней власти. Поистине, «потеря чувства юмора, а вместе с ним и стыда всегда ведет к конфузу».

В полной мере воспринять возвышенный пафос статьи несколько затрудняет, помимо отдельных языковых просчетов, также и настойчивая отстраненность, с какой автор говорит о «чиновном люде», об «аппаратных манипуляторах», например: «Руководство партии и ее чиновный аппарат на протяжении долгого времени взращивали противостояние в среде интеллигенции». Странновато слышать это от человека, который и сам на протяжении очень долгого времени принадлежал к чиновному аппарату партии, к ее руководству. В его биографии читаем: «С 1946 года на партийной и журналистской работе: инструктор, заместитель заведующего, заведующий отделом Ярославского обкома партии. С 1953 года в аппарате ЦК КПСС: инструктор, заведующий сектором, первый заместитель заведующего Отделом пропаганды». В аппарате ЦК проработал до 1973 года — двадцать лет, и на важных должностях. Поэтому лучше было бы не кивать на безымянное «руководство», а сказать примерно так: «Мы, руководство партии, на протяжении долгого времени взращивали противостояние в среде интеллигенции». Это было бы более корректно. Тут можно бы в порядке той же благодетельной самокритики и пример конкретный привести — статью «Против антиисторизма», напечатанную, кстати, в той же «Литгазете» в 1972 году.

Но тут от Яковлева-литератора мы уже переходим к Яковлеву-политику. И в этой своей ипостаси он радует В. Дудинцева. Однако, на наш взгляд, тут вопрос очень сложный.

С ЛЕНИНЫМ ИЛИ С АРБАТОВЫМ?

Оказывается, не только в Ленинграде сыскалось «пятьсот патриотов», которые не разделяют чувства писателя В. Дудинцева. Секретарь временного ЦК Компартии Литвы (на платформе КПСС)

В. Н. Швед заявил на Пленуме: «Нередко на самом высоком уровне благословляются процессы отнюдь не перестроечного характера. Например, меня просили передать членам Пленума, что в республике многие коммунисты связывают идейно-теоретическое обоснование процессов, приведших республику к нынешней ситуации, с визитом в Литву Александра Николаевича Яковлева в августе 1988 года, когда эта ситуация только складывалась. Но вот когда она явно повернула не туда, почему-то оперативной реакции со стороны ЦК КПСС (в первую очередь, конечно, со стороны А. Н. Яковлева, видевшего все своими глазами и бывшего тогда секретарем по идеологии. — В. Б.) не последовало». Можно добавить: очень странно и то, что т. Яковлева не оказалось среди членов бригады ЦК, которая под руководством М. С. Горбачева в январе этого года направилась в Литву.

Тов. Яковлев, конечно, оправдывался. Оказывается, в 1988 году он в Литве произносил одни только распрекрасные речи о дружбе народов. В частности, говорит, вспоминал о том, какую славу снискала во всей стране поэма Межелайтиса «Человек». И, начисто отвергнув все претензии в свой адрес, решительно заявил о причине кризиса: «Руководство продемонстрировало недальновидность». Но опять возникает вопрос: при таком-то глубоком знании литовской культуры почему бы не поехать в январе в Литву, дабы помочь и товарищам по ЦК, и местному руководству! Почему бы не почитать литовцам Межелайтиса?

Я — человек.
Я — коммунист.
Крепко стою на земле
И подпираю плечами небо...

Почему бы не продекламировать?

Как всегда, не обошлось в оправдательной речи т. Яковлева без назидательных поучений в таком роде: «Тот, кто не знает азбуки и арифметики политики, ее логики, не может рассчитывать на успех».

Но еще интереснее, что на Пленуме его упрекнули именно в незнании азбуки и арифметики того дела, которым он всю жизнь занимается. Так, первый секретарь Рижского горкома партии А. П. Клауцен сказал: «Само по себе в этой жизни, в этом мире ничего не происходит. Многое лежит в нашем прошлом. Однако главное, думается, все же в том, в чьих руках находится важнейший рычаг, влияющий на формирование общественного мнения. Я имею в виду средства массовой информации. Кто владеет ими, тот и влияет на настроение и поведение людей... И давайте спросим себя. Если изо дня в день в течение года или двух (А если пяти? — В. Б.) идет охаивание ценностей социализма по радио, телевидению, на страницах печати, останутся ли равнодушными люди? Конечно, нет. В особенности, если делается это профессионально, четко и организованно. Коммунисты часто упрекают нас в том, что мы не оказываем необходимого воздействия на работу средств массовой информации. И они во многом правы.

Вместе с тем, думается, дело не только в нас. Не так давно на встрече, кажется, в Высшей комсомольской школе уважаемый Александр Николаевич Яковлев высказал мнение, что средства массовой информации только объективно отображают те процессы,

которые протекают в реальной жизни...» Тов. Клауцен закончил так: «На примере республики я могу заявить, что средства массовой информации не столько отображают, сколько формируют процессы жизни в нужном направлении. Так было всегда, так происходит и сегодня. Видимо, неслучайно, что в Румынии одним из важнейших объектов первоначальной битвы было именно здание телевидения».

Разве не очевидно, что изображать прессу всего лишь бесстрастным зеркалом жизни, как это делает т. Яковлев, это и есть незнание азбуки. Но трудно все-таки допустить, что люди, дошедшие до заоблачных вершин политической иерархии, могут не знать слов В. И. Ленина о том, что печать — самое сильное, самое острое оружие партии, что печать не только коллективный пропагандист и агитатор, но и коллективный организатор. И тут, хотим мы или нет, сам собой возникает вопрос: не сознательно ли эти люди прикидываются простачками? не намеренно ли игнорируют бесспорное ленинское положение? А если так, то с какой же целью внушают народу антиленинскую мысль?

На упреки относительно своей роли в событиях, происшедших в Литве, т. Яковлев еще пытался возражать со ссылками на свою любовь к поэзии Межелайтиса, но в ответ на заявление т. Клауцена он умело промолчал.

Молчание т. Яковлева выглядело тем более красноречиво, что ведь когда началась перестройка, он был заведующим Отделом пропаганды ЦК, через год — стал секретарем ЦК по идеологии, и наша пресса, в которой тогда произошли большие кадровые перемены, оказалась, естественно, предметом его неусыпных забот.

Чтобы уж больше не возвращаться к вопросу о роли т. Яковлева в литовских событиях, напомним, что даже спустя полгода после своей поездки в Литву, в феврале 1989-го, он успокаивал нас совершенно в духе арбатовского «Бумеранга»: «Я не вижу ничего страшного в движении народных фронтов Прибалтики»... «Есть там люди, которые говорят, что надо отделиться от Советского Союза, но их мало. Большинство понимают, что это совершенно нереально»... «Подогревание политических страстей? Чего тут плохого? Пусть поговорят»... «Я был на предприятиях, где национальный состав пятьдесят на пятьдесят. Прекрасное настроение, проблем никаких нет». «Думаю, что там все станет на свои места. И вообще, повторяю, нам надо перетерпеть, и не паниковать...» Что ж, и перетерпели, и все стало на свои места: Литва заявила о своем выходе из Советского Союза. И никаких проблем...

Ничего не ответил т. Яковлев и В. Г. Ануфриеву, который, напомнив о некоторых поразительных политических просчетах, ошибках и нелепостях, сказал: «Так вот, товарищи, может, нам кто-то все-таки объяснит все эти процессы? Говорят, что конструктором, соратником является товарищ Яковлев. Его называют за рубежом именно таким конструктором. Я скажу, что товарищ Яковлев — наш великий молчальник... Но, товарищ Яковлев, объясните нам эти процессы, ваши замыслы, ваши идеи. Может быть, мы поверим. Пока-то тревога. Пока-то, товарищи, настоящая в народе боль за все эти процессы». Нет, не объяснил, не ответил. Предпочел молча проглотить прозвище Великий Молчальник. Как раньше, после доклада на съезде о договоре 1939 года, столь же безропотно принял прозвище Виртуоз.

52 ПРОТИВ ОДНОГО — ПАРТИЙНАЯ ЭТИКА!

Перечислив все профессионально-должностные и творческие ипостаси А. Н. Яковлева и заявив, что он глубоко уважает его как политика-ученого-дипломата-литератора, В. Дудинцев — это в наше-то время приоритета общечеловеческих ценностей! это писатель-то! — почему-то умолчал о том, как он относится к Яковлеву как человеку. Странно!

Для меня лично большую роль в понимании человеческого облика А. Н. Яковлева сыграло его участие в коллективной морально-политической экзекуции Б. Н. Ельцина на октябрьском Пленуме ЦК в 1987 году. У нас на Благуше всегда свято чтили древний закон: лежачего не бьют, двое против одного — это позор! А тут против одного было 28. И храбрость, ярость в разоблачении противника перестройки они явили не меньшую, чем 28 героев-панфиловцев при защите Москвы. Да и чего ж не быть героем: перед тобой не танки же! А немного позже профессор и член Политбюро, доктор наук и секретарь ЦК, член-корреспондент и депутат Верховного Совета, гуманист и почитатель Межелайтиса молча наблюдал, как Ельцина на пленуме горкома еще раз прогнали сквозь строй 24 идеолога. В сумме 52 против одного!.. Вот с каких акций нового мышления начиналась и брала разбег наша кровоточащая перестройка, об одном из конструкторов которой мы тут ведем речь.

Между тем, поэт был глубоко прав, когда писал:

А ведь от вольтерьянских максим
не так уж долог путь к тому,
чтоб пулемет системы «максим»
с тачанки полоснул во тьму...

Думаю, что не только от вольтерьянских, но и от таких «максим», как 52 против одного. Вскоре после этого и полоснули по телу родины Сумгаит, Фергана, Баку, Душанбе...

Облик т. Яковлева стал для меня еще отчетливей, когда в 1988 году, в декабре, он заявил: «Б. Н. Ельцин — нормальный политический руководитель. Лично я критикую его и не могу понять за одно: у нас, коммунистов, должна быть очень высоко развита партийная этика. А Борис Николаевич...» Ну, словом, Яковлев, без колебаний принявший участие в коллективной экзекуции вольнодумца («нравственные принципы надо наступательно проводить в жизнь»), свято выполнил требование очень высоко развитой партийной этики, а Ельцин, оказавшийся в одиночестве против 52, позорно нарушил ее. Участнику экзекуции это не помешает, однако, с грустью заявить: «Мы еще не научились совестливости, милосердию, не всегда относимся к человеку как к человеку — вот наша беда». Как проникновенно сказано! Плакать хочется. Однако кто это — «мы»? И чья это беда — «наша»?

Но слушаем дальше: «Большинство положений, высказанных т. Ельциным, правильные. Ни открытий нет, ни хулы никакой нельзя возвести». Совершенно верно, но что ж не сказал он об этом тогда, на октябрьском Пленуме? Причина молчания, оказывается, такова: «А вот по настроению он поставил весь ход перестройки под сомнение». Итак, Ельцин всего лишь не сумел соблюсти кое-какие нормы высочайшей этики да высказал нехорошее настроение. Именно за это его и пожурили слегка... Все это, разумеется, не

могло не вызвать эффект, совершенно обратный тому, на который рассчитывали мудрецы, знающие и азбуку и арифметику: популярность Б. Ельцина невероятно подскочила, его выдвинули своим кандидатом в депутаты многие избирательные округа. Вот тут-то т. Яковлев и встрепенулся: Ельцин? Нормальный политический деятель. И азбуку прекрасно знает. И арифметику. И химию. Я всегда говорил...

В статье Александра Яковлева «На рубеже» («Известия», 23.2.1990 г.) читаем: «Мы много боролись. Иногда вынужденно, но нередко и по собственной инициативе. Иногда — с реальным противником. Но бывало — и с противником вымышленным или искусственно созданным». Все, казалось бы, человек понимает. Но не мог же он в столь почтенных летах так поумнеть всего за два года! Я думаю, и в 1987 году он прекрасно понимал, что двукратная расправа над Б. Ельциным — это именно борьба «по собственной инициативе». Полагаю, что и в 1988 году он давал себе ясный отчет, что Нина Андреева — это «противник, искусственно созданный». Уверен, что и в 1990 году он отчетливо сознает, что травля этой женщины, длящаяся вот уже третий год, — одно из самых позорных пятен перестройки. Конечно, все это А. Н. Яковлев и понимал и видел. Да и как не видеть, если в обоих случаях конечный итог был в известном смысле одинаков: Б. Ельцин оказался в Верховном Совете, а Н. Андреева по популярности в мире заняла среди женщин то ли третье, то ли четвертое место, где-то между Корасон Акино и Бхутто. Ну а если понимал, то что же все это значит?.. К какой цели устремлена вся эта виртуозность?

Вечером 27 ноября 1989 года, выступая по Центральному телевидению, т. Яковлев между прочим сказал: «Мы исповедовали двойную и тройную мораль». В этой коротенькой фразе было две больших неясности. Во-первых, опять кто это «мы»? — члены ЦК? работники нашего посольства в Канаде? сотрудники Института мировой экономики? лично т. Яковлев? Во-вторых, когда это было — в тридцатых годах? в октябре 1987 года? в апреле 1988-го? Я думаю, Владимир Дудинцев, как были, так и есть люди, исповедующие и двойную, и тройную мораль. И именно благодаря этому они вознеслись и парят кто над Иваном Великим, кто над статуей Свободы.

До каких времен мы дожили! Как все взбулгачено, замызгано, перемешано! Прав А. Н. Яковлев: «То, что вчера казалось кощунственным, сейчас банально». Например, что говорят, что пишут о крупнейших политических фигурах и прошлого и настоящего! Да и не только политических. Даже о В. И. Ленине. Давняя-предавняя брехавина, что он немецкий шпион, выглядит ныне детской забавой. О Сталине два доктора исторических наук глубокомысленно пишут в «Московской правде», что он был агентом Третьего отделения. В «Советской России» вышла книга, автор которой уверяет, что Черчилль в молодости сотрудничал с бурской разведкой, а когда был министром и премьером — с германской. В Чехословакии появились публикации, утверждающие, что национальный герой страны Юлиус Фучик состоял тайным сотрудником гестапо, а его «Слово перед казнью» — фальшивка. О легендарном защитнике Сталинграда Герое Советского Союза Якове Федоровиче Павлове «Комсомольская правда» распустила слух, будто бы это не настоящее его имя. О Юрии Гагарине сплетничают: не погиб в авиационной катастрофе, а умер в психушке. Эриха Хонеккера официально обвинили в государственной измене. Не избежал горькой участи и наш президент. Как мы узнали из четвертого номера «Известий ЦК КПСС», оказывается, «сейчас можно услышать: то, что не мог империализм сделать с Советским Союзом за 70 лет, Горбачев, так сказать, делает» (с. 93). Ну, естественно, положив предварительно кругленькую сумму в швейцарские банки («Правда», 27.4.1990).

Понять авторов этих америк в иных случаях не так уж трудно. Что двигало, например, двумя помянутыми историками, выступившими в «Московской правде»? Да скорее всего хищное желание, пользуясь обстановкой, урвать на старости лет хоть кусочек известности, коей не удалось обрести на ниве честного научного труда за всю долгую жизнь. Или вот Ан. Рыбаков как о позорном грехе твердит без устали, что Сталин-де был очень маленького роста. На самом деле рост у него был 174 сантиметра. Однако можно понять Рыбакова и даже посочувствовать ему: сам он при его 156 сантиметрах всю жизнь ходит в ботинках на высоких каблуках...

Не ровен час, в нынешней обстановке и самому т. Яковлеву могут предъявить претензии посерьезнее тех, что высказаны здесь. Да уже и предъявляют! Говорят, например: «В большой степени способствовал росту противостояния в среде интеллигенции и в обществе в целом член Политбюро А. Н. Яковлев». Пишут, например: «Политические силы, которые замыкаются непосредственно на члене Политбюро Яковлеве, привели общество в перевозбужденное состояние». Обвиняют, например: «Яковлевский газетно-журнальный передел восемьдесят шестого года был сугубо административным, волевым, нарушившим равновесие в обществе»... Не исключено, что появятся обвинения и потяжелей...

Тяжело больной (перенес несколько операций по поводу рака почек) 77-летний Герой Советского Союза Эрих Хонеккер ответил следователю на обвинение в государственной измене: «Один раз, в 1935 году, меня уже держали полтора года по подобному обвинению в предварительном заключении, потом приговорили к 10 годам тюрьмы». Почти 12 лет человек просидел в гитлеровских тюрьмах. Разумеется, обвинение старого коммуниста в измене — грязная клевета негодяев, вскоре отвергнутая. И сейчас немощного больного человека взяла на попечение евангелическая община: ему просто негде приклонить голову.

А что скажет т. Яковлев в ответ на выдвинутые против него обвинения? Учтите, мол, что я два раза по 12 лет просидел в уютных кабинетах ЦК? Могут не принять во внимание. И найдется ли сердобольная община, на которую можно было бы рассчитывать?..

●

Вл. СОРОКАЖЕРДЬЕВ

АРКТИЧЕСКИЕ «ИГРЫ», РОЖДЕННЫЕ ПАКТОМ

I. «БАЗА НОРД» НА МУРМАНЕ

В среду 23 августа 1939 года два тоталитарных режима с разными идеологическими системами определили свое ближайшее будущее: родился советско-германский договор о ненападении сроком на десять лет. А спустя неделю гитлеровские сапоги взбивали пыль на польских дорогах — началась вторая мировая война.

На пресс-конференции народный комиссар обороны К. Е. Ворошилов, герой гражданской войны, но человек недалекий в политике, объявил: «Военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик в силу непреодолимых разногласий». И откажись советская сторона от германских предложений, страна подвергла бы себя смертельному риску. Какому риску, от кого — нарком умалчивал. Не от Германии ли, которой, прежде чем напасть на СССР, нужно было преодолеть Польшу? Именно Польша — камень преткновения на переговорах между Западом и Сталиным.

После подписания пакта пропагандистский тон в обеих странах изменился.

28 сентября 1939 года председатель Совнаркома, он же министр иностранных дел Молотов, а с немецкой стороны Риббентроп подписали Договор о дружбе и границе между СССР и Германией, приняли ряд военно-экономических соглашений. По одному из них наша сторона обязалась представить немцам на Крайнем Севере порт или место для военно-морской базы, куда могли бы заходить крейсера, действующие на торговых путях союзников в Атлантике. Для базы немцы просили район Мурманска, как более удобный в техническом отношении, с развитой системой судоремонта, уже с 17 сентября там отстаивались два снабженческих корабля.

В том же месяце на Северном флоте побывал новый нарком военно-морского флота Н. Г. Кузнецов. Какова причина его поездки, ибо Николай Герасимович совсем недавно, в июне, приезжал на Север — и в Архангельск, и в Полярный? В своих мемуарах сентябрьскую поездку он объяснил чисто флотскими делами. Важный момент в воспоминаниях опущен: выбор места для немецкой базы. Где? Улетая, Кузнецов имел в папке два варианта — Териберку и губу Западная Лица.

Военно-морской атташе в Москве Баумбах, специалист по Северу, на запрос из Берлина 11 октября ответил главнокомандующему ВМС Редеру, что Териберку не считает подходящим местом для базирования кораблей и подводных лодок. Относительно Мурманска советовал не настаивать, аргументировал:

«а) из-за присутствия иностранных кораблей в Мурманске скрыть деятельность немецких ВМС невозможно;

б) русские готовы удовлетворить немецкие пожелания, если им удастся сохранить хотя бы видимость нейтралитета;

в) те работы, которые могли быть выполнены на судоремонтных заводах в Мурманске, ни в коей мере не могут сравниться с ремонтом на немецких верфях».

Между тем в Мурманске все явственнее слышалась немецкая речь. С началом войны многие германские суда поспешили здесь укрыться — торговые, зверобойные, рыболовные. Была среди них яркая знаменитость того времени — обладатель «Голубой ленты Атлантики» лайнер «Бремен». Кузнецов вскользь упоминает о нем: «В те дни в Кольский залив неожиданно зашел немецкий лайнер «Бремен». Он, как до этого итальянский «Рекс», носил на трубе голубую ленту — знак превосходства в скорости над всеми пассажирскими судами мира. Дел у «Бремена» в Мурманске не было, его туда загнали, конечно, военные обстоятельства. Как невоенный корабль, он имел право посетить наш порт. Но, постояв некоторое время, «Бремен» столь же неожиданно покинул Мурманск и, воспользовавшись плохой погодой, прорвался в Германию».

Построенный в 1929 году в Бремене, лайнер «Бремен» в первом же рейсе установил рекорд скоростного плавания через Атлантический океан, был самым комфортабельным судном, имел почтовый гидросамолет, типографию, развивал скорость в 30 узлов. Это не все. В экипаже служили профессиональные разведчики, в укромных помещениях пряталась современная шпионская аппаратура. За несколько часов до начала второй мировой войны лайнер без пассажиров покинул Нью-Йорк и растворился в океане. В пути на Гамбург капитан Аренс получил шифровку следовать

в Баренцево море, вскоре достиг мурманского побережья, района Териберки, откуда под проводкой буксира и лоцмана пришел на мурманский рейд.

Появление обладателя «Голубой ленты Атлантики» в Кольском заливе явилось неожиданностью для местных властей. Пограничники, не искушенные в вопросах большой политики, изъяли у немецких моряков фото- и киноаппаратуру. Возник конфликт. Не улаживал ли его Кузнецов? Или последовал звонок из Москвы? Кинокамеры и фотоаппараты вернули, извинились, морякам разрешили сойти на берег. В те осенние дни 1939 года разведчики с «Бремена» поработали на славу. Неудивительно, что в годы Великой Отечественной войны у сбитых немецких летчиков в мурманском небе находили подробные планы города с указанием причалов, важных промышленных и военных объектов.

С наступлением полярной ночи германские суда — а их скопилась в Кольском заливе целая флотилия — поодиночке ушли на родину. 6 декабря после трехмесячной «гостеприимной» стоянки растворился в океанском тумане и «Бремен»...

Военно-морское ведомство Редера согласилось на «концессию» губы Западная Лица — третий последний вариант, и вскоре там закипела работа: строились склады снабжения, ремонтные мастерские, причалы. Секретный порт в Западной Лице получил наименование «База Норд» или «Пункт Норд». Он создавался в расчете на крейсера, оперирующие в Атлантике, но сюда мог заходить любой немецкий военный корабль, и здесь немцы могли действовать по своему усмотрению. Для советских людей, тем более для иностранных судов, район был недоступен. В глубокой секретности «Базы Норд» были заинтересованы обе стороны. В случае раскрытия Гитлер лишался бы базы для крейсеров, а Сталин терял политический авторитет, без того подорванный пактом о ненападении, противоречащим решениям VII конгресса Коминтерна, как соглашательство с «открытой террористической диктатурой».

Кто посвящался в тайну «Базы Норд»? Конечно, о ее существовании знали немногие. Кого-то репрессировали накануне Великой Отечественной войны, кто-то погиб на фронте. Уцелевшие в мясорубке политических интриг, в том числе командующий Северным флотом В. П. Дрозд, вскоре также ушли из жизни. Между тем какая-то информация на Британские острова просочилась. Советско-финляндский конфликт («Зимняя война») 1939/40 года привлек внимание к северному району англичан. Они чувствовали: на берегах Мурмана есть какая-то тайна. Их военные корабли все чаще и чаще появлялись в Баренцевом море. Англичане и французы готовили высадку своих войск на мурманском побережье. В ответ наша сторона распорядилась выставить 370 мин между норвежским портом Варде и полуостровом Рыбачьим в январе — феврале 1940 года. Уступка нашей страной по мартовскому договору района Печенги (Петсамо) в пользу Финляндии, которая опять получила прямой выход в Северный Ледовитый океан, а также последующие норвежские события несколько успокоили обитателей туманного Альбиона, но присутствие немцев на советских арктических берегах они все-таки предполагали, о чем делились со всем миром. В середине января штабисты Ленинградского военного округа не выдержали и выступили с опровержением, что никаких «немецких военных инструкторов» на советской территории нет, мол, даже неловко опровергать глупую болтовню.

5 апреля 1940 года военно-морской атташе Баумбах уведомил Берлин о беспокойстве русских, которые, не требуя ликвидации «Базы Норд», рады были бы прекращению ее деятельности до того момента, когда политическая обстановка несколько прояснится. В качестве альтернативы, продолжал Баумбах, Сталин не против летом текущего года силами Севморпути, о чем было запрошено ранее, провести одно немецкое судно до Берингова пролива.

Проблема разрешилась неожиданно. Через несколько дней гитлеровцы высадились в Норвегии, где получили удобные для своих баз фьорды. «База Норд» на Мурмане утратила свое значение. В то время в ней находились три танкера с топливом для эсминцев, действующих у Нарвика, да несколько грузовых судов. В Кремле вздохнули свободно. Сталина не смутило даже то, что англичане перехватили некоторые суда, а на страницах англо-американской и скандинавской печати поднялся шум по поводу несоблюдения нейтралитета. Сообщения западной печати ТАСС опровергло в духе того времени: ложь, провокация. Таких опровержений в ходе норвежских событий опубликовано несколько. 14 апреля «Правда» писала: «Английская газета «Дейли телеграф энд морнинг пост» и литовская газета «Лиетувос айдас» напечатали сообщения, что будто бы германские войска были доставлены в Нарвик из Мурманска, где они будто бы находились до этого. ТАСС уполномочен заявить, что эти сообщения... совершенно не соответствуют действительности и являются провокационным вымыслом».

Как видим, захваченные снабженческие суда, базирующиеся на Мурмане, дали англичанам повод для широкого обобщения: о наличии германского военного контингента в районе Мурманска. Были ли в «Базе Норд» войска — мы не знаем. Известно, что посол Шуленбург зондировал у Молотова вопрос об использовании Мурманской железной дороги и самого Мурманска для переброски войск в Норвегию, когда под Нарвиком стало слишком жарко, и не получил одобрения.

За аренду губы Западная Лица немцы рассчитались недостроенным тяжелым крейсером «Лютцов». 31 марта 1940 года его привели в Ленинград и переименовали в «Петропавловск». Достроить корабль не удалось. В годы Великой Отечественной войны использовался как плавучая артиллерийская батарея. В сентябре 1941 года при обстреле города крейсер затонул, спустя год эпроновцы его подняли, и до конца войны он защищал Ленинград. В море «Петропавловск» так и не вышел, впоследствии разрезан на металлолом. Чтобы скрыть сделку, после передачи корабля немцы срочно переименовали в «Лютцов» другой тяжелый крейсер «Дейчланд», который позднее, в 1942—1943 годах, безуспешно участвовал в операциях против союзных мурманских конвоев.

Летом 1940 года на Северном флоте сменились командующие: вместо В. П. Дрозда, убывшего на Черное море, назначили молодого энергичного контр-адмирала Арсения Григорьевича Головко. Нелегкое ему досталось хозяйство. Советско-финляндская война выявила недостатки военно-командной структуры, боеспособности подразделений флота из-за разбросанности частей и служб по огромному побережью. Не миновала Северный флот и волна репрессий. Спустя три месяца после назначения неожиданная беда: в Мотовском заливе, именно в том районе, где находилась «База Норд», погибла головная лодка серии «Декабрист» Д-1. Причину

гибели лодки не установили. «Целую неделю я провел вместе с поисковыми судами в районе исчезновения Д-1, — вспоминал Головко. — Поиски были тщетными. Конечно, лодка погибла. О причинах гибели строились всякие предположения. Одни считали, что в заливе находилась чужая подводная лодка, она, мол, подкараулила Д-1 и потопила ее. Другие полагали, что в Мотовском заливе кем-то поставлены мины и что лодка подорвалась на одной из них...»

Эта последняя версия специалистов не лишена здравого смысла. Оборудуя «Базу Норд», немцы, безусловно, подумали о ее безопасности и заминировали подходы к ней. Где и какие мины ставили, нашу сторону, естественно, не информировали. Схемы минных заграждений стали их личным секретом. А ликвидируя базу, не тратили силы и время на траление, а может, видели в том дальний умысел, ибо у Гитлера уже созрел зловещий план «Барбаросса» — план нападения на Советский Союз. Применительно к Северу там были такие строки: «Внезапности наших действий с моря, с воздуха и при минировании препятствуют полярный день, достаточно большие глубины и хорошая постоянная охрана Кольского залива и Горла Белого моря. Это с точностью удалось установить в период действия германо-советского пакта и, в частности, при использовании пункта «База Норд»*.

II. РЕЙД КРЕЙСЕРА «КОМЕТ»

Тем же летом в Арктике произошло событие, подтверждающее, что обещание Сталина не расходится с делом, дружба с фашистской Германией продолжалась и крепла. 9 июля 1940 года из норвежского порта Берген вышел курсом на Новую Землю немецкий вспомогательный крейсер «Комет», в секретных документах его еще называли «Корабль №45» или «Рейдер В». Переоборудованный из обычного парохода «Эмс», крейсер имел 150-миллиметрового калибра орудия, зенитное вооружение, торпедные аппараты, мины, катер для установки мин, гидросамолет. В трюмах находилось различное снаряжение для действий в полярных и тропических широтах. От Новой Земли «Комет» должен был пройти по Северному морскому пути в Тихий океан и там действовать в районах колониальных владений Англии и ее союзников. Такая операция, конечно, не мыслилась без согласия и помощи Советского правительства, требовались ледоколы и лоцманы. Согласие на проводку у берегов Сибири, как уже говорилось выше, Сталин дал, были выделены три ледокола и лоцманы — опытный полярный капитан Д. Н. Сергиевский и его помощник А. Г. Карельский.

Вспомогательный крейсер «Комет» покинул Норвегию, замаскированный под советское судно «Дежнев» с портом приписки Ленинград, а в советских водах он превратился в немецкий пароход «Данау» из Бремена. В пути капитан Роберт Эйссен получил радиограмму из Берлина: из-за сложных ледовых условий русские просят отложить проводку на месяц. Не хитрость ли это русских? Анализ разведданных радиоперехвата не дал ничего нового. А между тем отсрочка произошла не только из-за тяжелых льдов,

* Документ называется «План «Барбаросса» применительно к ситуации в Ледовитом океане». В сокращенном варианте перевод опубликован литератором из Игарки Р. Горчаковым в газете «Моряк Севера» 6 мая 1987 года.

намечался переход советской подводной лодки Щ-423 из Мурманска во Владивосток. Наша сторона предлагала переждать в Мурманске или в «Базе Норд». Подумав, немцы решили не рисковать, ибо заход в порт не гарантировал сохранения тайны операции. Выполняя указания Берлина, Эйссен остался в дрейфе в Печорском море в районе острова Колгуева. За время стоянки с 15 июля по 16 августа экипаж усиленно тренировался, вел научные исследования моря, прослушивал радиоэфир, а вечерами команда смотрела кинофильмы, коих на борту имелось около ста. Через день меняли место стоянки. Наконец 13 августа после месячного ожидания радист принес капитану очередную радиодепешу: «Русские предлагают, чтобы корабль направился в Маточкин Шар, где его будет ждать ледокол «Ленин». На наш запрос Москва сообщила, что ледовая обстановка улучшилась и следует торопиться».

«Ленин» не дождался немцев, ледокол был занят другим. 10 августа в Маточкином Шаре он встретил подводную лодку Щ-423 и повел ее по Карскому морю. На берегу остались лоцманы Сергиевский и Карельский, которые через несколько дней поднялись на борт крейсера, точнее — парохода «Данау», ибо истинное предназначение судна они не знали. С того момента между «Комет» и ушедшими вперед ледоколами поддерживалась постоянная радиосвязь. «Ленин» под командованием М. Н. Николаева встал под проводку только 25 августа в районе острова Тыртова, благополучно провел немцев через пролив Вилькицкого в море Лаптевых. Капитан цур Зее* Роберт Эйссен, которому позднее за «подвиги» в южных широтах присвоили звание контр-адмирала, записал в дневнике: «Это было восхитительное путешествие через пролив Вилькицкого под голубым небом, бледной луной и полуночным солнцем. Все было там за исключением льда». Здесь встретились с линейным ледоколом «Сталин». Капитан М. П. Белоусов телеграфировал Сергиевскому: «Следуйте за мной. Когда встретим лед, я дам сигнал остановиться. Тогда прошу прибыть на наш корабль. Прошу Сергиевского пригласить к нам капитана, если тот пожелает. «Ленин» будет от вас по правому борту». Эйссен согласился и, по его словам, встречу поддерживал с трудом, ибо жизнь немецких моряков текла по среднеевропейскому времени, тогда как русская сторона жила по местному, и пить «водку и зубровку из огромных стаканов» немцам пришлось аж в шесть часов утра. 27 августа корабли расстались, и пролив Санникова «Комет» преодолел в одиночку, особо тяжелые льды не встречались. А тем временем подводная лодка Щ-423, о существовании которой на борту «Комет» по-прежнему не догадывались, находилась в Тикси. У сопровождавшего ее транспорта «А. Серов» с экспедиционным имуществом обломились у винта три лопасти. Снаряжение перегрузили на другой пароход, и 31 августа необычный караван покинул Тикси.

В Восточно-Сибирском море восточнее Медвежьих островов германских мореплавателей поджидал ледокол «Каганович», на котором находился начальник штаба проводок Восточного сектора Арктики Афанасий Павлович Мелехов**. Море затягивалось льдом, плавание усложнялось — снег, ветер. Местами пробивали девяти-

* Воинское звание в германском ВМФ, соответствует капитану I ранга.

** Мелехов погиб в 1942 году близ США на торпедированном фашистами пароходе. Прах перевезен в Москву. Его судьбу разделил Сергиевский: погиб на пароходе «Сталинград» в северном конвое.

бэльный лед. Сломался руль. В последний день августа прошли всего 60 миль. 1 сентября встретились разводья, моряки вздохнули свободно. Но возникли трудности иного рода. На борт крейсера поднялся Мелехов и сообщил о телеграмме из Москвы, требующей свертывания операции по проводке. Мало того, продолжал Мелехов, он получил приказ вести немецкий корабль обратно, так как в Беринговом проливе замечены американские и японские сторожевые корабли. На самом деле там находились корабли Тихоокеанского флота, ожидавшие подводную лодку Щ-423. Эйссен и ухом не повел: с японцами — дружба, а с американцами пока войны нет. В крайнем случае можно и показать когти.

Радиограмма Мелехову исходила от начальника Севморпути И. Д. Папанина, но было ясно, чью он выполнял волю. В то время Молотова беспокоили очередные претензии англичан о несоблюдении нейтралитета. Чтобы обезопасить свой шаткий авторитет, сталинское правительство решило прервать переход фашистского рейдера, превратившись в невинную овечку, сделать вид, что германская сторона, выдавая замаскированный военный корабль за обычное судно, его обманула. Эйссен понял сразу: Москва хотела снять ответственность перед англичанами, что заключила такое соглашение с Германией, и после продолжительной дискуссии «для успокоения совести русских и для того, чтобы освободить их от политической ответственности», сделал следующее заявление:

«Руководителю морских операций в Восточном секторе Арктики капитану Мелехову.

Я, капитан цур Зее германского военно-морского флота Р. Эйссен, капитан немецкого парохода, который на основании соглашения с советским правительством проведен в навигацию 1940 года с запада на восток Северным морским путем, заявляю:

1) Меня устно поставили в известность об указании Папанина отвести мой корабль обратно на запад в связи с тем, что в Беринговом проливе появились иностранные корабли, которые могут заметить мой корабль.

2) Мною получено от вас сообщение о появлении японской китобойной флотилии в районе мыса Сердце-Камень и о том, что в районе острова Врангеля замечен военный корабль.

3) Все эти данные доведены до моего сведения, но я считаю, что вышеупомянутые корабли не представляют для меня никакой опасности. Я располагаю всеми средствами, чтобы незаметно покинуть советские воды.

4) Поскольку я располагаю полномочиями из Берлина действовать на месте по собственному усмотрению независимо от содержания приказов из Берлина или Москвы, я с 23.00 (московское время) 2 сентября 1940 года следую восточным курсом самостоятельно, причем ответственность за все возможные последствия принимаю на себя.

5) Вопреки всем вашим протестам я категорически отказываюсь ждать дальнейших указаний и настаиваю на том, чтобы лоцманы Сергиевский и Карельский, задачу которых я считаю выполненной, были сняты с корабля. В противном случае я высажу их на землю там, где они пожелают.

6) Я не имею никаких претензий в части проводки моего корабля, который в настоящее время находится на 70°09′ северной широты и 169°53′ восточной долготы. Напротив, я хотел бы подчеркнуть, что все мои просьбы исполнялись и во всех вопросах, связанных с проводкой, мне шли навстречу, за что я выражаю свою благодарность и признательность.

Чаунская губа, 2 сентября 1940 года.

Командир корабля капитан цур Зее Роберт Эйссен».

Это заявление передали Мелехову рано утром 3 сентября. Начальник Восточного сектора вскоре ответил о только что состоявшихся новых переговорах с Москвой и что Эйссен может продолжать свое плавание. Ледокол «Каганович» еще некоторое время сопровождал крейсер на восток, а потом повернул обратно. Простились — соответственно арктической погоде — холодно.

«Комет» шел со скоростью 14 узлов по чистой воде, огибая небольшие ледяные поля. В ночь с 5 на 6 сентября никем не замеченным проскочил Берингов пролив. В Анадырском заливе он опять превратился в советское судно «Дежнев», а в Тихом океане выдавал себя за японский теплоход или рыболовную плавбазу.

В дальнейшем крейсер «Комет» разбойничал в Тихом и Индийском океанах, у берегов Австралии и Антарктиды, обстреливал британские колониальные порты, вместе с другим рейдером — «Пингвин» — топил встречающиеся на пути торговые суда. Всего на его пиратском счету 9 потопленных судов общим тоннажем 57 215 брутто-регистровых тонн. Один из захваченных пароходов с грузом каучука и олова Эйссен отправил с немецким экипажем в Германию. В ноябре 1941 года, завершив кругосветное плавание, «Комет» вернулся на родину в Куксгафен, а спустя год в Ла-Манше его потопил английский торпедный катер.

Вторая арктическая сделка Сталина с Гитлером обошлась германской казне в 950 тысяч рейхсмарок. Однако проводка фашистского крейсера по Северному морскому пути стоила нашей стране более высокой цены, не измеряемой деньгами. Из Японии, куда «Комет» зашел, через Владивосток и Москву в военно-морское ведомство со специальным нарочным ушел пакет со всеми разведывательными данными, собранными подручными Роберта Эйссена по маршруту от острова Колгуева до Берингова пролива. Не вдаваясь в содержание бумаг, скажем, в части информации по Западному сектору Арктики немцы собрали богатейший урожай. В годы Великой Отечественной войны эти материалы широко использовались командирами немецких подводных лодок, действовавших в Карском море. Кровь советских моряков и военнослужащих, погибших на торпедированных судах «Диксон», «Архангельск», «Киров», «Марина Раскова», тральщиках Т-65, Т-42, Т-114, Т-118, Т-120, сторожевом корабле «Бриллиант» и других боевых кораблях, также на руках тех, кто принимал преступное решение о проводке в советских арктических водах фашистского рейдера. Как, впрочем, и кровь моряков 9 союзных торговых судов, которые нашли погибель в Тихом и Индийском океанах.

г. Мурманск

●

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

МЫ — В ОТВЕТЕ ЗА ОТЕЧЕСТВО

Из писем в редакцию

БОЙЦЫ И «ДЕДЫ»

Народ наш с беспощадной силой выставляет на вид свои недостатки и перед целым светом готов толковать о своих язвах, беспощадно бичевать самого себя: иногда даже он несправедлив к самому себе, — во имя негодующей любви к правде, истине.

Ф. М. Достоевский

Нападки на армию не всегда проходили бесследно, многие удары достигали цели. Прорабы-проповедники, призывавшие русский народ к поголовному покаянию, стремились и армию поставить перед собой на колени, навязать ей гибельный комплекс неполноценности. И не только лишь стращая народ раздутыми до вселенских масштабов мыльными пузырями дедовщины и всяческих извращений, в которых якобы погрязли военные. Вспомним, какую всесоюзную и всепланетную кампанию дискредитации советского солдата развязали псевдопрогрессисты после событий в Тбилиси! Парни в военной форме не дали разразиться гражданской войне. Кому-то это пришлось не по вкусу, кому-то были нужны «великие потрясения», ведущие к развалу страны. И началась истерия... В ход пошла наглая клевета об «убийцах с саплопатами», о «генералах-изуверах». Время высветило цель клеветнической кампании — это была четко спланированная масштабная акция по деморализации самой армии и откровенному шантажу ее командования... На первых порах клеветники достигли желаемого результата, часть армии сковал паралич бездействия. И тут же последовали один за другим мощнейшие удары пятой колонны, стремящейся изнутри разрушить «империю», воплотить в жизнь неосуществившиеся планы внешних захватчиков. Это были вспышки резни в Фергане, Молдавии, Грузии, Карабахе, Армении, Азербайджане, Таджикистане. Теперь ни у одного здравомыслящего человека не может вызвать сомнений, что именно тотальная психическая атака псевдопрогрессистов на армию вскружила националистические и наднациональные головы, именно упоение собственной безнаказанностью и твердая вера в то, что армия уже поставлена на колени, что «демократический» центр не даст ей вмешаться и восстановить законность, вызвали «перманентную» гражданскую войну в республиках. Но дело в том, что пятая колонна не учла исторического опыта. Нашу армию еще никому не удавалось поставить на колени. Как гигант-богатырь, разрывающий липкие паутинные путы пигмеев, встала она в полный рост, расправила плечи. И за считанные дни доказала, что является единственным гарантом законности в стране. Мы стали свидетелями героического освободительного похода нашей армии — очередного похода, который будет вписан в историю золотыми буквами. Народы республик, стоя на краю бездны, вспомнили о том, что есть лишь одна сила, которая может предотвратить трагедию, они воззвали к ней: приди, защити, спаси! А армия-освободительница пришла, защитила, спасла!

Армяне, азербайджанцы, таджики и многие другие в один голос говорят сейчас, просят, молят — что угодно, только не выводите солдат, они наши спасители, охранители... Вот и задумаемся, стали бы люди разных национальностей держаться двумя руками за садистов и извращенцев? Смогли бы эти последние быть гарантами счастливой и спокойной жизни? Много испытаний выпало на долю русской и Советской Армии — все выдержала, через все прошла. Выстояла она и в очередном — глобальном испытании клеветой, грязной и циничной ложью. Пора бы понять «клеветникам России», что любые испытания не только не ослабляют нашей страны, нашего народа, нашей армии, но, напротив, делают их еще сильнее, выносливее, несокрушимее. Пора бы им понять уже, что народ и его армия стоят на своей земле крепко, что их знамя — святые слова: «велика Россия, а отступать некуда!»

Давно порывался внести свою лепту в рассуждения о нашей армии. Поведать есть о чем. Сам из семьи кадрового офицера. Тянул солдатскую лямку, как и большинство парней наших, без слез и нытья, вполне осознанно, несмотря на так называемый «несознательный» возраст. Да и потом бывал на переподготовках, на учениях, в частях, притом не только в Союзе, но и на рубежах самых, там, где они «нос к носу» стоят с «пацифистами» из НАТО. Да и писать приходилось о солдатах — как не писать о том, что твое: две повести и куча рассказов вышли из-под пе-

ра — почти половина написанного опубликована. И все же вступать в споры не решался. Всегда вовремя останавливал себя: сгоряча можно такое выдать, что не служившему представится все это мрачнее ночи, и пойдет гулять по свету очередная сплетня о «кошмарной и лютой дедовщине», навевая страхи на новобранцев и их родительниц, сея панику в рядах бравых допризывников. У страха глаза велики!

Для того чтобы спокойно разобраться в сути проблемы, нужно так мало — не забывать, что любое явление нашей жизни существует как бы в двух ипостасях: само по себе, объективно, и в субъективном своем варианте, в нашем восприятии. Причем восприятие это далеко не однозначно у различных групп людей.

Достаточно четко выделяются три группы. Первая — профессиональные военные, офицеры. Как принято говорить — армия их дом. И вполне естественно, что они без удовольствия воспринимают тот факт, что в этом доме начинают «хозяйничать», так сказать, «расставлять все по своим местам» люди весьма и весьма далекие от армии, очень смутно представляющие законы ее существования. И во многом с профессионалами надо согласиться — оценки положения в армии, которые делаются со стороны, подчас поверхностны и наивны. Особенно неприятно военным, когда «разоблачения» исходят от человека, познавшего, пускай и в качестве простого солдата, армию, человека, вкусившего и горького и сладкого за пару лет службы. Но, видимо, профессионалам-военным придется смириться с тем, что в их «дом» проникают «посторонние», ведь «дом»-то с открытыми дверями, и через них каждые два года проходят миллионы наших парней. Так что этот армейский дом в некоторой степени и наш общий.

Во вторую группу как раз и входят те, кто отслужил, кто сам на себе испытал, чего там скрывать, тяготы службы, кого не напугаешь побасенками и сплетнями. Правда, вместе с тем именно они, отслужившие, и являются распространителями устного солдатского творчества, основанного на фактах, но обильно приукрашенного собственной фантазией. И если бы неслужившие внимательнее прислушались к их рассказам, то заметили бы, что все страсти передаются без какого-либо осуждения со стороны очевидцев и участников, а наоборот даже, с некоторой долей восторженности, эх, дескать, вот времена были, вот «деды», не то, что нынешнее племя! И сколько в этом желания и подспудного и явного — показать себя эдаким бывалым человеком, познавшим жизнь, прошедшим через огни и воды. Ну и что? Разве это не простительно для двадцатилетнего парня, тем более что ему и впрямь пришлось «хлебнуть» в армии — по сравнению, конечно, с домашним полудетским доармейским существованием — многие очень и очень заблуждаются, когда принимают армию за некое продолжение детского сада и пионерского лагеря.

Вот эти-то «многие» и составляют третью группу людей. Ту самую группу, в которой судят о «неуставных отношениях» лишь по слухам и появляющимся последнее время в прессе заметкам. При всем моем уважении к ним, при всем понимании их забот, нисколько не желая обидеть их авторов, скажу все-таки: именно они — самые напуганные «дедовщиной и стариковщиной», именно в их рядах можно заметить округленные от ужаса глаза и встающие дыбом волосы. И именно к ним обращаю я свое слово в тайной надежде развеять поселившиеся в их головах тревоги.

Армия непроста, взаимоотношения армейские неоднозначны — при практическом отсутствии информации очень трудно вникнуть в их суть, для этого надо быть не посторонним зрителем, а самому пройти через армейскую школу. И ничего в этом обидного нет, ведь не обижаются же, скажем, журналисты, что не постигли высот физики, а некоторые математики не скрывают своих пробелов в языкознании и т. д. Но так уж сложилось, что об искусстве, литературе и... об армии рассуждают все, причем, считая, что могут давать вполне объективные оценки, искренне считая и зачастую, преувеличивая кое-что именно по незнанию, делают ужасные выводы. Почему? А потому что все происходит «за забором», ограниченность информации порождает фантастические картины. Есть, конечно, и люди, делающие имя на «сенсациях» и «разоблачительствах», не останавливающиеся ни перед чем. Кто бы, скажем, слыхал у нас о бойком сотруднике газеты «Московский комсомолец» М. Пастернаке, если бы тот не надел на себя маску стращателя матерей, у которых дети или служат, или готовятся к службе? Каких только ужасов не наговорил М. Пастернак на страницах прессы об армии, в которой он сам, кстати, не служил! Вот бы о чем еще задуматься. С недавних пор появилось у нас множество старателей, усердно разрабатывающих какую-либо жилу: один живописует во всей красе «роскошную» жизнь проституток, копая очень глубоко, но не задумываясь о создаваемой им рекламе и ее последствиях, другой — весь в «мафии», но его в основном почему-то увлекает пересчитывание ценностей, смакование достатка, так и видятся, как у автора слюнки текут, третий своим болезненным воображением создает всесоюзный паноптикум, населеный чудовищными монстрами-дедами, сплошь и рядом забивающими невинных младенцев-первогодков, попавших прямо из-под теплого материнского подола в страшный мир каких-то иродов, невесть откуда расплодившихся именно в армейских условиях истязателей-старослужащих. Слухи порождают лавину домыслов. И вот получается так: человек, не ступавший ногой по «терра инкогнита», коей является для него армия, уподобляясь «путешественникам» древности, населявшим неведомые земли «людьми с пёсьими головами» и «одноногими людоедами», запускает в наше общество слух за слухом, байку за байкой, а растревоженные мамаши, также об армии имеющие самое отдаленное понятие, но для которых любой слух об «издевательствах» над их сыновьями — нож острый, принимают все за чистую монету, пугаются не на шутку, засыпают инстанции письмами с категорическими требованиями немедленно «пресечь», «применить к изуверам самые строгие меры, вплоть до...». К их голосам тут же присоединяются остальные женщины, допризывники, студенты, академики и кинорежиссеры типа Э. Рязанова — короче говоря, опять-таки неслужившие...

Сразу следует сказать, что практически все случаи изуверства на почве «стариковщины» не остаются нераскрытыми — армия это не гражданка, где можно и скрыть, и скрыться, там все на виду, все друг друга знают — как в деревне. Это надо очень четко себе представить. И отношение к какому-либо изуверству может быть, разумеется, только одно, отрицательное. Что же касается «неуставных отношений», так пора бы и внести ясность. Все вдруг ополчились на армейских «стариков», забыв про «неуставные отношения» в школах, ПТУ, пионерских лагерях, да и во

дворах наших, в конце концов, и среди тех же самых «неформалов». А то мало ребята награждают друг друга тычками и пинками, щелбанами и подзатыльниками! А то нет у них вожаков и «мальчиков для битья» со всеми промежуточными формами?! Кто не прошел через дворовые и прочие «неформальные» школы детства и юности, пусть первым бросит камень в армейского «старика»! Или, может быть, нам кажется, что в наших рабочих коллективах все «по уставу» и нет злоупотреблений по отношению к подчиненным — так ведь и здесь тоже «старики» и «салаги» своего рода, сплошь и рядом, — и отличие лишь в том, что с возрастом отношения приобретают более обтекаемый характер, не бросаются в глаза и, разумеется, обходятся без рукоприкладства.

Нам, будто комсомольцам тридцатых, хотелось бы, чтоб все было вокруг предельно ясным, поделенным на черное и белое: вот друг, вот враг! И в данном случае, раз «старик», значит, враг, и с ним надо бороться, изничтожать «стариковство». И мы забываем, что боремся уже не одно десятилетие, уничтожая вековые традиции, не пытаясь даже осмыслить — хорошие они или плохие, полезные или не очень (хотя я не могу себе представить ситуации, в коей существовало бы веками нечто ненужное, неполезное). Мы забываем, что «старик» это не что-то застывшее, что это вчерашний «салага», и что каждый из служивших был не только «салагой», он обязательно и непременно был и «стариком». И это именно к нему приходили офицеры перед очередной проверкой и просили: помоги, старик, подтяни молодых, позанимайся с ними, не дай в грязь лицом ударить. Ведь чего там скрывать, почему-то именно «старику» в лучшей степени удается передать опыт новобранцу, а не офицеру-командиру и не сверхсрочнику-прапорщику. Видно, есть в этом нечто, есть какая-то связующая нить. Как бы мы ни пытались перекроить и перекрасить историю российскую, нам это вряд ли удастся. Можно исказить картину прошедшего и настоящего лишь в головах поколений, но всегда придут новые и восстановят подлинное. Это касается и Русской Армии, которую десятилетиями поливали грязью, дескать, она и «царская», и «жандармская», и такая-сякая. Но ведь именно благодаря ей нам досталась в наследство огромная, могучая держава, не покоренная ни Европой, ни Азией, которые попеременно на протяжении столетий бросали на нас полчища за полчищами, орду за ордой. И было бы глупо и наивно думать, что армия эта держалась на страхе да шпицрутенах, на унижениях и оскорблениях — да это бы была не армия, а толпа забитых босяков и горемык! Нет, армия держалась на любви к Родине (не к властителю очередному!), на осознанности справедливого дела, на долге перед детьми, стариками, женами и на традициях! Еще в начале самом Государства Русского дружина делилась на старшую и младшую. Не по блату и родству, а по опыту и знаниям военным, жизненным. И всегда позже примером для новобранца был бывалый воин, понюхавший пороху. Вспомните, «Скажи-ка, дядя...» И любое иное отношение было бы противоестественным, ненормальным. Это понимал каждый унтер, каждый офицер, ни одному из них не пришло бы в голову сравнять опытного солдата, прошедшего огни и воды, с только призванным мальчуганом. И это было не чем иным, как самым обычным уважительным отношением к людям, подчиненным, это было пониманием жизни. Да, сейчас не служат по десять или двадцать лет. Но любой человек, знающий армию, скажет однозначно — между солдатом второго года службы и тем, что пришел из карантина, — пропасть, гигантская пропасть, которую можно преодолеть лишь за год службы. В этот год впрессовано очень и очень многое. И самое главное — это вовсе не овладение техническими приемами, которое приходит и в иных условиях, скажем, на гражданке на занятиях военной подготовкой в институтах, нет, самое главное — выработка психологии солдата, воина, который четко знает свое место и свою задачу, знает, кому надо подчиняться, к кому следует прислушиваться, на кого можно опереться. В армии сплошь и рядом возникают ситуации, когда совершенно неуместны диспуты и дискуссии, когда надо дело делать — и по возможности быстрее и четче, доверяя товарищам полностью. И самолюбие в таких случаях должно помогать делу, а не стопорить его. Чему же учит допризывников М. Пастернак и ему подобные? А вот чему — качать права, лучше не скажешь! Паренек, растравленный стращателями и пугателями, прибывает в часть весь ощетинившийся иголками наподобие дикобраза — дескать, не тронь, не имеешь права! И в это «не тронь» упираются с ходу вовсе не «стариковские козни», а самые обычные требования сержантов и офицеров. А как же иначе, ведь пастернаки настолько задуривают некоторым парням головы, что те, погружаются в дурман непонимания целей и назначения армии, а потому считают унижением и оскорблением личного достоинства, если к ним обращается с требованием выполнения приказа чин ниже генеральского, да и если отдает к тому же приказ он не в письменной форме. Очень часто такие вот «ощетиненные» новобранцы» страдают даже друг от друга, напарываясь на собственные же колючки, не желая уступить один другому и до бесконечности выясняя: «А почему меня в наряд, а не Петрова, Иванова, Сидорова?» Не поднимается рука обвинить такого молодого солдата в чем-либо по той простой причине, что его еще на гражданке тщательно подготовили именно в таком духе, ему внушили, что он — «личность, помыкать которой запрещено», причем под «помыкательством» понимай что тебе заблагорассудится, вплоть до ординарного приказа такого же парня-сержанта, на полгода или год старше. И логика тут простая, пастернаковская, дескать, какое у тебя право, чем ты лучше?!

Вот над чем бы задуматься. К тому же представьте себе: в армию приходят не сплошь ангелочки, над которыми тут же начинают измываться зловредные «деды»-садисты. Нет, приходят и такие «неформалы», что только держись! И как ни горько об этом говорить, у командиров-офицеров почти и нет такой власти, чтоб «укротить» иного «салагу», научить его азам дисциплинированности, ведь почти плачут молоденькие лейтенантики. Сверхсрочники, как правило, самоустраняются, у них свои хозяйственные заботы. Вот и перекладываются многие хлопоты на плечи старослужащих: и тому научи, и этому! Конечно, не обходится и без резкостей — не всегда бывает время читать мораль и выжидать. Зато в марш-бросках, через которые кто не прошел, тот не поймет, что это такое, «старики» тянут на себе и «выкладку» молодых, и зачастую их самих, — это тоже «неуставные отношения», по уставу так не полагается.

Ох, как мы стремимся регламентировать саму жизнь!

Исходя из принципа недопустимости «стариковщины», мы под-

разумеваем, что все у нас приходят в армию одинаково сознательными, готовыми к выполнению любых приказов и заданий. Чем мы тешим себя в эпоху перестройки и гласности? При всей нашей симпатии к «лестнице» из передачи «12-й этаж», навряд ли бы кому хотелось, чтоб его защищала армия, подобная этой «лестнице». Ведь как у них: «А мы хотим, а мы не хотим, давай о музыке лучше!» Но ведь именно ребята с этой «лестницы» приходят в армию, а не только плакатно-бравые парни из серии «враг не пройдет!». Желаем мы этого или не желаем, нравится или не нравится это нам, но наша любимая и дорогая армия стоит на старослужащих. Бесспорно, что монолит, костяк Вооруженных Сил — это офицерский корпус, останавливаться и разжевывать эту истину нет необходимости. Но основная опора этого монолита, главные мускулы костяка — сержанты и старослужащие, короче говоря, зрелые солдаты, прошедшие выучку. Первогодки же — при всем равенстве их прав, и это неотъемлемо, — в армии ученики, потому и труден первый год, что раскачиваться некогда, да и не дают, учиться надо! Ведь еще сам А. В. Суворов в своей «Науке побеждать» говорил: «За одного ученого трех неученых дают». Но ведь «ученым»-то надо стать еще, ни один «ученый» пока что в армию не приходил, а приходили именно на учебу! И это доподлинно известно самим ребятам: и служившим, и служащим ныне. Это доподлинно известно и офицерам, которые, кстати, в отличие от демагогов-верхоглядов и просто нечистоплотных людей прекрасно разбираются в обстановке и могут отличить «старика» от бузотера и хулигана. «Стариковство» в его разумной человеческой форме, в виде солдатской, мужской традиции, разумеется, без всяческого рукоприкладства и унижения достоинства, необходимо ценить, уважать и лелеять! Не дай бог, «старики» станут равнодушными наблюдателями в армии, уйдут от сложных вопросов, самоустранятся, замкнутся в своей раковине.

И матери, и отцы, и сестры, и любимые девушки, это вполне естественно, волнуются, переживают за сына, брата, избранника. И все же понимают, что армия — дело мужское. А уж мужчины должны уметь решать свои дела без жалоб и нытья, без доносительства и плаксивости. И они их решают. Ну, бывает, конечно, не всегда гладко решаются вопросы. И у нас на гражданке далеко не все обходится без шероховатостей. Да, матери не всегда спокойны, отправляя своих сыновей на службу. Но всегда ли они могут быть абсолютно спокойны, отправляя сына на рыбалку или в гости, провожая на гуляние или в отпуск, — можно подумать, что на гражданке за каждым таким сыном ходит пара телохранителей и оберегает от всех трудностей: и внешних, и внутренних. Можно подумать, что мы, общество, научились целиком и полностью обходиться без размахивания кулаками и ругани, без выяснения отношений «неформальными» способами и прочих неприятностей. Короче, надо всегда помнить, что нет каких-то особенных чудищ под названием «старики», надо помнить, что это мы идем в армию, и это мы возвращаемся из нее. И надо помнить о том, что офицер и прапорщик, даже посменно, не смогут круглосуточно стоять над каждым солдатом с кнутом, контролировать его. Да этого и не нужно — спросите у любого отслужившего. И потому не нужно, что через полгода, может, чуть побольше, каждый «салага», каждый бывший «металлист», «любер», «панк» или просто обычный парень вдруг проникаются каким-то не совсем поддающимся определению армейским духом и все они начинают чувствовать себя коллективом товарищей, до такой степени товарищей, до какой они не ощущали этого товарищества даже среди лучших друзей на гражданке. Ведь это есть, никуда от этого не денешься! Вопреки ли «стариковству», благодаря ли ему — поди разберись.

В общем, проблема не так проста, как многим это кажется. И вряд ли тут помогут суровые запретительные меры.

Проблема, на мой взгляд, заключается не столько в «дедовщине», конечно, еще бытующей в армии, но в основном мифологической, сколько в каком-то напористом и слишком очевидном стремлении опорочить, очернить нашу армию-защитницу как таковую, разрушить еще один институт общества, не ошибусь, если скажу — важнейший, доселе несокрушимый, вывернуть могучий камень из фундамента, на котором стояла и стоит Земля Русская. И потому неудивительно, что антиармейская кампания проводится не просто так, сама по себе, что она идет на гребне другой, более емкой и насыщенной нелепостями кампании, ставящей целью сокрушить основы бытия самого народа и движущей силой которой является уже почти неприкрытая нахрапистая русофобия. И методы и почерк схожи. С одной стороны, обрубить корни, лишить национального самосознания, понимания целостности и единства народа, с другой — посеять страх и недоверие к тому, что самим же народом на его историческом пути было создано и прошло испытание временем — дескать, настолько все плохо и худо, что немедля разрушить надо! Но при всем при том некоторые еженедельники помещают восторженные и пространные репортажи о чужих армиях, которые, надо полагать, должны быть образцом для подражания. И будто бы не понимают, что общественные институты имеют в каждой стране свои отличия, что не «по щучьему веленью» они появляются или меняют форму существования. Безусловно, полезное надо принимать, но ведь не так, чтобы сначала разрушительство «до основания», а потом, дескать, все заново, все как в лучших домах, все как у них... Это сказочка про белого бычка, только с известным уже исходом. Опыт у нас есть, на месте разрушенных храмов несмотря на все «благие» замыслы мы смогли воздвигнуть лишь общественные туалеты, стоянки автомобилей да рукотворные пруды для купаний. Ну, разрушим традиционную российскую армию, оправдывавшую свое существование при самых даже бездарных верховных главнокомандующих, а что взамен? Что воздвигнем на ее месте? Хиппарям, обкурившимся анашой, как, впрочем, и некоторым молодым журналистам, мечтающим о личных «международных связях», в самую пору рассуждать о пацифизме. У первых вообще все в розовом тумане (до определенного момента), вторым — тоже, чем тумана больше, тем лучше, тем «возможности шире». Но здравомыслящий, трезвый человек по части «пацифизма» имеет иное мнение.

Казалось бы, какая связь между кампанией «охоты за дедами» и посягновением на мощь нашей армии? Самая прямая, страшная связь. Все эти «неуставные отношения» среди молодежи характерны и для дворов, и для школ, и для ПТУ, как уже говорилось, — это болезнь общества, причем не только нашего, достаточно сказать, что в английских и американских колледжах,

особенно закрытых, престижных, она принимает формы, которые нам и не снились пока что. Так почему же вдруг панические вопли направлены в сторону одной лишь армии? Почему вдруг такое исключение? Причина видится достаточно простой. Сокрушить нашу армию извне не под силу никому, это уже, наверное, поняли во всем мире. Остается нанести удар изнутри. Как? Ведь Вооруженные Силы сцементированы так, что любой удар... Вот тут-то и было нащупано единственное болевое место, «ахиллесова пята», точнее, небольшая, но заметная все же точка — в нее и была направлена вся мощь удара, всеми средствами! Подорвать доверие народа к армии, более того, противопоставить общество и армию. Напугать, взбудоражить одних и очернить, поставить в позу вечно оправдывающихся и не находящих оправдания других. И это не просто подрыв престижа, это нечто большее, похоже, относящееся к идее «разделяй и властвуй». Было бы нелепо обвинять в подобном всех высказавших за последние годы претензии к армии, представлять их «злоумышленниками». Но в том, что струна «дедовщины» была задета чьей-то недоброй рукой и вполне целенаправленно, сомнений, по-моему, быть не может. Другое дело, что резонансные колебания захватили и многих искренних, честных, но далеких от понимания вопроса людей. Да, в том, что в обществе имеются болевые точки, вина наша общая. И лечить болезнь дело наше, больше никто не поможет — нет таких международных и совместных предприятий по излечению социальных недугов. Но зачем же в больное место да каленым железом?! Да еще так, чтобы публики побольше, дескать, глядите, как мы их, а то ли еще будет! Нет, не врачи это, скорее растравители, от которых, кроме вреда, ничего!

Много у нас недостатков. И писать о них надо. И устранять их надо. Но не со всяким делом справиться дано даже самому бойкому писаке. А тут, на тебе — удобный полуфабрикат для выпечки сенсационных, ужасных слухов: «изуверы-старики», «деды-людоеды»! И уже встают мифические монстры в воображении нашем этакими криминальными личностями, получеловеками, готовыми на любое зверство, не признающими морали и элементарных этических норм. И мы уже в негодовании праведном готовы не замечать остального, на что-то прикрывать глаза. Нам подсовывают готовые рецепты. За нас уже, оказывается, подумали и все решили. Но дело в том, что ни пастернаки, ни прочая юная поросль не подскажут нам верного направления по одной простой причине — они сами лишь флюгеры, наподобие их чиновных наставников-покровителей, занимающих редакторские кресла в иных еженедельных журналах и меняющих свою позицию в зависимости от ветра, дующего в кронах. И дело-то не в «ветрах» даже, а в них самих — талантом не удосужил бог, свои крылышки явно коротки, и чтобы хоть как-то подняться наверх, надо использовать всяческое дуновение, откуда бы оно ни шло. Ну да хватит о «стращателях» и «разоблачителях». Не на них мир держится. Народ не понапрасну окрестил таких баламутами — очень емко и точно. Ну а что касается армии нашей, так нет сомнений, что она, выстоявшая против Батыевых, наполеоновских и гитлеровских натисков, выдержит и этот натиск.

Ю. ПЕТУХОВ,
Москва.

ПРЕСТУПНОСТЬ СТИМУЛИРУЕТСЯ «СВЕРХУ»!

В то время, когда шел II Съезд народных депутатов СССР и часть депутатов явно работала на публику, упражнялась в красноречии и доказывала, что Волга впадает в Каспийское море, — в это время огромное число неразгруженных вагонов простаивало на железнодорожных станциях Москвы с продовольствием, товарами легкой промышленности, сырьем, медикаментами и прочим. Они долго не разгружались. Многое портилось и расхищалось. Полки магазинов в Москве были пустые. Страна несла большие убытки.

Никому из ораторов не пришла в голову мысль, что вместо словопрений и благих пожеланий полезно было бы подумать, как привлечь в Москве для быстрой разгрузки железнодорожных вагонов старшеклассников из школ, учащихся ПТУ, студентов.

В печати теперь часто указывают, что нельзя направлять учащуюся молодежь для работы в совхозы и колхозы, чтобы помочь с уборкой урожая. Но почему? Ведь очевиден материальный и нравственный ущерб оттого, что молодежь в это время спокойно сидит за книжками или отдыхает.

Зимой улицы наших городов завалены снегом и льдом. Даже в Москве в этом году к некоторым школам трудно подойти. Многие получают травмы. Понятно, можно искать и находить виноватых, но можно и просто помочь. Делом. Считается, что при перестройке нельзя привлекать молодежь для уборки улиц. Хотя вечерами и в выходные дни толпы молодых бездельников слоняются по улицам, в подворотнях и подъездах домов, болтаются на чердаках и в подвалах — хулиганят, ломают скамейки, уничтожают все, что могут: водосточные трубы, телефонные будки, стекла на остановках автобусов и трамваев, портят лифты, входные двери, повреждают электропроводку, доски объявлений, оправляются в лифтах и на лестницах (даже собаки и кошки хорошо знают, что этого делать нельзя), разбрасывают в подъездах окурки, бутылки, объедки, презервативы, стены покрывают хулиганскими надписями. Это — символы демократии?

Молодежь не знает, куда себя деть, чем заняться, куда направить свою энергию, заниматься надоело, так как она прекрасно понимает, что многие знания, которые им стараются вдолбить в голову, для работы в будущем абсолютно не нужны. Кроме того, невозможно долгие годы только и делать, что сидеть за партой и учиться. У нас в семьях и учебных заведениях учащихся оберегают от настоящего труда до седых волос.

Давно пора во всех учебных заведениях страны ввести обязательный труд для учащихся, начиная примерно с 10 лет. Каждый из них в зависимости от возраста должен несколько часов в неделю вечером или в выходные дни поработать дворником или почтальоном, или продавцом, или грузчиком в районе своего местожительства, за соответствующую плату. Учащихся деревенских школ следует широко привлекать к сельскохозяйственным работам. Осенью учащихся надо направлять во время каникул для уборки урожая в совхозы и колхозы.

Пора вернуть уважение к труду. Если мы не хотим окончательно превратиться в стадо озлобленных неумех, готовых за удовольствие продать все и вся и забыть о человеческом облике.

Впрочем, кое-кто и хочет воспитать в молодежи именно стад-

ность, в которой растворяется личность. Так легче собрать митинг, демонстрацию. Стадо — оно и есть стадо, направил — и движется оно бездумно, на что укажут.

Поэтому у нас все с ног на голову и перевернулось.

Смотрите: на жизнь и достоинство военнослужащих посягают различные экстремисты, националисты, расисты, уголовники, хулиганы, бездельники, лодыри. Стали обыденными сообщения — убито и ранено столько-то офицеров и солдат. Сколько избито, подверглось оскорблениям и случайно оказались не поражены — это мелочи, и об этом не говорится. Наоборот, можно прочитать: по военнослужащему стреляли, он ранен и — какой ужас! — вынужден был в ответ применить оружие. Подчеркивается, что из нападавших никто не пострадал. Вот это демократия. Но если кто-то из нападавших оказался поражен — взрыв возмущения в печати и различных выступлениях: «Насилие, наглость, до чего военные распоясались, пора отдавать их под суд. Нечего с ними церемониться. Насильники, жандармы». Кто, где, в какой степени привлекался к ответственности за нападения или оскорбления военнослужащих, остается неизвестным. Даже на заседаниях Съезда народных депутатов СССР имеют место клеветнические заявления в адрес наших Вооруженных Сил и выдвигаются различные нелепые предложения по их ослаблению.

О недостатках в освещении в центральной печати жизни и деятельности Советских Вооруженных Сил было специальное постановление Секретариата ЦК КПСС от 29 апреля 1989 года. В новом постановлении от 30 ноября 1989 года указано: «...ряд печатных органов продолжает тенденциозно освещать жизнь Вооруженных Сил СССР. В первую очередь это относится к таким изданиям, как «Московские новости», «Огонек», «Собеседник», «Московский комсомолец», «Известия» и «Комсомольская правда». Некоторые публикации этих и ряда других изданий носят характер искусственного противопоставления народа и армии, рядового и офицерского состава, ветеранов и молодежи. В них порой читателю навязывается мнение о возможности военного переворота в стране и массовых репрессий, содержится некомпетентная критика основ военного строительства, нередки публикации, в которых в негативном плане показывается наша армия и восхваляется армия США, ФРГ, других капиталистических государств» («Известия ЦК КПСС», № 1, 1990, с. 15). И что из этого следует? А ничего. Дальше в постановлении подписи и никаких мер. Оплевывали армию и оплевывают, а в редакциях многих журналов и газет на постановление ЦК КПСС от 29 апреля 1989 года просто никто не обратил внимания, и никто ничего с этих редакций не требовал и не требует. В редакциях сидят коммунисты, но они давно забыли, что каждый член партии обязан всемерно содействовать укреплению оборонной мощи СССР (Устав Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1986, § 2, с. 6).

Результат: чувство долга и обязанности защищать Родину и советский народ исчезает. Вместо подготовки себя к военной службе часть молодежи предпочитают хулиганить, спекулировать, участвовать в националистических выходках, антисоветских сборищах различных неформальных объединений, балдеть вечерами и в выходные дни на улицах, в подъездах, подворотнях, подвалах, на чердаках, с папиросами, спиртным, а то и с наркотиками, прожигать жизнь за слушанием и рассказами пошлых анекдотов, игрой в карты, болтовней, осуществлять беспорядочные половые связи, разжигать себя просмотром картин со сценами разврата и т. п.

Таким образом, в разжигании преступности повинны те, кто ее стимулирует попустительством, в том числе высшие органы Советской и партийной власти. Иные выводы были бы лукавы и трусливы.

С. И. АЗАРЬЕВ,
инвалид Великой Отечественной войны,
Москва

ЧЬЯ ЗЛАЯ ВОЛЯ НАД НАМИ!

Я до 11 лет жила в деревне. Нас было восемь детей. Мать — учительница, отец — коммунист из города. В очень раннем детстве помню смутно голод, но потом все было нормально, мы ни на что не жаловались. Все выросли, никто не умер. Учились, играли, радовались жизни. До сих пор живы воспоминания о нашем детстве, светлые и теплые, от которых прочь уходят все теперешние невзгоды. Как же мы любили свою деревню! И сейчас, на склоне лет, тянут родные места. Тогда, в детстве, я не слышала о репрессиях. Не знали о них ни старшие братья и сестры, ни те, с кем мне приходилось жить и работать. Теперь точно знаю только одно, что невинные жертвы пали от рук бандитов и убийц, ненавидевших Советскую власть, и их настигла заслуженная кара. Не пойму и в толк не возьму, почему оправдывают Зиновьева, Каменева, Троцкого, Бухарина, являя этих властолюбивых убийц как невинных овечек, хотя их руки обагрены кровью. Ясно, что, истребляя невинных людей, они действовали от имени Сталина и партии, чтобы их кровавые злодеяния вызывали гнев и ненависть народа к правительству. Они надеялись остаться в стороне, очернив других, лучших и достойных, чем они... Знаю, что спустя полвека, когда многих документов и свидетелей того времени нет, а если и есть, то слушают не всех, мы не имеем права вершить суд по законам нашего времени. Тогда были законы сурового времени, и не свершись то, в чем обвиняют Сталина и его политику, неизвестно, что было бы со страной и с нами. Все вышеуказанные «безвинные» продали бы нас Гитлеру ни за грош. После XX съезда все они начали поднимать головы, занимать высокие посты. Это они мстили и мстят народу, тридцать лет спаивая его, изживая веру, гордость, самосознание. За последние четыре года будто бездна разверзлась перед нами. Мы глядим в ее зияющую пустоту, с содроганием и с тревогой ждем: кто подтолкнет нас в нее или победят силы разума и нас отведут от этой пропасти?

Те, кто мечтает о власти над народом, делают все, чтобы выращенная и произведенная продукция не дошла до прилавка. Это они, разоряя страну, за бесценок продают за рубеж наши богатства, а потом закупают то, что загубили у себя в стране, и так повсюду: замкнутый круг. Теперь все продано за эту валюту, даже совесть и нравственность.

Валютомания — к чему она приведет?

Считала и считаю, что закупать за границей тряпки, станки, оборудование и продукты нельзя. Мы торгуем даже мозгами, не используя идеи у себя, что давно решило бы наши проблемы. Мы сами себя прокормим и обуем, лишь бы не тащили нас к долговой яме.

Социальная необеспеченность большей части населения, бесправие, потеря нравственных и культурных ценностей создали благодатную почву для столкновения народов, национальной розни, разжигаемой экстремистами. Простой народ-труженик никогда не бросится на другой народ. У них общие интересы, цели и задачи: любить, растить детей в мире и согласии, трудиться в меру своих сил и возможностей, помогать своему народу и государству. Никто за эти 70 лет не задумывался над тем, какой национальности его сосед, а прежде всего оценивал его по человеческим качествам.

Всем ясно, что разжигание межнациональных страстей — это дело тех, кто боится потерять власть или надеется завладеть ею, разобщив наши народы, республики на удельные княжества. Но не только национальную рознь разжигают, кто-то поставил цель — натравить детей на отцов, клеймя и понося последних, во всех грехах обвиняя их. Вдалбливают с детских лет неуважение к старшему поколению, а уж о святости долга перед ними и даже страной и говорить нечего. Помню детские, юношеские годы, да и всю жизнь. Наш отец пошел добровольцем на фронт, оставив такую ораву на руках больной матери и 16-летней сестры. Он надеялся, что государство не оставит его семью в беде. Он погиб в июне—июле 1943 года под Орлом во время жестоких боев.

Трудно, очень трудно пришлось нам, детям, на руках больной матери. Она умерла 1 октября этого же года. Старшая сестра и братья пошли работать. Нас осталось пятеро малолетних. Но были корова, огород, буханка ржаного хлеба на всех. Несешь ее из магазина и, как мышь, обгрызешь все уголочки. Ходили школой собирать колоски. Ни одного на поле старались не оставить. Все с полей убирали подчистую, ничего не оставляли, хотя мужчин на селе почти не было и техника — аховая. Так почему же сейчас мы запахиваем в землю столько добра, несобранного, неубранного? Гноим даже то, что собрали? Где же академики, что порушили сотню тысяч «неперспективных деревень»? Назвать их поименно и объявить преступниками. Почему бы и нет? Ведь высказал же один из депутатов предложение: признать коллективизацию преступлением Сталина. Их преступление несравнимо ни с чем, разве только с апартеидом. Коллективизация же, хоть и были допущены перекосы, оправдала себя. Мы были детьми, а уже понимали, что страна в опасности и мы должны помогать ей. Впервые я узнала, вернее — услышала имя Сталина на уроке, когда учительница читала нам фронтовую статью в газете о подвиге Зои Космодемьянской. Тогда как бы отпечатались в сознании и сердце ее предсмертные слова: «Сталин с нами, Сталин на посту». Только став взрослой, я поняла, что означали эти слова.

Со школьной скамьи без навязчивости и громких слов, без лозунгов нам прививали любовь к Родине, и уже тогда мы были готовы на любые муки ради ее спасения.

Когда у нас умерла мама, нас, пятерых, увезли в детский дом

для детей погибших фронтовиков. Сестра, уходя на работу, запирала нас дома и наказывала никому не открывать — ей уже предлагали отдать нас в детдом, но она не соглашалась, выполняя наказ отца. В такое время (январь 1944 г.) невозможно было 16-летней девчонке прокормить шесть человек, и нас все-таки увезли.

Мы ждали известий с фронта, не отходили, когда было можно, от репродукторов. Вечерами, собравшись в кружок, мы мечтали о победе, о том, какую казнь придумать Гитлеру. Мы очень хотели, чтобы его возили в клетке по всей стране. И каждая — мы, девочки — готова была отдать свою жизнь, лишь бы она, Победа, пришла скорей.

К нам привозили детей из Ленинграда, среди которых была седая 12-летняя девочка-еврейка. Привозили и с Украины. Ниночке Сутуле было всего около семи лет, когда ее привезли к нам с затянувшимися вырезанными звездами на руках и под коленками. Ей было четыре года, когда немцы пытали ее мать. Она была женой партизана. Она молчала. Тогда фашисты взяли Ниночку и на глазах у матери стали издеваться. Партизаны опоздали ненамного, но спасти мать Нины не смогли: ее успели повесить, а Ниночку долго лечили в госпиталях. Даже сейчас, когда минуло 45 лет, волна жгучей ненависти поднимается в сердце ко всем извергам нашей планеты, ко всем преступникам, потерявшим даже признаки человечности, кроме обличья. Все мое поколение выросло таким. И пусть меня называют как угодно: ханжой, врагом перестройки, сталинисткой, но я до конца дней своих буду верна тому правительству и той партии, которая воспитала меня и мое поколение мужественным, бескомпромиссным, высокой морали, чести и долга перед своей Родиной.

Больно и горько смотреть на нынешнюю молодежь (не всю, конечно), которая безразлична ко всему, что не касается лично ее. В угаре рока, вина и наркотиков тупеет ум, черствеет сердце, а ведь среди них сколько могло быть людей, приносящих огромную пользу обществу. Сколько их в тюрьмах и лагерях!

Но не они же, сопляки, виноваты во всем. Большая часть — нашей вины, вины правительства, приведшего страну к разложению.

Я не понимаю одного: почему нынешнее правительство не принимает никаких мер по этому поводу, не принимаются меры и по пресечению межнациональной вражды? До каких пор может литься кровь, которая льется не только в южных республиках. Щупальца национализма уже протянулись в Россию...

Мы, русские, виноваты в том, что сейчас происходит. От природы добродушные и бесхитростные (душа нараспашку), мы от начала своего существования готовы отдать последнюю рубашку, кусок хлеба тому, кто, по-нашему, беднее и слабее нас. За всю историю Руси и России никто так бескорыстно не протягивал руку помощи, не бросался на выручку в минуты военной опасности. Мы же испокон веков помогали всем, не дожидаясь зова, расплачиваясь своим благом и жизнями. «Простота — хуже воровства». Грузия, Средняя Азия, Казахстан... Кто спас их после Октября и дал им все? Разве мы были оккупантами на их земле? А Прибалтика? Что знают о предвоенных годах депутаты, которые напичканы заразой антагонизма и национализма теми, кому невтерпеж, обогатившись за счет русских, отвалиться от

Союза ССР? Почему Россия получает средства в 1,5—2 раза меньше, чем другие республики, несмотря на то, что отдает больше всех, вместе взятых?

По моему мнению, пусть уезжают из нашей республики все, кому ненавистно все русское: адамовичи, коротичи, евтушенки, беляевы, овсеенки и прочие. Будет чище воздух, выше нравственность, крепче дружба, возродится взаимопонимание, чувство человеческого достоинства, и, наконец, расправит свои плечи русский человек, вздохнет свободно и скажет: «Как же долго я спал!», он очистится от всего чуждого его душе, отстанет от него высохшей коркой грязь насильственно привитых пороков: жестокости, распутства, пьянства, наркомании. Он, как и сорок лет назад, увидит новыми глазами свою истерзанную, отравленную землю, и невыразимая боль и душевные муки за Россию поднимут высокое чувство долга перед ней. Ради спасения ни в чем не повинных людей, ради стабильности в государстве нужна жесткая политика в отношении всех головорезов и поджигателей гражданской и межнациональной вражды. Мы ничему хорошему, кроме ненависти, не научим детей, если не пресечь бессмысленную жестокость.

Я не верю в нынешние изречения, что голодного ничему не научишь. Убеждена, что ничему хорошему не научатся пресыщенные. Иначе чем объяснить, что предвоенное и военное поколения вбирали в себя все лучшее, что присуще настоящему, нормальному человеку; даже в голодные, полуголодные годы, лишенные семьи, не теряли чувства собственного достоинства, дорожили честью, не вставали на путь преступлений даже тогда, когда падали от голода у станка. Почему в нас не было такой озлобленности и жестокости? Мы тогда твердо знали, что стране тяжело, что от нас зависит многое, но мы будем жить хорошо. И так было. Мне и моим ровесникам было по 13—15 лет. Правительство делало все, чтобы жизнь была лучше, и она улучшалась с каждым годом. Так почему мы должны проклинать и предавать тех, кто для нас столько сделал? Мы не иуды. И поэтому я признательна Нине Андреевой и чувствую ее локоть. С самого начала, как начали чернить И. В. Сталина и его соратников, только юному и несведущему было непонятно, зачем этим очернителям понадобилась кампания против мертвого вождя: чтобы свести наконец с ним счеты. К ним присоединились те, кто разворовал казну, разорил государство, развалил экономику, развратил души. Эта армия сильна своей неукротимой злобой и готова рвать зубами всех, кто покушается на их власть и блага. Что для них Родина? Пустой звук. Они предадут ее в любое время. Сначала разграбили, продали, а там — зачем им отравленная пустота?.. Те, кто стремился сделать народ безликой, легко управляемой толпой, живет и здравствует, больше всех крича о перестройке. Я за нее, но не такую, какой ее хотят видеть рыночные реформаторы, поставив на карту завоевания наших отцов и дедов. Я не принимаю частной собственности и той экономики, где панацеей от всех бед провозглашают рынок и деньги, деньги... Все продается и покупается, даже души.

Я не экономист и не политик, но ясно понимаю и уверена, что экономическую систему, сложившуюся у нас, ни ломать, ни разваливать не надо. Это только вред. Благодаря этой системе мы окрепли до войны, выстояли в войну и в короткий срок восстановили разрушенное войной хозяйство. Все задаю себе вопрос: где в сравнении с другими развитыми странами, на каком месте среди них была бы наша страна, если бы русский народ, не обделенный талантами, самородками, людьми, чей ум и руки, как говорят, от бога, не ломали, как могли, физически и нравственно?

Вот Бурлацкий совсем ослеплен голландскими фермерами. Предлагает взять у них еще 250 миллионов долларов и с их помощью построить тысячи фермерских хозяйств. Мы-то что же, совсем ни на что не способны? Дайте колхозам те деньги, что отдали кооператорам, арендаторам, и то, что им должны за 70-летнее терпение, да свободу действий, тогда они обеспечат страну без импорта дешевыми продуктами. А то душили их полвека почти, а теперь еще и долги спрашивают. Выход-то из всей нынешней ситуации гораздо проще и дешевле, чем придумывают наши псевдоакадемики, виновники этого самого кризиса...

Не знаю, будет ли прочитано мое письмо, но мне все равно станет легче, если я выскажусь. «Осторожно — яд!» — это статья В. Ментюкова («МГ», № 7, 1989). Я и раньше знала, что смертность и инвалидность от перенасыщения земли, воды и воздуха ядохимикатами велика. Знала, что гибнут дети, не родившись, умирают молодые матери. Два миллиона за один год, считай, умерщвленных. Это что же за душегубка! После этого еще кто-то может утверждать, что только сталинские репрессии и коллективизация — преступление против человечества. Каким же словом назвать то, что творится в стране последние 27 лет? Минздрав, призванный охранять здоровье людей, устанавливает нормы приема яда, чтобы люди не слишком быстро умирали, но и не задерживались на этом свете! Чья злая воля довлеет над нами? Медики дали клятву не Гиппократу, а сатане: денно и нощно стоять на страже гибели и мучений людей. Иным словом, как геноцид, я эту политику не назову.

Репрессии и коллективизация — ничто по сравнению с тем, что натворили наши псевдоученые и псевдоакадемики в погоне за славой, степенями и звездами, в угоду своим всемогущим до времени покровителям, таким же звездоосыпаемым и бездарным. Настоящие ученые были лишены права голоса, потому что предвидели исход всех «проектов века», изобретенных орудий смерти, разного рода ядов и БВК. Будь я народным депутатом, я бы поставила вопрос о привлечении к ответу всех безвестных виновников наших бедствий, человеческих жертв и того ущерба, который нанесен природе.

Смотришь на сухие леса, гнилые реки и озера, на мертвые Байкал и Арал, сердце сжимается от боли и хочется крикнуть: «Что же вы делаете? Остановитесь!» Но кому скажешь, кого остановишь?

Или о нашей культуре: библиотеки, музеи, а в них книги, ценнейшее наше богатство, картины, различные художественные ценности, веками хранимые народом, созданные им. Все обесценилось. Ничто стало недорого. От всего память отшибли. Тот же Шмелев предложил продать алмазный фонд. Да я лучше голодать буду, но пусть все это останется моим детям и внукам, чтобы они знали, кто были их предки, что умели, их культуру. Кто придумал закон, позволяющий вывозить за рубеж книги, художественные ценности, принадлежащие не кому-то лично, а всему народу? Пишется везде, но наши министры глухи к го-

16*

лосу разума. Не устаю думать: кто они? Почему все дозволяют, не пресекают? Напрашивается самый нехороший вывод — они не дорожат ни моральными, ни нравственными, ни материальными ценностями своего народа, среди которого они живут. Им недорога земля, взрастившая их.

И. РОДИНА.
Горьковская обл., Дзержинский р-н,
п. Ильингорск

ПО ЗАВЕТАМ БЕН ГУРИОНА

Как известно, сионисты прилагают много усилий для раздувания мифа о наличии «перманентного антисемитизма», особенно у славян.

Сионистский фюрер Бен Гурион, например, даже рекомендовал своим последышам «замаскироваться под неевреев и преследовать евреев грубыми методами антисемитизма под такими лозунгами, как «грязные» евреи»!, «евреи, убирайтесь в Палестину!» (См.: Иванов Ю. «Осторожно: сионизм!» Изд. 2-е. М., 1971, с. 103—104.)

Сей завет Бен Гуриона, как известно, решили выполнить некто А. Норинский и главный редактор журнала «Знамя» Г. Бакланов. Первый из них, как известно, изготовил и разослал по разным адресам 40 «погромных» анонимок, якобы исходящих от «боевиков» национально-патриотического фронта «Память». Второй же вопреки постановлениям об анонимках не только факсимильно воспроизвел состряпанную Норинским фальшивку в «Знамени» (1988, № 10), но и потребовал от КГБ крутых мер против «Памяти».

Когда преступление было раскрыто, А. Норинский в полном соответствии с рекомендациями Бен Гуриона нагло заявил перед судом: «...Я был уверен: среди евреев автора писем от имени «Памяти» искать не будут!»

Но Норинский и Бакланов были далеко не первыми, кто следовал в нашей стране провокационному завету Бен Гуриона. В связи с этим хотелось бы вспомнить одного из их предшественников.

Во время Великой Отечественной войны активное участие в уничтожении еврейского населения на оккупированной фашистами Украине принимал некий Кирилл Сыголенко — адъютант командующего оуновской «Украинской повстанческой армии» (УПА) «Полесская весть» и по совместительству редактор юдофобской газеты «Гайдамака».

Он, в частности, организовал поголовные расстрелы всех евреев в городах Олевск и Дубровицы. Очевидцы свидетельствовали, что Сыголенко самолично «выхватывал у матерей детей, поднимал в воздух или ставил на ноги, если дети были постарше, и стрелял в них из пистолета».

После войны Сыголенко, выдававший себя за «жертву фашизма», работал на американские спецслужбы в Берлине, где и был арестован с... членским билетом западноберлинской еврейской общины в кармане. На суде выяснилось, что под маской «щирого украинца» скрывался матерый сионист. Его настоящее

имя было Хаим Сыгал. Дело Сыголенко-Сыгала лишний раз свидетельствовало о «тайных связях служителей «Звезды Давида» с приверженцами свастики, трезубца и американского орла...» (См.: Чекисты рассказывают, кн. 6, с. 146—155, М., 1985.)

А ведь и сегодня сионисты продолжают именовать украинцев (как, впрочем, и всех славян) «зоологическими антисемитами», приписывая им собственные преступления, совершенные по рецептам Бен Гуриона и К°. Об этом не следует забывать.

С. НАУМОВ,
историк,
г. Магадан

ПРИГЛАШЕНИЕ К САМОУБИЙСТВУ!

Тема, которую собираюсь затронуть, — не только медицинская, но и глубоко социальная и потому имеет прямое отношение к воспитанию подрастающего поколения.

Немного о себе. Ветеран труда и участник Великой Отечественной войны, врач дерматовенеролог с 35-летним стажем, кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник. Около 20 лет занимался научно-исследовательской и педагогической деятельностью в Центральном научно-исследовательском кожно-венерологическом институте и на кафедрах, в том числе и в Университете дружбы народов имени П. Лумумбы. В последние пять лет — пенсионер, но продолжаю работать главным врачом кожно-венерологического диспансера в Подмосковье. Более 20 лет занимаюсь изучением эпидемиологии венерических болезней. Опубликовал несколько десятков работ на эту тему.

А теперь по существу дела. В течение всего 1989 года в газетах «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Вечерняя Москва» и др. с упорством, достойным лучшего применения, бывший главный дермато-венеролог Москвы В. А. Тиц широко рекламировал метод анонимного обследования, а в последующем и лечения, больных венерическими болезнямв. «Новация» преподносилась доверчивому читателю как «революционный» почин в борьбе с этими инфекциями.

Хорошо отработанная и многократно проверенная на практике диспансерная система ставится под сомнение, хотя она надежно оправдала себя не только в области венерологии, но и все шире применяется в других специальностях (психиатрии, онкологии, наркологии). В борьбе с инфекциями она оказалась единственно правильной и эффективной, поскольку полностью соответствует законам эпидемиологии, четко разработанным нашими эпидемиологами, в частности, академиком Л. В. Громашевским. Многочисленные данные специальной зарубежной литературы говорят о том, что в США и многих других странах в официальную статистику попадает лишь каждый 10—11-й больной гонореей и менее половины больных сифилисом. Остальные лечатся у частно практикующих врачей, меньше всего заинтересованных в активном выявлении источников заражения и контактов, чтобы не отпугнуть от себя «клиентуру». Диспансерная система борьбы с венерическими болезнями, применяемая в нашей стране, оказалась более действенной, что неоднократно признавали

многие зарубежные специалисты на различных международных съездах и симпозиумах.

В. А. Тиц заверяет читателей, что многие больные боятся идти в диспансеры, опасаясь огласки. Но это далеко не так. В действительности пациенты не боятся диспансера, если с ними обращаются по-человечески, проявляя максимум доброжелательности и строго соблюдая врачебную тайну. Нормальный, порядочный врач всегда сумеет расположить пациента к откровенности и доверительности, если будет внушать больному, что любая болезнь — не позор, а несчастье. Конечно, есть и такие врачи, которые не только не хотят, но и не умеют «держать язык за зубами». За это надо наказывать. Отдельные медработники умышленно, с корыстными целями запугивают больного сифилисом или гонореей.

Значит, надо прежде всего повышать культуру медработников, а не свертывать диспансерную службу, отдавая проблему борьбы с венболезнями на откуп врачам кабинетов анонимного обследования, а в конечном итоге и анонимного лечения (под другими диагнозами). Этим непременно воспользуются нечистые на руку люди. Тем самым общество даст молчаливое согласие на еще больший разгул вседозволенности, проституции, гомосексуализма, наркомании, культа насилия и секса. Пораженность населения венболезнями не только не уменьшится, но, напротив, возрастет, и, самое главное, проблема борьбы с ними перестанет быть управляемой. За время «эксперимента» стали известны десятки, если не сотни, фактов, когда пациенты после постановки им диагноза венерического заболевания в анонимном кабинете больше в диспансере не показывались, пополняя ряды беспечных самоубийц.

Такой подход к проблеме борьбы с венболезнями закономерно приведет к росту скрытого, врожденного, других форм позднего сифилиса, к росту осложнений подпольно и не всегда полноценно леченной гонореи, к запоздалому выявлению СПИДа. В итоге — все более частые случаи бесплодия, патологии беременности, запущенные формы СПИДа со всеми вытекающими отсюда социально-демографическими последствиями.

Сейчас мы вступаем в период очередного и беспрецедентного подъема венерической заболеваемости, который будет происходить на фоне одновременного роста заболеваемости СПИДом. Венерические болезни все чаще и чаще сочетаются между собой, в особенности гонорея и трихомоноз. Появились новые, доселе неизвестные болезни половых органов — микоплазмоз, хламидиоз, гарднереллёз и другие. Происходит заметное «омоложение» венболезней. Для того чтобы успешно бороться с такими коварными врагами, их надо хорошо знать. Поэтому, как никогда, важно будет максимально полно учитывать и регистрировать больных, полноценно их лечить и проводить четкое диспансерное наблюдение, чтобы не пропустить самые серьезные и самые коварные из них, с более длительными сроками инкубации, такие, как сифилис и СПИД. Диспансерный метод полностью отвечает всем этим требованиям.

Метод анонимного обследования на венболезни бездумно (а возможно, и умышленно) скопирован с обследования на СПИД. Но ведь всем давно ясно, что при СПИДе анонимный метод может применяться лишь как исключение, то есть в единичных

случаях. Громадное большинство (доноры, беременные, лица, получившие многократные переливания крови, венбольные, граждане, вернувшиеся из длительных зарубежных командировок, гомосексуалисты, проститутки, наркоманы и т. п.) проверяются на СПИД отнюдь не анонимно, а с указанием точных паспортных данных.

Таким путем в стране обследованы уже сотни тысяч граждан, и никто из них не требовал анонимности. Тем более что делается это как в интересах их здоровья, так и в интересах здоровья близких и общества в целом. Ссылка на СПИД, как на пример для подражания, несостоятельна. Это всего лишь ловкий, отвлекающий маневр, рассчитанный на простачков. Что же касается законов эпидемиологии, то, исходя из них, анонимное обследование на венболезни не только большая, но и опасная глупость. Хотя, как известно, если глупость длится слишком долго — ищи, кому это выгодно.

Анонимный метод обследования на венболезни — это не что иное, как спецзаказ подпольной медицины (теневой экономики). Спрашивается, ради чего товарищ Тиц устраивал всю эту газетную шумиху и нездоровую рекламу? Нет оснований утверждать, что все это делалось лишь популярности ради.

Неоднократно обращался в «Комсомольскую правду», «Аргументы и факты» с такими мыслями, но ни одно письмо не было опубликовано. Видимо, потому, что не обладаю такой «вхожестью» в редакции. В отличие от доктора Тица.

Если наше здравоохранение встанет на путь анонимного обследования и лечения венбольных, то это будет одной из самых серьезных его ошибок.

Воспитание молодого поколения упущено во всех отношениях: политическом, идейном, моральном и нравственном. Не случайно же мы обратились за помощью к церкви с ее традиционно могучим воздействием на нравственность народа. Медицина, в особенности венерология, может и должна помогать обществу лечить народ не только физически, но и нравственно. Однако тех, кто хочет как можно скорее набить карманы и совершить «исход из России», меньше всего волнует нравственное и физическое здоровье нашего народа.

В. А. ШИБАНОВ,
Московская обл., г. Железнодорожный

КОГО И КАК МЫ ПОТЕРЯЛИ

В журнале «Молодая гвардия» (№ 9 за 1989 год) была опубликована последняя статья известного ученого, критика сионизма Владимира Яковлевича Бегуна, человека честного, необыкновенно скромного и интеллигентного и вместе с тем жестко-неуступчивого в принципиальных вопросах, Коммуниста с большой буквы. Болью в сердце отозвалась траурная рамка, в которую была забрана его фамилия...

Мне посчастливилось познакомиться и короткое время переписываться с Владимиром Яковлевичем Бегуном.

Познакомились мы на судебном процессе по иску В. Я. Бегуна к газете «Советская культура» и ее автору Черкизову в защиту

чести и достоинства. Это была единственная встреча. Теперь мне ясно, что В. Я. Бегуну не нужно было поддаваться на провокацию печатного органа ЦК КПСС. Владимиру Яковлевичу, одному из немногих советских специалистов по научной критике сионизма, надо было предвидеть, что «оппонентов» вроде Черкизова логикой не проймешь, да и многочисленные троицкие, что в московских судах, что в ленинградских, их оберегают. Впрочем, легко так рассуждать теперь. Тогда же, сразу после того, как В. Я. Бегуна оклеветали на всю страну, сохранить спокойствие было трудно. Известен и финал этой истории. Сразу после первого заседания суда Свердловского района города Москвы В. Я. Бегун тяжело заболел и уже не смог поправиться.

Памятью о В. Я. Бегуне остались у меня несколько писем, которые послал перед смертью. В них — позиция патриота по самым важным проблемам современности.

Вот эти послания.

«18 февраля 1988 года.

Глубокоуважаемый Степан Иванович!

Вы писали в октябре, а я, к сожалению, отвечаю Вам только в феврале. Извините, пожалуйста. Дело в том, что с 17 октября прошлого года по 3 февраля я находился в ленинградской клинике с острым инфарктом. До поездки в Ленинград, когда мне уже совсем стало невмоготу, я две недели ходил с этим инфарктом и даже ездил с ним в Москву на суд... Я обращался к врачу, но она вместо того, чтобы отправить меня на кардиограмму, выписала таблетки. Кардиограмму сделали две недели спустя в Ленинграде и ужаснулись — инфаркт у меня такой, что вроде бы с ним и жить не полагается. Потом я находился 11 суток в реанимации и вот лишь теперь вернулся домой и обнаружил на столе штук сто писем. Я еще слаб, завтра буду добиваться путевки в санаторий для кардиологического лечения.

Несмотря на все это, травля продолжается. Здесь, в Минске, пытаются меня как-либо укусить, дискредитировать, опорочить. Это, однако, не удается, особенно потому, что в своих работах я всегда был аккуратным. Посмотрите, пожалуйста, 7-й номер «Огонька» за этот год — там в разделе писем есть блошиный укус против меня: пишет какой-то Блох, называющий меня «публикатором». Слово это не русское, придется посмотреть в идиш-русский словарь, может, оно есть там.

За помощь в судебных делах большое Вам спасибо. Но на суд, назначенный на 25 февраля, я не поеду, потому что чувствую себя все еще скверно. Вторая причина — бесполезность неправого суда. Я никогда не говорил и не писал о «заговоре», но «Советская культура» никакого опровержения не опубликует — было бы напрасно ожидать от этой газеты какой-либо добропорядочности.

Конечно, уже поздно, но если бы это было раньше, я все же не смог бы приехать в Москву. Мне еще долго придется набирать силу. Рад бы принять Ваше предложение относительно книги А. Романенко (имеется в виду книга «О классовой сущности сионизма». Л., 1986. — С. Ж.), она заслуживает хорошего отклика. но, как видите, я вынужден отказаться и от этого предложения по тем же причинам. А. Дадиани, конечно, клеветник выдающийся. Он клеветал на первое издание моих «Детей вдовы» (имеется в виду и выступление А. Я. Дадиани, С. И. Мошнина, Э. В. Тадевосяна «О некоторых вопросах историографии пролетарского интернационализма», опубликованное в журнале «Вопросы истории КПСС», № 1 за 1987 год. — С. Ж.), да хорошо то, что он не умеет по-русски грамотно писать, а кроме того, еще не знает проблемы.

Кстати, есть ли у Вас второе (более полное) издание моих «Рассказов о «детях вдовы»? Если нет, то сообщите, пожалуйста, я пришлю. У меня еще припасено с десяток экземпляров.

У меня здесь в сборнике вышла большая (на лист) статья «Сожжение Венеры» — о причинах разложения и дискредитации национальной культуры и о том, кем и как это делается. Статья на русском языке. Она дает ключ к пониманию причин глумления над нашей национальной культурой. Потом я постараюсь ксерокопировать и пошлю Вам. Пока, как Вы понимаете, не могу этим заняться».

«12 марта 1988 г.

Дорогие москвичи, мои читатели!

С 17 октября прошлого года по 3 февраля нынешнего года я находился в ленинградской больнице с инфарктом миокарда, в том числе 11 дней провел в реанимации, а это значит, что одной ногой стоял на том свете. Понемногу очухался и вот теперь с 25 февраля пребываю в кардиологическом санатории недалеко от Минска. Я все еще чувствую себя плохо — случаются приступы стенокардии, особенно после еды. Тогда, например, трудно ходить. Врач говорит, что на полное восстановление понадобится много времени, почти что год.

А работать и хочется, и очень нужно. Вы ведь читали и «Советскую культуру», и «Известия» за 27 февраля с. г. Они страшно боятся правды, видят во мне серьезного противника, а потому всячески стараются опорочить, дискредитировать, вообще, заткнуть мне рот. Причем у них появляется талмудическая жестокость — надо не просто уничтожить, а еще и размазать, изгадить. Такие сплетни, будто я списываю с «Майн кампф», редко случались даже в анонимках. Сегодня до этого уровня опустилась газета «Известия».

До больницы меня донимали телефонными звонками, оскорбляли, угрожали, развесили по городу объявление о том, будто я продаю мебель, и ни в чем не повинные люди терроризировали меня, а затем написали оскорбление в мой адрес масляной краской на стене дома и на асфальте; потом ночью наладили штурм квартиры. Пришлось сменить номер телефона. Теперь, после возвращения из больницы, посылают на дом какого-то сиониста, который желает «побеседовать». А когда я уехал на лечение в Ленинград, по Минску распустили слух о том, что «он уже подох и его похоронили».

Такова «нерушимая дружба народов»...

Надеюсь все же поправиться и снова взяться за работу. Тут ведь Россия, а не западный берег реки Иордан...

У меня недавно вышло несколько публикаций, но, к сожалению, пока нечего послать. Вернусь из санатория, сделаю копии, тогда что-нибудь получится».

«12 ноября 1988 г.

Дорогой Степан Иванович!

Простите меня, пожалуйста, за столь долгое молчание. Оправданий мне, конечно, нет, но, поверьте, в последний год на меня

свалилось всего очень много: тяжелая болезнь, неустанная травля со стороны «правозащитников», поток писем со всей страны, особенно после клеветнических статей в «Известиях»...

Вы предлагаете сотрудничество и... Спасибо Вам. Но, к сожалению, я пока ничего не могу предложить.

Я мог бы сделать какие-то статьи: Например, мне хорошо понятна суть создаваемых в стране обществ еврейской культуры (в Москве «Шалом», в Таллинне, Минске и пр.). Эти общества — проводники сионистской идеологии, и доказать это нетрудно, особенно если иметь в виду то важнейшее обстоятельство, что так называемая еврейская культура — иудейская религия со всеми ее клерикально-шовинистическими довесками. Если из этой культуры отнять религию, то в итоге получится жалкий остаток. Хорошо бы, конечно, рассказать людям обо всем этом...

Вы ведь видите, что слово сионизм у нас употребляют уже в кавычках, считается, что его нет, а любое негативное упоминание о сионистах или евреях вызывает яростную реакцию со стороны...

Мне вместе с проф. Бовшем уже приходилось выступать в белорусском журнале о пацифистской деятельности А. Адамовича (а также и в «Советской культуре» за 10.12.1987 г.). Хотя нас поддержала «Красная звезда», реакция «прорабов перестройки» была яростной, вплоть до оскорблений по телефону. Теперь А. Сахаров выступил с предложением сократить срок службы в армии и сократить численность ее вдвое. Подобные предложения раздаются и со стороны других «прорабов перестройки». Возразить бы всем этим «миролюбцам». Тем более что Сахаров, почетный гражданин Израиля и лауреат премии «Лиги борьбы с диффамацией» «Бнай Брита», не имеет морального права выступать с подобными предложениями. К тому же идеи пацифизма расплываются и по другим социалистическим странам. Например, в Польше организация «Вольность и покуй» («Мир и свобода») добивается отмены службы в армии и преподавания военной подготовки в вузах. Но опять-таки не зарубежному же читателю об этом рассказывать. Да и политика нынче пошла такая, что разглагольствования любого предателя расцениваются как «вклад в перестройку», а патриотическая позиция считается «шовинизмом», «сталинизмом» и еще чем угодно.

Кстати, вчера «Голос Америки» сообщил, что этому типу в Нью-Йорке был вручен почетный приз Международной лиги защиты прав человека. На том сборище присутствовали сионисты Симон Визенталь, Эли Визель, глава Национальной конференции в защиту советских евреев, еще какие-то подонки, выехавшие ранее в Израиль.

У меня есть сведения из польских источников о том, что вышеуказанная лига — филиал масонства. Вот о чем следовало бы сказать! Но, к сожалению, правде противостоит «гласность».

Посылаю Вам обещанную книгу. У меня осталось еще несколько экземпляров, чему помогла обретенная наконец-то прижимистость».

«17 декабря 1988 г.

Глубокоуважаемый Степан Иванович!

В нашем минском журнале опубликована статья, разъясняющая некоторые приемы «прорабов перестройки» и реабилитирующая меня. Конечно, журнал-то республиканский, а оклеветан я был на весь Союз, но все же и эта статья большое подспорье.

Кроме того, мне помогло выступление в «Нашем современнике» № 11 за этот год...

Очень любопытна история с провокатором Норинским из Ленинграда. Точь-в-точь такой же случай был в Чехословакии в 1968 году с Эдуардом Гольдштюккером, который, как и Бакланов, опубликовал «гневное» письмо в «Руде право».

«17 января 1989 г.

Дорогой Степан Иванович!

Спасибо Вам за добрые слова и поздравления. С большим интересом ознакомился с Вашим письмом и остальными материалами.

Вы очень верно подметили целенаправленность публикации сокращенных в свое время мест из романа В. Гроссмана. Между прочим, они, эти места, уже «работают». Например, рижская комсомольская газета «Советская молодежь» за 29 октября 1988 года опубликовала сионистскую (произношу это слово со всей ответственностью!) статью С. Зильберга и В. Кричевского под заглавием «В чем ты обвиннешь евреев?». В этой статье как раз использованы высказывания Гроссмана об антисемитизме. Здесь есть такое место: «Научные изыскания Т. Кичко, В. Бегуна, Е. Евсеева, В. Бовша, В. Большакова и им подобных заняли бы достойное место в библиотеке доктора Геббельса». Вот так, и не меньше...

Посылаю Вам две статьи из первого номера «Политического собеседника», а также оттиск статьи из «Ленинградской правды» о Норинском. Быть может, у Вас нет этой газеты, а она пригодится.

Ну а всю историю с Коротичем Вы, конечно, знаете. Прелюбопытно! Если бы устроили международные соревнования... лицемеров, то он получил бы первый приз. А ведь вот руководит «Огоньком»! Такова «перестройка» в кадровой политике».

«24 февраля 1989 г.

Уважаемый Степан Иванович!

Получил копию Вашего письма. Большое спасибо.

Посылаю копию своего письма в «Огонек». Оттуда, разумеется, ничего не ответили. Это письмо уже есть в «Правде», а теперь я его буду рассылать по другим адресам.

После статьи в «Советской культуре» против меня кампания травли оживилась. Газету поддержали радиостанции «Свобода» и «Голос Израиля». В отдел института, где я работаю, звонят анонимы и всячески поносят меня, директора института тоже ежедневно терроризируют звонками (спрашивают, например: «А зачем вы этому подонку деньги платите»?), ко мне приходят какие-то типы с целью провокации... Звонят также в партком, президенту Академии. Словом, мы давно уже убедились, что у них роли распределены, режиссура безупречна, причем они знают то, о чем мы нередко с трудом только догадываемся.

Что касается В. Быкова (См. «Литературную газету» от 18 января 1989 г. — С. Ж.), то он у них выполняет роль активного субподрядчика. Судя по некоторым словам в его статьях на белорусском языке, сам он этих статей не пишет, а только подписывает готовые. В Москве такую же роль выполняет артист Ульянов».

«15 января 1989 г.
Редакции журнала «Огонек»

Редакция «Огонька» в журнале № 24 за 1988 год заявила, что «даже искреннее неприятие нынешней позиции «Огонька» должно сочетаться с уважительным отношением к фактам», и добавила при этом: «Распространение заведомо ложных, позорящих другое лицо измышлений (УК РСФСР, ст. 130), называется клеветой». К тому можно добавить слова главного редактора журнала о том, что «в сражении за чистоту любых мундиров надо держать чистыми прежде всего собственные души и совесть» («Огонек», 1988, № 47).

Учитывая такие заявления, с которыми согласится любой и каждый, я требую опубликовать это мое письмо и тем самым сопоставить слова и дела журнала.

В одном из последних номеров «Огонька» говорится: «Еще один вопрос, не самый важный, но весьма волнующий редакцию «Нашего современника»: сионист или не сионист крупнейший ученый мира Альберт Эйнштейн? Бегун полагает, что крупнейший ученый — и крупнейший сионист... Но Эйнштейн никогда не принимал участия в деятельности сионистов и не имел никакого отношения ни к одной сионистской организации, а вот к борьбе против атомного оружия он имел прямое и непосредственное отношение. Так имел ли право В. Бегун шельмовать крупнейшего ученого, называя его крупнейшим сионистом?» («Огонек», 1988, № 52, с. 14—15.)

Помня требование уважительно относиться к фактам, редакция должна сообщить читателям о том, в какой статье или книге (место, время издания, страница) я называю Эйнштейна «крупнейшим сионистом». Назовете эти источники — любой читатель сможет проверить их и лично убедиться в чистоте ваших душ и совести, равно как и в моем шельмовстве. Поскольку ничего подобного редакция сделать не может, я с полным правом обвиняю журнал в клевете, то есть в уголовном деянии.

Но коль уж затеян такой разговор, то давайте поинтересуемся: а все-таки был Эйнштейн сионистом или нет? Прошу любого сотрудника журнала и любого желающего читателя обратиться к таким источникам: «Encyclopaedia Judaica». Berlin, 1930, 6 Band, S. 355; A. Einstein. Mein Weltbild. Amsterdam, 1934, S. 156; М. В. Вишняк. Доктор Вейцман. Париж, 1939, с. 168, 172, 177; Хаим Вейцман. Иерусалим, 1988, с. 14. Здесь черным по белому написано, что Эйнштейн выполнял поручения сионистов, участвовал в работе XVI конгресса Всемирной сионистской организации в 1929 году, а в собственной книге «Мое мировоззрение» прямо заявил, что он «очень предан идее сионизма». На Западе никто не делает из этого каких-то секретов. Да и в нашей стране, пока Эйнштейн еще не был канонизирован в святые, не боялись сказать о нем правду. Русскоязычный еврейский журнал «Трибуна» (1930, № 24/25, с. 22) писал о том, что ученый, активно занимаясь поиском территории для еврейского государства в латиноамериканской стране Перу, выступал «в качестве колонизатора». Все это — факты, и к ним следует относиться с уважением.

Далее в «Огоньке» говорится:

«Напомним, что 10 лет назад академик М. Коростовский, крупный специалист по критике идеологии сионизма, назвал точку зрения В. Бегуна на многие изучаемые им вопросы «удручающе примитивной и многократно вредной» («Огонек», 1988, № 52, с. 15).

Вынужден напомнить редакции, что академика М. Коростовского в природе не существовало. Похоже, имеется в виду акад. М. А. Коростовцев. Но он, как сообщает БСЭ (М., 1973, т. 13, с. 203), был египтологом, специалистом по филологии и истории стран Древнего Востока, а не «крупнейшим специалистом по критике идеологии сионизма», как это утверждает «Огонек». Редакция не может назвать книги или статьи, где он занимался бы оценкой и рассмотрением моих работ.

Итак, журнал «Огонек», на словах призывающий уважительно относиться к фактам, осуждающий клевету и заботящийся о чистоте наших душ, на деле пользуется сплетнями, клевещет на меня, занимается шельмовством. Умные люди в таких случаях приносят публичные извинения».

Это письмо при жизни В. Я. Бегуна осталось безответным и не было опубликовано. Так что же, в редакции журнала «Огонек» в самом деле не оказалось «умных людей»? Нет, дело, видимо, не в этом. Казус отражает идущую в стране идеологическую борьбу, в которой, как считают горячие застрельщики перестройки из «Огонька», все средства хороши.

Письма В. Я. Бегуна не нуждаются в комментариях. Нужно только подчеркнуть величайшее мужество советского ученого, противостоящего темной реакционной силе, действующей нагло и безнаказанно в нарушение всех законов.

С. ЖДАНОВ,
профессор,
Москва

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

ЗА ВАМИ — РОССИЯ

Здравствуйте, уважаемая редакция!

Хочу выразить вам свою искреннюю благодарность за ваш журнал. В этом году я впервые выписала «Молодую гвардию», так как считала, что ваш журнал молодежно-патриотический, а я уже давно вышла из этого возраста.

Вы должны знать, что ваш журнал просто необходим всем честным людям, это тот остров, на котором можно отдышаться и глотнуть свежего воздуха.

Читая отклики читателей на ваши публикации, чувствуешь, ты не одинок, что есть еще здравомыслящие люди, имеющие свое жизненное кредо, и их головы не так просто набить всем тем, что превращает человека в животное, что так усиленно стараются сделать все средства массовой информации и журнала типа «Огонек».

Трудно выстоять в вашей ситуации, трудно отбивать нападки, трудно доказывать, что черное — это черное, а белое — белое. Идет настоящая борьба за выживание. Но надо выжить, надо

выстоять во имя тех, в ком остались совесть и вера, а главное — во имя тех, кому предстоит вступить в жизнь.

Помогите им, помогите нашему будущему.

Выстоите вы — выстоим и мы.

Мужества вам и уверенности в правильности своего выбора.

Низкий вам поклон и огромное спасибо за ваш труд.

С искренним уважением

БОЛОТНИКОВА С. С.,
Москва

* * *

Уважаемый Анатолий Степанович!

(Что Вы сделали со мной?!) Раньше я выписывала журналы «Огонек» и «Юность», и никаких проблем у меня не было. Читая эти журналы, я никогда не забывала о том, что на плите стоит чайник или сковорода. В этом году я выписала Ваш журнал и еще «Наш современник» и так теперь зачитываюсь, что напрочь забываю и о чайнике, и о сковороде. Вода выкипает, картошка пригорает. Муж ругает меня на чем свет стоит, просит, чтобы я снова подписалась на «Огонек» и «Юность». А я не хочу! Надоело читать злобную клевету на Россию, на русское общество «Память», поставившее своей целью возрождение России, ее величия.

Есть такая артиллерийская команда: «По такому-то объекту — огонь!» Так вот журналу «Огонек» больше соответствовало бы название «По России — огонь!», потому что он постоянно ведет огонь по нашему Отечеству, по нашей чести и достоинству, по патриотическим чувствам нашего народа, по прекрасным русским писателям, являющимся его совестью. А в Вашем журнале, Анатолий Степанович, столько правды, боли за свое Отечество, что так не хватает каждому русскому человеку, потому что все это определенными средствами массовой информации сознательно замалчивается. Читая Ваш журнал и еще «Наш современник», я впервые ощутила себя полноценным человеком. Низкий поклон Вам от всех русских людей!

Г. ЧИСТЯКОВА,
Великие Луки Псковской обл.

* * *

На журнал «Молодая гвардия» подписалась впервые. Читаю все, от корки до корки. Ваши публикации успокаивают мою душу — думаем мы одинаково.

С уважением от семьи Зубачевых,
М. ЗУБАЧЕВА,
ветеран труда, член КПСС с 1937 г.,
Москва

* * *

Возмущена нападками и клеветой на «Молодую гвардию», а также навешиванием на коллектив издания ярлыков: антисоветчики, националисты, шовинисты! Журнал воспитывает молодое поколение в духе патриотизма, он завоевал уважение у читателей благодаря своей честной, принципиальной позиции.

Г. СОКОЛОВА,
Москва

* * *

Поддерживаем линию журнала: люди истосковались по правдивому слову.

Семья БАТЯЙКИНЫХ,
Москва

* * *

Подписалась на Ваш журнал впервые и уже хочу сказать: браво! Так держать!

В моем лице Вы обрели постоянного читателя.

Т. ПРОВОТОРОВА,
Москва

* * *

По радио я услышал, что журнал «Молодая гвардия» собираются переориентировать, изменить его название и сменить в нем редактора. Это возмутительно! Силы сионизма и антисоветских неформалов собираются любимый русскими людьми журнал сделать на манер «Огонька»? Неужели нет у Вас, товарищ Иванов, достаточной поддержки, чтобы отстоять журнал?.. Но если все же нашим врагам удастся вырвать у Вас журнал, я прошу: организуйте новый под Вашим руководством и с прежними сотрудниками и авторами.

М. АЛЕКСЕЕВ,
Московская обл.,
Болшево.

* * *

Русские люди и не то пережили. Держитесь. Ваш поклонник и подписчик.

А. ДЕМШИН,
Москва

* * *

Узнал о готовящейся расправе над главным редактором журнала «Молодая гвардия», писателем Анатолием Степановичем Ивановым. Требую, чтобы его судьбу, а значит, и судьбу журнала, решали не просто «читатели-комсомольцы», письма и «мнения» которых мафия может организовать сколько угодно (на-

грабленных денег у нее на это хватит, а если потребуется, то и из-за океана подбросят), а подписчики издания. Они на это имеют все права.

В. КОВШОВ,
Ленинград

* * *

Мы с мужем, да и наши многие знакомые, считаем, что общество наше сионизировано, причем сионизация его все более усиливается. Как можем, мы пытаемся бороться с этим явлением, посылаем письма, протесты, но в ответ получаем стандартные ответы или ничего не получаем. Все это лишний раз доказывает, что бороться в одиночку очень трудно. И потому, когда мы ознакомились с материалами Вашего журнала, у нас появилась надежда: «Молодая гвардия» сможет объединить патриотов. Успехов вам в благородном и нужном деле!

Н. и А. КАЮГИНЫ,
Ленинград

* * *

Читаем журнал «от корки до корки». Подписались на издание и сами, и всех близких уговорили это сделать. И вдруг прошел слух: решается судьба «Молодой гвардии». Журнал обвиняют в антисемитизме. Но это же ложь! Мы категорически протестуем против того, чтобы на наше любимое издание навешивали этот ярлык! Считаем: то, что творится сейчас вокруг журнала, дело рук тех, кто боится разоблачения своих темных дел.

А. БАРИНОВА,
Д. ПАНИН,
Ленинград

* * *

ЦК КПСС,
Верховному Совету СССР,
Редакции журнала
«Молодая гвардия»

...Закон джунглей гласит: «Кто сильнее, тот и прав!» Согласно этому правилу расправляются и с редакцией журнала «Молодая гвардия», единственным изданием, несущим в себе идеи социалистического строительства. Я требую прекратить травлю и гонения на главного редактора журнала Анатолия Иванова и коллектив «Молодой гвардии». Наше общество состоит не из одних предателей дела рабочего класса!

С. АГАНЕСОВ,
Ашхабад

* * *

«Молодая гвардия» — одно из немногих изданий, которое раскрывает людям глаза на то, что происходит в нашей стране, воспитывает молодежь в духе любви и преданности к своей Отчизне, к идеалам социализма. Поэтому необходимо оградить журнал от несправедливых наскоков и нападок со стороны некоторых писателей, журналистов и публицистов, вставших на путь возврата к капитализму. Защитить честь и достоинство «Молодой гвардии» — наш гражданский и патриотический долг.

В. ЧИРКОВ,
Глазов

* * *

Слышали, что делаются попытки закрыть «Молодую гвардию». Значит, кому-то выгодно лишить Россию вещего колокола. Боритесь. Народ с вами.

ИВАНОВА,
Ленинград

* * *

Читаешь ваш журнал — и попадаешь в Россию! В нем каждый материал русский. Огромное вам спасибо за это. И еще хочется пожелать богатырского здоровья и мужества в нелегком труде.

А. ЗАЙЦЕВА,
Владимирская обл.

* * *

В ЦК КПСС
Копии: В Верховный Совет СССР,
в редакцию журнала
«Молодая гвардия»

Уважаемые товарищи!

В последнее время оголтелая клика Московского и Ленинградского «Народных фронтов», и средства массовой информации, зараженные сионистским толком, развернули широкую борьбу против редакции журнала «Молодая гвардия».

Этот журнал, один из немногих, на своих страницах несет Правду об истории нашего Отечества, которая так необходима честной трудовой молодежи страны.

Руки прочь от журнала «Молодая гвардия» и его редакции!

Ю. ДАНЬЯРОВ,
Ашхабад

* * *

Читаю Ваш журнал с гордостью за тех, кто не дает растоптать нашу российскую душу, стоит на пути тех, кто растаскивает Россию, продает ее.

С. КАПУСТИН,
участник войны,
Крымская обл.

* * *

До этого года в нашей семье (четверо взрослых) редко читали журнал «Молодая гвардия», но часто знакомились с нападками на него в прессе, на телевидении. Дознакомились до того, что решили сами разобраться: в чем неправы журналисты из молодежного издания. Подписались на «Молодую гвардию» и уже получили первые номера за 1990 год. После их прочтения хочется сказать в адрес редакции: спасибо! Так держать!

В. ШЕРШНЕВА,
учительница,
по национальности украинка,
Донецкая обл.

* * *

Я совсем не молодая и даже старая, но не могу не выразить вашей молодежной редакции благодарность. Знаете, как тяжело жить сейчас честному, простому человеку в море лжи, клеветы, ненависти и обмана, фальсификации истории! Оплевывают все и вся. Особенно в «Огоньке», «Неве», «Знамени», «Литературке», «Московских новостях». 4—5 лет я читала подобную стряпню, и это продолжалось бы до сих пор, если б не журнал «Молодая гвардия».

Г. САДОВНИКОВА,
Москва

* * *

ЦК КПСС,
зав. идеологическим отделом
т. Капто А. С.
ЦК ВЛКСМ,
первому секретарю
т. Мироненко В. И.

Копия: редактору
«Молодой гвардии»
т. Иванову А. С.

Я обращаюсь к тем, у кого с инстинктом самосохранения все в порядке и кому небезразлично, в каком обществе будут жить хотя бы их собственные дети и внуки. Неужели вы позволите шельмовать журнал «Молодая гвардия», журнал, который поистине «луч света в темном царстве» помоев, которые обрушиваются на нашу молодежь со страниц многих молодежных изданий, с голубого экрана и из мрачных притонов, именуемых видеосалонами. Пока есть такие журналы, как «Молодая гвардия», есть надежда на духовное возрождение нашего Отечества, которое по непониманию одних, корыстолюбию других и злому умыслу третьих падает в страшную бездну, в которой окажутся и непонимающие, и корыстолюбивые.

Н. ТАРАСЕВИЧ,
Новосибирск

* * *

Группа общества «Единство» Свердловской области протестует против травли журнала «Молодая гвардия».

Где же провозглашенный плюрализм мнений? Почему гласность в стране однобокая: потоку лжи на нашу историю открыта широкая дорога, а правдивые материалы с трудом пробивают себе дорогу?

ГРУППА ОБЩЕСТВА «ЕДИНСТВО»,
Свердловск

* * *

Познакомившись с публикациями за 1989 год, я понял, что Ваш журнал — мой журнал. Издание дорого мне высокой идейностью и нравственностью, стремлением возродить подлинное национальное чувство в русском народе, его традиции. На Вашей стороне все подлинные патриоты Родины. Я знаю о постоянных нападках на «Молодую гвардию» со стороны желтой прессы, во главе которой идет печально известный «Апрель». Хочу заверить Вас, те, кому дорого наше Отечество, не дадут Вас в обиду!

В. ПОГОДИН,
Москва

* * *

В нашем городе распространяются слухи о том, что якобы журнал «Молодая гвардия» будет ликвидирован, а вместо него образуется какой-то полемический журнал ЦК ВЛКСМ. Не хочу в это верить, но от тревоги за судьбу издания не могу освободиться. Эту тревогу разделяют и десятки знакомых мне подписчиков. От имени всех нас хочу сказать: нельзя допустить, чтобы восторжествовали темные силы, обеспокоенные возрождением России. Информируйте читателей о попытках ликвидировать журнал. В сплоченности наша сила.

Г. МУРЗОВ,
Калинин

Прогрессивная общественность города-героя Смоленска единодушно поддерживает обращение коллектива редакции журнала «Молодая гвардия» к читателям, членам Политбюро, ЦК КПСС, членам Бюро ЦК ВЛКСМ. Мы возмущены оголтелой травлей желтой прессой нашего любимого журнала «Молодая гвардия». Глубоко гражданская позиция популярного молодежного издания не по нутру некоторым «прорабам перестройки», толкающим народ в бездну национальной вражды. Требуем прекратить злобное шельмование молодогвардейского коллектива и его руководителей. Именно теперь, когда экраны кинотеатров, программы телевидения, полосы некоторых газет и журналов захлестнула волна секса, анархии, экстремизма, «Молодая гвардия» в отличие от них продолжает мужественно отстаивать духовные и нравственные ценности Отечества, учит молодежь добру и верности идеалам социализма. Именно такой журнал с истинно патриотическим лицом нужен сейчас России, всей нашей великой Отчизне.

**В. СМИРНОВ, ответственный секретарь Смоленской писательской организации,
Е. МАКСИМОВ, член СП СССР, лауреат премии комсомола Смоленщины имени Ю. А. Гагарина,
Н. ШАРАЕВ, председатель областного Совета ветеранов войны и труда,
А. ОСИПЕНКОВ, председатель областного Совета воинов-интернационалистов,
В. РУЖЕНЦОВ, воин-афганец,
В. ВОЛОВИЧ, мать погибшего офицера-афганца, кавалера ордена Красной Звезды,
А. РЫЛЕНКОВ, кандидат филологических наук, доцент Смоленского пединститута,
С. КОРЕНЕВСКИЙ, рабочий,
Н. СЕМЕНОВА, председатель смоленского товарищества «Справедливость»,
В. ЕВСТАФЬЕВ, кандидат исторических наук, ветеран войны**

Смоленск

* * *

С тревогой прочли письмо коллектива журнала «Молодая гвардия». Считаем недопустимым давление на него со стороны идеологического отдела ЦК ВЛКСМ. «Молодая гвардия» объективно и целенаправленно отражает тенденции перестройки, консолидирует силы российского возрождения, дает решительный отпор проповедникам сионизма и русофобии.

К. ЛАГУНОВ, С. ШУМСКИЙ, Н. ДЕНИСОВ, М. АНИСИМОВА, П. СУХАНОВ, Ю. НАДТОЧИЙ, В. ВОЛКОВЕЦ, З. ТОБОЛКИН, Ю. АФАНАСЬЕВ, Е. ВДОВЕНКО, Р. ЛЫКОСОВА

Тюмень

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Владимир ЮДИН

НИСПРОВЕРГАТЕЛИ, ОСТАНОВИТЕСЬ!

Социалистический плюрализм, гласность, демократизация всех общественных институтов жизни предполагает особую ответственность перед народом. Однако, как признал М. С. Горбачев на встрече с творческой интеллигенцией, современные глубокие масштабные процессы «идут непросто, нередко носят противоречивый характер, и, прямо скажем, не обходятся и без таких явлений, которые вызывают у нас озабоченность и даже тревогу».

Действительно, в современной литературе, публицистике, исторических очерках и философских эссе часто приводятся искаженные или подтасованные «факты», крайне односторонние мнения, сенсационные, но не глубокие концепции. Сейчас проводится огромная работа по переосмыслению истории отечественной художественной культуры. Важно избежать при этом крайних суждений и односторонности, по достоинству оценить художников слова, ранее несправедливо вычеркнутых из отечественной словесности, — М. Булгакова, А. Платонова, Б. Пастернака, А. Ахматову, М. Цветаеву,

Н. Клюева, О. Мандельштама, П. Карпова, С. Клычкова, П. Васильева... Однако при этом не следует предавать забвению художников-классиков, именами которых мы гордились раньше и вправе гордиться всегда: Шолохова, Леонова, Горького, Твардовского, Фадеева, Исаковского, Есенина... Вряд ли целесообразно подменять художественные ценности, созданные этими и подобными им творцами, «шедеврами» типа «Жизни и необычайных приключений солдата Ивана Чонкина» Войновича, как это, к сожалению, делается...

Вспоминаю статью Н. Зайцева «Ответственность перед правдой» в № 8 «Молодой гвардии» за 1988 год и всецело разделяю ее пафос: негоже нам предавать забвению основополагающие принципы марксистско-ленинской диалектики применительно к искусству и культуре — народность, партийность, историзм. Прав Н. Зайцев, призывая к спокойному, хладнокровному, аналитичному осмыслению истории, в том числе 20—30-х годов. Экстремизм в оценках прошлого никогда не приводил к успеху — вспомним хотя бы рапповские «урра-революционные» наскоки на классические вершины русской литературы.

Субъективизм, к сожалению, процветает в нынешней критике. Несть числа примерам такого рода. Вышла в минувшем году в издательстве «Советский писатель» новая книга Чингиза Гусейнова «Этот живой феномен». Критики и писатели в ней строго поделены на два лагеря — «свои» и «чужие». Под сомнение поставлены работы Ю. Лощица, В. Старостина, Н. Скатова, С. Лыкошина, М. Лобанова, В. Ганичева, В. Кожинова... Список можно продолжить. Зато с каким восторгом приняты автором исследования П. Николаева, В. Оскоцкого, Ю. Суровцева!..

Но если бы только дело касалось авторских симпатий и антипатий, кто от них застрахован?.. Увы! Ч. Гусейнов пытается «анализировать» историческую прозу русских писателей и не стесняется принизить ее успехи, извратить мысли «подопытных» писателей. Так, скажем, о книге костромского писателя В. Старостина «Русь богатырская» он пишет только со знаком минус, хотя книга вызвала острый интерес у читателя, хорошо известен ее патриотический пафос. «...Бездумное копирование (летописей. — В. Ю.) оборачивается оскорбительным отношением к народам в целом. Таковы сочинения Василия Старостина, в частности, его произведение «Мамаево побоище», в котором Ермак просит «атамана» Илью Муромца «за Урал пойти». Ч. Гусейнов не видит и не хочет видеть, что в данном случае писатель В. Старостин не народ «оскорбляет», а клеймит агрессора, пришедшего на Русь, принесшего неисчислимые страдания и бедствия.

Читаю сей труд далее: «Даже непосредственная беллетризация истории чревата просчетами, если недооцениваются концептуальные моменты, что сказалось, к примеру, в повести В. Ганичева «Росс непобедимый», с несколько прямолинейным подзаголовком: «Историческое повествование, были и легенды о южном «окне» в Европу, о земле, поднятой трудом и разумом наших людей, и о создании Черноморского флота», — в повести, хотел того автор или нет, но объективно смазываются противоречия самодержавной системы, деятельности царских вельмож, в частности Потемкина, — оказывается, никаких «потемкинских деревень» не было, все это придумано инонациональными и иноверными недругами и шпионами при царском дворе, а было — умная, дальновидная политика императрицы Екатерины с ее государственным мышлением и разумная деятельность князя Григория Потемкина, о чем с рвением, достойным изумления, свидетельствуют и критики произведения».

Всё смущает критика: и «прямолинейный подзаголовок» романа В. Ганичева «Росс непобедимый», и единство русичей, способных объединиться в час опасности перед внешним врагом, «отказаться» от классовых противоречий, и пресловутые «потемкинские деревни», миф о которых уже давно развенчан опытными историками — у нас и за рубежом. Если кто и носится с этим мифом, то буржуазная историография, используя его в качестве средства лишний раз унизить Россию, оболгать русского человека, показать его диким, невежественным, с рабской душой, агрессивным, кровожадным и т. п. Странно, что советский исследователь крайне обостренно воспринимает патриотический пафос романа В. Ганичева, болезненно переживает патриотическую струю в других книгах исторического жанра.

Сегодня, быть может, как никогда, честный, непредвзятый взгляд на исторические ценности становится одной из самых насущных духовных потребностей нашего общества. Очень многое, если не все, зависит от мировоззренческих устоев полемизирующих сторон, от их взглядов на перспективу развития нашей литературы, искусства, культуры.

Недавно вышли в свет два новых романа, посвященных гражданской войне на Дону и Кубани, — «Красные дни» А. Знаменского и «Ненаписанные воспоминания» («Наш маленький Париж») В. Лихоносова. Известный на Северном Кавказе профессор-литературовед Н. И. Глушков опубликовал литературное обозрение «Правда истории» об этих романах, назвав их произведениями, приподнятыми над остальными книгами на эту тему. Вскоре в редакцию газеты «Вечерний Ростов», где вышла названная статья, поступило письмо группы университетских ученых-историков «Нужна ли такая «правда истории»?», решительно отвергающее принятую Н. И. Глушковым концепцию трагедии казачества в революции.

Оставим на совести авторов письма некорректные приемы полемического прессинга («детективщина», «падкие на сенсацию поборники правды истории», «кавалерийские наскоки», «беда, коль пироги начнет печи сапожник» и т. д.). Не случайно учительница истории Л. Боярчук, живущая в Отрадненском районе Краснодарского края, заметила: «Ученым-историкам нужно помогать писателям, а не выбивать перо из рук своими «разгромными» статьями» («Вечерний Ростов», 1987, 13 ноября).

Чтобы разобраться в сути спора, приведем основные положения обоих выступлений.

«Тем, кто прочитает художественно-историческое повествование (роман-хронику) «Золотое оружие» (первоначальное название романа А. Знаменского «Красные дни». — В. Ю.), станут понятней причины тяжелых осложнений на фронтах революции после триумфальных побед. Осложнения, говорят документы, вызваны не столько сословными предрассудками, сколько политикой Троцкого на посту председателя Реввоенсовета республики. Кроме справедливых и в восприятии основной массы казачества преобразований (уравнения социально-экономических прав иногородних и казаков), троцкисты «именем Революции» широко развер-

нули огульно антиказачьи, экстремально жесткие акции: «расказачивание» командного состава Красной Армии и административных учреждений Советской власти, массовые репрессии» (Н. И. Глушков).

«Контрреволюционные выступления казачества, таким образом, по логике Н. И. Глушкова, вытекают из ошибок большевистской партии. Здесь же выплывает зловещая фигура Троцкого, в руках которого якобы (!) была сосредоточена вся казачья политика ЦК РКП(б) и СНК. Не отрицая и не преуменьшая вреда, нанесенного Троцким нашей революции, необходимо заметить, что возвеличение роли Троцкого, от злой воли которого якобы (!) зависело отношение нашего государства к казачеству, не соответствует действительности и повторяет измышления наших идеологических противников о выдающейся роли этой фигуры в судьбах Великого Октября и Советской России...»

Как видим, мнения кардинально разделились вокруг вопроса о виновниках расказачивания на Дону. Ученые Ростовского университета склонны вывести из-под критики Троцкого, отождествляя его контрреволюционную линию с линией В. И. Ленина, партии. Это противоречит правде истории. Подавляющее большинство читателей, среди которых есть участники гражданской войны, решительно поддержало профессора Н. И. Глушкова. «Кровь людская — не водица! — пишут они. — И надо раскрыть подлинную правду о «расказачивании». Акции Троцкого и его сообщников на Дону они называют политикой геноцида.

«Слово казак было низведено до ругательства, бывшая Донская область была разделена между Ростовской, Сталинградской и Воронежской губерниями, а станицы и хутора предписывалось именовать деревнями и волостями. В армию молодежь не брали, как неблагонадежных, до самого 1936 года, года новой Конституции. Задолго до пресловутого культа личности, на Дону, Кубани и по югу России свирепствовал террор: забирали в ГПУ преимущественно недавних командиров Красной Армии, сознательно воевавших на стороне народа, с новой, криминально звучащей мотивировкой «бывший офицер», куда попадали по необходимости и вахмистры, и урядники царской службы. За период с 1920 по 1927 год (год изгнания из партии бывшего наркомвоена Троцкого) в целом по России было уничтожено около 200 тысяч ни в чем не повинных либо ранее амнистированных специальными декретами правительства людей... Впрочем, цифры называются различные» (Знаменский А. Донская альтернатива. — «Кубань», 1988, № 11, с. 70).

Факты — упрямая вещь. И чем больше их будет обнародовано, тем ближе приблизимся мы к истине. В очерке Е. Лосева «Трижды приговоренный» («Москва», 1989, № 2) впервые опубликована секретная директива Свердлова 1919 года о поголовном уничтожении «всех казаков», принимавших «какое-либо прямое или косвенное (!) участие в борьбе с Советской властью». В «Диалоге недели», полемизируя с Б. Сарновым, критик В. Кожинов сообщает: «16 марта умер Свердлов, и в тот же день его директива о поголовном уничтожении, вызвавшая мощное восстание на Дону, была отменена. А 18 марта открылся VIII съезд, где одним из первых выступил В. Осинский: «У нас было не коллегиальное, а единоличное решение вопросов. Организационная работа ЦК сводилась к деятельности одного товарища — Свердлова. На одном человеке держались все нити. Это было положение не нормальное» (см.: «Литературная газета», 1989, 29 марта).

Гласность, введение в научный оборот новых фактов и документов позволяют широкому кругу читателей публично, со всей откровенностью высказать свой взгляд на пути донского казачества в революции. Дело ученых-историков и писателей с подлинно научных позиций поведать людям правду, какой бы горькой она ни была. Ведь укрывательство правды истории, как верно заметил один читатель, ведет к очень серьезным последствиям, из которых главным и самым опасным является неверие.

Интерес к исторической романистике у массового читателя вызывается не сюжетной занимательностью, хотя и это нельзя сбрасывать со счета, а тягой к осознанию себя как частицы своего народа, нации в потоке времени. «Любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам» с небывалой силой просыпается в народе в наши дни, о чем свидетельствует хотя бы беспрецедентный успех романа-эссе В. Чивилихина «Память», исторических повествований Д. Балашова, Вал. Иванова, В. Пикуля, вспыхнувший с огромной силой интерес к изданиям Соловьева и Ключевского. История как мощное средство пробуждения и воспитания патриотизма — именно так нужно ставить вопрос. Исключительно актуально звучит призыв писателей-историков к решительному переносу внимания с мушкетеров и крестоносцев, заполонивших страницы книг и кинотелеэкраны, на забытые имена отечественной истории, работы здесь непочатый край.

К сожалению, есть деятели литературы, допускающие релятивизм исторических фактов, всевозможные отступления от правды жизни под «оправдательным» флагом художественного вымысла, недооценивающие гражданскую воспитательную функцию историко-патриотической литературы. Забывается подчас непреложная истина: факты, документы, летописи, мемуары, справочная литература и т. п. — надежный фундамент, на котором возводится здание художественного вымысла, игнорирование правды жизни грозит писателю опрокидыванием истории, а то и клеветой на прошлое.

Вот сборник прозы В. Сосноры «Властители и судьбы» (Литературные варианты исторических событий) (М., «Советский писатель», 1986).

«Варианты» исторических событий... Возможно, конечно, в силу недостающих документальных источников неоднозначное толкование каких-то явлений, событий, героев. Историческая истина одна, а подходы к ней могут быть разные. Я. Гордин в предисловии к книге «Властители и судьбы» в похвально-одобрительном тоне рассуждает: «Проза Сосноры «псевдоисторическая» по своему главному методу — превращению событий в метафору, процесса — в систему метафор... Автор получает возможность свободного моделирования ситуаций».

«Свободное моделирование ситуаций»... Дает ли оно право художнику искажать уже состоявшийся исторический процесс? Научно доказано, что переворот, вознесший Екатерину II на вершину власти, был тщательно спланирован и осуществлен определенными силами. В повести «Спасительница отечества», следуя «закону» многовариантности интерпретации, автор придает этому событию откровенно фарсовый, «случайный» характер, обильно фаршируя дворцовый переворот анекдотическими придумывания-

ми и хохмами, но в итоге получилась какая-то грустная комедия...

Автор пытается обосновать концепцию повести высказыванием Пушкина — «Развратная государыня развратила свое государство», но, видимо, забывает, что история екатерининских времен отнюдь не исчерпывается политикой монаршего двора, внутридворцовыми интригами, плутнями сановников, фаворитизмом и переворотами. Подлинная история России — история народа — осталась за бортом художественного исследования. Однако не в объекте творческого осмысления дело, а в методах его обыгрывания.

Как преподносит свержение Петра III В. Соснора? «Не только рядовые — никто ничего не знал. Ничего не знали и сами заговорщики, ничего не могла предвидеть Екатерина, никто не мог сказать определенно, чем закончится вся эта суматоха и авантюра» (здесь и далее разрядка моя. — **В. Ю.**).

Источники, как известно, свидетельствуют: не «суматоха» и «авантюра» царили в ту петербургскую белую ночь на 28 июня 1762 года, а действовал тщательно разработанный, расписанный строго по ролям сценарий, ставящий далеко идущие политические цели, но прежде — убийство императора.

Сомнительные заявления автора, нелепые, порой оскорбительные для русского национального самосознания импровизации героев — всего этого в избытке в «исторической» прозе В. Сосноры. При Елизавете «двадцать лет в России ничего не происходило. Жить было не страшно и скучно». Россия выглядит страной вселенского невежества, дикой, погрязшей в разврате, пьянстве и прочих грехах. Глухая ночь безвременья накрыла огромное государство, и, следуя «поливариантной» логике мышления В. Сосноры, нет и быть не может здоровых сил, чтобы избавиться от этого кошмара.

«Поэтический метод», по выражению Я. Гордина, автора «Спасительницы отечества», имеет свои издержки. «Опровергать Соснору по конкретным фактам, по интерпретации конкретных ситуаций вполне возможно». Но делает неожиданный вывод: «Можно оспорить точку зрения Сосноры на личность и деятельность Петра III. Но для меня куда важнее суть авторского замысла — доказать гнусность приема, примененного к незадачливому императору: убить, а потом оклеветать. ...Можно оспорить оценку Сосноной елизаветинского царствования, на мой взгляд, насыщенного идеями и важными государственными начинаниями. Но я понимаю, — для Сосноры утверждение, что при Елизавете ничего не происходило, а «жить было нестрашно и скучно», — образ-антитеза к екатерининскому карнавалу. Как человек, занимающийся русской историей, я не разделяю многих утверждений автора повестей. Но что из того? Даже если в отдельных случаях моя позиция сильнее и аргументированнее, Соснора, как и любой человек — и в частности писатель, взыскующий истины, — имеет право на ошибку».

Вот ларчик и раскрылся! Я. Гордин теоретически, а В. Соснора практически воплощают идею эстетической вседозволенности, отступление от правды истории делается намеренно, сознательно, не по наивному заблуждению, история превращена в анекдот, из нее трагически-кровавых страниц вырваны главные, выхолощена правда жизни, а если и преподносятся факты, то искаженные или близко к тому, если и фигурируют реальные лица под своими

именами, то оболганные или на грани того, а пустое развлекательство — не такое уж безобидное, если внимательно приглядеться, — разрушает историческую истину, поставлено в услужение псевдоисторизму. Мифы и отсебятина составляют стержень такой «методологии».

Горю желанием спросить Я. Гордина — историка: смею ли я адресовать высказанное им «право писателя на ошибку», скажем, В. Пикулю, которого он же, Я. Гордин, неистово бичевал за ничтожную ошибку в описании дамских побрякушек осьмнадцатого столетия? Или все же его замечание выборочно, так сказать, индивидуально направлено?..

«Критика» Я. Гордина грешит откровенной комплиментарностью. Несостоятельны и творческие «принципы» В. Сосноры, ибо писатель игнорирует исторически сложившуюся в русской реалистической литературе важнейшую функцию исторической прозы — познание в яркой образной форме. Историческая литература воспитывает гражданина, прививает ему высокие патриотические чувства. Методология псевдоисторизма разрушает это эстетическое требование, умерщвляет дух познания жизни. «На автора исторических романов я смотрю так: он должен быть исследователем, что, впрочем, относится к труду в любом жанре, — подчеркивает В. Дружинин. — Не представляю, как можно создать что-либо ценное, свежее, не посидев в библиотеках и в архивах, не перечитав десять раз важный документ, не добравшись до подтекста». «Мой принцип создания исторической прозы — стараться использовать все имеющиеся сведения, документы, летописи и расшифровать закономерности и психологию событий, явлений, деяний личностей. Главным для себя в литературно-историческом творчестве считаю не выдумку, даже самую занимательную, а правду истории. Эта правда — сильнее всяческих умопостроений, на которые способен писатель. Эта историческая правда — самый замечательный учитель», — отмечает в своем письме известная украинская писательница Р. Иванченко.

Труд писателя-историка, известно, требует не только знаний, понимания общественных эмоций, но и гражданского мужества, ибо не каждому сладко внимать тому, что художник рисует, исторические аналоги бывают очень прозрачны... Перестройка и здесь нужна, ведь река исторической прозы катится бурно, несет и тяжелые камни, и обломки редкостных пород, подхватывает одновременно и много мусора. И захлестывает эта грязная пена великое и ценное, не сразу и понять, есть оно или нет. Вот и нужно разобраться...

Уважение к документу, факту, первоисточнику вовсе не уже сточает возможности творческого вымысла и домысла, как считают некоторые, напротив, служит отправной точкой для всякой фантазии, подлинных эстетических открытий. Об этом знали наши далекие предки-летописцы, скромно умолчавшие свои имена, но свято чтившие законы исторической правды. Это знал и великий Пушкин, оставивший нам блистательные произведения исторического жанра, созданию которых предшествовала гигантская исследовательская работа. Принцип точного соответствия правде жизни исповедовали основоположники русской исторической прозы: Л. Толстой, И. Лажечников, Г. Данилевский, М. Загоскин, при всем том, что в их времена и арсенал архивных источников был куда скромнее нашего, и методология романтизма оказывала зна-

чительное влияние. Этих писателей традиционно объединяет честное отношение к своему делу, патриотизм мышления, уважение к памяти предков.

Хаотический коллаж картин и действий, из которых монтажируется «историческая» проза В. Сосноры, согласно пресловутой «поливариантности» толкований событий, лишен концептуальной последовательности, логической завершенности. Вот почему в повести «Спасительница отечества» Петр III уже не придурковатый взбалмошный царек, как это показано в повести «Державин до Державина», а значительная личность, не понятая по достоинству современниками. По сути, в книге соседствуют два разных Петра III, но ни один из них не отвечает исторической правде. «Многовариантность» исторических характеров, как и сюжета истории, и социально-политических и нравственных конфликтов, и человеческих судеб, очевидно, тоже в арсенале методологии досужего вымысла...

Что же занимает В. Соснору в первую очередь, какие исторические картины? Прежде всего то, что так или иначе омрачает читательское сознание, вызывает омерзительное ощущение при одном только упоминании слов: «прошлое старой России».

В повести о Державине с усердием, достойным лучшего применения, с дотошной скрупулезностью описаны грязный быт, гнусный досуг русских солдат лейб-гвардии времен Петра III. «Никаких удовольствий не существовало. ...В гриппозной комнатенке мучились все вместе — пятеро солдат, три (чьих?) солдатских жены, Державин — девятый. Кто чья жена — поэт не знал: все с одинаковыми голосами. Солдаты пили домашний самогон из свеклы — красный. Солдаты играли в карты. Хорошая игра «ерошка». Хороша тем, что не нужны деньги. Проигравшего таскают за волосы, пока бедняга не упадет без памяти. Это называлось «ерошить волосы». Женщины матерились, все путали портянки, с похмелья дрались дисциплинированно и со вкусом. По беспамятству от пьянства или умышленно забывали выносить судно, хотя существовала очередность. По ночам ползала всякая мерзость и кусалась».

За семью печатями осталась поразительно живая личность Гавриила Романовича Державина — громогласного одописца русской славы, певца простодушных прославлений домашних радостей, поэта, пережившего долгое царствование нескольких императоров, щедро одаривавших его, увы, не только почестями и милостями, восстание Пугачева, нищего сына нищей дворянской семьи, десять лет прослужившего простым солдатом. Ни биографии, ни введения в таковую у В. Сосноры не получилось. Зато со вкусом и сладострастием перечисляет писатель все двенадцать ступеней служебной лестницы Державина, в надежде нарисовать в сознании читателя портрет этакого властолюбца, поставившего свою музу в услуженье карьере. «Державин придавал первостепенное значение своей государственной деятельности. Он не только получал награды, но и искал случая получить награду и похвастаться в своих смешных (!) автобиографических записках. О своей поэтической деятельности поэт пишет мимолетно, мимоходом, и — напрасно».

Вот так-то! В. Соснора на месте Державина, надо полагать, не блеснул бы подобной скромностью. Но Державин, к счастью, не Соснора. Будем помнить, что в оное время все поэты службой

зарабатывали себе на хлеб — звание писателя не существовало. В. Ходасевич, автор книги о Державине, в 30-е годы писал: «Что касается Державина, то в его понятиях поэзия и служба были связаны особенным образом. Он, конечно, не думал, что чин или орден могут прибавить достоинства его стихам; равным образом не смотрел он и на стихи как на способ для добывания орденов и чинов; это пошлое представление пора забыть. Дело обстояло иначе, гораздо серьезнее и достойнее. К началу восьмидесятых годов, когда Державин достиг довольно заметного положения в службе и стал выдвигаться в литературе, поэзия и служба сделались для него как бы двумя поприщами единого гражданского подвига» (Ходасевич В. Державин. Фрагменты книги. — «Наука и жизнь», 1987, № 9, с. 100).

Было бы ошибкой полагать, что у В. Сосноры отсутствует теоретико-методологическая база и его бросает из стороны в сторону, как утлое суденышко в разыгравшейся морской стихии. Нет, писания его целенаправленны, питаются «татарскими условиями российского существования», то есть азиатчиной, по законам которой испокон веку пребывает дикая невежественная Россия. Подобным «ясновидением», к несчастью, страдает отнюдь не единственный В. Соснора — вот в чем беда! Страдают те повествователи, а если говорить шире, — критики, литературоведы, историки, философы, не желающие осознать сложной диалектики исторического развития России, видящие в ее прошлом только мрак, глупость, царство сатанинских сил, национальную и социальную бесперспективность. Как говорится, есть в этой профанации своя профориентация, имя ей — русофобия. Русофобия, все глубже и глубже пускающая корни не где-нибудь за кордоном, а в родном отечестве, под родным небом, на родной земле.

Речь, разумеется, идет не о том, чтобы обелить реакционных деятелей, подрумянить мрачные страницы прошлого, идеализировать Россию в духе «квасного патриотизма» — нет, Россия в том не нуждается. Не будь Россия действительно великой, она никогда бы не выдержала тех трагических испытаний, что выпали на ее долю. Пора поставить жесткий заслон каким бы то ни было поползновениям ставить под сомнение, тем более унижать и оплевывать национально-историческую гордость великого русского народа. Хватит нам и «трудов» такого сорта бесчисленных «научных» центров на Западе, одурманивающих мир и себя яростной русофобией и антисоветизмом.

Конечно, нельзя оценивать книгу по отдельно взятым из контекста строчкам, но когда эти строчки многажды повторяются, сливаются в единый поток профанации и клеветы и в конечном счете раскрывают самую суть восприятия истории, преследуя одну-единственную цель — скомпрометировать ни в чем ни повинных пращуров, когда дискредитируется национальное самосознание народа, — это уже тенденция охаивания, это уже «методология» разрушения.

Еженедельник «Книжное обозрение» (1989, № 3) порадовал читателей известием: скоро они получат новую книгу Ю. Борева совершенно уникального свойства, название которой длинно и стилизовано под старину: «Мемуары по чужим воспоминаниям, или Притчи, апокрифы, легенды, предания, а также рассужде-

пия автора о Сталине и его эпохе». Ее объем — 20 печатных листов. Притчи готовит к выпуску издательство «Книга».

«Около полувека собирал я предания, мифы, легенды, притчи, устные рассказы, свидетельства, суждения о И. В. Сталине и его эпохе. Сейчас пришло время этой коллекции увидеть свет. Я собирал и публикую нечто необычное и уникальное в истории культуры: ИНТЕЛЛИГЕНТСКИЙ ФОЛЬКЛОР. Такого никогда не бывало», — без ложной скромности оповещает автор.

Что и говорить, наверное, можно зауважать «героизм» автора, который в мрачное время сталинщины бережно хранил притчи, тщательно, надо не сомневаться, в глубокой тайне от чужого глаза записывал их на пергаменте, дабы в урочный час широко их обнародовать, предать огласке внутреннюю пульсацию горячей интеллигентской мысли, что в конце концов и случилось. Благодарному читателю остается выразить пламенное признание Ю. Бореву за столь самоотверженный поступок, но... не станем торопиться, вчитаемся-ка поглубже в широко разрекламированные «Книжным обозрением» притчи.

Если читатель полагает, что их главный персонаж Сталин, которого автор решил вывести на чистую воду, — он глубоко заблуждается: Сталин тут, конечно, неизменно присутствует, но не он заглавный герой интеллигентского фольклора. А кто же? Вот лишь некоторые известные имена: М. Горький, А. Толстой, М. Шолохов, А. Фадеев, Ф. Панферов, А. Прокофьев, К. Станиславский... Они подлинные герои повествований, то есть «притчей-анекдотов» Ю. Борева. Каковы же эти герои?

Скажу прямо, без обиняков: автор словно задался целью оболгать и оклеветать выдающихся деятелей нашей истории, культуры, литературы, прибегнув к испытанному, старому как мир средству: спекулятивно, под маркой разоблачения Сталина и его ближайшего окружения «разоблачить» тех, кто по разным причинам входил в соприкосновение с «кремлевским усачом». Каков в притчах Сталин, насколько он историчен (ведь анекдоты — тоже продукт своего времени и несут на себе печать правды жизни!), — рассуждать не стану, тем более что, повторяю, не Сталин вовсе занимает автора. Какими рисуются вышеупомянутые деятели искусства — вот на что призываю читателя обратить свой взор. А рисуются они откровенно карикатурно, ернически, где-то гротескно, где-то шаржированно, но непременно уничижительными красками и обязательно со злорадной ухмылкой. А как еще прикажете изображать это сборище карьеристов, циников, лизоблюдов, приспособленцев, подхалимов Сталина?!

Во-он, оказывается, какие ущербные, гнусные личности населяли нашу духовную сферу в эпоху культа личности!.. Всем, кто имел несчастье испачкаться об «вождя», Ю. Борев со всей праведной решимостью воздает по заслугам, как говорится, всем сестрам — по серьгам. Мир его «притч» населен монстрами и жалкими лакеями, вымазан одним цветом — мрачнее ночи.

Читаешь «притчи» Ю. Борева — и задумываешься: неужто «интеллигентский фольклор» столь разительно отличается от фольклора простонародного, в котором испокон веку славятся богатырскость русского духа, молодецкая удаль, заступничество, милосердие, сострадание и душевная щедрость?.. Ничего подобного в «притчах» Борева нет. Сомнительна сама фактура предлагаемых «анекдотов», они сочинены, высосаны из пальца, а не «подслушаны» у интеллигенции, эти оскорбительные для русского национального самосознания «сюжеты», обидные эпитеты, комические, издевательские коллизии. Не мог слагать такие «сюжеты» народ, не мог! Потому что не посмел бы народ возводить хулу, клеветать на писателей, болеющих его болями, сострадающих ему, не отвечает это благодарному сознанию русского человека.

По Бореву получается, что, чем яростнее поливать помоями историю Отечества, тем глубже проникнешь в «суть жизни»... Увольте от такого «проникновения» нас, детей наших и потомков детей наших! Вот почему я беру под сомнение правомерность существования в литературе как жанра «анекдотов», отдающих пошлостью, цинизмом, развращающих читателя. Сомневаюсь, чтобы им была суждена долгая литературная жизнь, как в том уверяет нас Ю. Борев, настойчиво призывая ученый мир обратить исследовательские взоры на жанровую самобытность якобы услышанного им и бережно записанного «интеллигентского фольклора». Тщетны старания автора обеспечить своему больному от рождения ребенку надлежащий медико-литературоведческий присмотр: в преданиях-де «заключено не историческое, а художественное, не достоверное, а вероятное, не научно истинное, а художественно правдивое содержание. ...Ложные притчи (вот уж верно обронено! — В. Ю.) обладают ценностью, лежащей поверх исторических фактов: они фиксируют факты духа».

Разве «факты духа» должны страдать бездуховностью, изувечивать факты истории, извращать их, глумиться над ними? Сюжеты литературы, конечно, не копия истории, но тем более не могут быть отражением кривых зеркал, конечно, если мы не пожелаем проникнуть «в суть» явлений по-боревски, не вознамеримся представить нашу героическую, преисполненную кровавых трагедий историю в виде грязной клоунады или комнаты смеха.

Автор замечательного романа «Наш маленький Париж» В. Лихоносов в своем интервью газете «Советская культура» (1989, 16 февраля) сетовал: «У меня такое впечатление, что некоторые историки живут где-нибудь на Кипре или в ФРГ — до такой степени они утратили чувство родной истории. Почему они в далекой российской жизни, в ее тысячелетнем укладе, в биографиях ее славных лиц копаются, как на свалке? Заметьте: им радостно вытащить что-нибудь грязное, обтрепанное. Отчего это? Кто их учил презирать родное? Классовая точка зрения. Это одни отговорки. Почему-то гласность у нас понимают как наводнение критики. «Дай мне кого-нибудь ударить! Не даешь? Ах, ты против перестройки, гласности?..»

Точнее не скажешь.

●

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. Т. ТВАРДОВСКОГО

Владимир ФЕДОРОВ

НАШ ДРУГ ВАСИЛИЙ ТЕРКИН

Нам было по 20 с гаком в далеком сорок восьмом. На съезд писателей Украины пригласили группу армейских поэтов, активно печатавшихся в окружной газете «Ленинское знамя». Среди них был сержант Иван Варавва и я, старшина-десантник.

Помню, как Иван, кубанский казак, парень не без юмора (недаром же порой называли его племянником дедушки Щукаря!) на днепровской круче у памятника моему земляку генералу Ватутину строевым шагом подошел к поэту Александру Прокофьеву и браво спросил, в каком номере в гостинице живет Александр Твардовский. Другой бы на месте Прокофьева обиделся. Почему молодые армейские поэты интересуются Твардовским, а не им? А Прокофьев только добродушно улыбнулся. Он-то отлично понимал: автора знаменитого Теркина знает вся страна, вся армия. И тут же назвал Варавве номер, где жил Александр Трифонович.

Так мы оказались у Твардовского, с которым я уже год как переписывался. И что удивительно — мы с Иваном как по команде уставились не на хозяина номера, а на круглолицего улыбчивого человека, сидевшего в кресле. Откуда мы знаем этого крепыша? Постой! Постой! Да ведь это же Вася Теркин. Ну да! Вылитый. Не хватает только кисета да гармони.

Невольно вспомнился знаменитый портрет Васи Теркина, который еще на фронте создал художник Орест Верейский. Ему посчастливилось первому иллюстрировать книгу про бойца.

— Знакомьтесь, ребята! — весело представил незнакомца автор поэмы. — Мой друг Василий... — и хитровато помедлил. — Василий Глотов. А я уж, братцы, не помню, кто из них на кого смахивает: он на Теркина или Теркин на него. Но Верейский писал именно с него, хотя и на меня украдкой поглядывал.

— Александр Трифонович, — не утерпел я, — а вот сержант Иван Варавва, родом кубанский казак, так сказать, наш окружной Теркин. У него и собственные стихи не без влияния вашего «Теркина» написаны.

— А ну, казак, читай! — скомандовал подполковник Твардовский.

Стихи моего товарища понравились и ему, и Глотову, который поспешил вернуться к образу Теркина.

— Саша, ставлю точку над «і». В твоем Василии личность моя, а душа твоя, — и задумчиво улыбнулся. — А если поглубже подумать, то в Теркине весь русский народ отражен. Это же типизированный образ своего времени, как и дядька Моргунок в «Стране Муравии».

В одном номере с Александром Трифоновичем жил Федор Панферов, который первым придумал страну Муравию в романе «Бруски». В поисках этой сказочной страны ездил его герой мужик Никита. Фадеев в свое время в докладе похвалил этот оригинальный замысел и сказал, что его бы хватило для самостоятельной книги. Чуткий Твардовский так и вздрогнул в зале: да ведь это же сюжет для поэмы, которую он давно вынашивал! Уехал из Москвы в родной Смоленск и залпом стал писать свою «Страну Муравию», совершенно не похожую на панферовские «Бруски». Думается, ему удалось на плакатном фоне нарисовать правдивый образ мужика-середняка Никиты Моргунка.

И вот мы с неунывающим Иваном Вараввой, чьи стихи понравились и Федору Панферову, с удивлением глядим на несхожих авторов двух Муравий.

После того, как прочел свои стихи Василий Глотов, мы все стали упрашивать Александра Трифоновича последовать нашему примеру.

В это время в номер заглянули Александр Прокофьев, Аркадий Кулешов, Николай Грибачев и белоголовый Александр Фадеев, к мнению которого его смоленский тезка всегда прислушивался. В щемящей тишине мы впервые слушали еще не напечатанную балладу «В тот день, когда окончилась война», вещь такой шекспировской силы, от которой холодело в груди.

Внушала нам стволов ревущих сталь,
Что нам уже не числиться в потерях.
И, кроясь дымкой, он уходит вдаль,
Заполненный товарищами берег.

Я перевел взгляд на Фадеева, задумчивого, притихшего, сыгравшего в поэтической судьбе Твардовского решающую роль. Тогда

я еще не знал, что Александр Александрович вскоре благословит тезку, посылая его через всю страну в командировку на свой любимый Дальний Восток...

Александр Трифонович «купался» в материале «Муравии» и «Теркина», а вот сибирскую жизнь, послужившую пищей для поэмы «За далью даль», знал меньше. Видно, ему надо было пожить в Сибири хотя бы у младшего брата-краснодеревщика Ивана Трифоновича. Но такого не случилось.

Но где же сюжет в поэме, мастером которого всегда был Твардовский? — не раз задавал я себе вопрос. Где главный герой, подобный Моргунку и Теркину? А ведь поэт мог его создать — современника-сибиряка, святого и грешного, как Теркин, но совершенно с ним не схожего, несущего черты переломных пятидесятых-шестидесятых, образ, в котором бы запечатлелся весь наш народ в сомнениях и поисках новых путей.

Мне часто приходит в голову такая мысль: а что бы случилось, если бы после войны Твардовский вернулся в свою спаленную Смоленщину? Ведь жил же его друг Валентин Овечкин на порушенной Курщине. Ну пускай бы поэт там даже не жил, а почаще приезжал. Загорье было для него больше, чем родной хутор. Это была пуповина, связывающая его с родимой землей. И то, что Загорье сожгли в войну, безусловно, отразилось в творчестве Твардовского.

Хорошо зная послевоенную Смоленщину, ее раны, поэт мог бы глубже постичь и Сибирь, и сибиряков, действительно сомкнул бы в своей эпопее две дали — родимую и сибирскую. Но для этого требовался самобытный главный герой вроде Моргунка и Теркина.

А тогда, в памятном сорок восьмом, в тесном гостиничном номере в Киеве, мы были потрясены новой балладой Твардовского. Ей-богу, она не уступала, а может быть, даже превосходила его балладу «Я убит подо Ржевом», сразу же ставшую классикой. Да, он был запевалой нашей поэзии. Несмотря на то, что мы спешили на концерт в оперный театр имени Тараса Шевченко, никто не двинулся с места.

— Поздравляю, Саша... — тихо сказал Фадеев, — огромная удача. Это лучшее, что ты написал.

Все восторженно зашумели.

— Саша, ты наша икона! — В порыве воскликнул кто-то из друзей.

Твардовский поморщился.

— Терпеть не могу икон в политике и литературе. Ильич, братцы, называл иконами тех, кто светил да не грел.

Одновременно с «Теркиным» автор работал над лирической поэмой «Дом у дороги». Это горькая, правдивая вещь. Некоторые критики пытались поставить ее, как потом и «За далью даль», выше «Теркина». Но вот прошло время. В памяти народной остались прежде всего «Страна Муравия» и «Василий Теркин». Почему?

Да потому, что они сверкают не одной какой-нибудь гранью, а всеми гранями самобытного таланта Александра Твардовского. В последующих же поэмах верно схвачено настроение, но нет характеров героев. А ведь умение лепить живые человеческие характеры — это драгоценное качество, унаследованное поэтом от русских классиков.

Никогда не забуду живые, то усмешливые, то грустные стихи и поэмы раннего Твардовского. И «Страна Муравия», и «Сельская хроника», и «Фронтовая хроника» дышали близкой и понятной жизнью: шла война с белофиннами.

Твардовский одним из первых почувствовал близость грандиозной решающей схватки с фашизмом. И в предисловии к одной из книг заверил, что все свое творчество посвятит армии. Чутье не обмануло большого художника, в его воображении родился яркий новаторский образ Василия Теркина, помогший поэту глубоко и всесторонне изобразить наш народ в эпоху Отечественной войны. Твардовский был подготовлен к этому творческому подвигу больше, чем другие его современники.

Еще в дни финской войны в армейской газете родился веселый персонаж Вася Теркин, любимец советских бойцов. Авторами его были несколько литераторов, в том числе и Александр Твардовский, который, по собственному признанию, и не подозревал о существовании плутовского боборыкинского романа «Василий Теркин» о войне 1812 года. По-видимому, это и хорошо. Потому-то между образом боборыкинского героя и образом героя Твардовского, на мой взгляд, нет никакого сходства.

Поэт Борис Палийчук рассказывал мне, как они вместе с Александром Трифоновичем работали в тревожные годы Отечественной войны и над другим образом — смелого и веселого солдата Ивана Гвоздева, шагавшего по страницам фронтовой газеты. Но между образом самого Теркина и его неунывающими и несколько заштампованными «родичами» — принципиальная разница. Автору знаменитой поэмы удалось «влить» в своего героя живую кровь:

То серьезный, то потешный,
Нипочем что дождь, что снег, —
В бой, вперед, в огонь кромешный
Он идет святой и грешный,
Русский чудо-человек.

Вскоре на улице Чехова у редакции «Нового мира» я повстречал Александра Твардовского и Алексея Фатьянова, шагавших к памятнику Пушкину. Оба высокие, плечистые, они напоминали братьев. Два русских самородка-богатыря.

— Алеша, я тебе завидую... — вдруг вырвалось у Александра Трифоновича.

Фатьянов недоуменно уставился на Твардовского.

— Шутишь, Трифоныч?

— Какие там шутки! Твое имя забудут, но твои песни будут петь долго-долго... — пытался пророчить погрустневший Твардовский, который был строг к себе до беспощадности. — А от меня, дорогой, останется только две поэмы.

— Трифоныч, не сгущай краски! Ты наш запевала. Тебя знает весь народ. Михаил Васильевич * так и назвал статью о тебе: «Наш лучший поэт».

У большого русского художника и человека Александра Твардовского были большие достоинства и большие недостатки. Он,

* М. В. Исаковский.

как губка, впитывал в себя ту эпоху, которая его породила. Как гений был парадоксален: одновременно щедр и скуп, отзывчив и суров, снисходителен и беспощаден, отходчив и в то же время порою даже мстителен. В нем уживались несовместимые черты. Он учил меня писать только правду. Что ж, я буду придерживаться этого принципа, которому он старался быть верен всю жизнь.

В какой еще поэме, кроме пушкинского «Евгения Онегина», с такой захватывающей искренностью нарисован автопортрет поэта? Автор «Теркина» делится с нами по-братски своими сокровенными надеждами и тревогами.

Помню, как читал и переживал эти строки в холодной библиотеке Одесского артучилища имени М. В. Фрунзе, которое было тогда под Свердловском в Сухом Логу.

Я дрожу от боли острой,
Злобы горькой и святой,
Мать, отец, родные сестры
У меня за той чертой.
Я стонать от боли вправе
И кричать с тоски клятой.
Все, что я всем сердцем славил,
И любил, — за той чертой.

Автор «Василия Теркина» тогда еще не ведал, что от родного его Загорья останется только пепелище, а многих его друзей и подруг детства гитлеровцы расстреляют. Настанет день освобождения, и фронтовой фотограф запечатлеет потрясенного Александра Твардовского в погонах подполковника у срубленной снарядом сосны детства. На том самом месте, где когда-то было родное Загорье.

Белинский когда-то назвал «Евгения Онегина» энциклопедией современной ему жизни. А ведь и «Василия Теркина» мы можем смело именовать энциклопедией Великой Отечественной войны. Правдивой энциклопедией, без культа личности. На страницах книги про бойца можно встретить имена Чапаева, Калинина, но нет в ней культа личности. Это гражданский подвиг поэта, у которого были репрессированы мать, отец, братья, сестры.

А Теркин жив и ныне. И когда в День Победы я встречаю на Театральной площади в Москве уже без погон своих младших побратимов-десантников из Афганистана, под баян и гитару поющих наши фронтовые и свои новые «афганские» песни, я невольно думаю: вот и современные Теркины!

Я часто задумываюсь: кого из литературных героев можно поставить рядом с Никитой Моргунком и Василием Теркиным? Разве что толстовского дядю Ерошку да знаменитого лесковского Левшу.

К Василию Теркину по-братски тянут свои вечные руки Санчо Панса, Тиль Уленшпигель, Фигаро и бравый солдат Швейк. Каждый из них — сгусток своего народа.

И мне чудится в голосе святого и грешного русского чудо-солдата Теркина голос самого Александра Твардовского, обращенный в наше беспокойное, сложное и обнадеживающее время...

●

Виктор СМИРНОВ

ОКРУЖЕНИЕ

В те далекие литинститутские годы, наведываясь в «Новый мир» к Твардовскому, я не мог не заметить, что, чем добрее был он ко мне, тем злее, настороженнее — его окружение. И важно восседавшая в приемной главного редактора секретарша Софья Ханаановна Минц всегда бросала недовольные, раздраженные взгляды: опять пришел! И через силу докладывала обо мне, всем своим видом говоря: и когда только тебя сюда носить перестанет нелегкая? Сидел бы себе за учебниками, а еще лучше — копался бы в навозе в своей деревне... И, когда в дверях кабинета появлялся большой, внушительный, с классической внешностью «шеф» и широким, радушным жестом приглашал меня войти, Софья Ханаановна, страдая от бессилия, запускала мне в спину длинную, прямо-таки пулеметную очередь из своей пишущей машинки...

И сотрудники, элегантно скользя с рукописями по паркету к главному или от него, осторожно, даже опасливо обходили меня, словно некое корявое дерево, ни к селу ни к городу стоявшее в коридоре у приемной. Зато, оказавшись за столом главного редактора по левую, сердечную

сторону от него на очень близком расстоянии, я внутренне ликовал, что никто из входивших замов или завов не смел сесть за один с нами стол. Он или она бесшумно занимали место на стульях у стены, на почтительном расстоянии от хозяина кабинета. И когда он шутливо о чем-нибудь меня спрашивал, бросая смеющиеся взгляды мимо меня, к сидевшему или сидевший там, у стены, я, не оборачиваясь, затылком чувствовал, ощущал вынужденные, бессловесные улыбки. Не более. Участвовать в нашем разговоре никто не имел права. Так было заведено.

Это — здесь, в кабинете. А там, в приемной, в коридоре, как бы незримая стена вставала перед пришедшим. Попробуй, прорвись! Плотным, непробиваемым кольцом окружен был главный. Но я все-таки просачивался сквозь любые заслоны к ясноголубому взору всегда так занятого, но ни разу не отказавшего мне в приеме земляка...

Но — всему есть предел. И однажды одна из вынужденных, фальшивых улыбок померкла. И над моей грешной головой из темной тучи засверкали змеевидные молнии:

— Что это вы шастаете тут без конца? — не на шутку расшумелась заведующая отделом поэзии Софья Григорьевна Караганова. — Люди с Дальнего Востока на самолете прилетают только для того, чтобы хоть одним глазом увидеть Твардовского. А вы зачастили по делу и без дела...

— Но я ведь земляк! — простодушно возразил я.

— Ну и что с этого? Вон ваш Рыленков тоже земляк, а мы его не печатаем.

И столько клокотало злорадства в этом «не печатаем», что я диву давался. О сложных отношениях земляков, которые, несмотря ни на что, уважали и ценили друг друга, можно было только сожалеть. Но ни в коем случае не улюлюкать, не топать сладострастно ногами от удовольствия. Примеров, когда два крупных таланта не уживаются в близком соседстве, в русской и мировой литературе — более чем достаточно. И мне ли просвещать в этом смысле Софью Григорьевну? Читатель, думаю, поймет, почему я не стал ей возражать на упрек в использовании преимущества землячества. Да и если бы я хоть раз почувствовал (а этого нельзя не почувствовать!), что мои визиты в тягость Александру Трифоновичу, мешают, надоедают ему, неужели бы у меня хватило наглости продолжать свои хождения?..

Он, конечно, не говорил мне, но я, когда прошло столько лет, понимаю: великий поэт, тоскуя в московской уличной и журнальной сутолоке, воспринимал меня как некий неожиданный привет с родной смоленской стороны...

Окружение... Оно слишком хорошо было знакомо Александру Твардовскому еще в военные дни. Под Киевом он чудом вырвался из немецкого окружения. В мирные годы — окружение в журнале, в застолье... Здесь вырваться оказалось гораздо сложней. Ему, разумеется, и в голову не приходило сомневаться в правдивости и порядочности своих сотрудников. Он им доверял, как доверяет ребенок окружающим его людям...

Но вот некоторые штрихи к портретам, пожалуй, самых приближенных.

Заведующий отделом прозы Александр Григорьевич Дементьев. Человек, которого Твардовский считал чуть ли не своей правой рукой в журнале. И то, что он иногда брал его с собой, отправляясь в отцовские края, о многом говорит. Подобным исключительным доверием с его стороны редко кто пользовался.

На каких же дрожжах были замешаны на первый взгляд вызывающие недоумение теснейшие отношения крупнейшего поэта и второстепенного критика? Только ли общие журнальные интересы играли здесь роль?

Раскрепостившись в родном домашнем застолье, Твардовский открывал порою для родственников двери журнальной кухни. Указывая на аппетитно жующего ароматное смоленское сало своего московского приятеля, Александр Трифонович как-то уронил:

— Он у меня работает палачом: отрезает головы авторам. Я этим не занимаюсь...

Потрясающее признание! Я, положа руку на сердце, скажу, что совершенно уверен в положительности сей характеристики. Добрыми и честными людьми кровавая служба никогда не приветствовалась. Не питал, я думаю, симпатии к исполняющему ее и тот, кто вручил ему карающий топор. А между тем я представляю, сколько жизней на совести заведующего отделом прозы. Среди них наверняка и жизней, сверхнужных народу нашему...

Однако доподлинно известно, что не всегда Александр Григорьевич отрубал голову. Случалось, ему становилось жалко жертву, и он лишал ее лишь ног и рук. Давал возможность помучиться, прежде чем умереть.

Весьма высоко оценили в 1958 году на первом всероссийском ленинградском совещании молодых прозаиков роман Виктора Сафонова, автора из Брянска. Дементьев немедленно изъял рукопись у оглушенного небывалым успехом участника семинара и увез ее в Москву, в «Новый мир». Когда несколько недель спустя показали томящемуся в неведении родителю его подготовленное к печати детище, он не узнал его, исковерканного до небывалого уродства. И, естественно, отказался пустить в люди безрукое, безногое, безглазое произведение. Возмущенного, до глубины души оскорбленного «отца» в отделе прозы обвинили в... зазнайстве.

Похожее произошло и с первыми рассказами молодого Виктора Астафьева. Их изуродовали на «новомировском» лобном месте до неприличия. Автор вознегодовал, а палачам только того и надо: забирай назад, читай свой шедевр жене на кухне... Не верите? Спросите у Виктора Петровича — он подтвердит.

И вот как по-своему отблагодарил за данную ему беспредельную власть главного редактора тогдашний заведующий отделом прозы. Будучи с ним загородным соседом, подхалим сделал в свою дачу тайный, известный лишь им двоим, ход. Незаметно для домашних и посторонних нередко нырял туда слабовольный знаменитый сосед, чтобы втихаря опрокинуть стаканчик-другой. Вот она, крыловская медвежья услуга! Хотя — нет, почему же. Под хмельную руку главный редактор мог, уступая просьбе закадычного дружка, послать на эшафот неугодного А. Дементьеву автора. Особенно если у того — патриотические взгляды.

Вот где собака зарыта!

А еще зарыта она была в... сейфе главного редактора «Нового мира». Откроет он, явившись на службу, металлический несгораемый хранитель особо важных документов, бумаг, а там — бу-

тылочка коньяка. И — закусочка. Пей — не хочу! Кто? Видать, опять специалист по тайным ходам позаботился о «шефе». И — повелось. Каждое утро в сейфе как по щучьему велению — непочатая бутылочка взамен опустошенной...

Мог тут, конечно, проявить инициативу и другой приближенный — Алексей Иванович Кондратович. Тот, что заместителем главного редактора тогда трудился. Тот, кто спаивал зачастую у себя дома. И настолько этим гордился, что подарил в творческом порыве исторический снимок моему земляку, жителю города Починка Павлу Сергеевичу Стародворцеву, тогдашнему редактору нашей районной газеты. А на искусно изготовленной эпохальной фотографии сидят в вольных позах бок о бок: хозяин квартиры и его именитый гость. Оба — не совсем, так сказать, трезвые...

«Полноте! — усомнится в моих показаниях иной шокированный читатель. — Откуда сведения?»

Скрывать не собираюсь. Поделились со мной своей неизбывной болью те, для кого Александр Трифонович был не ступенью к наживе и славе, а — сыном и братом. Да, да. Вот к чьим голосам должна прислушаться читающая Россия! Некоторых из тех, чьи слова и слезы здесь мной запечатлены, уже, к сожалению, нет в живых. Но я готов и перед мертвыми нести ответственность за сказанное!

И если вынужден здесь, царапая чье-то эстетическое ухо, остановиться на трагедии своего земляка, то отнюдь не для смакования подробностей. Боже меня упаси! Задача более благородная продиктована мне временем: открыть многим и многим непосвященным людям Отечества глаза на ближайшее окружение поэта, на его решающую роль в постепенном, но верном уничтожении мужественного редактора, принципиального человека, величайшего гражданина.

А сейчас, дабы свалить с больной головы на здоровую, друзья и единомышленники тех, что свели богатыря русского в могилу, утверждают без зазрения совести: убили классика одиннадцать писателей, напечатавших в свое время письмо «Против чего выступает «Новый мир»?» А я, как ученик, земляк Александра Трифоновича, давнишний друг всей его смоленской родни, заявляю на весь мир: эти одиннадцать пытались спасти глубоко чтимого ими поэта от его гибельного окружения. От его палачей, от его собутыльников. От тех, что завели в тупик и погубили лучшего из лучших, честнейшего из честнейших, талантливейшего из талантливейших.

А я и тогда, и сейчас думаю: о времена, о нравы, о непотопляемое окруженьице Твардовского!..

г. Смоленск

●

КУДА КОНЬ С КОПЫТОМ...

Реплика

В перестроечное время возникли явления, ранее небывалые. Например, кооперативы-спруты вроде АНТ, «Техника» и им подобные, нагло торгующие с заграницей танками, боевыми самолетами, военными кораблями, подводными лодками, стратегическим сырьем, что на нормальном языке называется военными и экономическими диверсиями. Всякому ясно, что подобные диверсии надо немедленно пресекать, а диверсантов строго судить. Да не тут-то было! Среди народных депутатов СССР объявились яростные защитники подобного типа «кооператоров» (например, Собчак, Тихонов, Шмелев, Попов, Федоров и многие другие), которые почему-то очень легко отбрасывают от преступников стрелы народного гнева, надежно загораживают от грома народного негодования...

Возникли и процветают ныне у нас невиданный ранее рэкет, всесоюзный концерн видеопорнографии, растлевающей во всех городах и весях страны прежде всего молодежь и, видимо, по этой причине опекаемый нашим славным комсомолом..

Родилась и желтая пресса, обливающая грязью всю нашу историю, развенчиваю-

щая народную нравственность, втаптывающая в грязь такие высокие понятия, как гражданственность, патриотизм. Тут можно назвать таких асов этого дела, как журналы «Огонек», «Юность», «Октябрь», еженедельники «Московские новости», «Неделя»...

Давно примкнула к ним и «Советская культура», являющаяся газетой, увы, ЦК КПСС.

Собственно, культурой в «Советской культуре» давно уже и не пахнет, и название газеты давно звучит нелепо, даже анекдотически. Сие издание ЦК КПСС внедряет в сознание своих читателей в основном псевдокультуру — рок, поп, всякий «авангард», модернизм и пр. Любит газета рассуждать также о сексе, о качестве и преимуществах перед советскими заграничных презервативов с усиками и впаянными в них камешками. А в последнее время все более специализируется на выявлении и обличении презренных антисемитов. Тут ее работники и авторы трудятся в поте лица, не жалея ни сил, ни здоровья. А поскольку настоящих антисемитов найти невозможно, что-то их и в микроскоп, настоящих-то, не видно, «Советская культура» их запросто и пачками придумывает, беззастенчиво применяя при этом методы извращения и фальсификации фактов, прямой лжи и клеветы.

В материалах последнего времени журнал «Молодая гвардия» опубликовал ряд цифр, взятых из документальных источников, характеризующих национальный состав некоторых партийных, советских, правоохранительных органов в послереволюционные и предвоенные годы. В этих публикациях, в частности, сообщалось, что в первом советском правительстве представители русской национальности составляли, увы, ничтожное меньшинство — всего 30 человек из 545.

Ага, стоп! Вот они, антисемиты!

И «Советская культура» тут же нашла некоего кандидата исторических наук Ю. Дашевского, а сей кандидат тут же сочинил статейку под названием «Вопреки запрету Генри Форда...» (см. «СК» от 10.3.90 г.), в которой авторов этих материалов пометил, естественно, антисемитским клеймом, а названные ими цифры и факты объявил «баснословными историями», что это, де, искажение фактов, что авторы «Молодой гвардии» сплошь лжецы и т. п. и т. д.

Ну что ж, посмотрим, чьи авторы лжецы.

Итак, Ю. Дашевский, опровергая сообщения «Молодой гвардии», что из 20 членов первого Совнаркома русских было всего 2 человека, а евреев 16, в своей статейке пишет: «...как историк, я хотел бы заметить следующее... Не хочется уподобляться ревнителям «чистоты крови», но исключительно ради их просвещения отметим, что из 15 членов первого Совнаркома 13 были русскими, один грузин (Сталин), один еврей (Троцкий).

Видите, про «ревнителей-то чистоты крови» сей просветитель ввернул в первую очередь. Сами, мол, читатели, делайте вывод, какие они там, в «Молодой гвардии», не только лжецы, но и, антисемиты, ибо одного еврея, да и то великого интернационалиста, выдают за целый взвод евреев-русофобов.

Ну а настоящие-то факты таковы. В первом Совнаркоме в действительности было 20, а не 15 (как утверждает Ю. Дашевский) человек. Вот они поименно, с обозначением национальности и должностей: русских двое — Ленин и Чичерин (комиссар иностранных дел), грузин один — Сталин (комиссар по делам национальностей), армянин один — Прошьян — комиссар земледелия. А все остальные — евреи: Лурье (Ларин) — президент Высшего экономического совета, Ландер — комиссар Государственного контроля, Бронштейн (Троцкий) — комиссар армии и флота, Кауфман — комиссар государственных земель, Шмит — комиссар общественных работ, Лилина (Книгессен) — комиссар общественных снабжений, Луначарский — комиссар народного просвещения, Шпицберг — комиссар вероисповеданий, Апфельбаум (Зиновьев) — комиссар внутренних дел, Анвельт — комиссар общественной гигиены (странный, однако, комиссар. Что это за понятие «общественная гигиена»? От чего или от кого сей Анвельт очищал общество?), Гуковский — комиссар финансов, Гольдштейн (Володарский) — комиссар по делам печати, Урицкий — комиссар по делам выборов, Штейнберг — комиссар юстиции, Фенигштейн — комиссар по эвакуации, Шлихтер — комиссар по восстановлению народного хозяйства.

Кроме того, у каждого было полно заместителей и помощников еврейской национальности. У комиссара по эвакуации Фенигштейна, например, было два таких помощника — Равич и Заславский, которые играли более активную роль, чем сам комиссар.

Такой вот историк, этот Ю. Дашевский.

В выше упомянутом своем «труде» он с ядовитым сарказмом пишет: «Молодая гвардия» совершила «еще одно открытие», сообщив, что-де США, Израиль и другие капстраны причастны к обострению событий на Кавказе.

Как было бы прекрасно, если бы капстраны и их представители не вмешивались в наши дела. Но ведь вмешиваются! Иные ораторы на состоявшемся в Москве в конце декабря прошлого года сборище сионистов, на котором был учрежден их Союз (непонятно только, куда смотрит правительство, устами М. Горбачева обещавшего запрещать создание и распускать возникшие организации, враждебные социализму), прямо призывали возбуждать, культивировать, поддерживать национальную рознь в СССР, а некий Ш. Черток напутствовал участников антисоветского сборища: «Разрушение империи (то есть советской, многонациональной) не произойдет так гладко, как разрушение мононациональных систем. Разрушение империи связано с межнациональными столкновениями, резней, дикостью».

Нужны ли комментарии к этой сионистской инструкции?

А что касается вопроса — имеет ли место вмешательство иностранных государств в наши межнациональные дела в Закавказье, то следует просто отослать «историка» Ю. Дашевского (а вместе с ним и редакцию газеты ЦК КПСС «Советская культура») к статье газеты «Правда» «За семью печатями», где сообщается, что сионистские силы Англии и США буквально с первых лет Советской власти ведут политику дестабилизации в советских республиках. В Англии, например, еще 50 лет назад был разработан и принят документ, озаглавленный «Меморандум о советской угрозе интересам Великобритании на Ближнем Востоке». «В этом документе, — пишет «Правда», — ...предлагается использовать враждебные настроения среди мусульман и нерусских народов в отношении русских с помощью агентов английской разведки в Армении, Азербайджане, Казахстане, Узбекистане и Таджикистане...» («Правда», 2.03.90).

Ну и как, спрошу я у «историка» Ю. Дашевского и редакции газеты ЦК КПСС «Советская культура», — исполняются ли агентами английской разведки требования этого документа? Естественно, вы тут же вдохновенно закричите дуэтом: «Не-ет! Снова лжет «Молодая гвардия»! И «Правда» вместе с нею!» Но тогда я попрошу «историка» Ю. Дашевского и газету ЦК КПСС еще «просветить» меня, непонятливого, в одном: почему же именно в этих регионах в последние годы имеют место массовые беспорядки, жестокие «межнациональные столкновения, резня и дикость», на что науськивал делегатов сионистского сборища в Москве вышеупомянутый Ш. Черток? И почему министерство иностранных дел Англии, с благоговения лучшей подруги нашей страны Маргарет Тэтчер, решило: этот документ носит настолько секретный характер, что он должен быть «закрыт» для общественности аж до 2015 года?!

Да тут и ежу, как говорится, все ясно. А вот «ученый» Ю. Дашевский и газета ЦК КПСС «Советская культура» этого, видите ли, не понимают. Как и не уразумеют, ну просто никак до них не доходит, почему конгресс США еще десять лет назад принял закон о ежегодном выделении 100 миллионов долларов на финансирование идеологических диверсий против СССР, основная цель которых — добиться расчленения Советского государства, как минимум, на 20 частей (по числу союзных республик, плюс отделение от СССР Дальнего Востока, Забайкалья, Западной Сибири, Урала). Вот и изрыгают антисоветчину разные зарубежные «свободные» радиостанции и голоса, визжат от нетерпения доморощенные радетели свободы, беснуются всякие «неформалы», получая подачки из этой 100-миллионной кормушки в виде и чистой валюты, и множительной техники, электронной аппаратуры, порнографических фильмов, развращающих, растлевающих прежде всего молодежь. А «ученый» Ю. Дашевский и газета ЦК КПСС «Советская культура» подобные факты, сообщаемые «Молодой гвардией», называет «непроверенными». Но вот ведь что странно. Об этих «непроверенных» фактах говорил на VI пленуме СП РСФСР писатель Дм. Жуков, но во всех отчетах о пленуме, появившихся в прессе, именно эта часть его выступления была почему-то опущена. А почему? Не просветят ли и здесь меня «ученый» Ю. Дашевский и газета ЦК КПСС «Советская культура»? Ведь что, казалось бы, проще — факты не соответствуют действительности — ну и крой оратора, уличай его в желании «реанимировать образ врага», защищай несправедливо обиженную Америку, у которой давно душа нараспашку, которая давно уже стала закадычным и преданнейшим другом СССР, у которой враг № 1 теперь не СССР, а Израиль. Но почему же, спрашиваю еще раз, этого не произошло и острое выступление советского писателя наша хваленая демократическая пресса замолчала?

Ю. Дашевский особо выделяет, что свою статью он «написал как историк, стараясь не выходить за рамки науки». Ну вы скажите: «стараясь не выходить за рамки науки»! А «научные рамки»-то эти у него свои, дашевские, и всегда одни и те же — он берет факт и ставит его с ног на голову. И, отойдя на некоторое расстояние, любуется содеянным. Вот еще одна иллюстрация подобного метода «ученого». Бесстыдно обвиняя «Молодую гвардию» в искажении фактов, он тут же ввинчивает, что дело еще и не в этом, а в истолковании этих якобы искаженных фактов, опять же обвиняя «Молодую гвардию», как некий партчинуша Б. Л. Корсунский, в антисемитизме, расизме и прочих смертных грехах. Но «Молодая гвардия» ничего не истолковывает! Ровным счетом ничего. Она просто обнародовала реальные цифры, то есть исторический факт — и все.

Но именно это очень сильно почему-то не понравилось газете ЦК КПСС «Советская культура». И она тут же угрожающе защелкала своей клешней.

В заключение Ю. Дашевский высказывает желание: «...поскольку «Молодая гвардия» уже поспешила обратиться в ЦК, в Политбюро и лично к тов. М. С. Горбачеву со своей жалобой на облыжные обвинения в «антисемитизме» и т. д., то представляется весьма желательным, чтобы названные журналом органы и лица дали партийную оценку этой жалобе».

Господи, да мы, читатели, именно этого и ждем. Только опять «ученый» передергивает. Дать оценку следует не самой «жалобе», а тем фактам и явлениям, на которые обращает внимание журнал, ибо правда-то рано или поздно должна восторжествовать. Но, как говорится, увы. Духовных диверсантов пока кто-то так же надежно опекает и защищает, как диверсантов экономических и военных.

ИВАН САВЕЛЬЕВ,
Москва

Вместо комментария

В «Советской культуре» (1990, № 10, март) опубликовано обширное письмо кандидата исторических наук Ю. Дашевского «Вопреки запрету Генри Форда». Не будем останавливаться на грубых выпадах против «Молодой гвардии», штампах и ярлыках, давно опостылевших всем здравомыслящим людям. Избежим комментариев к доносительскому тону публикации.

«Обвинения» сводятся к следующему.

Генри Форд, на которого ссылался С. Королев в беседе «Мужество познавать правду» («МГ», 1989, № 6), отрекся от своих данных, как и от всей книги «Мировое еврейство», где приведены эти данные (о национальном составе Советского правительства в 1920 году).

«МГ» якобы упорно старается преувеличить долю ответственности евреев за «красный террор», геноцид против православных и погром русской культуры.

Приводим «вынужденно» дополнительную «информацию к размышлению».

Во-первых, из классика современной американской литературы Эптона Синклера. В его очерке «Автомобильный король» (Гос. издательство худ. литературы, М., 1957) так рассказывается о неизвестных, видимо, «Советской культуре» обстоятельствах, касающихся Генри Форда.

В своем издании «Дирборн Индепендент» Генри Форд публиковал разоблачающие материалы, повествующие о деятельности мировых финансистов-евреев, их целях и формах борьбы против гоев. Касаясь жизни еврейских промышленников в Америке, Генри Форд, в частности, раскопал делишки одного еврея по имени Вильям Фокс. Вилли был крупным «киношным» магнатом, в его распоряжении находилось несколько студий и тысячи кинотеат-

ров, где два раза в неделю давали кинохронику. Узнав о том, что Генри Форд собрал на него «компромат», Вилли направил к Форду гонца, который должен был передать, что Фокс отдал приказ своим операторам ездить по Штатам и снимать аварии фордовских автомобилей. Поскольку массовое производство автомобилей в США было делом, еще требоваашим совершенства, машины Форда часто попадали в аварию. Купленные операторы добросовестно выполняли наказ своего патрона, они производили съемку останков покореженных машин, смаковали подробности гибели пассажиров. Гонец Фокса передал Генри Форду, что его хозяин намерен лично каждую неделю отбирать особо впечатляющие кадры и давать их к демонстрации в хронике. Но мог этого не сделать при кое-каких условиях. Условие Фокс поставил одно — «прекратить нападки на евреев».

Примерно в это же время Форд осознал, что проигрывает судебное дело, грозящее ему 5-миллионным штрафом, которое было возбуждено неким Шапиро, — он обвинил Форда в клевете. Юристы, преимущественно соплеменники Шапиро, всячески затягивали и запутывали процесс. Делать было нечего — и Форд был вынужден признать, что все, написанное в его газете — «уже разоблаченные измышления». Евреи успокоились после того, как Форд публично пообещал им, со своей стороны, «ничего, кроме дружелюбия». Однако, незадолго до своего «покаяния» Г. Форд выпустил автобиографию, в которой писал от первого лица, что американцы должны понять: все негативное, происходящее в жизни страны — духовная и моральная деградация, опошление христианской веры, экономический спад, — не естественный процесс вырождения, а следствие разрушительного вторжения евреев в финансовую жизнь страны.

Форд был вынужден отречься от своего «антисемитизма» по деловым соображениям. Уступать евреям свои деньги он не собирался. А вот то, что он остался на прежних позициях, несмотря на «отречение», подтверждается любопытным фактом: все сношения с внешним миром происходили у Форда через секретаря — Вилли Дж. Камерона, бывшего главного редактора «Дирборн Индепендент». Камерон располагал широкой антиеврейской сетью по всему миру, и Форд через него тоже имел выходы на нее. Якобы «отречение от антисемитизма» у Форда — рассчитанный шаг в большой и хорошо продуманной игре.

Приведем еще цитату — из сборника «Россия и евреи», издававшегося в 20-е годы «Отечественным объединением русских евреев за границей» (Париж, ИМКА — ПРЕСС, 1987 год). Авторы сборника — известные и уважаемые в известных кругах люди — И. Бикерман, Г. Ландау, И. Левин, Д. Линский, В. Мандель и Д. Пасманик.

«Нечего и оговаривать, что не все евреи — большевики и не все большевики — евреи, но не приходится теперь также долго доказывать непомерное и непомерно рьяное участие евреев в истязании полуживой России большевиками, — пишет в статье «Россия и русское еврейство» И. Бикерман. — Обстоятельно, наоборот, нужно выяснить, как это участие евреев в губительном деле должно отразиться в сознании русского народа. Русский человек никогда прежде не видал еврея у власти; он не видел его ни губернатором, ни городовым, ни даже постовым чиновником. Бывали и тогда, конечно, и лучшие и худшие времена, но

русские люди жили, работали и распоряжались кладами своих трудов, русский народ рос и богател, имя русское было велико и грозно. Теперь еврей — во всех углах и на всех ступенях власти. Русский человек видит его и во главе первопрестольной Москвы, и во главе невской столицы, и во главе Красной Армии, совершеннейшего механизма самоистребления. Он видит, что проспект Св. Владимира носит теперь славное имя Нахимсона, исторический Литейный проспект переименован в проспект Володарского, е Павловск — в Слуцк. Русский человек видит теперь еврея и судьей, и палачом; он встречает на каждом шагу евреев, не коммунистов, а таких же обездоленных, как он сам, но все же распоряжающихся, делающих дело Советской власти: она вновь всюду, от нее и уйти некуда. А власть эта такова, что, поднимись она из последних глубин ада, она не могла бы быть ни более злобной, ни более бесстыдной» (с. 22—23).

Приятно читать искреннего человека, будь то яный сионист, русский националист, раввин или старовер!

Но — третье, и пока последнее.

В 1923 году в Москве вышла книга в 31 страницу, подписанная Эрдэ (псевдоним Ракштейна Д. И.). Книга называется «Максим Горький и интеллигенция» и посвящена обвинению Горького в антисоветизме. Автор доказывает, что Горький находится в состоянии шаткости, брожения, неуверенности, и отсюда его неприятие Советской власти. Эрдэ доказывает, что Горький не понял сути Советской власти, что русский крестьянин грязен, невежествен и «Советская» власть должна вычистить «авгиевы конюшни» русской жизни, — по выражению Эрдэ-Ракштейна. (Видимо, этим и занимался комиссар по общественной гигиене Анвельт, названный в реплике И. Савельева.) В качестве доказательства антисоветизма Горького Эрдэ-Ракштейн приводит текст беседы Горького с Шоломом Ашем, опубликованный в одной лондонской газете. Цитирует (с. 22—23):

«А теперь обратимся к беседе Горького с Шоломом Ашем. Этому шовинистическому еврейскому писателю Горький в личной беседе сказал:

«Причина антисоветизма в России — это нетактичность большевиков-евреев. Еврейские большевики, не все, но безответственные мальчишки взялись осквернять святыни русского народа. Они превратили церкви в кинематографы, в читальни, они не считались с чувством народа. Еврейские большевики должны были передать проведение этого дела русским большевикам, но еврейские комиссары тоже взялись за это. Русский человек хитер, скрытен. Он улыбнется вам, сделает дружелюбное лицо, но глубоко в сердце он никогда не забудет, что еврей осквернил его святыню.

Мы должны бороться против этого, во имя будущности евреев в России нужно предупредить еврейских большевиков: держитесь подальше от святынь, принадлежащих русскому народу. Вы способны на другие, более важные и созидательные дела, не вмешивайтесь в дела, которые имеют отношение к русской церкви и к русской душе.

Безусловно, евреи неповинны. Среди большевиков имеется много провокаторов, старых русских чиновников, хулиганов и всевозможных бродяг. Нет сомнения, что провокацией является то обстоятельство, что большевистские вожди послали именно евреев, еврейских беспомощных и безответственных мальчишек

делать это дело. Но евреи должны были воздержаться от этого, евреи должны понять, какой яд они этим впускают в сердца русского народа; они должны были уберечь себя от этого.

Безусловно, — добавил Горький, — находятся среди евреев очень способные люди.

И если бы еврейские большевики взялись за то, к чему они способны, их полюбили бы в России. Теперь же благодаря действиям еврейских мальчишек-большевиков, несмотря на участь евреев столь трагическую, — Россия кричит, что весь еврейский народ осквернил святыни.

Я хотел бы предупредить евреев, чтобы они одумались. Все знают мое отношение к евреям. Предисловие, которое я писал к одной русской книге, посвященной погромам, в которой я заявил, что и Красная Армия приняла участие в погромах, большевистское правительство запретило. В Петербургской синагоге евреи молились за мое здоровье. В России меня считают евреем, как считают евреями всех большевиков с Лениным во главе. Отношение мое к евреям довольно известно, так что я не боюсь заподозрения меня в несправедливости.

Я хочу предупредить часть еврейских большевиков: «Руки подальше от русских святыни!»

Ссылаясь на этот текст, Эрдэ-Ракштейн и доказывает антисоветизм (не антисемитизм, не путать, здесь не опечатка) М. Горького.

Сегодня разного рода либералы-космополиты, не обязательно евреи, пытаются заставить русских забыть многие факты их истории. Они грозят, они вешают ярлыки, они шельмуют. Но чтобы снять напряжение в отношениях между народами, надо не предавать забвению факты, а объяснять их.

Отдел очерка и публицистики

Художественный редактор Г. Комаров

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 13.04.90. Подп. в печ. 24.05.90 А02789.
Формат 84×108 1/32. Бумага кн. журнальная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 21,0. Уч.-изд. л. 19,6.
Тираж 730 000 экз. Заказ 2067. Цена 80 коп.
Типография ордена Трудового Красного Знамени
издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.